

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев
От автора.

Крушение послевоенных режимов в странах Восточной Европы – одно из крупнейших событий мировой истории последних лет. Вряд ли у кого возникают сомнения в том, что разрушение Берлинской стены и последовавшее объединение Германии, «бархатные революции» в Чехословакии и Болгарии, восстание против Н. Чаушеску в Румынии, отстранение от власти коммунистических партий в Польше и Венгрии, распад Югославии – все это составные части, по сути дела, единого процесса, имеющие наряду со специфическими чертами для каждой страны и некую общую основу. Неоспорима их связь с начавшимся обновлением в СССР, хотя распад старой системы в Советском Союзе произошел позднее, чем в восточноевропейских странах, образовывавших внешнее кольцо советского блока.

Эти события никого не оставили равнодушным. Для одних они явились осуществлением скрытых замыслов, для других – крушением надежд и иллюзий, для третьих – подлинной трагедией. Время течет, но интерес к этим событиям не ослабевает.

О политических переворотах 1989–1991 годов в восточноевропейских странах написано довольно много, они еще свежи в нашей памяти. Но пока в тени остается все то, что им предшествовало в «мировой системе социализма», в общественно-политическом развитии и руководстве отдельных стран, во взаимоотношениях Советского Союза со своими ближайшими соседями и союзниками.

Предлагаемая читателю книга и посвящается этим вопросам.

Как секретарь и заведующий отделом ЦК КПСС, отвечавший за связи с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а затем как член Политбюро, входивший в ближайшее окружение М. С. Горбачева, я был участником основных решений и практических шагов в отношениях с соцстранами. Через меня шли многие политические нити взаимодействия с ними, мне привелось в 1985–1988 годах участвовать в подготовке и проведении основных встреч руководителей социалистических стран, заседаний Политического консультативного комитета стран – участниц Варшавского Договора, визитов Горбачева в эти страны, двусторонних встреч и бесед, в том числе конфиденциальных. У меня установились хорошие контакты с партийными и государственными деятелями социалистических стран.

Все это дало возможность построить книгу на уникальном материале. Читатель узнает, какие дискуссии велись в узком окружении Горбачева, в советском руководстве, с руководителями соцстран, как в ходе этих дискуссий выработывались новые подходы к взаимодействию наших стран и партий.

В книге показывается, как непросто складывались отношения между политическими лидерами, мучительно шел процесс освобождения от груза старых представлений и старой психологии, ломалось восприятие КПСС как партии-отца, которая всем руководит, во все вмешивается и за все несет ответственность. Читателю будет интересно проследить, как применялись принципы нового политического мышления в советской внешней политике, как решительно избавлялась она от имперских замашек, методов диктата, вмешательства во внутренние дела, характерных для предшествовавшего периода.

Немалое внимание в книге уделяется попыткам перестройки экономических отношений между странами СЭВ на современных рыночных основах, раскрывается, как рождались новые идеи, как они трудно пробивали себе дорогу, как воплощались в конкретные шаги по перестройке внешнеэкономического механизма Советского Союза и реформированию Совета Экономической Взаимопомощи.

В наиболее обширном разделе книги «Такое многоликое содружество» дается развернутая картина того, как в эти годы развивались отношения Советского Союза с каждой из стран Восточной Европы, как в этих странах менялась общественно-политическая ситуация. Рассказ основан на живых наблюдениях, в нем приводятся выдержки и ссылки на документы, записи конфиденциальных бесед и другие материалы, не опубликованные в печати. Все эти свидетельства

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org позволяют убедиться в том, что отношения соцстран были далеко не безоблачными, а в ряде случаев полными напряжения и драматизма.

Немало страниц в книге посвящено послетитовской Югославии, процессам, приведшим к трагическим событиям в этой стране. С интересом прочтет читатель и главу о советско-кубинских отношениях, о встречах с Фиделем Кастро. Не обойдены вниманием и восточное направление политики советского руководства периода перестройки, наши отношения с Вьетнамом, Кампучией, Лаосом, Монголией, двумя корейскими государствами и, конечно же, с Китаем.

В заключение я попытался осмыслить реальные, а не иллюзорно-идеологические итоги рассматриваемых в книге процессов и событий, их историческое значение.

Конечно же, не все, что произошло в Восточной Европе, впрочем, как и в нашей стране, совпадает с задуманным и ожидавшимся. Было совершено немало ошибок и упущено немало возможностей, многое вызывает чувство горечи. И все же я считаю, что несмотря на все противоречия, сложности, драматические перипетии и даже трагические моменты, главное содержание перемен в странах Восточной Европы лежит в русле исторического прогресса. Народы этих стран получили возможность самостоятельно решать свою судьбу, полнее приобщиться к становлению цивилизации XXI столетия.

Глава первая. От доктрины Брежнева к равноправию и самостоятельности

Тяжелое наследство

В марте 1986 года на XXVII съезде КПСС я стал членом Центрального Комитета партии, а на пленуме ЦК, проведенном в конце работы съезда, по предложению М.С. Горбачева был избран секретарем Центрального Комитета. До этого я в течение двух сроков входил в состав Центральной ревизионной комиссии, что считалось достаточно престижным, но не давало права быть избранным секретарем ЦК или входить в Политбюро.

Для меня и, как мне кажется, для многих других такое избрание не было неожиданным. Ни для кого в ЦК, в руководстве республик, краев и областей не составляло секрета мое тесное сотрудничество с Горбачевым в последние годы в разработке нового политического курса партии. Для себя это решение Михаил Сергеевич принял еще за несколько месяцев до съезда и завел со мной разговор на эту тему. Помню, он посетовал на то, что такой важный участок нашей работы, как взаимоотношения с соцстранами, оказался в запущенном состоянии. Назрело много проблем, которые в свете нового политического мышления требуют неотложного и принципиального решения. От годами складывавшегося стереотипа отношений между соцстранами, основанного на так называемой «коллективной ответственности за судьбу социализма», за которым скрывалось право вмешиваться во внутренние дела, необходимо было избавляться. Нужен был свежий взгляд, чтобы разобрать накопившиеся завалы. «Я считаю, – добавил Горбачев, – что тебе как раз было бы целесообразно заняться этими проблемами».

Критический анализ предшествовавших этапов истории неизбежно подвел нас к необходимости переосмысления того сорокалетнего пути, который был пройден мировым социализмом. Уже в то время было ясно, что и в этой сфере назрели глубокие перемены, без которых невозможно добиться ускорения социально-экономического развития. В дальнейшем по мере углубления в проблематику того, что тогда называлось «мировой системой социализма», открывались все новые и новые симптомы ее тяжелой болезни.

Конечно, было бы неправильным перечеркивать все, что было сделано за этот период. Реальный социализм превратился в мощное международное образование, оказывавшее огромное влияние на мировые дела. Но к концу 70 – началу 80-х годов его развитие приостановилось, что особенно контрастировало с быстрым прогрессом на Западе, да и в ряде новых индустриальных стран.

Суть ситуации та же, что обусловила необходимость перестройки в Советском Союзе: социально-экономическое и политическое развитие натолкнулось на безнадежно устаревшие формы общественной жизни, жесткие авторитарные институты политического руководства, командные методы управления экономикой, попрание демократических норм отношений между государствами.

«Оплот и база мировой революции», Советский Союз распространял свою модель

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org социализма на восточноевропейские и некоторые другие страны. В странах, где были развиты демократические традиции, она прививалась с огромным трудом, вызывая реакцию отторжения, в других государствах приобрела даже гротескные формы. Но везде она стала сильнейшим общественным тормозом, обрекшим на безнадежное отставание и кризис.

Своеобразным слепком с внутренних порядков была и система взаимоотношений соцстран. Все эти десятилетия Советский Союз, наиболее мощное и опытное социалистическое государство, как бы возвышался над другими странами: для них считалось обязательным во всем следовать нашему примеру, рекомендациям, советам. Сложилась система своего рода патерналистских отношений, в которых нам отводилась роль опекуна, высшего судьи, как бы страны и партии – отца. На этой почве у нас самих возникло представление о нашей особой миссии как единственного толкователя и держателя истины, хранителя и защитника марксистско-ленинской теории.

С нашей стороны хотя и провозглашались принципы равноправия и суверенности стран и партий, но на деле они не выдерживались. Мы продолжали судить о действиях друзей только со своих позиций, не учитывая новизны проблем и особенностей каждой страны. Более того, любая их инициатива вызывала подозрение, всячески поощрялось стремление согласовывать все шаги во внутренней и внешней политике, включая кадровые перестановки.

Такая политика плотной опеки, своего рода жесткого прессинга, создала благоприятную почву для субъективистских оценок и действий. Она с самого начала давала определенные сбои в отношениях со знающими себе цену партиями и странами. Отсюда – конфликты с Югославией, а затем и с Китаем, разрыв отношений с Албанией.

Чтобы предотвратить нарастание центробежных тенденций, сохранить послушность своих друзей, пришлось прибегнуть к насильственным методам со ссылкой на коллективную ответственность за судьбы социализма: ГДР – 1953 год, Венгрия – 1956 год, Чехословакия – 1968 год. Во всем этом выразился тот тип отношений, который на Западе стал называться «доктриной Брежнева», хотя такая политика проводилась и до него.

Социалистические страны к этому времени набрали силу, встали на ноги, вышли на широкие международные связи. У народов и руководящих партий возросло национальное самосознание. Со стороны друзей, особенно в последний период правления Брежнева, повторялись заверения в единстве, верности, дружбе, но часто это происходило по инерции и носило лишь ритуальный характер. Подспудно во внутренней и внешней политике развивались другие процессы. Появилось стремление к самоизоляции, самостоятельному решению проблем, к сепаратным действиям на международной арене. Москву все более стали рассматривать как некую консервативную силу, сопротивляющуюся переменам. С нами соглашались, даже благодарили за рекомендации, а делали так, как хотели и считали для себя полезным. Все это, правда, делалось с оглядкой и опаской услышать «начальственный окрик».

Особенно отчетливо негативные процессы и тенденции стали проявляться в экономической сфере. Фактически было утрачено преимущество в темпах экономического развития в сравнении с развитыми капиталистическими странами. Парадокс состоял в том, что в годы, когда научно-техническая революция открывала, казалось бы, новые горизонты, экономическое развитие соцстран замедлилось.

Самое тревожное и опасное то, что мы упустили время по новым важнейшим направлениям научно-технического прогресса, электронике и вычислительной технике, биотехнологии, робототехнике, лазерам, допустили большое отставание по высоким технологиям, хотя в фундаментальных научных заделах, пожалуй, и не отставали.

Немалый вред нанесло копирование опыта советской индустриализации. Считалось, что критерием развития по социалистическому пути является обязательное создание тяжелой индустрии независимо от имеющихся в той или иной стране реальных возможностей. Это породило серьезные диспропорции и перекосы в экономике, толкнуло ее на путь экстенсивного развития. Инерция несла нас все дальше и дальше по этому пути. В результате при сопоставимых количественных параметрах со странами ЕЭС энергоемкость национального дохода в странах СЭВ оказалась в 2 раза выше, материалоемкость в 1,7 раза выше, а общественная производительность труда составила лишь 60% их уровня.

Не находя путей к решению новых задач в рамках СЭВ, некоторые страны начали потихоньку переориентировать экономику на Запад, рассчитывая на доступ к мировой технологии, а главное – на получение кредитов. В результате задолженность соцстран западным кредиторам превысила 100 млрд. долл. К тому же некоторые страны, пользуясь кредитами, стали жить не по средствам, а за это рано или поздно нужно было расплачиваться: сокращать накопления, хотя это приводило к торможению научно-технического прогресса, урезать реальные доходы населения.

Негативные и, можно сказать, уродливые явления стали доминировать и в экономическом сотрудничестве между нашими странами.

В послевоенный период Советский Союз оказывал большую помощь своим друзьям в восстановлении хозяйства, в создании и развитии промышленности, обеспечении техникой, сырьем и топливом, кадрами, кредитами. И это было необходимо и оправданно. Но на этой почве возникли и получили распространение своеобразная психология иждивенчества, иллюзии об особом типе экономических отношений между социалистическими странами, об особом, «социалистическом» плановом мировом рынке. Были даже предприняты попытки разработать собственную «социалистическую» базу цен на товары.

В результате увеличивалась искусственная обособленность от мирового рынка с его жесткими, но эффективными законами торговли. А «особый тип экономических отношений между соцстранами» вылился в обмен топливно-энергетических ресурсов на традиционные для соответствующих стран готовые изделия.

Такая основа экономических отношений СССР с социалистическими партнерами оказалась очень ненадежной. С определенного момента мы лишились возможности наращивать добычу нефти и ее экспорт, а затем произошло их резкое сокращение. К тому же цены на горючее оказались подверженными глубоким колебаниям. Даже при применении средних за последние пять лет мировых цен контрактная цена на нефть вначале поднялась с 70 до 180 руб., а затем к концу 80-х годов упала до 80 руб. По этой причине большинство соцстран оказалось в должниках Советского Союза, а затем СССР задолжал по товарообороту соцстранам около 20 млрд. руб.

Но дело не только и не столько в этом, а прежде всего в том, что преимущественный обмен готовой продукцией – это вчерашний или даже позавчерашний день международных экономических отношений. Современная продукция, особенно машиностроительная, сегодня настолько многосложна, требует такого разнообразия технологий, что даже крупные капиталистические корпорации не стремятся изготавливать у себя все и вся, предпочитают широкую кооперацию. Высший технический уровень на основе только национального потенциала ныне обеспечить просто невозможно. Покупают все лучшее, что имеется у других фирм, независимо от национальных границ. В странах же СЭВ по-прежнему господствовало стремление производить даже сложные виды продукции в одиночку или, во всяком случае, иметь у себя выпуск конечной продукции.

Такой подход неизбежно вел к отставанию, топтанию на месте. Отсюда и невысокий удельный вес внешнего рынка в производственных связях, низкие темпы товарооборота между странами. Ведь в Западной Европе производственная кооперация дает 40–50% общего объема торговли. У нас же эта доля не превышала 4–5%.

Более того, появилась тенденция отставания темпов роста взаимного товарооборота социалистических стран от роста валового общественного продукта и особенно промышленной продукции, что свидетельствовало об ослаблении производственной кооперации.

Постепенно накапливались проблемы и в военно-политической сфере. Разрядка напряженности в отношениях между двумя блоками, ее первые результаты и открывающиеся перспективы требовали нового подхода к таким проблемам, как размер расходов на оборону, пребывание советских войск на территории других стран, характер и роль Организации Варшавского Договора.

Отдельные страны все более настойчиво жаловались на чрезмерность военных расходов, в том числе на приобретение оружия. Предпринимались зондажи, в первую очередь со стороны Венгрии, по поводу сокращения советского военного

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org присутствия. Польское и чехословацкое руководство каких-либо шагов не делало, но и там зрели подобные настроения. В этих странах, а в первую очередь в ГДР, где находилась наиболее мощная советская военная группировка, участились локальные конфликты, связанные с пребыванием наших войск.

Таким образом, какую сферу отношений между соцстранами ни возьми, везде накапливались серьезнейшие проблемы, надвигалась необходимость крутых перемен.

Ситуация усложнилась тем, что во всех странах Восточной Европы, кроме Польши, наступил период естественной смены руководителей, Основной их круг сформировался два-три десятилетия назад в принципиально иной обстановке. Да и элементарный возрастной фактор сказывался все сильнее. Уже само по себе это превратилось в источник острейшего общественного недовольства.

Особенно заметным было засилье геронтократии в Советском Союзе. С середины 70-х годов Л.И. Брежнев фактически не мог выполнять даже основные свои обязанности, а именно в этот период объективно требовались огромные усилия во внутренней и внешней политике. То же самое следует сказать и о кратковременных периодах правления Ю.В. Андропова и К.У. Черненко. По Москве ходила злая шутка, что, дескать, престарелые члены Политбюро действуют по принципу: «Умрем все генсеками».

Стала сказываться нерегулярность общения руководителей союзных государств и братских партий. С 1981 года по апрель 1985-го практически не было визитов высших руководителей СССР в социалистические страны. Контакты с ними в течение ряда лет подменялись так называемыми крымскими встречами, да и они страдали формализмом: монологи с нашей стороны и своего рода формальные отчеты руководителей братских партий – с другой, без заинтересованного, живого обсуждения реальных проблем.

Одним словом, и на этом направлении складывалась довольно безотрадная картина.

Конечно, когда Горбачев предложил мне возглавить этот участок работы, детальным анализом его состояния мы не располагали. Лишь в принципе было ясно, что предстоит работа огромного масштаба и значения.

Таинственный отдел ЦК

Должен заметить, что по своим интересам я всегда был «внутренником», тяготел к проблемам экономики, науки, идеологии и готов был продолжать свою деятельность в качестве руководителя Отдела науки и учебных заведений ЦК. Но вместе с тем возразить Горбачеву было трудно, поскольку знание проблем экономики, политики и идеологии как раз и давало необходимые рычаги работы на новом направлении. Да и в отношениях с социалистическими странами я был не новичок: в большинстве из них бывал в составе партийных делегаций, довольно неплохо знал кадры, особенно по работе в Академии общественных наук, где прошли обучение или краткосрочные курсы многие руководящие работники соцстран.

Я тогда заявил Горбачеву, что предпочел бы работать на прежнем направлении, но не стал категорически возражать против его предложения, имея в виду, что впереди, до съезда, довольно много времени и еще будет возможность вернуться к этому вопросу. Но Горбачев, по-видимому, считал для себя вопрос решенным. Он стал втягивать меня в сферу отношений с соцстранами. В частности, взял с собой в Софию на совещание Политического консультативного комитета стран – участниц Варшавского Договора в октябре 1985 года, в рамках которого состоялась рабочая встреча высших руководителей стран – участниц ОВД, а затем я принимал участие в мероприятиях официального визита Горбачева в НРБ.

Уже тогда в Софии, особенно на узкой встрече руководителей, Горбачевым были сформулированы некоторые основные идеи и новые подходы к взаимоотношениям между социалистическими странами. Я помню, что за несколько дней до отъезда в Софию Горбачев приехал в Волыньское, где мы в обычном составе, то есть А.Н. Яковлев, В.И. Болдин, Н.Б. Биккенин и я, работали над подготовкой очередного пленума ЦК. Горбачев был возбужден и расстроен: через день-два надо отправляться в Софию, а отдел представил материалы в традиционном стереотипном духе, совершенно неприемлемом особенно для узкой,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
доверительной встречи высших руководителей.

Трудно винить в этом работников отдела, среди которых были и весьма квалифицированные, творчески мыслящие люди, да и заведующего отделом секретаря ЦК К.В. Русакова. Они были весьма далеки от выработки новой политической линии и не предполагали, что и в сфере отношений с соцстранами грянут глубокие перемены, действовали в значительной мере по инерции. Материалы для софийской встречи были облачены в добротную, даже элегантно-литературную форму, но не отличались ни новизной, ни остротой постановки вопроса.

Горбачев пригласил меня и Яковлева прогуляться по аллеям Волинского парка, и во время этой прогулки была обсуждена и сформулирована некая сумма идей, касающихся этой приоритетной сферы внешней политики, а затем в течение одного дня они были оформлены в виде материала для предстоящей «узкой» встречи Горбачева с его коллегами по Варшавскому Договору.

В этой встрече участвовали только главы делегаций. Горбачев, как ее инициатор и первый «забойный» оратор, правда, пригласил и меня. По-видимому, он хотел показать, кто в ЦК КПСС будет заниматься проблемами соцстран.

Горбачев выступал примерно 35-37 минут, другие ораторы – по 10- 20 минут каждый. Имея в виду, что письменная основа для выступления Горбачева была, я его не записывал. Но Горбачев придерживался лишь основной логики этого материала, да и вся встреча шла в свободном разговорном стиле. Протокола не велось, и, как мне помнится, не делалось никакой записи. Вот некоторые положения из выступления Горбачева, воспроизводимые мною по памяти с учетом предварительно подготовленного материала.

Социалистическому содружеству предстоит в предельно сжатые сроки решить одновременно ряд крупных задач, резко ускорить свое социально-экономическое развитие. Достичь же этого можно лишь на основе всемерной мобилизации материальных и духовных ресурсов каждой страны и подъема на новый качественный уровень социалистической экономической интеграции...

Нельзя не видеть того, что в последнее время интеграционные процессы у нас затормозились. Дело в том, что их экстенсивная основа – обмен советского сырья и топлива на готовую продукцию братских стран – в основном исчерпана, а интенсивные факторы не приведены в действие...

В специализации и кооперации производства мы топчемся на месте, а кое в чем даже сдаем позиции, не видя за сиюминутными грошовыми выигрышами крупный народнохозяйственный эффект. Чтобы придать этому процессу необходимый импульс, надо открыть дорогу для прямых связей предприятий, ускорить организацию совместных научно- производственных центров, сдвинуть с мертвой точки и вопрос о ценах на кооперированные поставки...

Особого внимания требует к себе научно-техническое сотрудничество социалистических стран. В странах СЭВ трудится третья часть всех научных работников мира, но мы серьезно уступаем Западу в том, что касается практической отдачи научных исследований, и этот недостаток приходится восполнять закупками техники и технологии. Вывод может быть один – объединять свои силы, максимально использовать внутренние ресурсы, не отказываясь, разумеется, от активного участия в международном научно-техническом сотрудничестве...

На все это надо нацелить и работу СЭВ, осуществить серьезные изменения в структуре, стиле и методах его деятельности, устранить бюрократические рогадки, сделать динамичным механизм принятия решений. Мы могли бы поручить своим правительствам принять в будущем году меры по всему комплексу вопросов совершенствования деятельности СЭВ...

Если говорить о Советском Союзе, то мы хорошо сознаем свою роль и свою ответственность за положение дел в социалистическом содружестве. СССР несет нелегкую ношу расходов на оборону, большую, притом растущую, помощь оказывает крайне нуждающимся в этом Вьетнаму, Кубе, Монголии, другим развивающимся государствам. Она выражается ежегодно в сумме более 10 млрд. руб.

Товарищи знают, что у нас сократилась добыча нефти. Чтобы выполнить свои

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org обязательства перед братскими странами по ее поставкам, пришлось пойти на существенное уменьшение экспорта нефти на Запад. В результате мы недополучили более 3 млрд. долл. Все это не может не отражаться на осуществлении наших социально-экономических программ. Известно, что СССР по ряду показателей жизненного уровня населения отстает от большинства европейских социалистических стран. Мы воспринимаем проблемы соцстран как свои собственные, но вправе рассчитывать на такой же подход с их стороны.

У себя в стране мы все более убеждаемся, что ускорение экономического развития, быстрый прогресс в науке и технике возможны только при качественном улучшении всей системы хозяйствования. Готовимся к перестройке организационных структур на основе расширения самостоятельности и ответственности предприятий. Будем устранять посреднические звенья, расширять права местных органов власти, уже в недалеком будущем имея в виду создать единую целостную систему управления экономикой, нацеленную на интенсивное хозяйствование...

Мы на себе все более ощущаем, сколь действенным орудием мобилизации масс является гласность в работе всех партийных и государственных органов, начиная с ЦК и Политбюро. Ликвидированы так называемые запретные для критики зоны. Люди стали чувствовать себя более раскованно, острее реагируют на недостатки, подсказывают пути решений сложных проблем. Они не только одобряют, но и прямо требуют, чтобы мы продолжали взятый курс...

Конечно, большинство вопросов, о которых идет речь, не решить, что называется, за один присест, но они уже сегодня могли бы быть переведены в плоскость практических дел. Другие нуждаются в основательной теоретической проработке. К их разрешению было бы, наверное, правильным подключить существующий разветвленный механизм нашего сотрудничества по партийной и государственной линиям, по линии СЭВ, наших академий наук и других учреждений...

Софийское заседание ПКК – первое, в котором Горбачев участвовал как руководитель советской делегации. А встреча с руководителями соцстран вдохнула новую жизнь, влила свежую струю в затхлую атмосферу, царившую в последние годы в клубе их высших лидеров. Я видел, какое большое впечатление доверительный тон, острая постановка вопросов, откровенность и открытость со стороны Горбачева произвели на его коллег.

Эти люди умеют скрывать свои чувства. Но думаю, что их реакция была неодинаковой – у одних искреннее чувство удовлетворения, что в Советском Союзе появился динамичный, современный руководитель, у других – ревность, у третьих – настороженность и беспокойство. В одном, пожалуй, они сходились: все поняли, что имеют дело с неординарным руководителем. Это был своеобразный старт нового мышления, зарождение реальной ткани отношений между соцстранами.

Для меня софийская встреча имела огромное значение, сразу же введя в круг сложнейших проблем в этой сфере и показав реальный механизм взаимодействия.

К разговору о моем переходе на новый участок работы до съезда Михаил Сергеевич так больше и не возвращался. А само избрание на пленуме ЦК произошло довольно прозаично. Моя кандидатура в числе других была предложена Генеральным секретарем ЦК, причем без обозначения того, чем каждому из секретарей ЦК предстоит заниматься. В отношении тех, кто и раньше работал секретарями, – В.И. Долгих, Л.Н. Зайкова, М.В. Зимянина, Е.К. Лигачева, В.П. Никонова, – вопросов не возникало, а в том, что касалось новых кандидатур – А.П. Бирюковой, А.Ф. Добрынина, Г.П. Разумовского, А.Н. Яковлева и моей, оставались неясности. За всех нас пленум ЦК проголосовал единогласно.

После окончания работы пленума посыпались поздравления. Шутка ли сказать, одним махом ты возносишься на огромную высоту – на уровень так называемого политического руководства страны. Это двадцать с небольшим человек – членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК, принимавших «в последней инстанции» решения по важнейшим вопросам жизни страны.

Так сложилось в условиях «руководящей роли КПСС», что секретарь ЦК, курирующий тот или иной участок работы, обладал наивысшими полномочиями и властью в этой области, был подотчетен в практической работе лишь Секретариату, Политбюро и Генеральному секретарю ЦК КПСС. Его «советы» и

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org «рекомендации» фактически имели силу указания для всех должностных лиц, не являющихся членами и кандидатами в члены Политбюро, включая министров и даже заместителей главы правительства, руководителей государственных и общественных организаций, не говоря уж о местных органах. Секретари ЦК держали в руках такую ключевую позицию, как подбор и расстановка кадров, от них полностью зависели судьбы людей, их продвижение по служебной лестнице.

Неудивительно, что на нового секретаря ЦК был обрушен шквал поздравлений и признаний. К праздникам я стал получать многие сотни поздравительных открыток, большая часть из них от людей, с которыми вообще никогда не встречался.

Забегая вперед, скажу, что число поздравлений еще более возросло, когда я стал членом Политбюро, а после того как перестал им быть, резко, до нескольких десятков, упало. Такова цена этим излияниям чувств.

Что еще бросилось в глаза, так это немедленное появление всего секретарского служебно-жизнейского антуража. После закрытия пленума было сказано, что не надо возвращаться в зал, а следует пойти в комнату Президиума. Выход – через особый подъезд. Там уже в длинной очереди ожидал сверкающий лимузин – ЗИЛ-«членовоз». Тут же Плеханов – начальник 9-го управления КГБ – представил офицера охраны, оговорившись, что это на первое время, а потом посмотрите: если что-то будет не так, заменим. Таким образом, я превратился в «охраняемого». Кстати говоря, приставленный ко мне тогда майор, а затем подполковник Е.А. Ситников оставался со мной в этом качестве, и когда я стал членом Политбюро, а затем и членом Президентского совета.

Обедать на работе надо было уже не в общей столовой, а из особой кухни, находившейся в распоряжении той же «девятки». Сообщили, что подбирают и дачу. Откровенно говоря, я и мои близкие с большой неохотой покидали дачный поселок Успенское, где мы занимали половину дома. Сказывались пятнадцатилетняя привычка, сложившийся круг общения и т.д. Но опять услышали: «надо», «нас не поймут», «нет связи» и т.д. Оказалось, что в «антураж» входят сестра-хозяйка дачи и горничная, кухня с поварами. Причем все это было выстроено в целую систему, нарушить которую было просто трудно. Вот одна деталь. К большим праздникам на все начальственные дачи присылались «дары леса» из Завидова – крупные куски лосиных и кабаньих туш, субпродукты. Помню, накануне 1 Мая, когда дача нам еще не была «выделена», мне позвонила на работу жена и сообщила, что на городскую квартиру, где мы жили, привезли большие оковалки мяса: «В холодильник они не влезают, загромождают кухню, и я в панике – что с ними делать?» Приехав вечером домой, я убедился, что действительно возникла целая проблема. Пришлось потратить немало усилий, чтобы повернуть это маленькое колесико большой машины вспять и отправить «дары леса» обратно, в недра 9-го управления.

А вот служебный кабинет у меня в течение некоторого времени оставался прежним. На следующий день я, как обычно, вышел на работу в Отдел науки, ожидая каких-то указаний от руководства, ведь в отношении моей новой работы разговор так и не возобновлялся. И хотя я подразумевал, что избрание секретарем ЦК предполагает мою работу по новому направлению, но полной уверенности все же в этом не было. Да и как я мог появиться в новом отделе без какого-то решения или указания сверху, а их в течение двух-трех дней не было. Я принимал поздравления, а на вопрос о том, чем буду заниматься, отвечал уклончиво. Хотя Русаков еще до съезда подал в отставку и уже не работал, но в составе секретарей остался Зимянин, и многие предполагали, что с учетом его работы в МИД, послом в двух социалистических странах ему может быть поручено это направление, а Медведев останется на прежнем.

Но планы у Горбачева не изменились, и наконец на третий или четвертый день, сейчас я уже точно не помню, он сказал мне, что надо переключаться на проблематику соцстран, переходить в другой отдел. Решением Секретариата было оформлено и назначение меня на должность заведующего отделом с очень длинным официальным названием Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В обиходе его просто называли Отделом ЦК, и все понимали, о чем идет речь.

После этого указания Генсека я, не дожидаясь какого-то официального представления, вышел на работу в новый отдел, то есть перешел из 6-го подъезда ЦК в 3-й и занял кабинет, который месяца два тому назад оставил К.В. Русаков.

Об отделе, в который я попал, стоит сказать несколько слов. В свое время он выделился из Международного отдела ЦК, а тот был сформирован на базе Коминтерна после его ликвидации в 1943 году. Первым заведующим Международным отделом ЦК ВКП(б) был Г.М. Димитров. А затем в течение длительного периода отделом руководил Б.Н. Пономарев. Это был, по сути дела, Коминтерн в миниатюре с несколько измененными функциями и новой вывеской. Из него-то вскоре после венгерских событий 1956 года и выделился Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Отдел возглавил Ю.В. Андропов, который одновременно стал и секретарем ЦК. Собственно, с его именем и было связано становление этого направления деятельности ЦК. Андропов привлек в Отдел ЦК немало интересных людей. В консультантской группе отдела тогда работали Г.А. Арбатов, О.Т. Богомолов, Г.Х. Шахназаров, Ф.М. Бурлацкий, Н.В. Шишлин. Со многими сотрудниками отдела Андропов поддерживал связь и после того, как был назначен председателем КГБ. Из отдела в КГБ были взяты В. А. Крючков, Ю.С. Плеханов, В.В. Шаратов и многие другие работники.

При Андропове и некоторое время после него Отдел ЦК был весьма авторитетным подразделением и одним из центров притяжения интеллектуальных сил и творчески мыслящих людей. Но постепенно, особенно в последний период брежневского правления, он стал утрачивать эти свои позиции.

Отдел превратился в орган курирования соцстран и проведения жесткой брежневской линии. Главной заботой стали слежение и контроль за положением дел в отдельных странах, за настроениями в руководстве, обнаружение криминалов, отклонений от общей линии. Разросся и аппарат отдела, в котором доминировала не проблемная, а страновая структура. Практически на каждую страну приходился свой сектор. Ничего удивительного не было в том, что тон стали задавать закоренелые аппаратчики, а усилия небольшой группы самостоятельно мыслящих людей оказывались не востребованными.

Все это в принципе было мне известно, поскольку и раньше приходилось сотрудничать с отделом. Знал я и многих его работников, особенно из руководящего состава. Для меня была ясна необходимость серьезной реорганизации, но, конечно же, начинать надо было с разработки общей концепции перестройки отношений между соцстранами.

Начальные импульсы и идеи на сей счет уже были высказаны Горбачевым на рабочей встрече руководителей «семерки» в Софии, но они касались главным образом экономических аспектов отношений. На XXVII съезде КПСС были сформулированы некоторые общие посылы нового политического мышления. Надо было их применить к соцстранам, разработать новую современную концепцию взаимоотношений с ними. Такая задача и была поставлена мною перед отделом. Были даны поручения Институту экономики мировой социалистической системы (О.Т. Богомолову), Академии общественных наук (Ю.А. Красину и Б.М. Пугачеву), ряду ученых на персональной основе.

Началась интенсивнейшая работа, в которой самое активное и плодотворное участие приняли такие работники отдела, как Г.Х. Шахназаров, О.К. Рыбаков, Р.П. Федоров, М.В. Антясов, Б.Н. Ладыгин, Ю.Н. Мушкатеров, Г.С. Остроумов. Я бы сказал, на глазах стало формироваться творческое, перестроечное ядро отдела.

В начале апреля состоялось развернутое обсуждение задач, вытекающих из решений XXVII съезда КПСС, на партийном собрании отдела. В моем докладе, в частности, было сказано следующее:

«Несомненно, что в развитии соцстран и их взаимодействии мы переживаем переломный период, что вызывает необходимость серьезной перестройки содержания и форм нашей работы...

Соцстраны вышли из младенческого возраста, выросли из «коротких штанишек», а мы по инерции продолжаем к ним относиться, как родители к великовозрастным детям. Многие из них, почувствовав себя взрослыми в одних отношениях, не сумели избавиться от иждивенческих настроений в других. Перестройка наших с ними отношений, форм, методов работы – органическая составная часть политического курса XXVII съезда. Она призвана открыть новый простор и создать новые стимулы развития социализма как международной

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org системы...

Надо внимательно анализировать процессы развития соцстран, но не для того, чтобы выявлять различного рода криминалы и отклонения, а для совместного поиска оптимальных решений. Нам ни в коем случае не следует вставать в позу высшего судьи, который все видит и все знает, ибо это далеко не так. Ведь мы и у себя еще только нащупываем пути решения собственных проблем...

Критерием в оценке процессов, происходящих в соцстранах, конкретных шагов, мер должны быть не какие-то умозрительные стереотипы и тем более предрассудки, а реальная эффективность – ускорение социально-экономического развития, укрепление социализма на деле...

...И конечно же, взаимная выгода, сбалансированность должны управлять экономическими отношениями. Тут требуется свежий, непредвзятый анализ даже тех проблем, которые уже вроде бы устоялись. Например, пятую часть своего хлопка мы поставляем в социалистические страны. Для этого используется большой массив ценнейших земель с огромными вложениями и довольно сложными экологическими проблемами. На этих землях можно было бы получить значительное количество зерна и продуктов животноводства, которые мы покупаем на мировом рынке, в том числе и для поставки в хлопкосеющие районы. Между тем цены на хлопок упали почти вдвое. Не выгоднее ли было бы для всех закупать хлопок соцстранам на мировом рынке, а высвободившиеся у нас земли использовать для производства зерна, мяса, молока, сократив закупки на мировом рынке?...

Предстоит в кратчайшее время разработать конкретные предложения об экономическом механизме внешнеэкономических связей, создать сильнодействующие экономические рычаги через цены, кредит, использование валютной выручки, снять искусственные преграды во взаимных поездках людей. Нужен перелом в самой психологии хозяйственных руководителей, чтобы связи с партнерами из соцстран рассматривались не как некая дополнительная нагрузка, а как составная часть хозяйственной деятельности...

Нуждается в серьезном углублении и расширении информация о жизни социалистических стран. В печати, теле- и радиопередачах преобладает довольно скудная, фактологическая информация, причем сугубо положительного характера. Тем самым создается неадекватное, парадно приукрашенное представление о ситуации в соцстранах, отличающееся даже от оценок, которые даются самими партиями этих стран. И вдруг, как снег на голову, сваливаются сообщения о критических ситуациях в тех или иных странах».

В заключение были изложены некоторые соображения о стиле и методах работы отдела. Мы должны работать не от поручения к поручению (которые, конечно, должны своевременно и хорошо выполняться) и не от визита к визиту (они тоже должны хорошо готовиться). В работе отдела нужно повысить удельный вес аналитических функций, глубокого изучения экономических, политических и идеологических проблем мирового социализма, больше сопрягать их с решением наших внутренних проблем, постоянно осуществлять проекцию опыта братских стран на нашу практику, так же как и рассмотрение их проблем сквозь призму нашего опыта.

Работа над концепцией в отделе продолжалась. Несколько раз подготовленные промежуточные материалы подробно обсуждались с Горбачевым, уточнялись и принципиальная постановка вопроса, и аргументация, и выводы, и предложения. Состоялось еще одно крупное обсуждение этих проблем на партийном собрании отдела по итогам июньского пленума ЦК.

Всю последующую работу я стремился вести так, чтобы каждый работник мог проявить себя, старался не отталкивать никого и никого не записывать в догматики и консерваторы. Но вольно или невольно стали проявляться бесплодность и пустоцветность тех людей, которые придерживались брежневских стереотипов и которые сводили свою деятельность к так называемой «оперативке», а главную задачу видели в том, чтобы блюсти идеологическую верность, пресекать крамолу.

Именно на этой почве совершенно неожиданно для меня возникли проблемы с первым заместителем заведующего отделом О.Б. Рахманиным. Я знал его не менее полутора десятков лет и только с хорошей стороны как человека активного, авторитетного, интеллигентного, пишущего. У него было несколько книг, в основном по проблемам Китая, в том числе по его истории и культуре,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org написанных порой живо и интересно.

Первое, что меня удивило и поразило уже в самом начале совместной работы, – это то, что он сам не писал и по существу не редактировал подготавливаемые в отделе материалы, а просто руководил другими. Я думал, что он держит в запасе свои творческие и писательские возможности для более серьезных случаев. Я несколько раз настойчиво просил его поработать самому. Но оказывалось, что и тут он все это перепоручал другим и представлял мне бумаги, написанные практически без его вмешательства, хотя оно было необходимым.

Тогда я вынужден был заметить, что передаточные инстанции мне не нужны: лучше непосредственно иметь дело с тем, кто готовит материал, обсуждать с ним существо проблемы, доводить материал до необходимой кондиции.

В общем я столкнулся с типичным случаем аппаратной работы, а точнее сказать – с примером организаторской суеты и творческого бесплодия. Как он писал свои книги?

Но главное было в другом. Не менее неожиданным для меня оказалось то, что в понимании отношений между соцстранами и более общих вопросов мировой ситуации Рахманин был глубоко привержен простым, но безнадежно устаревшим стереотипам прошлого. Это проявилось в его большой статье в «Правде» за подписью Владимирова, которая получила негативную оценку в международных кругах. Он по-прежнему занимал довольно жесткую позицию в китайском вопросе, по инерции повторяя стереотипы о китайском гегемонизме и шовинизме, о его антисоветской политике, великодержавных устремлениях Пекина. Такого рода формулами и пассажами была оснащена его книга о советско-китайских отношениях, изданная уже в 1984 году.

По существу он сконцентрировал вокруг себя аппаратно-догматическую часть отдела, державшуюся прежних представлений и прежних методов работы. Получилось так, что основную содержательную, творческую нагрузку несли в отделе несколько человек во главе с Шахназаровым, а распорядился всеми Рахманин. Мне говорили, что так было и при Русакове.

Ненормальность такого положения я счел необходимым быстро исправить. Примерно через два месяца я попросил Горбачева разрешить ввести еще одну должность – первого заместителя заведующего отделом и утвердить на нее Шахназарова, что и было сделано решением Секретариата ЦК.

Деятельность Рахманина была ограничена восточным направлением, а Шахназарову поручены вопросы европейских соцстран и общеполитические проблемы.

Это решение было промежуточным. Еще через несколько месяцев, естественно, после предварительного согласования с высшим руководством, я имел с Олегом Борисовичем крайне неприятный для меня, но оказавшийся необходимым разговор о прекращении его деятельности в отделе. Вначале ему было предложено перейти на работу в Институт общественных наук, и он было согласился в этом. Но через несколько дней он попросил оформить перевод на пенсию. Все это я стремился сделать так, чтобы не травмировать в общем-то заслуженного человека, ветерана войны, проявить к нему внимание в чисто человеческом отношении, хотя, конечно, вряд ли это удалось в полной мере.

Говоря об изменениях в Отделе ЦК, не могу не упомянуть о том, что удалось в какой-то мере поломать и давнюю традицию холодных, а порой неприязненных отношений отдела с коллегами из МИД и Международного отдела ЦК.

Интенсивный обмен мнениями по проблемам взаимоотношений с соцстранами шел у нас с Шеварднадзе. Он выявил практически полное совпадение позиций по принципиальным аспектам. Первая такого рода беседа состоялась в Отделе ЦК. Эдуард Амвросиевич, с которым мы были давно и хорошо знакомы, сам выразил желание приехать в отдел. Этот жест имел большой смысл. Ведь раньше и в голову никому бы не пришло, чтобы Громыко мог приехать в Отдел ЦК для встречи с рядовым секретарем. Состоялась откровенная и содержательная беседа, в которой я раскрыл свои соображения по концептуальным вопросам, а Шеварднадзе рассказал о своих планах реорганизации МИД, в том числе и по социалистическому направлению. И в дальнейшем с Шеварднадзе у нас поддерживался добрый, товарищеский контакт, не говоря уже о том, что по коренным проблемам перестройки в ходе их обсуждений на Политбюро мы, как

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
правило, выступали в одном ключе.

Хороший уровень взаимопонимания установился и по кадровому вопросу. В прежние годы послов в соцстраны подбирали и предлагали Генсеку Отделы заграничных ЦК и МИД, часто без участия Отдела ЦК. Формально это мотивировалось тем, что эти люди особо доверенные, что их подбор – прерогатива Генерального секретаря, а фактически свидетельствовало о низком авторитете Отдела ЦК и его руководителя.

Эта традиция была сломана, прежде всего благодаря тому, что без совета со мной Генсек не принимал решений по этому вопросу. Соответствующим образом стали поступать и заведующий Отделом заграничных ЦК С.В. Червоненко, и, конечно же, работники МИД.

Впрочем, взаимоотношения с МИД не были беспроблемными. И это вытекало из специфики соцстран, где официальными главами государств были руководители партий и на практике было трудно отделить межпартийные отношения от межгосударственных. Поскольку первые находились всецело в ведении ЦК, то центр тяжести регулирования отношений между странами перемещался в ЦК (в Отделе ЦК для этого было все, даже своя служба протокола), а функции МИД автоматически оттеснялись в область внешнеполитических проблем, рутинных межгосударственных вопросов.

Вначале это не сказывалось на работе, но постепенно, по мере того как МИД набирал силу, стало все более отчетливо проявляться его стремление взять на себя основные нити отношений с соцстранами.

В принципе с учетом перспективы разделения партийных и государственных функций МИД был прав, но реальное положение вещей пока не давало возможности для отказа от прежней практики. Кроме того, тут сказывались и привходящие моменты, и чем дальше, тем больше стремление МИД к тому, чтобы быть во всех внешних делах высшей инстанцией, то есть выходить прямо на Политбюро и Генерального секретаря, минуя даже правительство, не говоря уж об отделах ЦК. Здесь уже логики не было.

С приходом А.Ф. Добрынина и моего к руководству международными отделами ЦК была нарушена давняя нездоровая традиция и во взаимоотношениях этих отделов, порожденная, скорее всего, престижно-аппаратными соображениями, соперничеством за влияние в высшем эшелоне руководства.

По моим наблюдениям, Добрынин, хотя и не терял бодрости духа, оказался в сложном положении. До этого Международный отдел занимался почти исключительно партиями и движениями. Генсек решил переориентировать отдел на общие проблемы международной политики. Но Международный отдел к этому абсолютно не был готов, старый груз тянул на наезженную колею, к привычной возне с многочисленными мелкими партиями, не игравшими, по существу, никакой политической роли. А в разработке и тем более осуществлении внешней политики царил МИД. По этой причине новый Междотдел так и не нашел себя. Но у нас с Добрыниным сложился хороший контакт. Мы с ним регулярно встречались и обсуждали общие проблемы, вместе участвовали в ряде международных совещаний, готовили совместные материалы для Политбюро и т. д.

Изменения в характере и направленности работы Отдела ЦК, происшедшие после XXVII съезда КПСС, не оказались незамеченными и за рубежом. Вот что писал, например, американский профессор Чарльз Гати, посетивший в январе – феврале 1987 года шесть восточноевропейских стран, в статье «Горбачев и Восточная Европа», опубликованной в журнале «Форин афферс», 1987, № 5:

«Начиная с прошлой осени советское отношение к восточноевропейским нововведениям стало более благожелательным – тенденция, нашедшая отражение в кадровых изменениях на ключевых постах советской иерархии. Новый секретарь Центрального Комитета, возглавивший отдел социалистических стран, авторитетный экономист и представитель академических кругов Вадим Медведев назначил своим заместителем вместо известного критика реформ венгерского типа Олега Рахманина Георгия Шахназарова, политика и теоретика, заявившего о себе своими воззрениями в защиту идей самоуправления, проповедовавшихся им задолго до того, как они стали частью программы Горбачева. Это были хорошие новости для восточноевропейских сторонников реформ и ударом для деятелей типа Басила Биляка из Чехословакии».

Думаю, автор этого высказывания правильно уловил суть изменений,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org происшедших на этом направлении политики нового советского руководства.

Новые подходы и первые шаги

К лету 1986 года в результате коллективной работы был сформирован основной круг идей, касавшихся перестройки отношений между соцстранами. Он нашел свое воплощение в записке Горбачева в Политбюро ЦК КПСС «О некоторых актуальных вопросах сотрудничества с соцстранами», которая явилась предметом специального обсуждения на заседании Политбюро летом 1986 года.

В записке в сжатой форме был дан острокритический анализ положения дел в «социалистическом содружестве». А общий вывод был сделан такой: нужен подлинный перелом во всей системе сотрудничества с союзниками, со всеми государствами мирового социализма. Это полностью отвечало бы идеям, духу решений XXVII съезда КПСС, новому политическому мышлению.

Вот некоторые положения этой записки:

– всю систему политических отношений строить на основе подлинного равноправия и взаимной ответственности; необходимы самостоятельность партии, ее право суверенно решать вопросы развития страны, ответственность перед своим народом; никто в содружестве не может претендовать на особое положение; нельзя вести дело без учета специфических интересов каждой стороны и общих интересов содружества, без уважительного отношения к друзьям и союзникам;

– в экономических отношениях последовательно проводить принципы взаимной выгоды и взаимной помощи; последовательно переходить от чисто торговых связей к широкой производственной кооперации; осуществить коренную перестройку механизма экономического сотрудничества, сосредоточить работу СЭВ на согласовании экономической политики и создании организационных валютно-финансовых и правовых условий для широкого развития прямых связей, объединения научных и проектно-конструкторских предприятий, создания совместных фирм;

– серьезно усовершенствовать и резко активизировать внешнеполитическое сотрудничество; не по форме, а по существу учитывать мнения друзей, их интересы во всей нашей политике; открыть широкий простор для проявления внешнеполитических инициатив и действий на коллективной согласованной основе;

– в центр всего идеологического сотрудничества поставить обмен опытом социалистического строительства, его совместное изучение и обобщение. При этом высшим судьей принимаемых решений, осуществляемых действий является не позиция одной какой-то партии, а общественно-политическая практика, ускорение социально-экономического развития, укрепление социализма на деле.

Записка Горбачева была обстоятельно обсуждена и в принципе одобрена как важный документ, определяющий параметры одного из важнейших направлений советской внешней политики. Политбюро признало необходимым выступить с инициативой рассмотреть эти вопросы на встрече высших руководителей стран – членов СЭВ.

Такая встреча состоялась в Москве в ноябре 1986 года. Она носила откровенный, доверительный характер. При обсуждении этих вопросов со стороны Горбачева была проявлена немалая деликатность или, я бы даже сказал, щепетильность, чтобы не дать малейшего повода для обвинения в попытках диктовать свою волю, навязывать свое представление по вопросам, которые касались не только нашей страны. И тем не менее разговор был настолько острым, затрагивал столь деликатные вопросы, что решили ограничиться общим сообщением для печати. Более подробная информация для нашего партийного актива была опубликована лишь в закрытом информационном бюллетене ЦК КПСС.

По этим же мотивам Горбачев после непростых размышлений не счел возможным опубликовать свою статью по проблемам взаимоотношений между социалистическими странами. Вносилось также предложение обсудить эти вопросы ввиду их политической важности на ближайшем пленуме ЦК или даже провести специальный пленум ЦК по международной проблематике, но сделать это не удалось из-за перегруженности внутренней работой.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Сейчас я склонен оценить эту сдержанность в публикации полученных нами выводов, оценок, касающихся «мирового социализма», как чрезмерную, неоправданную. Она помешала реалистической переориентации общественного мнения и практическим переменам в этой области.

Удерживать джинна в бутылке было не нужно, да и невозможно. В обстановке перестройки и гласности проблемы мирового социализма, в том числе самые коренные и болезненные, стали активно обсуждаться в научных кругах и печати. Отдел принял самое живое участие в этом процессе. Я не раз встречался с руководителями научных учреждений и органов прессы и ориентировал их на серьезную разработку этих проблем, сам выступал на научных конференциях и в печати («Коммунист», 1988, № 2; «Проблемы мира и социализма», 1988, № 5).

Так в рамках формировавшегося нового политического мышления начался процесс коренного обновления взглядов на социализм в современном мире. Думаю, для читателя будет небезынтересно узнать ход рассуждений и некоторые выводы, полученные в те годы.

Прежде всего это относится к пониманию характера современной эпохи. До тех пор считался незыблемым вывод о том, что стержнем современной эпохи является борьба двух систем, которая началась с Октябрьской революции и закончится победой социализма в мировом масштабе. Но конкретное толкование этой борьбы претерпело сложную эволюцию.

В первые годы после Октября под влиянием общего революционного подъема преобладали представления о том, что наша планета стоит в преддверии всемирной пролетарской революции. Но уже в декабре 1920 года В.И. Ленин приходит к выводу о том, что «...мы имеем не только передышку, а нечто гораздо более серьезное – новую полосу развития». Он приходит к выводу о невозможности решить исторический спор двух общественных систем силовым путем, единовременным революционным натиском. С выдвинутой им концепцией нэпа была неразрывно связана идея перенесения мирного сосуществования из сферы поначалу только политической в сферу фундаментальных законов нашей эпохи.

Надежда на революционное ниспровержение старого строя вновь ожила в первые послевоенные годы под влиянием установления народно- демократических режимов в ряде стран Европы и Азии, подъема национально-освободительного движения и крушения колониальной системы империализма. С середины 50-х годов на Западе началась политическая и экономическая стабилизация, революционное движение пошло на спад. Тогда центр тяжести в идеологических установках партии был перенесен на мирное сосуществование и экономическое соревнование двух систем. Впрочем, и экономическое соревнование рассматривалось под углом зрения борьбы двух систем, исходя из возможности взять верх над капитализмом в экономическом соревновании в течение одного-двух десятилетий.

Последующий ход событий показал, что такие надежды иллюзорны, не имеют достаточных оснований. Западный мир сумел приспособиться к новым условиям. Он не только выдержал отпадение от него ряда стран, утрату колониальной системы, но извлек для себя из этого определенные выгоды. Приспосабливаясь к существующим реалиям, эволюционируя, в том числе и в направлении социализации некоторых сторон своей системы, он нашел в себе достаточно сил для осуществления научно-технической революции. В то же время страны «реального социализма» с их жесткими режимами, изоляцией от мирового рынка не сумели овладеть достижениями НТР, стали явно отставать, вступая в полосу серьезных экономических и политических трудностей.

Главное, пожалуй, в том, что установка на борьбу двух систем пришла в вопиющее противоречие с интеграционными процессами в современном мире, вызванными научно-технической революцией, применением новых технологий, электронизацией производства и информатизацией общества, созданием мировых экономической и социальной инфраструктур, с интересами повышения благосостояния народов, обеспечением их безопасности. Одновременно с этим выявляется и подлинный масштаб нависших над человечеством глобальных опасностей, реальной угрозы его самоуничтожения, экологической катастрофы.

Перед лицом этих мощных и глубоких процессов, глобальных проблем противоречия социальных систем отступают на второй план. Судьбы народов и государств сплетаются в единое целое, требуют согласования усилий во имя

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org коренных интересов человечества, умения находить способы разрешения противоречий между различными частями все более целостного мира.

Как видно, уже тогда мы были близки к выводу о том, что основным содержанием человеческой истории отныне становится не борьба двух социальных систем – капитализма и социализма, как это считалось раньше, а происходящий в мире поворот в развитии человечества на его пути к новой цивилизации XXI века.

Отсюда наш курс на взаимодействие со всеми странами мира, стремление преодолеть сектантские настроения и доктринерскую слепоту, объективно оценивать опыт и результаты партнеров на мировой арене. Отсюда и изменение наших взглядов на мировой социализм.

Первоначально существовало представление о будущем социализме как о федерации советских республик, о полном единстве и даже слиянии наций. С появлением новых социалистических государств в послевоенный период возобладало представление о мировом социализме как о лагере, противостоящем другому лагерю. Распространилось убеждение, что расширение границ этого лагеря само по себе является достаточным фактором укрепления его влияния в мире, что капитализм будет опрокинут числом стран и массой людей, избравших новый путь.

Логика осадного положения использовалась для утверждения методов командования и администрирования во всем «лагере» и внутри социалистических стран, самоизоляции и автаркии, требовала постоянного присутствия образа «врага».

В результате наращивания общественно-экономических связей между социалистическими странами постепенно стала очевидной односторонность понятия «социалистический лагерь». Родилось такое понятие, как «мировая социалистическая система», ядром которой считалось «социалистическое содружество», то есть совокупность стран, входивших в советский блок. Поскольку же некоторые страны не считали для себя возможным отнесение их к системе социализма, стал употребляться и широкий, собирательный термин «мир социализма».

Все это были довольно искусственные упражнения. Сейчас могут вызвать лишь улыбку споры о том, как соотносятся понятия «система» и «содружество», по каким критериям следует считать одну страну членом «содружества», а другую – нет, какое значение при этом имеет вхождение их в Варшавский Договор или в Совет Экономической Взаимопомощи. Дело доходило до курьезов: некоторые авторы выставляли в качестве аргумента в пользу принадлежности стран к социализму или капитализму то, какой отдел ЦК КПСС курирует соответствующую партию – Международный или Отдел по соцстранам.

В конечном счете за всеми этими рассуждениями стояло одно: «подлинным», «истинным» социализмом является лишь тот, что соответствует советской модели общества, так называемым «общим закономерностям социалистической революции и социалистического строительства». Причем к общим закономерностям были отнесены некоторые сугубо специфические для нашей страны черты.

Было время, когда сама постановка вопроса о национальных особенностях страны рассматривалась чуть ли не как измена делу социализма. Именно на этой почве произошел разрыв с Югославией, Китаем, последовало их «отлучение» от социализма, посыпались обвинения в национализме и шовинизме, буржуазном перерождении и т. д. О признании тенденций к социализации тех или иных сторон общественной жизни в западных странах, социал-демократических вариантов социализма не могло быть и речи.

На XX съезде КПСС Н.С. Хрущев выдвинул тезис о возможности различных форм перехода к социализму. Осторожно была признана и необходимость учета «национальных особенностей социалистического строительства», при том предположении, что в последующем они будут преодолеваются, отойдут в прошлое. Это могло стать началом преодоления догматизма, узости и слепоты в понимании социализма, но такой процесс был прерван в самом начале навязанной им модели социализма, а затем «жирную точку» в этом вопросе поставил Л.И. Брежнев, насильственно прервав «пражскую весну».

Признание объективности существования национальных форм социализма, права

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org каждого народа выбирать их, ответственности каждой партии перед своим народом имело решающее значение для перестройки отношений между соцстранами. Прямо скажу, что это давалось нелегко. По инерции, с оглядкой на Союз («как бы не получить выговор») действовали руководители соцстран, да некоторые из них к такой самостоятельности и не были готовы. А в КПСС и ее руководстве были сильны настроения подозрительности и недоверия в отношении инициативы друзей.

Об этой нашей новой позиции было заявлено Горбачевым вначале в общей форме на XXVII съезде КПСС, а затем на рабочей встрече руководителей соцстран в Москве. В развернутом виде эта позиция была представлена в выступлениях Горбачева во время визита в Югославию в марте 1988 года.

Внимание общественности не могло не привлечь заявление, что многообразие форм социализма говорит не о слабости его, а о силе. Любая форма социализма хороша, если она способствует улучшению жизни людей, углублению демократии и социальной справедливости.

Должен сказать, что это был важный шаг на пути признания того, что социализм нельзя понимать как законченную социальную систему, как некую всеохватывающую единую модель общества. Это реальное движение, проявляющееся в многообразных формах и в самых различных условиях и различных странах. Никто не может претендовать на монопольное владение социалистической идеей. Но и социализм не может претендовать на монополию в решении всех общественных проблем, особенно в условиях глубочайшего поворота человечества к новой цивилизации. Такое понимание придет несколько позднее, и о нем речь впереди – в заключительной главе книги.

Конечно, главным свидетельством решительного отказа горбачевского руководства от единообразно догматического понимания социализма были сама перестройка в Советском Союзе, поиск новых эффективных форм организации общественной жизни. Своим примером Советский Союз приглашал к такому поиску друзей, предостерегая их в то же время от попыток механического повторения того, что делал сам.

Перестройка оказалась мощнейшим фактором воздействия на процессы развития социалистических стран, стимулировала рост настроений в пользу глубоких перемен. Отношение к ней широкой общественности, особенно интеллигенции, практически повсеместно было положительным, лишь с некоторыми «оттенками»: от благожелательного интереса до восторженного восприятия новой политики советского руководства и его практических действий.

А вот в руководящих кругах гамма настроений была иной. С руководством тех стран, которые уже встали на путь реформ – Венгрии, Польши, – хотя к этим начинаниям у нас раньше было весьма критическое и даже подозрительное отношение, у Горбачева сложилось хорошее взаимопонимание. Напротив, руководители стран с застарелыми жесткими режимами и авторитарными методами руководства, на которых в значительной степени и держались порядки в этих странах, с самого начала стали проявлять настороженность, беспокойство, а затем неприятие перестройки, критиковать советское руководство. Это относится прежде всего к Румынии и ГДР, а также к Кубе, КНДР. Колеблущуюся позицию занимали руководители Чехословакии и Болгарии. Отношение к советской перестройке явилось своеобразным критерием дифференциации политических позиций.

Горбачев да и все мы при встречах с руководителями братских партий и стран неизменно заявляли, что определение политического курса, выбор пути и модели развития – исключительное право народа и партии каждой страны. Какое-либо вмешательство в этот процесс извне абсолютно недопустимо. Мы никому не навязываем свое понимание ситуации, свой курс, свою политику перестройки. Пусть каждая из стран сама определяет свой путь и несет ответственность перед народом. Но мы за свободный, товарищеский обмен мнениями, опытом, решение общих проблем без приклеивания ярлыков, предъявления идеологических требований и выставления оценок.

Отношения соцстран должны освобождаться от груза прошлого, от идеологической нетерпимости и диктата. У них есть другая, более прочная основа – общность интересов, добрососедство, перспективы экономической интеграции, разносторонние связи народов, исторические традиции.

У советской стороны был еще один важный мотив поддержания тесных связей со

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org своими друзьями: возникновение авторитарных режимов в странах Восточной Европы произошло при его прямом, даже решающем участии. И это был наш долг – не вмешиваясь во внутренние дела, дать возможность народам этих стран самоопределиваться, помочь им в этом, освободив от внешнего диктата.

В ходе перестройки отношения с соцстранами на Западе и на Востоке оставались приоритетным направлением советской внешней политики. Этому направлению уделялось огромное и повседневное внимание. Все делалось для того, чтобы вести с нашими друзьями равноправный диалог по всем вопросам и на всех уровнях, координировать основные направления внешней политики, сочетая коллективные действия и инициативу соцстран на международной арене, чтобы покончить с высокомерным отношением к ним, со стремлением их поучать по каждому поводу.

За два с половиной года моей работы в отделе состоялись официальные визиты Горбачева в ГДР, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Румынию, Югославию, а затем – в Китай и на Кубу, не считая других поездок. Это не были рутинные визиты. Каждый из них неизменно выливался в крупное политическое событие, придавал новый импульс отношениям этих стран с СССР. За этот же период руководители всех соцстран неоднократно приезжали в СССР для ведения переговоров.

Более содержательными стали совещания Политического консультативного комитета стран – участниц Варшавского Договора. На одних рассматривались серьезные проблемы европейской и мировой политики, и не для «галочки», а для серьезного обсуждения по существу. Так, на совещании ПКК в Будапеште в 1986 году было принято обращение к государствам – членам НАТО, всем европейским странам с программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе. На совещании ПКК в Берлине в 1987 году была обсуждена и принята совместная военная доктрина стран – участниц Варшавского Договора. На встрече в Варшаве в 1988 году принято заявление государств – участников Варшавского Договора о переговорах по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Европе, а также документ о последствиях гонки вооружений для окружающей среды.

Как я уже отмечал, стали традиционными неформальные рабочие встречи руководителей социалистических стран в узком составе для свободной дискуссии по текущим проблемам. Интенсивный обмен мнениями проводился в связи с подготовкой к советско-американским встречам на высшем уровне по проблемам разоружения. Сразу же после этих встреч руководители соцстран получали информацию об итогах переговоров.

Регулярно нашим партнерам направлялись сообщения по другим внешнеполитическим инициативам Советского Союза и по некоторым внутренним проблемам. Накануне XIX партийной конференции, например, руководителям социалистических стран в доверительном порядке были посланы тезисы доклада Горбачева. После каждого крупного политического события в стране я встречался с посланцами соцстран и давал подробную информацию и развернутый комментарий этого события.

На регулярной основе стали проводиться встречи по партийной линии между секретарями центральных комитетов братских партий по международным, идеологическим, организационно-партийным, экономическим, аграрным вопросам. В систему общения со своими коллегами из соцстран были вовлечены все члены Политбюро и секретари ЦК, руководители правительства, министерств и ведомств, общественных организаций и творческих союзов, местных партийных и советских органов. Установились довольно тесные контакты во всех сферах и на всех уровнях. Стало меняться и отношение к разнообразному опыту соцстран.

Что касается работы Политбюро и Секретариата ЦК, то должен сказать: ни один вопрос на их заседаниях не обсуждался и не решался без учета опыта социалистических стран, особенно если он касался проводимых реформ. Мне пришлось эту функцию взять на себя, вооружаясь каждый раз соответствующими материалами и разработками научных институтов и специалистов. Я заметил, что и другие секретари ЦК, члены Политбюро стали часто пользоваться этим методом, нацеливая подведомственные им учреждения и подразделения аппарата на то, чтобы учитывать опыт дружественных стран.

К сожалению, некоторые наши работники в контактах с друзьями с трудом избавлялись от болезни высокомерия и поучительства. Особенно страдали от

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org этого связи по линии местных органов. То начинают учить строителей из ГДР, как лучше строить жилье, то выдают авторитетные советы венграм по выращиванию кукурузы, то вообще ведут себя в официальных поездках как на увеселительной прогулке. Принимая же делегации у себя, считают своим высшим долгом как можно лучше угостить коллег.

Наши друзья справедливо сетовали на то, что об одном и том же опыте приходится рассказывать нашим представителям каждый раз заново. В связи с этим перед отделом была поставлена задача создать современную систему информации об опыте решения экономических и социально-политических проблем с соответствующим банком данных. Правда, осуществить эту идею за время моей работы в отделе не удалось.

Экономические отношения – на новую основу

Особое внимание в эти годы было уделено перестройке экономических отношений между соцстранами: переходу от чисто торговых связей к производственной кооперации, углублению научно-технического сотрудничества, созданию современного механизма внешнеэкономических связей.

Еще в декабре 1985 года была принята комплексная программа научно-технического прогресса социалистических стран до 2000 года. К ее созданию я имел прямое отношение как заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, который, как тогда говорили, «курировал» и Академию наук СССР, и Государственный комитет по науке и технике. Поддерживался постоянный контакт с президентом АН СССР А.П. Александровым и председателем ГКНТ Г.И. Марчуком, вице-президентами АН, которые одновременно были и руководителями работ по основным разделам программы.

Могу откровенно сказать: к разработке такой программы нас подтолкнула западноевропейская «Еврика». Наше предложение об участии в «Еврике» не встретило положительного отклика на Западе. Тогда мы взяли за собственную программу, тем более что заделы были накоплены серьезные. В соцстранах эта работа вызвала большой интерес, я бы сказал, даже энтузиазм. В кратчайший срок, буквально за несколько месяцев, была создана обстоятельная и серьезная программа, включавшая 93 проблемы по пяти приоритетным направлениям современного научно-технического прогресса. К программе было привлечено 400 советских научных и научно-производственных организаций, в том числе около 100 в качестве головных, и 1000 организаций из соцстран. По оценкам специалистов, наша программа по полноте и глубине проработки не уступала «Еврике», а в чем-то и превосходила ее, предусматривала выход на самые передовые рубежи научно-технического прогресса.

А вот дальше дело пошло хуже. Сказалась наша застарелая болезнь: мы хорошо научились составлять программы, обстоятельно все расписывать, определять цели и рубежи, но как только переходим к практическому осуществлению, начинаются всякого рода заминки и трудности. Вот и здесь: настала пора определять взаимный вклад соисполнителей, заключать контракты и договоры – и дело сразу замедлилось. Оказалось, что не все партнеры, особенно те, которые определены сверху, готовы к такому сотрудничеству, некоторые проявляют чрезмерную осторожность.

Более того, при заключении контрактов обнаружилось, что примерно 1/3 детализированных программ не предусматривают достижения прогнозируемого мирового уровня. И, пожалуй, главное: комплексная программа по многим позициям обрывалась на стадии завершения разработок и исследований и не доводилась до производственного их освоения. Сказывались оторванность науки от производства, отсутствие мощной опытно-экспериментальной базы, особенно там, где головные организации не входили в состав научно-производственных объединений.

Работа над этой программой лишней раз убеждала, что нужен принципиально иной подход к организации экономических и научно-технических связей, перестройке самого экономического механизма. При этом мы полностью отдавали себе отчет в том, что тут многое, если не все, зависит от нашей страны. Если мы не перестроим механизм внешнеэкономических связей, не создадим у своих предприятий заинтересованности в выходе на внешний рынок и по-прежнему будем ориентироваться только на команды и действия сверху, серьезного результата не будет.

Возникла потребность по-иному взглянуть на самые фундаментальные основы

Распад. Как он назывался в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org организации внешнеэкономических отношений, на так называемую государственную монополию внешней торговли. Дело в том, что государственная монополия внешней торговли постепенно выродилась в монополию министерств, осуществляющих внешнеэкономические связи, – Министерства внешней торговли и Государственного комитета по экономическому сотрудничеству (ГКЭС). Все другие звенья хозяйства практически были отрезаны от внешнего рынка – как от экспорта, так и от импорта. Операции на внешнем рынке по продаже продукции предприятий и закупке необходимых товаров за рубежом вели исключительно или в основном экспортно-импортные объединения Минвнешторга. Для расчетов с предприятиями и организациями в рублях использовалось несколько тысяч валютных коэффициентов.

Предприятия, производившие экспортную продукцию и получавшие продукцию по импорту, порой даже не знали, по какой цене продается за рубежом их продукция и покупаются импортные изделия. Монополия внешней торговли глухой стеной отгораживала производителей от внешнего рынка. Хотя и в меньшей степени, но это относилось и к рынку соцстран.

За подобную уродливую систему, явный анахронизм, цеплялся Минвнешторг. Какие только доводы не приводились в ее пользу! Например, всерьез доказывалось, что одно министерство дает стране 10% ее национального дохода. Подсчет простой – брался чистый доход, получаемый от экспорта валютных товаров, главным образом нефти. Причем он рассчитывался, исходя из смехотворно низких внутренних оптовых цен (на нефть, например, по 30 руб. за 1 т.). К этому прибавлялся чистый доход от импорта потребительских товаров, которые покупались по дешевке на мировом рынке, а продавались на внутреннем рынке втридорога. Все это и давало примерно 50 млрд. руб. при национальном доходе в 500 млрд. руб.

При чем тут внешняя торговля, коли это результат совершенно искаженной, уродливой системы цен? Но внешнеторговые тузы «оседлали» эти 50 млрд., доказывая свою мнимую экономическую значимость. Главный же порок этой системы в том, что мощные стимулы развития, заключенные в мировом рынке, до наших предприятий практически не доходили.

Я считаю одним из крупных прорывов в перестроечном процессе принятие в августе 1986 года после обсуждения в Политбюро постановлений «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» и «О мерах по совершенствованию управления экономическим и научно-техническим сотрудничеством с соцстранами». Суть их – в решительном демонтаже монополии Минвнешторга на внешнеэкономические связи. Вначале право выхода на мировой рынок было предоставлено 20 промышленным министерствам и ведомствам и 60 объединениям и предприятиям. В дальнейшем предусматривалась также реорганизация экспортно-импортных объединений самого Внешторга из министерских подразделений в самостоятельные посреднические хозрасчетные фирмы. За министерством сохранялись лишь регулирующие, а не хозяйственные функции.

В экономических отношениях с социалистическими странами пошли еще дальше: право вступать в прямые экономические отношения с зарубежными партнерами из социалистических стран было предоставлено всем предприятиям и другим первичным хозяйственным единицам.

Вскоре был кардинальным образом упрощен порядок оформления деловых поездок работников предприятий и организаций за границу. Право разрешения выезда в социалистические страны сотрудникам было предоставлено директорам предприятий, а для заграничных командировок самих руководителей было достаточно устного согласия одного руководящего работника вышестоящего органа. Максимально упрощена была выдача заграничных паспортов, а через некоторое время было принято решение о роспуске комиссий по выездам за границу, существовавших при партийных комитетах.

Это был крутой поворот во внешнеэкономической сфере. Конечно, вначале он носил волевой характер. Это было, я бы сказал, даже каким-то забеганием вперед с точки зрения общей реформы экономического механизма. Предприятия и объединения фактически еще не располагали такими возможностями, которые позволили бы им вступать в прямые связи с зарубежными партнерами. Но это было сделано сознательно, чтобы воздействовать на ускорение реформы и внутренний экономический механизм, постепенно наполняя право выхода на внешний рынок реальным экономическим содержанием.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Такие решительные меры одним ударом разрубили ряд тугих узлов, благодаря чему мы вышли на самые прогрессивные позиции в обсуждении и решении проблем перестройки экономического сотрудничества с социалистическими странами. Так практически реализовывались идеи, изложенные в записке Горбачева и одобренные Политбюро.

На многосторонней основе проблемы взаимного сотрудничества были обсуждены в октябре 1987 года на 43-й внеочередной сессии СЭВ. Было решено разработать коллективную концепцию социалистического разделения труда на 1991–2005 годы, а также специальные программы многостороннего сотрудничества европейских стран – членов СЭВ с Вьетнамом, Кубой и Монголией.

Важным моментом в работе сессии стали обсуждение и одобрение большинством участников подхода к организации экономических отношений между нашими странами на трех взаимосвязанных уровнях: межгосударственном, отраслевом и уровне отдельных предприятий и объединений.

На межгосударственном уровне предполагалось согласовывать перспективные народнохозяйственные планы стран с учетом международного разделения труда и достижений научно-технического прогресса.

Конечно, необходимость такого согласования признавалась и раньше, но на практике межгосударственные переговоры об экономическом сотрудничестве сводились к обсуждению злостных проблем балансирования народного хозяйства, «латания дыр» и ликвидации прорех. Наши партнеры приезжали на переговоры с нами главным образом с пакетом просьб по поставкам сырья и энергоносителей.

На межотраслевом уровне должны были решаться проблемы предметной специализации и кооперирования отраслей народного хозяйства соцстран. Следует отметить, что в этой сфере сотрудничества был накоплен наибольший опыт, который давал немалый эффект. Весьма результативной, например, оказалась совместная программа обеспечения соцстран оборудованием для атомной энергетики. Можно сослаться также на опыт совместной разработки и разделения труда в изготовлении вычислительных машин серии «Ряд». Но и тут часто решение вопросов шло медленно, застревало в бюрократических закоулках СЭВ.

Наконец, сотрудничество между предприятиями и объединениями разных стран, касающееся поузловой и поддетальной специализации, создания совместных разработок и производств и т. д.

Здесь – настоящая экономическая целина. И именно эта сфера стала главной в перестройке форм и методов интеграции социалистических стран. Что мешало этому? Прежде всего непомерная централизация государственного управления производством, жесткий охват движения продукции системой государственного материально-технического снабжения, отсутствие у предприятий собственных ресурсов. Надо было освободить предприятия от тотального государственного контроля, на первом этапе дать им возможность распоряжаться хотя бы частью своих ресурсов.

Мешал сложившийся стереотип, что якобы престижно и выгодно собирать конечную продукцию, а поставлять отдельные детали и узлы – значит играть второстепенную роль. Каждый стремился заполучить производство конечной продукции.

Но главное – неотрегулированность экономических и прежде всего ценовых вопросов, стремление закрепить право на установление или утверждение цен на комплектующие поставки и на готовую продукцию за высокими государственными инстанциями, к тому же сохранить неправильную практику определения цены на комплектующие изделия по аналогии с ценами на запасные части, то есть на очень высоком уровне. Мы предложили предоставить необходимые права самим предприятиям и объединениям без вмешательства вышестоящих органов, дать им возможность самим договариваться о ценах на поставляемые комплектующие изделия.

Надо прямо сказать, что к предложению перенести центр тяжести на прямые связи наши партнеры отнеслись неоднозначно. Представители ГДР, Румынии встретили их весьма холодно. И вместе с тем Польша, Венгрия и Болгария их поддержали.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
На 43-й сессии СЭВ мы выступили также за коренную реорганизацию Совета Экономической Взаимопомощи, сосредоточение его усилий на межгосударственных проблемах регулирования экономических отношений. Мы предложили резко сократить число различного рода комиссий, комитетов СЭВ, в бюрократической трясине которых увязали реальные дела.

До того момента работа СЭВ подвергалась острой критике со стороны наших партнеров за неповоротливость, бюрократизм. Для всех было ясно, что это завуалированная критика в наш адрес. Но как только мы внесли радикальные предложения по реорганизации экономических отношений и самого СЭВ, бывшие критики выступили теперь в его защиту: не надо разрушать сложившиеся формы, игнорировать накопленный опыт и т. д. Критики и защитники СЭВ поменялись местами.

Считаю, что наши подходы в принципе отражали насущные потребности времени, назревшую необходимость перестройки экономических отношений на основах равноправия и взаимной выгоды, дальнейшего углубления разделения труда и экономической интеграции наших стран, создания подлинного рынка, движения к современным цивилизованным отношениям между народами.

В 1986–1988 годах, конечно, в общем плане вставал вопрос и о переходе в экономических отношениях к обычным нормам мирового рынка – текущим ценам в свободно конвертируемой валюте и т. д.

Конкретные меры на этом пути были достаточно взвешенными, учитывали исторически сложившиеся реалии.

К сожалению, эта взвешенность в дальнейшем изменила нам. В резко осложнившейся валютно-финансовой ситуации стали все чаще высказываться предложения вообще отказаться от прежних методов регулирования экономических отношений и полностью перейти на мировые цены и валютные расчеты, действовавшие на мировом рынке. Инициатором и активным проводником этой линии было правительство Н.И. Рыжкова. Аргументация с нашей стороны была вроде бы убедительной: мы поставляли в соцстраны главным образом валютные товары – нефть, газ, сырье, а получали от них готовую продукцию, неконкурентоспособную на мировом рынке. В результате с 1990 года мы перешли к расчетам с ними по мировым ценам.

Думаю, это была одна из самых серьезных ошибок в экономической политике последних лет, которая привела к тяжелейшим последствиям и для наших партнеров, и для Советского Союза. Произошло полное нарушение сложившихся экономических связей. Оно явилось одним из решающих факторов резкого ухудшения экономической ситуации и обвальных политических перемен в восточноевропейских странах. Бумерангом оно ударило и по СССР, который, несмотря на все, довольно глубоко был включен в разделение труда, и, многие его отрасли и предприятия сильно зависели от поставок из дружественных стран. Падение производства в СССР, а затем и в странах СНГ в 1991–1992 годах во многом произошло из-за разрыва экономических связей с восточноевропейскими соседями. Шутка ли сказать, товарооборот с ними снизился более чем наполовину!

По моему мнению, и нынешнее постсоветское правительство России действует на этом направлении не лучшим образом, отодвигая проблемы экономических, да и не только экономических, отношений со странами, бывшими своими союзниками, на второй и даже на третий план.

Речь, понятно, не может идти о восстановлении какого-то подобия прежнего содружества. Для этого нет условий, в этом и нет никакой необходимости. Но естественная близость наших стран, взаимосвязь экономических потенциалов, общность исторических судеб, нынешних бед и задач выхода из кризиса и, наконец, очевидная истина, что нам жить вечно бок о бок, – все это требует особого подхода к взаимоотношениям с ними, разработки ясной линии добрососедства и доверия.

Таковы некоторые общие соображения и размышления о подвижках и тенденциях в отношениях Советского Союза и его друзей во второй половине 80-х годов, приведших в конечном счете к коренным переменам в этой части мира, серьезно повлиявшим на всю международную ситуацию.

Отношения с каждой из стран складывались, конечно, по-особому, отражая их специфику и исторические тенденции, геополитические моменты, всю

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org совокупность факторов внутреннего и международного порядка. Рассказ о них, думаю, представит немалый интерес для читателя.

Глава вторая. Такое многоликое содружество

«Братушки»

Живков и его режим

Особое место в советском блоке занимала Болгария. У болгарского народа исторически сложилось отношение к России, Советскому Союзу как к старшему брату, готовому в любой момент прийти на помощь, гаранту и защитнику интересов Болгарии на международной арене. Она была наиболее верным и надежным союзником, во всем – и во внутренней, и во внешней политике – беспартийно поддерживавшим Советский Союз, априори исходя из того, что правда всегда на стороне советского руководства.

Такая позиция, конечно, не оставалась безответной. В значительной степени благодаря братскому сотрудничеству с Советским Союзом, щедрой советской помощи Болгария добилась серьезного прогресса в наращивании своего экономического потенциала и в повышении жизненного уровня народа.

Неудивительно, что в Болгарии был скопирован с Советского Союза и авторитарный политический режим, ядром которого явилась БКП. А в партии сложилась, по сути дела, ничем не ограниченная власть одного человека, пожалуй, даже большая, чем в КПСС, с примесью восточного деспотизма, одиозными проявлениями культа личности.

Несмотря на провозглашенные ее уставом демократические принципы, вся партия сверху донизу строилась на безграничной власти первых лиц, фактически неподконтрольных своему электорату, коллективным партийным органам и тем более партийным массам. Вся система выдвижения, перестановки кадров покоилась на оценках и указаниях сверху. Для Генерального секретаря «верха» же вообще не существовало. Пользуясь этим, Тодор Живков за длительный срок своего руководства создал систему своего личного господства, превратился в эпицентр авторитарной системы.

Была, правда, Москва... Но Т. Живков всей своей деятельностью давал понять, что он имеет полную и неограниченную поддержку советского руководства, что его политика всецело одобряется Москвой. И это в доперестроечный период было недалеко от истины. Цена верноподданнические чувства Живкова, Брежнев неизменно высоко ставил его деятельность, не замечая или стараясь не замечать его грехи и слабости, хитрости, которые постепенно перерастали в коварство и двойную игру.

Немалое место в арсенале методов укрепления своей власти Живков отводил периодическим перетряскам партийного и государственного аппарата, многочисленным реорганизациям, следовавшим одна за другой и никогда не доводившимся до конца. Это позволило ему все время перемещать кадры, не давая возможности сложиться каким-то структурам, группам с малейшим намеком на несогласие или тем более оппозицию к нему.

Людей творческих, самостоятельно мыслящих, не желавших смотреть ему в рот, Живков под разными предлогами удалял из руководства. Такая судьба постигла целую плеяду авторитетных деятелей: бывших вторых секретарей ЦК – Бориса Велчева, Александра Лилова, Чудомира Александрова, председателя Совета Министров Станко Тодорова, способного философа, секретаря ЦК БКП по идеологии Стояна Михайлова.

Дамокловым мечом угроза увольнения постоянно висела над министром иностранных дел Петром Младеновым, заместителем председателя правительства Андреем Лукановым, секретарем ЦК БКП по международным вопросам Димитром Станишевым и другими честными, современно мыслящими деятелями.

Для того чтобы держать в повиновении своих потенциальных критиков, Живков тщательно собирал на них компроматы, не останавливаясь перед фабриками. У одного жена оказалась дочерью человека, якобы сотрудничавшего в годы войны с властями, у другого жена выступила в поддержку неформального экологического движения и т. д.

Вместе с тем Живков приближал к себе людей серых, неприметных, но лично

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org преданных ему, к тому же националистически настроенных, а то и с явно прозападной ориентацией. Это и Милко Балева, которого он до последнего момента прочил себе в преемники, Гриша Филиппов и другие. Всячески оберегал их от критики, и они ему платили верноподданническим отношением, восхваляя деяния «выдающегося сына болгарского народа». Немалое раздражение у болгар вызывало стремление Живкова выдвинуть на авансцену своих родственников – сначала дочь Людмилу, а затем и сына Владимира.

При всем этом хитрый Живков стремился создать себе имидж человека современного, ищущего, стремящегося опереться на научную мысль.

Настоящей его страстью, способом удовлетворения амбиций стало составление обширных многословных тезисов и других «теоретических» документов. Это была эклектическая смесь каких-то обрывков современных социальных теорий, наивных доморощенных рассуждений, высокопарных деклараций. На всем этом лежала печать провинциализма, теоретических потуг и примитивизма. Тем не менее такие документы направлялись в Москву «для консультаций».

Живков вроде бы даже поощрял общественные науки, поддерживал развитие гуманитарных научных центров, проведение различного рода конференций, симпозиумов, семинаров, но в той мере, в какой это отвечало его интересам, служило апологетике его системы, во всяком случае не угрожало ей. Но как только это выходило из верноподданнических рамок и приобретало действительно серьезный аналитический характер, прилагалось к условиям Болгарии, следовала немедленная жесткая реакция со стороны высшего руководства. Так произошло с группой профессоров Софийского университета, осмелившихся на критические замечания в адрес существовавших в Болгарии порядков. Преследованиям подвергнулся и нынешний президент Болгарии философ Желю Желев.

Был у Живкова еще один хитрый прием. Он стремился где-то на полшага бежать впереди Советского Союза и других соцстран. Очень любил приглашать в Софию или Варну советских ученых. Постоянными собеседниками болгарского руководителя были А.Г. Аганбегян, Г.А. Арбатов. Выслушивая их, он стремился перехватывать некоторые «модные» идеи и побыстрее запускать их у себя в Болгарии. Это, кстати говоря, делал он по некоторым экономическим и социальным вопросам и в начальный период нашей перестройки. Получалась двойная выгода: с одной стороны, демонстрация единства с Советским Союзом, а с другой – показ своей прогрессивности, соответствия духу времени и т. д.

В области внешней политики Живков, конечно, не мог не считаться с абсолютно преобладавшим стремлением болгарского народа укреплять союзные связи с СССР, но и здесь чем дальше, тем больше втягивался в двойную игру. С одной стороны, демонстрировал свою верность Советскому Союзу, не упуская случая повторять, что Болгария чуть ли не шестнадцатая республика, и выдвигая грандиозные программы всестороннего сближения Болгарии и Советского Союза, создания единой кровеносной системы и т. д. С другой – заигрывал с Западом, вел закулисные контакты с ФРГ и некоторыми другими западными странами. Носился с идеей превращения Болгарии то ли в мини-Японию, то ли в мини-ФРГ, собрал вокруг себя деятелей прозападного толка.

На словах выступая за экономическую интеграцию с Советским Союзом, на деле болгарский руководитель препятствовал созданию совместных предприятий, проектов, если болгарской стороне они не сулили преимуществ.

По сути дела, без координации с Советским Союзом Болгария пошла на осуществление амбициозной программы развития микроэлектроники с намерением выйти на мировой рынок. Ее несостоятельность обнаружилась, как только стали ощущаться отсутствие собственной элементной базы и трудности со сбытом продукции. Тогда обратились к Советскому Союзу за помощью.

Конечно, выходы на Запад стимулировались технологическим отставанием Советского Союза, сужавшим возможности сотрудничества в ряде важных областей промышленности, высоких технологий и т. д. Но дело не только в этом, а и в общем повороте болгар к Западу. Это отразилось и на общественном мнении, и на повседневной жизни, особенно в сфере услуг. Руководство не только не противодействовало такого рода настроениям, а, по-видимому, оказалось у них в плену.

Истинная сущность Живкова как политического деятеля, пожалуй, ярче всего проявилась в его национальной политике внутри страны. Под предлогом

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org сохранения болгарского этноса в Болгарии в течение ряда лет проводилась широкая кампания по оболгариванию турецкого населения, вплоть до изменения мусульманских фамилий и имен на болгарские. Она сопровождалась массовым насилием по отношению к этническим туркам, а также к болгарам магометанского вероисповедания. Аргументировалось это тем, что в связи с высокой рождаемостью среди мусульманского населения и низкой рождаемостью у болгар возникает угроза превращения большинства болгарского населения в мусульман. В этой кампании Живков пытался заручиться даже нашей поддержкой. Здесь его аргументация была вообще довольно странной: дескать, турецкую проблему в Болгарии надо решить для укрепления крайнего южного фланга Варшавского Договора, якобы ненадежного по причине большой численности турецкого населения. Как будто можно добиться надежности этого путем применения насильственных мер по отношению к этническим туркам. Результат оболгаривания турок был прямо противоположным – обстановка в Болгарии накалилась до предела, среди турок и помаков (болгар магометанского вероисповедания) начались волнения, индивидуальные и групповые выступления против власти.

Я помню один из таких конфликтов, происшедший на территории нашей страны. Болгарский подданный Сулейменов – турок, которого заставили изменить фамилию и национальность, явился в турецкое посольство в Москве и попросил политического убежища. Перетягивание каната продолжалось несколько месяцев. Советская сторона оказалась в щекотливом положении, пока Сулейменову не была гарантирована личная безопасность.

Мы не раз давали понять болгарам, что не одобряем затеянной ими возни с изменением имен и фамилий. В конце концов болгарское руководство вынуждено было приостановить эту позорную кампанию.

Одним словом, ситуация в Болгарии, несмотря на внешнее благополучие, была явно нездоровой, особенно вокруг руководства. По своим наблюдениям – а я за 20 лет работы часто бывал там, у меня много близких друзей – могу сказать, что Живков никогда не пользовался в стране настоящим авторитетом, вызывал раздражение, критику и даже плохо скрываемую иронию. Здесь назревали перемены, которые неизбежно должны были отторгнуть прежние порядки, методы руководства: и скопированные у нас, и порожденные особенностями этой страны и, конечно же, личностными качествами Живкова – по-восточному хитрого и коварного политика.

Реакция на перестройку: «сальто-мортале»

Как же складывались отношения между нашими странами в процессе перестройки?

Курс на перестройку был воспринят болгарским руководством, и прежде всего лично Живковым, очень трудно, можно сказать, болезненно. Следуя своему традиционному девизу «учиться у Советского Союза», болгары, казалось, должны были бы встать на путь демократизации, перехода к гражданскому обществу и правовому государству, открытости и гласности, но Живков не мог не чувствовать, что это несет смертельную угрозу самим основам его режима. Неприемлемым был для Живкова и переход к равноправным экономическим отношениям, которые могли лишить эту страну ее привилегированного положения и ряда экономических преимуществ, не говоря уже о прямых субвенциях, практиковавшихся в прежние годы. Сам принцип ответственности руководителей перед своим народом устранил основание для излюбленных Живковым ссылок на Москву.

В первое время как будто ничего не менялось, но подспудно, за заверениями в вечной дружбе, верности Советскому Союзу накапливались проблемы и противоречия. У болгарских руководителей нарастали критические сомнения, они чувствовали, что попадают в щекотливое положение; ведь ответственность Болгарии была приучена к тому, что страна не только поддерживала, но и повторяла все крупнейшие шаги советского правительства. По различным каналам, и прежде всего через личное общение с болгарскими друзьями, до нас доходила информация о растущем смятении и недовольстве Живкова.

Открыто эти настроения проявились в начале 1987 года, после январского пленума ЦК КПСС, сыгравшего поворотную роль в практическом начале советской перестройки. (Надо заметить, что этот пленум явился своего рода лакмусовой бумажкой, выявившей позиции лидеров социалистических стран в отношении политики нового советского руководства.) Нам стало известно, что Политбюро ЦК БКП трижды обсуждало на своем заседании итоги январского пленума ЦК.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Первоначальный проект документа по этому вопросу содержал в довольно явной и резкой форме несогласие с принципиальными моментами перестроечной линии в Советском Союзе.

Утверждалось, что советская программа перестройки неприменима к болгарским условиям, что проблемы, которые стоят перед Советским Союзом, в Болгарии якобы нашли уже свое разрешение в рамках «апрельского» курса БКП, проводимого с 1956 года. Имелись в виду решения пленума ЦК БКП, на котором Живков был избран первым секретарем ЦК партии. Делался акцент на специфике Болгарии, говорилось о том, что болгарам нет необходимости критиковать свое прошлое, поскольку в болгарском обществе не было таких наслоений и извращений, как в Советском Союзе; фактически отвергалась линия на развитие гласности, демократизации общественной жизни и т. д.

Такая позиция отражала личные амбиции Живкова, была продиктована интересами защиты и оправдания режима его власти. Она не получила поддержки со стороны ряда членов Политбюро. В результате трехкратного обсуждения оценки были смягчены и в какой-то степени выравнены, но основной смысл их сохранился. У реалистически мыслящих членов Политбюро ЦК БКП не нашлось в то время сил выступить против.

Между тем у болгарской общественности после этого еще более возрос живой, неподдельный интерес к начавшимся в Союзе переменам. Члены партии, интеллигенция да и более широкие слои населения увидели в них выход и для своей страны, избавление от надоевшего всем живковского засилья и деспотизма. Между настроениями болгарской общественности и позицией руководства стала образовываться глубокая пропасть.

По-видимому, это почувствовал и сам болгарский руководитель. В течение некоторого времени он находился в состоянии замешательства: заверения в адрес Советского Союза перемежались с выражением недовольства в адрес советской печати, например в отношении корреспонденции из Болгарии, публиковавшихся в «Известиях».

Нам стало известно, что посольству Болгарии было поручено внимательно следить за процессами, происходившими в Советском Союзе, больше приглашать для неофициальных бесед партийных и государственных работников, ученых, общественных деятелей, давать на этой основе критическую информацию о положении в стране. Создавалось впечатление, что Живков искал для себя какой-то неординарный выход из создавшейся ситуации. И вот где-то в конце весны – начале лета 1987 года стали вырисовываться контуры его замысла: осуществить крутой поворот в отношении перестройки, от ее критики к полному и безоговорочному признанию с опережающими шагами в собственной стране, чтобы и в этом случае бежать впереди СССР.

Этот план нашел свое реальное воплощение в письменном докладе Живкова, подготовленном к июльскому пленуму ЦК БКП, а затем и в его выступлении на самом пленуме, в его решениях и последующих практических действиях. Текст доклада, как обычно в последние годы, был предварительно направлен Живковым нашему руководству в порядке ознакомления и информации.

Это был обширный, заумный трактат с претензией на теоретическую значимость и новизну. В нем явно просматривалась амбициозность авторов. Тут и задача «вывести страну в число ведущих держав мира и по производительности труда, и по росту национального дохода», и констатация того, что «страна открыта для достижений современной цивилизации и сама вносит вклад в мировое развитие, имеет высокий международный авторитет», и утверждения о «преимуществах и привлекательности социализма на болгарской земле».

В докладе приводились философские рассуждения об общем, особенном и единичном для того, чтобы обосновать необходимость создания «модели на уровне единичного». А несколькими страницами дальше говорилось о «несостоятельности антимарксистских теорий специфических моделей социализма в разных странах». Вот и выбирай, чему же верить.

И все это для того, чтобы доказать необходимость таких перемен в Болгарии, которые идут значительно дальше и осуществляются более круто, чем перестройка в Советском Союзе.

В докладе был поставлен вопрос о необходимости коренного изменения роли партии в обществе, о том, чтобы она перестала быть «фактором власти», о

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org фактической чистке партии. Предусмотрена полная реорганизация центра, в том числе слияние Госсовета с правительством. Принято решение о резком одноразовом сокращении партийного и государственного аппарата, о глубоких переменах в структуре общественных организаций, о перестройке Академии наук, о кардинальной перестройке административно-территориального деления страны. Вместо 28 округов вводилось деление на 8 традиционных для старой Болгарии провинций.

В публичных выступлениях и особенно в доверительных беседах с представителями КПСС и других партий Живков полностью отошел от прежнего утверждения, что «Болгария в переменах не нуждается». Наоборот, он стал всячески подчеркивать, что перемены назрели и не осуществлялись они якобы потому, что не было понимания и согласия с советской стороны, его, Живкова, держали за фалды и только теперь перестройка в Советском Союзе открыла возможность для перемен и в Болгарии.

Но в таком случае почему же болгарское руководство сразу же безоговорочно не приветствовало наш новый курс, а проявляло по меньшей мере сдержанное отношение к нему, высказывало те или иные оговорки? Почему же не было заявлено, что Болгария тоже пойдет по этому пути, а, напротив, всячески подчеркивалось, что «советское начинание в Болгарии неприемлемо из-за ее специфики»?

Позднее Живков скорректировал и это свое объяснение: дескать, советский фактор лишь тормозил перемены в Болгарии. Главным препятствием было сопротивление болгарского аппарата и болгарской бюрократии. Но и такая редакция не выглядела убедительной. Почему же тогда в прежние годы не устраняли, а, наоборот, наращивали это препятствие? Ведь бюрократический аппарат в Болгарии непрерывно расширялся, обрастая все новыми и новыми структурами в центре и на местах. Для них понастроили помпезные административные здания, причем не только в столице, но и во всех округах.

Все говорило о том, что к пониманию необходимости поворота Живков пришел не когда-то давно, а именно теперь, в ситуации, складывавшейся под влиянием советской перестройки, настроений в самом болгарском обществе. В стране нарастало напряжение, широкое недовольство личностью руководителя. По-видимому, Живков решил одним ударом снять это напряжение, причем ударом ошеломляющим, таким, которого никто не мог ожидать в Болгарии. Он рассчитывал на восстановление поддержки широких кругов населения, выступавших за дальнейшее укрепление союза с СССР, а заодно и на нейтрализацию критически настроенных в отношении него лиц в руководстве БКП. Кстати, мотив снятия напряженности в обществе звучал и в высказываниях самого Живкова.

Свою роль, по-видимому, сыграло и намерение Живкова, уже в который раз, на волне перестройки перетряхнуть партийный и государственный аппарат, кадры, в том числе и в верхнем эшелоне, создать такую политическую структуру, которая послужила бы пьедесталом для режима неограниченной личной власти. В этой связи на серьезные размышления наталкивало провозглашенное в докладе намерение вывести партию из управления государством и обществом под девизом: «Уйти, чтобы остаться». Ясно, что власть не выпустят из рук. Тут не было сомнений. Но тогда встает вопрос: кто должен уйти, а кто остаться? Не скрывается ли за всем этим идея такого политического поворота, который служил бы прежде всего личным планам Живкова – уйти партии, а остаться вождю?

Конечно, Живкову править оставалось не так уж долго по естественным причинам, но он мог с учетом советского опыта сформировать такое руководство, которое не допустило бы развенчания его, Живкова, как это произошло с Брежневым в Советском Союзе.

По-видимому, немалую роль сыграло и стремление прикрыть широковещательными реформами серьезный экономический спад, начавшийся в стране, создать ситуацию, позволяющую задним числом выставить хозяйственные трудности как неизбежные издержки перестройки. Нельзя сбрасывать со счетов и влияние группы лиц прозападного толка в окружении Живкова с их планами осуществить корректировку внешнеполитической ориентации страны. Отзвуки этого чувствовались в попытках кое-что позаимствовать из западных моделей организации общества – копирование земельного устройства ФРГ, сильной президентской власти, роспуск Академии наук и т. д.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Направив свой доклад руководству КПСС и лично Горбачеву, Живков хотел продемонстрировать доверительность в наших отношениях, свою положительную оценку перестроечных процессов и попытаться получить советское благословение на осуществление у себя мер, которые на первый взгляд выглядели очень радикально, а на самом деле преследовали цели не демократизации, а укрепления личной власти.

Пленум ЦК БКП принципиально не изменил ситуации. Предложенные меры были приняты, и, более того, началось их форсированное осуществление. В срочном порядке была созвана сессия Великого народного собрания, на которой без тщательного обсуждения утверждено создание 8 областей вместо 28 округов с перенесением их центров из крупных в мелкие города, полностью реорганизовано правительство.

Как должно было поступить советское руководство в этих условиях? Мы в Отделе ЦК внимательно проанализировали доклад Живкова и основные выводы доложили Горбачеву. С одной стороны, мы не могли не приветствовать изменения отношения болгарского руководства к процессам обновления и перестройки, его желания встать на этот путь, обменяться мнениями о путях решения общих для нас проблем, а с другой – скрыть беспокойство в связи с предпринимаемыми под этим флагом скоропалительными и необдуманными действиями, за которыми явно проглядывало стремление не только не отстать от нас, а попытаться бежать на полшага впереди.

В райском Эвксинограде

Получилось так, что в то же самое время была намечена моя поездка в эту страну, чтобы в неофициальной обстановке поближе познакомиться с ее жизнью, проведя там по приглашению болгарского руководства часть своего отпуска. Такая возможность пообщаться с друзьями оказалась как нельзя кстати.

И вот в первой декаде августа я в Болгарии, вначале на Золотых Песках под Варной в местечке под претенциозным названием Эвксиноград, а затем в поездке по стране. Эвксиноград – бывшая резиденция болгарских царей с большим живописным парком на берегу Черного моря – Понта Эвксинского, откуда и название местечка. В бывшем царском дворце и пристроенном к нему большом современном здании официальная шикарная резиденция самого Живкова. Рядом в парке капитальный дом гостиничного типа с номерами для членов Политбюро. Мне с семьей был отведен для недельного пребывания отдельно стоявший особнячок близ пляжа.

По болгарскому обычаю отпуск здесь, в Эвксинограде, проводили в это время все или почти все члены Политбюро. Это дало возможность встретиться и побеседовать со многими из них, в частности с С. Тодоровым, М. Балевым, Н. Папазовым, Ч. Александровым, И. Паневым и другими. Почти неотлучно со мной были мой давнишний друг, секретарь ЦК БКП по международным вопросам Димитр Станишев, а также заместитель заведующего Международным отделом Иван Боев. Собственно, все свободное время проходило в этих контактах.

По моей просьбе были организованы поездки на оборонное предприятие «Черное море», в хозяйства Толбухинского района, на паромную переправу Варна – Ильичёвск, ознакомление с туристическим комплексом Золотые Пески.

7 августа состоялась продолжительная, почти двухчасовая, встреча с Живковым в бывшей царской резиденции. Болгарский руководитель прокомментировал решения июльского пленума ЦК БКП. Он не скрывал своего удовлетворения, даже бахвальства принятыми решениями, разработанными мерами. Уже на этой встрече всячески заверял, что никаких осложнений в этом процессе они не допустят, подчеркивая при этом, что реорганизация центра будет производиться несколько позднее и что им самим пока неясно, как должна выглядеть центральная власть.

Для меня эта встреча в основном носила познавательный характер. Старался больше слушать, поглубже вникать в болгарские проблемы. Ведь впереди была еще поездка по стране. Тем не менее с моей стороны была высказана удовлетворенность тем, что у нас складывается общее понимание перестройки и ее основных направлений в Болгарии и Советском Союзе. Я счел полезным рассказать о задачах и этапах нашей перестройки, акцентируя внимание на том, что коренное преобразование государственного и партийного аппарата мы собираемся проводить после того, как будет создан и отработан хозяйственный механизм: «Мы не хотели бы допустить какие-то серьезные ошибки и сбои в

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org перестройке, чтобы не дискредитировать ее суть». На это Живков заметил, что «Болгария небольшая страна, в ней можно более смело, чем в СССР, проводить эксперименты».

Встреча с Живковым не развеяла сомнений о скоропалительности и недостаточной продуманности намеченных мер.

Мои контакты с членами Политбюро и секретарями ЦК подтвердили эти опасения. Болгары сетовали на то, что предложения по реорганизации общественных и экономических механизмов разрабатывались Живковым в узком кругу доверенных лиц. Лишь за несколько дней до заседания Политбюро они были доведены до сведения членов Политбюро. Примерно то же самое произошло и с членами Центрального Комитета перед пленумом ЦК.

В ходе поездки по Болгарии я встретился с руководящими работниками ряда округов и их центров: Шумена, Велико-Тырнова, Габрова, Плевена, с руководителями промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Подтвердилось худшее – отсутствие или неопределенность представлений об экономической и политической перестройке, в том числе по таким вопросам, как передача права собственности трудовым коллективам, реорганизация управления сельским хозяйством, создание областей вместо округов с перенесением их центров из сравнительно крупных городов в более мелкие. Что касается реорганизации центральных округов, то тут еще больше вопросов. А главное, люди не улавливали смысла затеянной реорганизации.

По возвращении в Крым, где я провел оставшуюся часть отпуска, я обо всем сообщил по телефону М.С. Горбачеву. Эта информация еще более встревожила Генсека, тем более что успокоительные заверения Живкова в том, что они спешить не будут, принимать меры будут взвешенно, не оправдывались.

Чтобы пообщаться с работниками Центрального Комитета, других центральных органов в Софии, получше узнать их настроения, в Болгарию был направлен для консультации заместитель заведующего отделом Федоров. Его впечатления совпали с моими. Затееванная в Болгарии перестройка, направленная на словах против бюрократического слоя, в действительности прежде всего преследовала цель укрепления режима личной власти Живкова. С сентября намечалось развернуть отчетно-выборную кампанию в партии в соответствии с новым территориальным делением. В ходе этой кампании предполагалось освободиться от тех, кто недостаточно ревностно проводит линию Живкова, то есть замышлялось нечто вроде чистки партии. Люди, близкие к нам, угнетенные перспективой новой перетряски, опасались за свою судьбу и за то, что еще более выдвинутся деятели типа Балева и Филиппова.

Стало известно, что Живков собирается обратиться с просьбой о приеме его в Советском Союзе. По-видимому, он почувствовал настроения в обществе и решил продемонстрировать, что его линия находит здесь поддержку.

В начале сентября в Софии проходило совещание секретарей ЦК по экономическим вопросам, на которое от ЦК КПСС был направлен Н.Н. Слюньков. Ему было поручено сказать болгарскому руководителю, что Горбачев хочет поделиться своими соображениями и мыслями относительно проблем перестройки в Болгарии, изложенных в присланном в ЦК КПСС докладе Живкова. Если же последуют просьба Живкова о личной встрече с Горбачевым и готовность ради этого приехать в Советский Союз, сказать, что об этом сразу же будет доложено товарищу Горбачеву.

Так и было сделано. На самом совещании ничего неожиданного не произошло. А вот впечатления о встрече Живкова с секретарями ЦК остались у Слюнькова тяжелыми. Живков был в крайне возбужденном состоянии, наговорил массу странностей, на первый взгляд революционных, а по существу авантюристических вещей. В разговоре со Слюньковым Живков действительно высказал желание приехать в Москву, но не для того, чтобы посоветоваться по существу, а принять совместную декларацию.

Было решено с визитом Живкова в Москву не спешить, провести встречу не раньше, чем через месяц, придать встрече рабочий характер без принятия какого-либо заявления и тем более декларации, чтобы не дать возможность Живкову ссылаться на авторитет КПСС. Вместе с тем Горбачев счел целесообразным изложить Живкову наши предварительные соображения, для чего поручил мне в ближайшие дни выехать в Софию. Откровенно говоря, я не был уверен, что это надо было делать. Но тем не менее подготовка к поездке была

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org начата.

Между тем, по сообщениям из Софии от посла Л.И. Грекова, процессы в Болгарии подхлестывались и ускорялись. В частности, Младенов информировал Грекова о том, что уже в октябре сессия Народного собрания рассмотрит вопрос об изменениях в конституции и избирательном законе, после чего будет фактически осуществлена реорганизация всей государственной и общественной системы, а партийной конференции, которая вроде бы была намечена для обсуждения всех этих вопросов, будет сообщено об этом как о свершившемся факте.

Живков сказал, что в данный момент он собирается в отпуск, но «готов принять секретаря ЦК КПСС в любое время и в любом месте». Характерно, что традиционный и престижный праздничный доклад по случаю Сентябрьской революции на этот раз было поручено сделать Балеvu. Собрание проводилось по традиционной схеме. Доклад был выдержан на высокой ноте, с восторженными оценками июльского пленума ЦК БКП, но и в адрес СССР высказаны все традиционные заверения.

Я заблаговременно подготовил материал для разговора с Живковым, направил его сначала на юг к Горбачеву и после его согласия разослал членам Политбюро. Имел и личные беседы по этим вопросам с Рыжковым, Чебриковым, Слюньковым, Яковлевым, Добрыниным и Разумовским. Все одобрительно отнеслись к подготовленному материалу и сошлись на том, что предстоит нелегкий разговор.

И вот наконец 15 сентября я в Софии. Ко мне было проявлено подчеркнутое внимание. Встречал, провожал и был все время со мной Милко Балеv. Разместили в Бояне – самой престижной государственной резиденции.

Встреча с Живковым длилась около двух с половиной часов. Она проходила в присутствии советского посла и переводчиков – заместителя заведующего сектором Отдела ЦК КПСС Гребенникова и Ивана Боева.

Как мне говорил потом Боеv, такого разговора с болгарским руководителем он еще не помнит. Думаю, читателям будет небезынтересно ознакомиться с документальной записью нашей беседы.

Мне остается предварить ее одним существенным замечанием, которое следовало бы, наверное, учесть при оценке этой беседы. Живков своим «весенним сальто-мортале», резким переходом от критического отношения к перестройке, фактического ее неприятия к радикальной перестроечной позиции, даже более радикальной, чем советская, поставил нас в довольно деликатное положение, вынуждая высказывать суждения, направленные вроде бы даже на сдерживание некоторых процессов перемен в Болгарии. Хитрый болгарский руководитель получил возможность парировать многие наши замечания: дескать, вы сами делаете то же самое, а когда мы начинаем двигаться в этом же направлении, возражаете.

И тем не менее во имя того, чтобы не ставить перестройку в Болгарии, а значит, и наши собственные идеи под угрозу дискредитации, нам пришлось откровенно высказать болгарскому руководителю свои опасения.

Впрочем, пусть документальная запись говорит сама за себя. Она приводится лишь с некоторыми сокращениями.

Беседа с Т.Живковым 15 сентября 1987 г., София

Медведев. Прежде всего хочу передать вам товарищеский привет от М.С. Горбачева и всего советского руководства.

Из сообщения совпосла вы знаете, что Политбюро ЦК КПСС с удовлетворением восприняло ваше пожелание приехать в Москву, чтобы обменяться с М.С. Горбачевым мнениями по актуальным проблемам перестройки в наших странах. Его можно будет реализовать, когда М.С. Горбачев вернется из отпуска. Конкретную дату визита можно было бы определить позднее. Мне поручено изложить некоторые предварительные соображения руководства КПСС вам, товарищ Живков, болгарскому руководству по проблемам предстоящей встречи, получить дополнительную информацию по вопросам, для нас не вполне ясным.

Мы твердо исходим из того, что каждая братская партия самостоятельно решает

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org свои проблемы. Это для нас безусловный принцип. Вместе с тем считаем естественным совместное обсуждение вопросов, которые самым непосредственным образом затрагивают обе партии. Сейчас, когда КПСС и БКП приступили к глубоким и масштабным преобразованиям, практическому осуществлению перестройки, взаимопонимание между КПСС и БКП приобретает еще большее значение.

Мы убеждены, что чем сложнее вопросы, тем откровеннее они должны обсуждаться. Жизнь научила нас внимательно прислушиваться к мнению друзей, ибо есть вещи, которые со стороны бывают виднее. Думаем, что и для болгарских товарищей представляет интерес наше мнение о тех процессах, которые у них разворачиваются.

Хотел бы с самого начала ясно подтвердить нашу поддержку общего смысла, направленности и целей болгарской реформы. Да и не может быть иначе, ибо они перекликаются с нашей перестройкой. Мы ценим, что сами болгарские товарищи делают ссылки на значение процессов перестройки в СССР.

Известно, что некоторые новые идеи КПСС, ее критическое переосмысление пройденного пути, планы перестройки были не всеми сразу восприняты. Возникали сомнения, оговорки. Мы это отнюдь не драматизировали, полагая, что нужно дать поработать времени. Такой подход оправдывает себя. Перестройка привлекает к себе все большее внимание, завоевывает все больший международный авторитет. Решения июльского пленума ЦК БКП имеют немалое значение и в этом отношении. Они означают, что перестройка становится интернациональным процессом, отражающим потребности нынешнего этапа развития социализма.

Действительно, современное состояние социализма в наших странах требует не просто отдельных улучшений, а глубоких, кардинальных перемен, призванных гораздо полнее, чем до сих пор, раскрыть его потенциальные возможности во всех основных сферах общественной жизни.

Складывается общее понимание того, что эти перемены нельзя осуществить на базе старого теоретического багажа, нужны решительный разрыв с догматизмом, творческий подход к марксистско-ленинской теории, активный поиск нестандартных оценок и решений, призванных укрепить социализм на деле.

Одним словом, мы приветствуем поворот БКП к решению назревших кардинальных проблем общественного развития. Но мы полагаем естественным, что начавшаяся в этом направлении работа порождает ряд вопросов. Некоторые из них касаются содержательных моментов.

Первое – о развитии самоуправления и перестройке политической системы. Что касается трудовых коллективов, низового территориального звена, тут, судя по всему, наши представления не расходятся. Однако ваша постановка вопроса о преобразовании высших органов, а также среднего звена на принципах самоуправления для нас неясна, особенно с точки зрения ее практическо-политического значения.

Вы считаете, что для раскрытия демократического потенциала социалистического общества, инициативы и энергии масс, повышения эффективности управления надо «перевернуть пирамиду власти», ограничить роль среднего звена и центра лишь теми функциями, которые будут делегированы им с низового уровня.

Нет ли тут опасности, что вместо гипертрофии централизма возникнет засилье местнических, групповых интересов, чреватое серьезными осложнениями в жизни общества, страны в целом? Ведь общественный интерес никогда не был механической суммой отдельных интересов. Хотим мы того или нет, всегда были и остаются вопросы, которые могут решаться только централизованно, хотя и мы, и вы решительно отвергаем централизм бюрократический.

Откровенно говоря, нас смущает и постановка вопроса о том, что нынешняя политическая система в Болгарии не поддается модернизации, ее надо ликвидировать, заменить другой, новой, как об этом вы говорили на недавней встрече с секретарями ЦК братских партий по экономическим вопросам.

Мы сами считаем, что нужны кардинальные перемены. Но каков их характер? Одно дело, когда уничтожается старый общественный строй, завоевывается политическая власть. Другое – нынешняя ситуация, когда речь идет не об

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org этом, а о том, чтобы укрепить, упрочить народную власть.

У себя в СССР мы считаем необходимым подходить к этому вопросу особенно осторожно, взвешенно: не ломать политическую систему, а настойчиво и упорно совершенствовать ее, освобождая от всего старого, отжившего и наполняя новым, демократическим содержанием. Не ликвидировать старые формы, пока не созданы новые.

Возможно, тут какие-то терминологические неясности. Но в любом случае есть что обсудить, о чем обменяться мнениями.

Второе – о партии. Мы ясно понимаем (и об этом было сказано на январском пленуме), что реализация коренных целей перестройки во многом зависит от перестройки самой партии. Об этом говорили и вы в июле.

На июльском пленуме ЦК БКП выдвинут тезис о том, что партия не должна быть субъектом власти. Весь вопрос в том, как его толковать. Если имеется в виду четкое разделение функций партийных и государственных органов, освобождение партии от решения конкретных экономических и технических вопросов – тут у нас общее понимание. Если же речь идет об ограничении права партии принимать решения по актуальным политическим вопросам, то это, как мы понимаем, чревато немалым риском. Особенно велик этот риск на нынешнем этапе, когда начались радикальные преобразования во всех сферах общественной жизни, а партия является главной силой и гарантом их осуществления.

Что касается нас, то, предъявляя повышенные требования к партийным органам, партийному аппарату, круто изменяя стиль и методы работы, мы у себя считаем, что идти на радикальную структурную перестройку партии, пересмотр ее функций как руководящей силы общества было бы сейчас опрометчивым. Здесь нужны особая осторожность и осмотрительность.

Мы сами размышляем над всеми этими проблемами, ищем перспективные подходы, считаем полезным и необходимым их совместное обсуждение.

Есть вопросы, которые вызывают у нашего руководства прямую озабоченность и даже тревогу.

Речь идет прежде всего о последовательности, взятых темпах осуществления перестройки.

Вы хорошо знаете о решимости советского руководства последовательно и до конца довести дело перестройки. Жизнь нас торопит, народ – за решительные, быстрые действия. Мы понимаем, что если упустим время, то можем оказаться в трудном положении. Но видим и другое – перестройка связана с судьбами миллионов людей. Поэтому неподготовленные шаги, стремление разом решить многие проблемы могут вызвать цепную реакцию – экономический спад, социальную напряженность, поставить под угрозу политическую стабильность, дискредитировать саму перестройку.

Мы исходим из того, что перестройка имеет свою логику и последовательность, что сначала необходимо создать новый хозяйственный механизм, утвердить в обществе атмосферу демократии и гласности и уже на этой основе осуществлять крупные структурные изменения в системе общественного управления. Тем более что это связано с живыми людьми, с кадрами, с помощью которых мы только и можем осуществить перестройку.

Болгарские товарищи, видимо, решили начать с того, чтобы кардинально переделать всю структуру управления, хозяйственный, государственный да и партийный аппарат, а затем уже наполнять его новым содержанием. Мы хотели бы понять эту логику. Могут ли дать должные результаты структурные перемены, ликвидация или ослабление сложившихся органов при неотработанности новых методов управления и самоуправления?

Правильно ли выбран момент для столь крутой и болезненной ломки административно-территориального устройства?

Нет ли поспешности в перестройке центрального звена? Еще в начале августа предполагалось, что вопрос о Совмине, других центральных хозяйственных органах будет рассмотрен в конце года на партийной конференции. Но решение по Совмину уже принято. Сумеют ли его новые органы в намеченные сроки

Распад. Как он назывался в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org провести перестройку экономики, включая отработку экономических рычагов, которые предполагается ввести в действие уже с начала будущего года? Взять хотя бы вопрос о ценах. Сложнейшая проблема, требующая тщательной квалифицированной проработки. Ведь переход на полный хозрасчет при старых ценах – паллиатив. Как будут решаться эти вопросы?

Нам, в Советском Союзе, понадобится не менее 4– 5 лет, чтобы новый экономический механизм начал работать в полную силу.

Возникает и такой вопрос, как взаимосвязь кардинальных преобразований с решением текущих проблем.

На последнем пленуме ЦК КПСС мы еще раз подчеркнули: если люди в достаточно короткий период не почувствуют, что перестройка принесет им ощутимые результаты, это загубит перестройку и с политической, и с экономической, и с идеологической точек зрения. Народ должен почувствовать, что перестройка для него, а не против него. Вот почему, решая стратегические вопросы обновления общества, мы уделяем первостепенное внимание обеспечению устойчивого экономического роста, ускорению решения продовольственной, жилищной и других насущных социальных проблем.

Нам известно, что в руководстве БКП получило хождение мнение о неизбежности «платы за перестройку». Публично предсказывается, что реформа, проводимая в Болгарии, повлечет за собой замедление намеченных темпов, экономические сбои и даже спад. Согласиться с такой посылкой – значит заранее обречь себя на неудачу.

Естественно, сбои в выполнении текущих планов могут быть. У нас, к примеру, сложно начинался 1987 год. Но за семь месяцев в результате принятых мер мы вышли на показатели темпов развития, предусмотренных пятилеткой. Мы считаем для себя просто недопустимым заранее оправдывать сбои перестройки.

Откровенно говоря, нас настораживают и высказывания в том духе, что в отличие от Советского Союза, который не вправе допускать серьезные ошибки и срывы, Болгария, дескать, может рисковать, потому что за ее спиной стоит могучий Советский Союз.

А с Запада подбрасывается версия, согласно которой СССР якобы использует Болгарию для проведения перестроечных экспериментов. Более коварного извращения советско-болгарских отношений трудно себе представить.

Наконец, о методах осуществления перестройки.

История нас научила, что крупные перемены в жизни общества, тем более направленные на углубление демократии, нельзя обеспечить декретированием сверху. Чтобы они были успешными, они должны стать делом всей партии, народных масс. Вот почему в рамках нашей перестройки мы не делаем ни одного крупного шага без тщательной подготовки общественности, советов с партийным активом, широкими слоями народа.

Особую заботу проявляем о том, чтобы в стороне от перестройки не остались партия и ее кадры. Все ее вопросы регулярно обсуждаются в Политбюро, наиболее крупные выносятся на пленумы ЦК. Скажем, по оценкам некоторых периодов нашей истории, которые войдут в доклад на торжественном заседании в связи с 70-летием Октября, имеется в виду посоветоваться на пленуме ЦК КПСС. Большое значение придаем предстоящей конференции. Она не будет сведена к одобрению уже принятых решений по перестройке, а поставит новые крупные проблемы.

У нас сложилось впечатление, что радикальные преобразования в Болгарии оказались в значительной степени неожиданными для партии и ее кадров, для различных слоев населения. Это вряд ли может положительно сказаться на поддержке перестройки со стороны общественности. Ведь демократия, самоуправление – не только конечная цель перестройки, но и средства ее осуществления. Сама перестройка – это великая школа демократии для партии и народа.

В общем, если подвести итог нашим предварительным соображениям, можно сказать так: в необходимости и целях обновления социализма у нас с вами нет расхождений. Опасения советского руководства касаются подходов и способов перестройки, но это тоже вопрос политического характера, ибо речь идет о

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org сохранении общественной стабильности.

Болгария, пожалуй, единственная братская страна в Европе, которая до сих пор избежала кризисных потрясений. У нас это, конечно же, связывают в первую очередь с тем, что болгарское руководство, вы, товарищ Живков, умело определяли курс партии все эти три десятилетия. Нет нужды говорить, насколько все мы заинтересованы в том, чтобы так было и впредь.

Еще раз повторю. Мы ни в коей мере не собираемся болгарским товарищам навязывать свои оценки и рекомендации. Наши соображения продиктованы одним – глубокой заинтересованностью в том, чтобы большое дело, начатое вами после июльского пленума ЦК БКП, дало успешные плоды, чтобы перестройка неуклонно вела к укреплению социализма в наших странах, повышению его международного авторитета.

Вот то, что мне поручено в предварительном порядке передать вам, товарищ Живков, всему болгарскому руководству. Это те вопросы, которые, видимо, будут поставлены на предстоящей вашей встрече с М.С. Горбачевым.

ЖИВКОВ. Спасибо за высказанные соображения. Не знаю, с чего начать. Начну с истории.

Как и другие социалистические страны, Болгария учится у Советского Союза. Мы не можем представить себе развития социалистической системы без учета того, что происходит и делается в Советском Союзе. Но мы воспринимали и положительное, и отрицательное в вашем развитии.

При Георгии Димитрове и после него, когда я встал во главе партии, мы неуклонно проводили линию на сближение с СССР, но при этом идеализировали его. Мы защищали от нападок все, что происходит в Советском Союзе, пытались объяснить нашему народу, убедить его, что все, что делается у вас, правильно. Не потому, что хотели вам нравиться, а искренне верили, что так надо. Так было до недавнего времени, вплоть до прихода нового руководства КПСС во главе с товарищем Горбачевым.

Что касается нынешнего этапа, то мы приветствуем советскую перестройку, одобряем ее и широко отражаем в средствах массовой информации. Делается это не по конъюнктурным соображениям, а по убежденности в правильности происходящего.

В 60-х годах мы попытались сделать поворот в экономике, решить вопросы, о которых мы говорим и сегодня. Меня тогда обвинили, что я собрал вокруг себя проюгославские элементы, и работа была прекращена. Однако главным было не это. Главное состояло в том, что у нас не было опыта, что мы натолкнулись на сопротивление аппарата, который задушил наш эксперимент.

В 70-х годах мы возвратились к этим проблемам, начали изучать опыт всех стран, занимавшихся экономической реформой, усиленно работать с соответствующими советскими ведомствами. Попытались сделать что-то и в 80-е годы. Кое-чего удалось достичь – началось использование экономических рычагов в сельском хозяйстве, в промышленности. Но и на этот раз мы натолкнулись на сопротивление аппарата управления. И теперь он душит нашу реформу. Мы постоянно работали. Работали активно, но прорыва осуществить не удалось. Таким образом, мы выстрадали наш опыт.

И только с проведением перестройки в Советском Союзе создались условия для нашего продвижения вперед. Мы попытались обозначить некоторые направления своих действий в решениях XIII съезда партии, декабрьского (1986 г.), а сейчас и июльского пленумов ЦК БКП.

Думаю, что вы располагаете неточной информацией о том, что наши мероприятия оказались неожиданными для общества. Да, перемены происходят, они неизбежны, но сказать, что это сюрприз, нельзя. Мы располагаем более точной информацией. Решения пленума встречены в массах исключительно положительно, а если и есть тревога, напряжение, то только в управленческом аппарате. Я не говорю об отдельных людях, о тех, кто смотрит на принимаемые нами решения через призму собственного положения и интересов.

Решения пленума сняли общее политическое напряжение в стране. Сколько было недовольства, всяческих суждений: «Почему в СССР идет перестройка, а у нас нет? Почему мы ничего не делаем?» Не хочу сказать, что наша работа

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org воспринимается всеми «на ура», но повторяю – мы сняли напряжение в стране. А в это время некоторые думают: «Что будет с нами?» Отсюда и проявления недовольства.

Что касается темпов перестройки, то у нас здесь такое представление. В полном объеме, как это обозначено в концепции, нам потребуется на проведение реформы 10-15 лет. Раньше закончить ее мы не сумеем.

МЕДВЕДЕВ. Ну это уж, наверное, слишком большие сроки. Мы основные преобразования хозяйственного механизма, государственного управления рассчитываем на 4-5 лет.

ЖИВКОВ. Может быть, создается впечатление, что мы ликвидировали власть и допустили вакуум в управлении. Это не так. Существующие государственные органы на местах будут упразднены только тогда, когда мы проведем выборы.

Сейчас приступило к работе временное руководство областей, но это 5-6 человек. А в целом прежнее руководство округов – партийное, государственное, хозяйственное – все на местах, работает и несет ответственность за положение дел. Мы не ликвидировали ни одного органа, ни одного аппарата, не уволили ни одного человека. До каких пор такое положение будет сохраняться – это, конечно, вопрос.

Трудности с выполнением плана есть. Нас снова ставит в тяжелые условия засуха. Не хватает металла. Я не жалею, но трудности объективного порядка существуют. Сегодня на Политбюро мы обсуждали вопрос о выполнении плана текущего года. Мы его не уменьшаем, не корректируем. Борьбу за выполнение плана ведут те же органы, которые существовали ранее и продолжают существовать сегодня.

Что касается высшего эшелона, то, как я и говорил, он будет меняться после внесения изменений в Конституцию. В каком виде это будет – еще не определено. Сейчас у нас работает комиссия по этим вопросам. Да, структуру Совета Министров мы изменили, но он как был, так и остается исполнительно-распорядительным органом. Таким он должен быть при любых изменениях в высшем эшелоне.

Сейчас вот нам говорят, что мы ликвидируем нашу Академию наук.

МЕДВЕДЕВ. У наших ученых действительно возникли опасения по этому вопросу. Мне звонил вчера академик Марчук и с озабоченностью говорил о том, что ему стало известно намерение болгар по западному образцу передать всю науку в вузы, а Академию наук не иметь.

ЖИВКОВ. Могу заверить, что у нас такого намерения нет. Мы не обсуждали этого вопроса. Может быть, кто-то и думает так, но это было бы сумасшествием. Есть некоторые предложения по повышению эффективности работы научного фронта. Но повторяю, они нигде не обсуждались.

Болгария меньше Московской области. Но мы создали четыре совета при Совете Министров. В сфере экономики и финансов в ведомствах работают 33 заместителя председателей ведомств, 140 генеральных директоров. Не многовато ли для такой страны, как наша? Если вы нам скажете, убедите нас, что эта система подходит для Болгарии, мы вернемся к ней, но власть бюрократии таким путем мы не преодолеем.

МЕДВЕДЕВ. У нас много своих проблем борьбы с бюрократизмом.

ЖИВКОВ. Мы теперь говорим о самоуправлении. Взяли этот термин у вас. Раньше мы избегали его, поскольку он был дискредитирован югославами, а говорили о саморегулирующейся системе. После того как вы взяли его на вооружение, используем его и мы. Это наш, марксистско-ленинский термин.

В осуществлении централизма тоже подход новый. Здесь есть хитрость, которую можно назвать «сверхцентрализмом». Он будет обеспечиваться с помощью банковской системы и контроля левом. Если раньше лев выходил из банка, поступал на предприятия, затем на рынок, потом в банк – контроль осуществлялся в конце. Сейчас же мы меняем эту систему. Контроль становится непрерывным. К этому следует прибавить государственный контроль.

Главное, что мы переводим работу коллектива на самоуправление – в этом

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org новое. Сейчас обсуждаем вопрос о практической передаче социалистической собственности коллективам на 10-15 лет. Рабочие в ряде мест не хотят принимать устаревшие основные фонды, но мы втянули их в диалог.

Почему мы спокойны за экономику? Система самоуправления на предприятиях, структура хозяйственных объединений и ассоциаций уже созданы. Здесь нет никаких нерешенных вопросов.

Коль мы создали органы, которые должны работать, мы должны передать им и их функции. Главное, что такую систему нельзя перестроить. Не бойтесь, мы не допустим развала. Да и как мы его можем допустить? Мобилизуем всех на выполнение плана. В результате нашей мобилизации выполнение идет даже лучше, чем раньше. План был под угрозой срыва. В 1986 году выросла задолженность Западу. Тревожным остается положение и в текущем году. Но план мы выполним.

МЕДВЕДЕВ. Мы тоже ведем совершенствование аппарата и принимаем кардинальные меры, сокращаем численность. К примеру, аппарат Агропрома сокращен на 50%.

ЖИВКОВ. Вот видите, вы сокращаете, а когда мы начали сокращать – беспокоитесь.

МЕДВЕДЕВ. Мы ведем эту работу и будем ее проводить дальше планомерно, шаг за шагом, а не вдруг.

ЖИВКОВ. Вы сокращаете и увольняете, а мы, к сожалению, никого не уволили – ни один министр у нас не снят. У всех есть работа, все они распределены и работают. Не уволен ни один человек.

Создание областей народ принял хорошо. В качестве руководителей туда мы взяли хорошие кадры. Часть направим в общинное звено, других (в управленческом аппарате было много инженеров) направим на производство. Пусть идут туда и работают. Мы им сохраним зарплату до тех пор, пока они будут работать на том месте, куда их направили.

МЕДВЕДЕВ. Не подумайте, что мы защищаем болгарскую бюрократию. Мы защищаем болгарскую перестройку.

ЖИВКОВ. У нас нет другой возможности, передайте это Михаилу Сергеевичу. Если мне докажут, что мы можем решить наши проблемы по-другому, я скажу, что ошибся. Но существующая система нас душит.

О партии. БКП никто не избирал в иерархию управления. Мы сделали ее субъектом управления номер один. Но сейчас этот субъект убирать нельзя. Главное здесь – принятие политических решений, а не технологических. Скажем, сейчас мы готовим постановление Политбюро по сельскому хозяйству. Мы не будем вникать в детали. Главную для себя задачу видим в том, чтобы оценить обстановку, процессы, определить направления развития. А конкретные проблемы пусть рассматриваются и решаются Советом Министров, другими инстанциями и организациями. Ведь мы – политические руководители, а не всезнайки.

БКП не изменит своему историческому предназначению. Партия Георгия Димитрова никогда не изменит своему классу. У нас, как и прежде, не будет ни одной проблемы, по которой партия не скажет своего слова. Сейчас же у нас полнейшая деформация руководящей роли партии. Мы не можем не говорить об этом.

МЕДВЕДЕВ. А нет ли здесь противоречия? Вы говорите, что партия не должна быть субъектом власти и даже общественного управления, и в то же самое время она принимает решения по кардинальным вопросам общественной и государственной жизни.

ЖИВКОВ. Нет. Противоречий здесь нет. Партия руководствуется своей идеологией. Она проводит свою политическую линию, руководствуется своими программными документами. Рассматривая любой хозяйственный вопрос, мы не вдаемся в детали, а разрабатываем политическую оценку. Другого подхода здесь быть не может.

МЕДВЕДЕВ. Но вы решили на пленуме не только общеполитические вопросы, но и вопросы о формах государственного управления,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org административно-территориального деления страны, о структуре Совета Министров. Это же все вопросы управления.

ЖИВКОВ. Сейчас у нас переходный период. Если партия не скажет, к примеру, как должен выглядеть Совет Министров, кто же тогда скажет?

МЕДВЕДЕВ. А как же тогда понимать провозглашенный вами тезис, что партия не должна быть субъектом власти и управления?

Действительно, разграничение партийно-политического, государственного, хозяйственного руководства, функций партийных, государственных, хозяйственных органов, общественных организаций – это самый сложный вопрос.

ЖИВКОВ. Успокойте советских товарищей: мы не берем курс на уход от наших обязанностей, на принижение руководящей роли партии. Мы только хотим, чтобы те, кого выбирают, несли ответственность за свою работу. Мы – политическая организация, а не административная. А раз так, мы будем спрашивать с выборных руководителей. Не справятся со своей работой, будем отзывать.

Сейчас мы избегаем категоричных указаний, детализации. И это не жонглерство. Ни один орган – ни государственный, ни хозяйственный, ни политический – не будет ликвидирован до укрепления самоуправляющейся социалистической общности. Под этим мы понимаем заводы, научные организации, учреждения культуры, самоуправляющиеся территории. Пока мы их не укрепим, мы не уйдем из иерархии власти. И люди начинают понимать, что для развития этого процесса нужно время.

Возвращаясь к тому, с чего я начал, хочу сказать, почему у нас ничего не вышло в 60-70-80-х годах. Не было опыта. Но главное – все провалила существующая система. Она все задушила. Мы отдаем себе отчет в том, что сделанное нами – это лишь начало. Это только форма, которую надо наполнить содержанием. Если мы ее не наполним содержанием, это будет катастрофа. Нам надо доработать экономический механизм. Мы этого не скрываем. Мы ничего не скрываем от народа.

Без июльского пленума ЦК БКП пробиться к массовому сознанию нашего общества было бы невозможно. По-другому сделать это было невозможно. Я лично чувствовал сложившуюся обстановку. Нас беспокоило не то, что кто-то ворчит, а беспокоило, что мы не могли дойти до массового сознания. Нам надо было раскрепостить социальную энергию народа. Нужен был открытый диалог. Июльский пленум снял напряженность. Другого пути у нас не было. Правда, для многих людей наши шаги оказались неожиданными.

МЕДВЕДЕВ. Что касается нас, то решения июльского пленума ЦК БКП и ваш доклад восприняты с большим вниманием, встретили положительный отклик. Они отражают реальные потребности. Наши коммунисты, советские люди увидели, что многое у нас с вами идет в одном направлении.

Но и для нас некоторые шаги оказались действительно неожиданными. Скажем, созыв сессии Народного собрания в августе, в разгар летних отпусков, и принятие на ней сразу, без какого-то предварительного партийного или общественного обсуждения, таких вопросов, как новое административно-территориальное деление, реорганизация Совмина.

Вы подтвердили свою методику перестройки: сломать старые структуры, создать новые, а потом наполнять их содержанием. А как же быть в переходный период, когда новые структуры еще не созданы и не наполнены новым содержанием? Вы объясняете, что сделали это для слома бюрократизма. Я доведу ваши разъяснения до советского руководства. Но насколько это единственный и оптимальный путь решения проблемы?

ЖИВКОВ. Мы не откладываем вопросы реорганизации структур управления.

Единственный вопрос для нас, по которому мы не нашли еще решения, – это цены. Какое-то время будем использовать старые.

До конца года надеемся решить вопрос на основе временных цен, приближенных к мировым. Ведь надо жить и работать. Мы – маленькая страна. Мы видим, что цены надо изменить, начиная с цен на сырье и кончая ценами на готовую продукцию. Новая структура не может функционировать без новых цен. При сохранении старых цен все может сорваться.

МЕДВЕДЕВ. Я не уверен, что мировые цены могут легко накладываться на структуру любой страны, что их использовать можно сразу, без глубокой проработки вопроса.

ЖИВКОВ. Я хочу, чтобы вы успокоили советских товарищей: ничего плохого в Болгарии не будет. БКП остается руководящей силой. ЦК и впредь будет держать в руках главные, кардинальные вопросы развития страны, не говоря уже о внешнеполитических проблемах. Кто же их будет рассматривать, как не Центральный Комитет!

Несколько других вопросов.

О СЭВ. На совещании секретарей ЦК братских партий в Софии кое о чем удалось договориться. Мы понимаем, что целостной перестройки СЭВ сейчас не достичь. Есть противники этого. Но мы не можем решить проблем интеграции без коренных изменений форм и содержания работы СЭВ. Что он представляет собой сейчас? Это форма межгосударственных связей. Любые попытки выйти из нее обречены на неуспех. Надо изменить и форму, и содержание работы СЭВ в направлении экономических методов.

О нашем двустороннем сотрудничестве. Ему у нас открыта зеленая улица. В нем нет каких-либо неразрешимых проблем и каких-либо опасений. В отношениях между нашими партиями имеются глубокие традиции, заложенные еще Д. Благодеевым.

Что касается международных проблем, то я восхищен курсом, проводимым вашим руководством во главе с М.С. Горбачевым. Это – ленинский курс. Социалистическое государство как государство рабочего класса не может не рассматривать мировые проблемы в качестве первостепенных. Насколько актуальна мысль о необходимости нового политического мышления! Насколько важны предложения о ликвидации ядерного оружия, демократизации международной политики. Поскольку в области экономики мы пока не можем соревноваться с капитализмом, политика должна быть нашим оружием. Мы едины в подходах и формах проведения политической линии. У нас нет расхождений даже в нюансах.

Что касается нашего сотрудничества, то на днях перед отъездом в Москву А. Луканова мы обсуждали связанные с ним вопросы. В частности, вопрос о создании советско-болгарского банка. Он может сыграть исключительно важную роль. Что касается нашей экономики, то она неразрывно связана с советской, тесные связи имеются в области культуры, науки.

Все, что у вас происходит, мы отражаем в печати. Мы проводим ту же линию. Круглые сутки ругаем американцев.

МЕДВЕДЕВ. Благодарю вас, товарищ Живков, за столь обстоятельные разъяснения. Все это будет доложено нашему руководству, товарищу Горбачеву.

Согласен с тем, что вы говорили относительно СЭВ. На прошлой неделе мы обсуждали эти вопросы перед заседанием Исполкома. Рекомендации рабочей встречи в Москве в полной мере реализовать пока не удалось. Но ждать, пока созреют все, нельзя. Если по тому или иному вопросу есть договоренность между тремя-четырьмя участниками, надо идти вперед. Права вето не должно быть. Мы за то, чтобы быстро продвигаться вперед. Мы отстаем в интеграционных процессах от Запада.

В связи с упоминанием о Луканове хотел бы затронуть одну деталь. Сейчас он единственный представитель в СЭВ в ранге министра. Устав этой организации предусматривает представительство в ранге заместителя председателя правительства.

Передам вашу исключительно высокую оценку внешнеполитического курса КПСС. Хотел бы сказать, что общая согласованная внешнеполитическая линия будет тем эффективнее, чем активнее будут выступать все социалистические страны со своими инициативами. Мы поддерживаем вашу инициативу по созданию безъядерной и свободной от химического оружия зон на Балканах, другие шаги на международной арене.

ЖИВКОВ. Передайте М. С. Горбачеву, другим советским руководителям, что я проинформирую Политбюро ЦК БКП о содержании поставленных вами вопросов.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Уверен, что Политбюро со всей серьезностью отнесется к ним.

Живков с большим, я бы сказал, напряженным вниманием выслушал то, что было поручено мне сказать. Лишь в отдельных местах собеседник просил Ивана Боева перевести на болгарский некоторые слова и выражения.

Что касается его разъяснений, то в них нашли отражение не все поставленные вопросы. Например, практически были обойдены наши опасения относительно недемократических, директивных методов осуществления перестройки. Собеседник старался объяснить и оправдать болгарский метод перестройки, согласно которому надо вначале устранить старые структуры и создать новые, а затем наполнять их новым содержанием. Думается, тут, как и в письменных документах, присутствовали немалый элемент демагогии, стремление пококлетничать новизной и хлесткостью формулировок. На деле же в замыслах болгарского руководства отнюдь не входила утрата рычагов управления. Но ведь это могло произойти и само собой, помимо его желания.

Несомненно, что Живков был искренне заинтересован в нашей положительной реакции на предпринимаемые им шаги. Думается, была не случайной акцентировка на том, что все органы управления в стране функционируют нормально, никто еще не уволен, они не собираются спешить, в планы руководства не входит ликвидация Академии наук и т. д. Безусловно, положительным моментом явилось обещание собеседника довести высказанные замечания до сведения членов Политбюро, ибо раньше наши беседы с ним подавались, как правило, односторонне и главным образом с целью продемонстрировать наше согласие с тем, что делается у них.

17 сентября я доложил об итогах беседы с Т. Живковым на Политбюро. Собственно, докладывать подробно не пришлось, поскольку запись беседы, приведенная выше, была предварительно разослана членам Политбюро.

Вскоре пришло сообщение и из Болгарии, что о беседе со мной было подробно информировано Политбюро ЦК БКП. Она получила положительный отклик и возымела определенное действие: некоторые корректировки были внесены и в практические мероприятия, и в постановку теоретических проблем. Правда, по вопросу о роли партии вновь было повторено, что у советских товарищей якобы сложилось неправильное представление о болгарской позиции. Болгарский руководитель считает, что они зашли слишком далеко, чтобы повернуть или остановиться, что надо убедить советских товарищей в правильности предпринимаемых действий.

Советско-болгарский саммит

В эти дни разговор не раз возвращался к предстоящей встрече Горбачева с болгарским руководителем, обговаривались ее общий замысел и возможная тональность. Я был за то, чтобы на встрече сказать все необходимое, но, может быть, переступить через какие-то слабости и амбиции Живкова, чтобы итог в целом получился конструктивным.

Живков прибыл в Москву 15 октября, а на следующий день состоялась его встреча с Горбачевым. Михаил Сергеевич не стал вдаваться в детали, внимательно выслушал информацию и комментарии Живкова, а затем в своей свободной, раскованной манере остановился на принципиальных вопросах перестройки, рассматривая их применительно к нашей стране, но с учетом и определенных международных аспектов. Горбачев по достоинству и, конечно же, одобрительно оценил поворот, происшедший в Болгарии в отношении к нашей перестройке.

Мы понимаем, – сказал он, – что нужно было время, чтобы осмотреться, разобраться. То, что теперь мы связываем происходящие в наших странах процессы единым понятием перестройки, резко повышает меру нашей ответственности за принимаемые решения и практические действия. Каждая из наших партий сделала свой выбор в пользу перестройки, обновления социалистического общества самостоятельно, и никто не собирается брать на себя роль судь. Но это предполагает, что каждый из нас должен тщательно продумывать, взвешивать свои шаги и с точки зрения интересов своей собственной страны, и с точки зрения общего дела. Вполне естественно стремление посоветоваться по вопросам, которые возникают, посмотреть на свои дела и замыслы в общем контексте процессов, набирающих силу в социалистическом содружестве. Так мы воспринимаем ваш приезд в Москву. Так относимся и к сегодняшнему разговору.

Далее Горбачев высказал свои соображения о темпах и методах перестройки. Он недвусмысленно заявил, что против шоковых решений: невозможно одним махом разрушить старый механизм, а затем на пустом месте создать новые структуры, наполнить их новым содержанием. Мы понимаем, что нельзя упустить время. Знаем также, что ни у кого нет готовых рецептов и схем. Мы продвигаемся по избранному пути, во многом на ходу проверяя практикой принятые решения, расставаясь с тем, что отторгается жизнью. Но здесь есть своя закономерность, свой ключ, без которого перестройка теряет смысл. Этот ключ – демократизация. Она – и цель, и главный метод перестройки. Действиями сверху можно начать какой-то процесс, но осуществить его невозможно без того, чтобы не учитывать интересы людей, без превращения перестройки в их кровное дело, без широкой инициативы и творчества.

Кем должен быть народ в перестройке – исполнителем или хозяином? Это важнейший вопрос, и он не из области абстрактной теории. Мы глубоко убеждены, что важнейшая цель перестройки – коренная демократизация социалистического общества – может быть успешно достигнута лишь при условии, если она будет проводиться в жизнь адекватными ей демократическими методами – через развитие гласности, опору на нее как на важнейший инструмент, через учет широкого спектра мнений и настроений масс. Без этого радикальные преобразования обречены на неудачу, чреватые разочарованием, а то и социальной напряженностью.

Далее Горбачев в деликатной форме изложил наше представление и о роли партии в перестроечных процессах. Он предостерег от непродуманных, опрометчивых шагов, от хлестких лозунгов и левацких действий в этом важнейшем вопросе. Вы говорите, что партия должна стать чище, освободиться от примазавшихся, от бюрократизма, язв коррупции. В оценке этих явлений у нас стопроцентное совпадение. Но ключ к преодолению их, по нашему мнению, не в организационных перетрясках: при перетряске сверху на поверхность могут всплыть приспособленцы, ловкачи, а в общем-то все те же примазавшиеся. Выход, по нашему мнению, здесь один – в развертывании внутривластной демократии, критики и самокритики, безусловном подчинении аппарата выборным органам, в контроле масс через гласность.

Горбачев подчеркнул особую важность сплоченности руководства партии, широкого, неформального, коллективного обсуждения всех крупных вопросов в Центральном Комитете и Политбюро.

В беседе Горбачев затронул и такой деликатный вопрос, как советско-болгарское сотрудничество, а также имеющиеся признаки разворота Болгарии на Запад. Мы не меньше, чем любая другая социалистическая страна, осознаем необходимость технологического рывка и преодоления отставания от Запада. Но путь здесь один – умножать совместные усилия, а не заигрывать с Западом, не трясти перед ним пустым карманом.

«Надо поставить точку и на разговорах о перекачивании национального дохода то ли НРБ в СССР, то ли наоборот. Если действительно тут есть какие-то проблемы, пусть разберутся авторитетные специалисты наших стран. Было бы огромным ущербом для наших народов, если бы мы не противодействовали попыткам ослабить наши узы товарищества и братства.

Общий лейтмотив встречи состоял в том, что поворот, происходивший в Болгарии, создавал основу для еще более тесного сотрудничества наших партий и стран, для плодотворного обмена опытом, открытого обсуждения возникавших вопросов.

Этот разговор был выдержан в хорошем, доброжелательном духе, проходил конструктивно. После встречи и на обеде, и при отъезде гость выглядел окрыленным, да и наше руководство было удовлетворено состоявшимся диалогом.

Казалось, сделано очень важное дело – закрыта довольно сложная и ответственная страница в отношениях между нашими странами на переломном моменте их развития. Атмосфера взаимопонимания была в дальнейшем закреплена во время пребывания Живкова на праздновании 70-летия Октябрьской революции и участия его во встрече левых партий и движений по вопросам современного мирового развития.

Последние годы перед взрывом

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
В дальнейшем наши отношения с руководством БКП развивались в более спокойном русле, хотя были далеко не безоблачными. Вот несколько фактов, с которыми мне пришлось столкнуться.

В конце 1987- начале 1988 года произошло резкое обострение экологической обстановки в районе болгарского города Русе на Дунае в связи с выбросами с химического комбината в городе Джурджу, расположенном напротив на румынском берегу Дуная.

Роза ветров здесь такова, что основная масса выбросов выпадала как раз на болгарский город. В нем возникла напряженнейшая обстановка. Стали проводиться острые политические акции, выдвигаться настойчивые требования принятия необходимых мер по экологической защите населения. Много писем стало поступать и в адрес советского руководства, лично Горбачеву с просьбой оказать воздействие на болгарских и румынских руководителей в этом вопросе.

Кое-кто пытался спекулировать на том, что на румынском предприятии в Джурджу было установлено советское оборудование. Возникла версия, что выбросы в атмосферу являются результатом несовершенства советского оборудования и технологии. На место выезжали компетентные комиссии с участием специалистов разных стран, подробно исследовали завод и пришли к выводу, что дело не в несовершенстве оборудования, а в его изношенности, интенсивной эксплуатации. Румынам были предложены поставки нового советского оборудования.

Однако разъяснения сути обстановки, информация о принимаемых мерах не доводилась до сведения населения и общественности Болгарии. Наши предложения о публикации интервью в болгарской или местной печати с одним из компетентных советских лиц, предложения о советском участии в контроле за экологической обстановкой в районе Русе не принимались. В результате нагнеталась обстановка вокруг роли Советского Союза в этом вопросе, высказывалось недовольство публикациями в советской печати по этому поводу.

Другой факт. Еще в 1987 году было объявлено о создании совместного предприятия на базе паромной переправы Варна – Ильичёвск. Побывав на этом предприятии, я убедился в том, что никакого совместного предприятия фактически нет. Был лишь образован совместный совет для обсуждения возникающих вопросов. Объединения же собственности, акционирования предприятия даже не предполагалось. А для этого были все предпосылки, и главное – в этом была прямая экономическая целесообразность и острая необходимость. Предприятие, объединяющее паром со всеми его службами, портовыми сооружениями, железнодорожной, автомобильной станциями в единое целое, могло бы в значительной мере поднять эффективность транспортных связей между двумя странами и дало бы огромную выгоду.

Представители болгарской стороны в беседе со мной на эту тему соглашались с идеей совместного предприятия. Я обсудил этот вопрос и с самыми высокими советскими инстанциями. Был разговор с Атанасовым и даже с Живковым. Вроде бы все были согласны. Давались поручения, но дело не двигалось. А ларчик открывался просто: болгарская сторона имела высокий доход от паромной переправы, который формально в случае создания единого предприятия перешел бы ему.

Весьма тонкие и деликатные проблемы возникали в связи с письмами и обращениями болгарских граждан в ЦК КПСС и лично к Горбачеву, критиковавшими действия болгарских властей, и в первую очередь самого Живкова. В них все чаще затрагивались политические проблемы. Острые сигналы стали поступать от демократически настроенных представителей болгарской интеллигенции.

В связи с этим вспоминается письмо от ряда профессоров Софийского университета, над которыми Живков учинил настоящую расправу за попытку критического осмысления болгарской действительности.

Как поступить с этим письмом, как помочь болгарским профессорам, что им ответить? По существу мы были согласны с их критикой, понимали мотивы их действий. Открытая поддержка была исключена, ибо означала бы прямое вмешательство в дела другой страны и воспринялась бы как сигнал к борьбе против Живкова; не поддержать – значит пойти против собственной совести и убеждений.

Решили поступить таким образом: ответить болгарским профессорам, что мы получили их письмо и оно передано для рассмотрения в ЦК БКП; одновременно письмо профессоров вместе с копией нашего ответа направить в ЦК БКП – не Живкову, а именно в ЦК БКП, чтобы оно прошло по всем инстанциям.

Мы, естественно, не обращались с просьбами к ЦК БКП, но тот факт, что с письмом ознакомлено руководство КПСС и это через наш ответ, конечно же, стало известно болгарской общественности, ограждал болгарских профессоров от дальнейших репрессий над ними. И действительно, как нам потом стало известно, болгарское руководство вынуждено было смягчить меры в отношении ученых.

Отказавшись не без нашего влияния от тотальной перетряски верхних эшелонов власти, Живков тем не менее не оставил попыток расправляться с неудобными ему людьми, которые по какой-то неуловимой закономерности оказывались, как правило, в более близких и доверительных отношениях с нами.

Именно в это время затеяна была недостойная возня вокруг Тодорова, Александрова, Михайлова. Продолжались интриги вокруг Луканова, Станишева и некоторых других. Вместе с тем Балева, уличенный в финансовых махинациях, лишь на время был отстранен от кормила правления, а затем вновь приближен Живковым.

Подбирался Живков и к Младенову, готовя его освобождение от должности министра иностранных дел. Уже назывался его возможный преемник, но осуществить свои замыслы Живков, по-видимому, просто не успел.

Не случайно именно Петр Младенов оказался тем человеком, который первым вступил в открытую схватку с болгарским руководителем, подвергнув его острой критике и заявив о собственной отставке с поста министра иностранных дел. Это выступление подтолкнуло лавину демократического движения, которая смела режим Живкова, привела к смене руководства партии, положила начало ее обновлению, вплоть до переименования, коренным преобразованиям в стране.

К сожалению, болезнь оказалась запущенной, кризис болгарского общества – очень глубоким и тяжелым для братского народа. На политическую арену вышли новые силы, которые сумели взять на вооружение лозунги демократизации общественной жизни. Пережив мощное потрясение и освобождаясь от груза прошлого, бывшая правящая партия под новым названием и новым руководством (ее лидером стал Александр Лилев) активно включилась в эти процессы.

Начался новый этап истории страны.

Как трудно выводить «белые пятна»

Парадоксы польской ситуации

Из всех восточноевропейских стран отношения СССР с Польшей в ходе ее освобождения от фашизма, да и в течение всего послевоенного периода, складывались, пожалуй, наиболее сложно и драматично.

Внутренняя ситуация в этой стране была наименее стабильной и наиболее беспокойной. На это были свои причины: страшные потрясения, огромные жертвы, неисчислимый материальный ущерб, который страна перенесла в результате войны, сложности в отношениях наших двух стран, доставшиеся нам от истории, которые хотя и сглаживались в какой-то степени совместной борьбой против фашизма, но не могли не сказываться на настроениях польского народа. А тут еще включение Польши в советский блок, навязывание этой стране советской модели социализма, перипетии в руководстве страной, которые происходили явно не без участия Москвы. Для поляков с обостренным чувством национального достоинства, самостоятельности, государственности все это было труднопереносимо.

В то же время в Советском Союзе, а если говорить точнее, в партийных и государственных кругах, в некоторых догматически настроенных слоях населения постоянно высказывалось недовольство, что Польша идет якобы не в ногу, ПОРП недостаточно последовательно решает задачи социалистических преобразований, и в частности не проводит коллективизацию сельского хозяйства, допускает значительное влияние костела, слишком сильно подчеркивает национальную самобытность и т. д. Причем эти настроения резко

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org усиливались, когда Польша вползала в очередной общественно-политический кризис. А они повторялись через 5-10 лет.

Последний кризис, сопровождавшийся мощным выбросом общественного недовольства, произошел в конце 70- начале 80-х годов. На сей раз спонтанный взлет забастовочного движения сопровождался усилением организованной политической оппозиции в лице профобъединения «Солидарность». Угроза общенациональной катастрофы, нависшая над страной, вынудила руководителей Польского государства во главе с генералом Войцехом Ярузельским ввести военное положение, приостановить деятельность «Солидарности», интернировать виднейших деятелей оппозиции.

К моменту прихода к руководству в Советском Союзе М.С. Горбачева правительство Ярузельского в Польше прилагало огромные усилия к тому, чтобы нормализовать общественно-политическую обстановку в стране. Пик наибольших политических и экономических трудностей, порожденных кризисом начала 80-х годов, вроде бы был пройден, но ситуация оставалась сложной, и процесс стабилизации обещал быть долгим и трудным. Надо было восстановить авторитет ПОРП в государстве и обществе, укрепить ее связи с массами, прежде всего с рабочим классом, повысить влияние в среде интеллигенции и молодежи и, главное, конечно, предотвратить нарастание экономических трудностей, связанных с глубокими диспропорциями в народном хозяйстве, неэффективностью экономики, ростом внешней задолженности, сравнительно низким жизненным уровнем значительных слоев населения.

Убедившись, что силовыми методами, подавлением оппозиции, принуждением, административным нажимом ничего не решишь, правительство Ярузельского взяло курс на осуществление глубоких политических и социально-экономических реформ в стране. Они шли в унисон с советской перестройкой. В этой обстановке между руководством Польши и горбачевским руководством с самого начала установилось хорошее взаимопонимание. Я убежден – лучше, чем со всеми другими, в том числе более благополучными странами, которые клялись в верности КПСС и Советскому Союзу. Сложилось и тесное личное общение между двумя руководителями.

Как говорил сам Войцех Ярузельский, на него огромное впечатление произвели XXVII съезд КПСС, состоявшаяся в ходе съезда встреча с Горбачевым. Ярузельский назвал съезд поворотным явлением, сплавом единства политики, экономики и идеологии, отметил интеллектуальную отвагу и творческое новаторство советских коммунистов, призвал своих коллег по партии принять на вооружение решения съезда КПСС, идти в том же русле, «в процессе укрепляющих социализм перемен».

Идеи советской перестройки оказали немалое влияние на проекты предсъездовских документов, доклады и выступления на X съезде ПОРП, в работе которого принял участие Горбачев.

Мы, со своей стороны, сочли необходимым проанализировать состояние советско-польских отношений и придать им новый импульс. Весной 1986 года, вскоре после XXVII съезда, в Политбюро по этим проблемам была направлена записка нашего отдела и состоялось ее обсуждение. Политбюро высказалось за восстановление в полном объеме экономических, политических, гуманитарных связей с Польшей, нарушенных в начале 80-х годов. На Политбюро отмечалось: мы допустили серьезную ошибку, свернув отношения с Польшей в сфере экономики, но в особенности в науке, культуре, образовании, во всей гуманитарной сфере, сведя их к минимуму. В этом повинен Отдел ЦК, который не без санкции брежневского руководства настойчиво проводил эту линию как своего рода наказание для Польши, в то же время усматривая в контактах источник идеологической заразы для советских участников. Тогда считалось, что связи следует поддерживать лишь с нашими верными друзьями и единомышленниками.

Все государственные и партийные органы, общественные организации, местные инстанции, предприятия и учреждения теперь были сориентированы на активную работу с польскими партнерами. За короткий срок докризисный уровень связей между нашими странами был восстановлен.

В области экономики в результате переговоров между Рыжковым и председателем правительства Польши З. Месснером была существенно продвинута координация планов на пятилетку, намечены конкретные меры по углублению экономического сотрудничества. Была оказана помощь Польше в разрешении ее платежных

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org проблем, в том числе в свободно конвертируемой валюте, принято решение по отсрочке платежей по текущей задолженности.

С учетом обоюдного стремления к развитию гуманитарных контактов, связей между областями, трудовыми коллективами, научными институтами, вузами наших стран Ярузельский выдвинул встречное предложение о сотрудничестве Польши и СССР в сфере идеологии и политической надстройки. Развернулась работа по подготовке совместного документа, своего рода декларации по этому вопросу. После тщательной подготовки, длившейся несколько месяцев, в апреле 1987 года такое развернутое соглашение было подписано Ярузельским и Горбачевым в Москве.

Процесс преодоления последствий общественно-политического кризиса в Польше продвигался, однако, очень медленно. К концу 1987– началу 1988 года страна стояла перед решающим рубежом экономических и политических реформ. Как их проводить? Эти вопросы было намечено обсудить на очередном пленуме ЦК ПОРП. Причем его предполагалось провести в два приема – вначале заслушать доклад, начать его обсуждение, а затем прервать работу пленума для того, чтобы провести референдум в стране, в ходе которого решить, как дальше развиваться: путем медленных, постепенных шагов или принимая более резкие и крупные одноразовые меры. В основном это касалось проблемы нормализации рынка и необходимости в связи с этим повышения цен. Руководство ПОРП склонялось к более решительным мерам, но хотело бы получить мандат от общества, ибо они сопряжены со снижением реальных доходов населения.

Степень доверительности отношений между руководителями наших стран была такой, что проект доклада на пленуме был направлен нам для предварительного ознакомления. Надо сказать, что он содержал очень много интересных идей по развитию политической системы, работе среди различных групп населения и социальных слоев, отношениям с оппозицией. Эти идеи отражали, конечно, специфику польской ситуации, но представляли и некий общий интерес. Многие мы извлекли полезного и для себя.

Что касается референдума, то тут, мне кажется, польские друзья все же допустили тактическую ошибку, которой, впрочем, не избежали и мы сами, когда заявили, что не будем проводить повышения цен без совета с народом. Решения по повышению цен или проведению денежной реформы не принимаются на референдумах. Такой путь заведомо обречен на неудачу. Кто же будет голосовать за то, чтобы цены повысились как можно больше и как можно быстрее? Так и произошло. Польское общество подавляющим большинством высказалось за медленный, щадящий вариант реформы цен. Но и он оказался трудным для положительного восприятия. Уже весной 1989 года из Польши стали доходить тревожные сведения о реакции населения на повышение цен даже в щадящем режиме.

Сказались и слабое влияние ПОРП на массы, ее невысокий авторитет, организационная рыхлость. Парадокс в том, что партия, по крайней мере ее центральные органы и руководство, проявляя глубокое понимание ситуации, реальных условий своей страны, большую гибкость и новизну в решении многих, особенно политических и идеологических, проблем, не могла избавиться от представления о ней в собственном народе как о некоей консервативной силе. По-видимому, как и в КПСС, нарастал разрыв между руководством партии, с одной стороны, средним и нижним звеньями партийного аппарата – с другой и партийными массами – с третьей. И на этом довольно успешно строила свою политику и влияние на различные общественные слои оппозиция в лице «Солидарности».

Стоит особо отметить тот факт, что за время перестройки в Советском Союзе удалось сбить волну антисоветизма и антирусских настроений в польском обществе. ПОРП могла теперь без всякого риска для своего влияния ссылаться на КПСС, демонстрировать свое согласие, взаимопонимание с ее руководством. Близость наших партий за короткое время превратилась с точки зрения авторитета ПОРП из негативного фактора в позитивный. Это было просто поразительно.

Особенно впечатляющей демонстрацией изменившихся отношений польской общественности к «восточному соседу», к КПСС и ее руководству стал визит Горбачева в Польшу, который состоялся в июле 1988 года и в котором мне довелось принять участие.

Встреча в аэропорту показалась мне довольно сдержанной и даже сравнительно

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org холодной. Волновался, как я заметил, и сам Ярузельский. Слишком важным был для него визит, слишком многое поставлено на карту.

Но уже на следующий день на встрече в сейме, в общении с жителями на варшавских улицах атмосфера стала быстро меняться, теплеть буквально на глазах. И вот уже большие толпы варшавян скапливаются в местах возможного появления нашей делегации. Оставаясь верным себе, Горбачев не упускал случая, чтобы поговорить с людьми. А в Кракове и в ленинских местах – в Поронине, точнее, в Бялы-Дунайце, куда мы заехали по настоятельной просьбе Горбачева, – мы столкнулись с бурным излиянием настроений поляков. Огромное скопление народа, со всех сторон приветственные возгласы, дружелюбные жесты, множество рук для пожатий. Откуда-то появились сотни и, наверное, тысячи книжек о перестройке, которые передавались Горбачеву для автографов.

Во второй половине дня вся центральная площадь в Кракове была заполнена народом. Состоялось несколько импровизированных митингов, в том числе на месте, где Тадеуш Костюшко давал свою клятву. Исключительно дружественный характер носила встреча с ксендзами и епископом в Марианском костеле. На высоком эмоциональном накале прошла встреча с польской молодежью. Под громкие овации один из популярнейших певцов исполнил песню «Михаил, Михаил».

И уже вообще нечто невообразимое произошло на улицах Щецина. На всем протяжении от аэропорта до центра города улицы были запружены народом. Казалось, весь город вышел навстречу Горбачеву. С большим успехом прошел митинг на судоверфи. А ведь это была одна из опор «Солидарности». Докеры держались с достоинством, но принимали Горбачева очень дружески и тепло. В настоящий триумф вылилась прогулка Горбачева по городу.

С огромным успехом прошла в Варшаве встреча с деятелями польской культуры. Был представлен весь ее цвет, а с советской стороны во встрече приняли участие Тенгиз Абуладзе, Чингиз Айтматов, Галина Уланова, Елена Фадеева, Станислав Федоров, Николай Басов, Наталья Бехтерева и другие. Состоялась содержательная, эмоционально насыщенная дискуссия по волнующим интеллигенцию вопросам.

Заключительная беседа Горбачева с Ярузельским прошла в обстановке сердечности и взаимного согласия. Состоялось подписание совместного заявления, ряда других советско-польских документов. Атмосфера растущего взаимопонимания, дружелюбия, стремления к сотрудничеству царил и на большой пресс-конференции по итогам визита, которую мы провели вместе с секретарем ЦК ПОРП Юзефом Чиреком, с участием руководителей служб информации Урбана и Герасимова, с польскими, советскими и зарубежными журналистами. Большинство вопросов было адресовано мне. Но даже самые сложные из них не вызвали трудностей в этой благожелательной обстановке. Чувствовалось, что визит Горбачева воспринимается как действительно большое событие в истории советско-польских отношений. Как потом отмечалось в польской печати, ни одна из предыдущих двусторонних встреч руководителей наших стран не отличалась такой заинтересованностью, дружеским взаимопониманием по всем вопросам – будь то экономическое сотрудничество или взаимодействие в сфере надстройки. Оживление в Польше в эти дни сравнивалось с тем, какое царило в связи с пребыванием в стране папы римского.

Тем более неожиданным и удивительным для нас оказалось новое резкое обострение обстановки в Польше, происшедшее через месяц с небольшим. В августе начались массовые выступления рабочих на севере страны – в том числе и в Щецине, а также в Кракове, которые затем перекинулись и в горнодобывающую промышленность. Каша заварилась довольно густая. Резко активизировалась «Солидарность», хотя, как стало известно, забастовочная волна возникла спонтанно, несколько раньше и не там, где намечалось.

Срочно был созван пленум ЦК, на котором встал давно уже назревший вопрос о недоверии правительству. Но пленум не стал высказываться по этому поводу, пусть решает сейм. В перерыве пленума Ярузельский собрал совещание первых секретарей воеводских комитетов и поставил вопрос о собственной отставке. Но из 19 первых секретарей 15 выступили против. По предложению Чирека решено было создать Комитет национального согласия во главе с Ярузельским.

Руководство страны осознало необходимость коренного изменения подхода к внутривластным проблемам, принятия ответственных решений. Такая

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org программа действий была выработана. Ее центральным пунктом стал диалог с оппозицией в рамках «круглого стола». Естественно, возник вопрос и о смене правительства, о новом ее руководителе, на роль которого прочили Мечислава Раковского.

По просьбе Ярузельского в Москву для информации советского руководства был направлен Юзеф Чирек. Практически весь день 23 сентября я провел с ним, затем вечером состоялась трехчасовая встреча у Горбачева. Наш собеседник, естественно, посчитал своим долгом объяснить такое на первый взгляд резкое изменение в настроении польского общества – от того, что мы сами видели в июле, до того, что произошло в августе.

Оказывается, не все было на поверхности. Одно дело – восторженное восприятие Горбачева, его не могло проигнорировать даже руководство «Солидарности», призвавшее население страны приветствовать популярного советского гостя. Другое дело – критическое, во многом негативное отношение к собственному правительству. Конечно, дружеские отношения Горбачева и Ярузельского сыграли свою роль, но не могли изменить общую ситуацию. И в августе «плотина» общественного недовольства прорвалась.

Чирек информировал нас об аргументах и соображениях в пользу проведения «круглого стола» с оппозицией. Польскими руководителями это подавалось как шаг, направленный на раскол оппозиции, и как диалог с ее реалистически мыслящим конструктивным крылом, возглавляемым Л. Валенсой, как начало процесса национального примирения и возрождения. Но было ясно, что это вынужденная, реалистическая позиция. Она так и была воспринята нами.

Чирек почему-то счел необходимым подробно прокомментировать рекомендацию Раковского на пост руководителя правительства. Казалось, он ожидал каких-то сомнений и чуть ли не возражений на этот счет с нашей стороны. Но Горбачев, верный себе, сказал, что это дело польских друзей. Мы не хотели бы подвергать сомнению их решение, если бы даже и были к этому основания. Горбачев высоко отозвался о способностях и политических возможностях Раковского. Мы не разделяем того недовольства, которое раздавалось в адрес Раковского в советских верхах в брежневские годы.

Кстати говоря, буквально за несколько недель до этого Раковский был в Москве, встречался с Горбачевым. У меня тоже состоялась довольно продолжительная беседа с ним. Раковский сообщил, что готовит книгу о Советском Союзе. Он только что побывал в Крыму, во Владимирской области и был полон впечатлений от встреч с советскими людьми, журналистами, общественными и политическими деятелями. Собеседник произвел на меня большое впечатление глубиной, ясностью и радикальностью суждений.

Конечно, у Раковского было и то, что не всем нравилось: явное интеллектуальное и волевое превосходство над другими рождало известную амбициозность. Но что это – недостаток или достоинство политика? Еще вопрос. Во всяком случае, в такой ситуации, какая сложилась в Польше, Раковский был подходящей фигурой для главы правительства. Ярузельский, я уверен, здесь не совершил ошибки.

В целом же с осени 1988 года начались трудные времена для ПОРП и Ярузельского, наполненные острыми политическими схватками с оппозицией, демонтажем прежней системы управления обществом, попытками, реформируя партию, сохранить ее позиции. И все это в исключительно неблагоприятных условиях. Затем они еще более осложнились в связи с острейшим кризисом, разразившимся в других социалистических странах, и в первую очередь в Советском Союзе, что ограничило возможности для маневрирования и для получения экономической помощи, а Польша так остро в ней нуждалась.

Эта полоса развития проходила под знаком растущего перевеса оппозиции, а ПОРП все более и более вынуждена была уходить в глухую оборону, сдавая одну позицию за другой, вплоть до полной утраты власти и овладения ею оппозиционными силами. Лишь в начале 1990 года, проведя на своем XI съезде глубокое обновление и приняв новое название «Социал-демократическая партия» (СДП), партия польских трудящихся нашла в себе силы приостановить распад, закрепиться на позициях крупной политической организации.

В это непростое для страны время генерал Ярузельский показал себя мудрым и, я бы сказал, тонким политиком, национальным деятелем в подлинном смысле этого слова. Отстаивая принципиальные позиции, он сделал все для того,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org чтобы не довести дело до междоусобной борьбы и открытого межнационального конфликта, продолжить движение Польши по пути реформ в рамках общедемократических процессов.

В связи с этим хотелось бы несколько подробнее рассказать о моих личных встречах с Войцехом Ярузельским.

Генерал Ярузельский: политик и человек

Мое личное знакомство с генералом не очень давнее – с 1984 года. До этого я наблюдал его издали. Но по мере того как я узнавал его ближе, коренным образом менялось мое представление о польском лидере. Его избрание первым секретарем ЦК ПОРП мною было воспринято как временная мера, как фактическая передача власти в Польше единственной силе – армии, которая только и могла спасти страну.

Ярузельский представлялся мне тогда властной личностью, тяготеющей к диктаторским замашкам, человеком не очень-то искушенным в политике, прямолинейным, с немалой долей заносчивости и апломба. Я видел в нем человека, способного, опираясь на патриотические и даже националистически настроенные слои польского общества, вывести страну из кризисной ситуации.

Мне казалось, что после отмены военного положения Ярузельский вернется к своим армейским делам, покинет политическую арену. Но произошло иначе: Ярузельский с головой ушел в решение проблем нормализации политического и экономического положения в стране, передал пост министра обороны другому деятелю, хотя и сохранял связи с армией как своей политической опорой.

К этому периоду относится и моя первая личная встреча с генералом. В 1984 году я как заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС посетил Польшу во главе делегации вузовских работников. Положение в польских вузах, которые были одним из главных оплотов оппозиции, оказалось в это время очень сложным. Связи с советскими вузами фактически были прерваны, приходилось их восстанавливать буквально по крупицам.

Делегация побывала в ведущих вузах Польши, в том числе Варшавском университете, Вроцлавском политехническом институте. Наши встречи проходили в больших аудиториях в острых, но доброжелательных товарищеских дискуссиях. А в заключение состоялась развернутая беседа с генералом.

Должен признаться: беседа произвела на меня огромное впечатление и полностью перевернула представление о польском руководителе. Его анализ ситуации в Польше поразил, я бы сказал, точностью и какой-то элегантною мышления, абсолютно не вяжущейся с традиционными представлениями о военных с их категоричностью, грубоватой прямоотой, отсутствием рефлексий. Это был умный, диалектический разговор с профессиональным политиком.

За внешней оболочкой суровости, даже напыщенности приоткрылась тонкая, деликатная, в чем-то даже застенчивая натура. Вместе с тем то, что говорил Войцех Владиславович, было лишено размытости, носило четкий, взвешенный и достаточно определенный характер. Я понял, что авторитет Ярузельского опирается не только на традиционно почтительное отношение поляков к своим военным, но и на личные качества генерала как крупной политической фигуры национального масштаба.

Не оставляло сомнений и другое: Ярузельский не на словах, а на деле искренне привержен советско-польскому сотрудничеству, и эта приверженность не только имеет личностные истоки, но и покоится на понимании неразрывности национальных интересов Польши и Советского Союза. Что касается опыта личного общения Ярузельского с нашей страной, то он весьма сложный и противоречивый. Позднее я узнал из рассказов самого Ярузельского, что он юношей в числе нескольких сот тысяч поляков был депортирован в Советский Союз вместе с семьей под предлогом, что она относилась к классово враждебным силам. В тяжелых условиях провел он в Сибири два или три года жизни. Лишь потом оказался в польских частях, сражавшихся на стороне Красной Армии.

Мои контакты с Ярузельским стали регулярными после того, как я возглавил Отдел ЦК по связям с социалистическими странами, на ежегодных совещаниях Политического консультативного комитета стран – участниц Варшавского Договора, на рабочих встречах руководителей соцстран и других

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org многосторонних и двусторонних мероприятиях.

Были у нас встречи и в неофициальной обстановке. Ярузельский любил проводить свой отпуск на Черноморском побережье Кавказа. В сентябре 1986 года он вместе с супругой Барбарой отдыхал в Пицунде, а я неподалеку – в Новом Афоне. Благоприятное время и прекраснейшая природа, которой просто невозможно не восхищаться. Это как раз те места, в которых через несколько лет разразится острейший грузино-абхазский конфликт. Невозможно представить этот поистине райский уголок нашей планеты охваченным ненавистью, национальным озлоблением, ассоциировать его с гибелью сотен людей.

Тогда же было все по-иному. Генерал пригласил меня с женой, и мы провели несколько часов вместе. Во время прогулки по аллеям знаменитой пицундской роши, а затем за ужином с грузинским вином мы с генералом рассуждали о проблемах нашего тогдашнего бытия, не вдаваясь в конкретику, а в таком общечеловеческом и общечеловеческом плане.

Естественно, разговор вращался вокруг идеи обновления социализма, и прежде всего в экономике, системе мотивации экономической деятельности людей, а это связано с более общей проблемой положения человека в обществе. Декларации и реальная действительность тут сильно разошлись. Ярузельский с большой убежденностью и искренностью говорил о значении поворота в развитии советского общества, начатого Горбачевым и его командой, не только для Советского Союза, но и для Польши, всех ее друзей и мира в целом.

У меня еще более укрепилось мнение о Ярузельском как человеке, глубоко понимающем суть современных проблем и переживающем за судьбы социализма.

К разговору подключались и наши жены, оживляя его своими наблюдениями, эмоциями. Супруга Ярузельского Барбара оказалась непосредственной натурой, без тени чопорности. Незадолго до приезда она сломала руку, теперь рука была в гипсе, но Барбара оставалась в хорошем настроении, сохраняла чувство юмора, была весьма разговорчива, что очень оживляло сдержанную манеру поведения генерала.

Познакомились мы и с дочерью Ярузельских – Моникой. В общем, это была симпатичная, милая семья, с которой мы в течение ряда лет поддерживали отношения. Я понимаю, как непросто им было пережить последующие события, связанные с постепенной утратой генералом политической власти, его уходом от активной партийной и государственной деятельности.

Вспоминается еще одна встреча. Генерал принял нас троих – Яковлева, Добрынина и меня – во время проходившего в Варшаве в январе 1987 года совещания секретарей ЦК партий соцстран по идеологическим и международным вопросам. Не буду воспроизводить всю нашу беседу – она была, как и на других встречах, аналитическая и насыщенная, открытая и дружественная. Отмечу лишь один момент, который, с моей точки зрения, был очень важным.

Как всегда осторожно, но четко Ярузельский коснулся проблемы преодоления недоверия между нашими народами и необходимости обсуждения и прояснения тех страниц истории, которые порождают это недоверие. Он не скрывал, что польское руководство испытывает по этим вопросам огромное давление со стороны общественности своей страны, и прежде всего интеллигенции. Ярузельский подчеркнул, что они не настаивают на какой-то определенной интерпретации событий, но нужен диалог, постепенно, шаг за шагом приближающий нас к истине. Ничего при этом не упрощать, не мазать одним цветом. Генерал сослался на нелегкие страницы собственной судьбы, когда он стал жертвой массовой депортации поляков после присоединения к СССР Западной Украины. Благодаря участию и помощи сибиряков, среди которых я оказался, говорил он, мне удалось выжить и выйти в люди.

Безусловно, Ярузельский – яркая личность, крупный политический руководитель. Это проявилось в его стремлении приблизить к власти людей способных, неординарных, не опасаясь того, что они в чем-то его могут превзойти. Об одном из них – Раковском – речь уже шла.

Хочу сказать еще об одном человеке из ближайшего окружения Ярузельского, с которым я поддерживал регулярные контакты. Это Юзеф Чирек, который был и министром иностранных дел Польши, и секретарем ЦК ПОРП по международным и идеологическим вопросам, доверенным лицом Ярузельского на завершающем этапе его деятельности как первого секретаря ЦК ПОРП.

На первый взгляд он казался человеком с довольно неопределенной позицией. В дальнейшем, в особенности в тот период, когда Чирек стал фактически вторым лицом в партии и главным связующим звеном между нашими партиями, стал приезжать в Москву для консультаций, обмена опытом, он раскрылся как человек очень глубокий, содержательный, тонкий, хорошо чувствующий ситуацию. Налет сдержанности и настороженности сохранялся и в это время, но я никогда не сомневался, что все, что говорит Чирек, тщательно продумано, взвешено и адекватно отражает мнение польского руководства. Мне нравятся люди такого типа, они действительно чужды показухе, дешевым эффектам, стремлению произвести впечатление, а озабочены прежде всего делом – как найти правильное решение и осуществить его.

Сложные страницы истории

Особое место в советско-польских отношениях занимала проблема трактовки трудных, порой драматических страниц нашей общей истории. Тут и события давней истории, соперничество между католической Польшей и православной Россией за доминирование в Восточной Европе и в славянском мире, которое временами выливалось в открытую войну, и политика царизма в отношении Польского государства, подавление польского национально-освободительного движения.

Но наиболее тяжелый след в сознании народов оставили события новейшей истории – советско-польская война 1920 года и поход Красной Армии на Варшаву, сталинская расправа с руководителями Коммунистической партии Польши в 1939 году, советско-германский договор 1939 года и секретные протоколы к нему, сложный клубок отношений с польским эмигрантским правительством, Варшавское восстание 1944 года и, конечно же, Катынское дело.

Во времена Сталина всем этим вопросам в нашей исторической литературе давалось в большинстве случаев одностороннее, тенденциозное объяснение в духе шовинизма, неприязни к Польскому государству. В дальнейшем, когда возникло новое Польское государство, руководимое коммунистами, акценты изменились – тяжелые моменты умалчивались, отодвигались на задний план, как будто их не существовало или они не играли значительной роли.

Все внимание было перенесено на те факты из истории, которые служили укреплению чувств дружбы польского и советского народов: совместная борьба русских и поляков против немецкого «дранг нах остен», начиная с битвы при Грюнвальде; связь и духовная близость между деятелями культуры и демократического революционного движения; значение Октября для возрождения самостоятельного Польского государства; совместная борьба против фашизма в годы второй мировой войны; взаимопомощь в годы «социалистического строительства». Та же по существу линия продолжалась и в годы брежневского застоя. На исследование ряда событий нашей общей истории сохранялся строгий запрет, особенно в СССР.

Так, по сути дела, искусственно была создана проблема «белых пятен» во взаимоотношениях наших стран.

В годы перестройки и гласности, когда мы с новых позиций обратились к нашей собственной истории, обойти молчанием «белые пятна», сделать вид, что их не существует, стало абсолютно невозможно. Глубокие раны в общественном сознании народов, и в первую очередь польского народа, нанесенные в советское время, не заживали.

Хочу подчеркнуть, что стремление разобраться с «белыми пятнами» исходило от обеих сторон, возникло на основе встречного движения. Совершенно необоснованно утверждение, что у советской стороны было желание что-то скрыть, создать впечатление, что поляки на нас нажимали, а мы отчаянно сопротивлялись и только под их нажимом уступали одну позицию за другой. Не исключаю, что отдельные лица и даже целые инстанции, мягко говоря, не испытывали энтузиазма от ликвидации «белых пятен» и даже препятствовали этому, но у советского руководства в целом позиция была ясная: «белых пятен» быть не должно. И это я постараюсь показать на конкретных материалах и документах, относящихся к тому периоду.

Уже в первые месяцы работы, вникая в проблематику наших отношений с Польшей, я убедился в ключевом значении прояснения ряда исторических

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org событий, и прежде всего достижения ясности и установления правды относительно секретных протоколов к советско-германским договорам 1939 года и катынской трагедии.

Значение этого вопроса в полной мере обнаружилось в ходе подготовки Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. Не припомню, от кого исходило предложение о создании Совместной комиссии ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, но оно оказалось очень удачным и своевременным. Была подведена черта под прежним периодом, когда на обсуждение этих проблем было наложено строгое табу. Начался диалог, причем в форме, не допускавшей ни хлесткой полемики, ни взаимных обвинений, что могло только взвинтить эмоции и усилить напряженность.

В состав комиссии вошли ведущие специалисты-историки. Сопредседателями комиссии были с польской стороны видный ученый-историк Я. Мачишевский, со стороны Советского Союза – директор Института марксизма-ленинизма Г. Смирнов. В результате интенсивной работы, откровенных и дружественных дискуссий комиссии удалось продвинуться вперед в выработке согласованных оценок ряда крупных событий, в советско-польских отношениях 1917 – 1945 годов.

Так были преодолены значительные расхождения по вопросу о характере и причинах войны 1920 года. Польские историки придерживались взглядов, сформировавшихся еще при Ю. Пилсудском, в соответствии с которыми война возникла как результат столкновения двух тенденций: с одной стороны, стремления обрести независимость Польши к восстановлению своих территории и границ, а с другой – стремления советской власти распространить социалистическую революцию на Польшу, а через нее и на Западную Европу. При этом явно недооценивалась роль Октябрьской революции в восстановлении независимого Польского государства. В результате дискуссий польские ученые согласились с обоснованностью суждений советских историков рассматривать войну 1920 года в рамках складывавшихся с 1917 года отношений советской России и Польши под влиянием Октябрьской революции.

Были глубже изучены проблемы, касающиеся связей Коминтерна и Коммунистической партии Польши, обстоятельств ее роспуска и истребления руководства, раскрыта роль Сталина как непосредственного виновника репрессий в отношении польских коммунистов. Признано, что причиной конфликта между руководителями КПП и Сталиным было осуждение польскими коммунистами методов внутрипартийной борьбы, применявшихся Сталиным. Прослежено, как шаг за шагом подготавливал Сталин расправу, внедряя тезис о «засоренности» КПП провокаторами и полицейскими агентами. Наконец, последовало указание Сталина о необходимости распустить эту партию, а за ним – арест и уничтожение руководителей КПП.

Польской стороне было передано 106 тыс. кадров микрофильмированных документов по истории польского рабочего движения. В их числе – решение Исполкома Коминтерна о роспуске КПП от 16 августа 1938 г. и второй документ, вообще до тех пор неизвестный: решение ИККИ от 26 мая 1939 г. о начале восстановления КПП, сам факт которого свидетельствовал о необоснованности и ошибочности первого решения, но цвет партии к этому времени был уже истреблен.

Большая исследовательская работа проводилась и вокруг событий 1939 года, интерес к которым особенно оживился в связи с приближавшимся 50-летием начала второй мировой войны. Советские историки согласились со справедливостью позиций польской стороны в оценке гитлеровского нападения на Польшу, характера войны Польши против Германии как с самого начала справедливой.

Советская сторона признала несовместимыми с международными нормами, оскорбительными для Польши высказывания Молотова, в которых Польша называлась «уродливым детищем Версальского договора» и утверждалось, что после эмиграции польского правительства «Польское государство перестало существовать». Об этом было недвусмысленно сказано в статье Смирнова, опубликованной в журнале «Новое время», перепечатанной газетой «Трибуна люду» и воспринятой как официальная советская позиция.

Определенное продвижение вперед было достигнуто в вопросе о депортации польского населения в глубь СССР в 1939–1941 годах. Раньше этот вопрос не

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org изучался, и члены комиссии начали работу фактически с нуля.

Для исследователей этих проблем были открыты архивы МИД и МВД СССР. Изучение показало, что на территории СССР в результате присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии оказалось 4 млн. поляков. На основании декрета Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. все они стали советскими гражданами.

По оценке профессора В.С. Парсадановой, из западных областей Украины и Белоруссии в глубь страны было перемещено около 900 тыс. поляков.

В советских лагерях для интернированных находилось около 25 тыс. польских офицеров, а всего было интернировано более 200 тыс. польских военнослужащих. По политическим мотивам в лагеря и тюрьмы заключена 71 тыс. и переселено в восточные районы СССР около 208 тыс. человек. В 1940–1941 годах на заработки в Советский Союз выехало около 50 тыс., эвакуировано на Восток вместе с заводами 200–300 тыс. поляков. В Красную Армию было призвано около 150 тыс. бывших польских граждан. В советских партизанских отрядах сражались 11 тыс. поляков. В составе армии Андерса из СССР в Иран в 1942 году ушло 75 тыс. солдат и 114 тыс. гражданских лиц.

После 1945 года началось возвращение поляков из СССР на родину. На первом этапе репатриировалось 1,5 млн. человек. В 1956–1957 годах СССР покинуло еще 230 тыс.

Данные и оценки польских историков в основном совпадали с этими выкладками.

Как видно, проблема массовых перемещений и передвижений людей очень сложная, с ней связаны самые различные факторы и процессы, требующие детального, конкретного исследования.

Что касается собственно депортации, то польские специалисты акцентировали внимание на дружественном, полном сочувствия отношении советских людей к депортированному польскому населению, это подтверждается многочисленными свидетельствами польских граждан, в том числе и Ярузельского.

Таковы некоторые первые результаты деятельности советско-польской комиссии историков. Надо сказать, что ученые обеих стран отнеслись к ней с большим энтузиазмом. Г. Смирнов регулярно информировал меня о ходе совместных обсуждений и выводах, о трудностях и препятствиях. В чем мог, я всячески помогал комиссии, докладывая время от времени руководству ЦК и лично Горбачеву о возникавших проблемах.

Секретные протоколы

В конечном счете работа комиссии уперлась в два вопроса: советско-германские секретные протоколы 1939 года и Катынское дело. Все, что можно было сделать на основе известной в то время документации, было сделано, но правда так и не была восстановлена. Усилий самой комиссии было уже недостаточно.

Собственно, для меня было ясно, что эти две проблемы выходят за рамки чисто научного исследования и решать их надо на политическом уровне. Не случайно в постановление Политбюро по итогам встречи Горбачева с Ярузельским в апреле 1987 года, проект которого готовился мною, было вписано поручение МИД и международным отделам ЦК изучить вопрос о секретных протоколах и внести предложения. И еще до того, как комиссия историков приступила к работе, Отдел ЦК вместе с МИД плотно занялись этим вопросом, собрали досье всех имеющихся материалов.

Изучив их, я написал краткую записку Горбачеву, 28 июля передал ее «из рук в руки», высказавшись за то, чтобы обсудить и решить этот вопрос: «Чем больше мы тянем, тем сложнее будет сделать это в будущем». Мою записку по секретным протоколам 1939 года Горбачев оставил у себя (к сожалению, она у меня не сохранилась), согласившись с моим предложением о дезавуировании оскорбительных в отношении Польши высказываний Молотова в 1939 году через печать. В моем присутствии он связался с В.М. Чебриковым и поручил ему вернуться к вопросу о Катыни, несмотря на уверения председателя КГБ, что комитет не располагает материалами на этот счет.

В начале октября я вновь завел разговор с Горбачевым о секретных протоколах

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org к пакту 1939 года. Но результат был тот же: никаких новых документов к этому времени ему не было представлено. В ходе консультаций с Ю. Чиреком, состоявшихся вскоре после этого, пришлось по-товарищески просить польскую сторону не форсировать развитие событий, дать нам время для того, чтобы подкрепить документальную базу.

Проблема встала особенно остро в связи с подготовкой визита Горбачева в Польшу, намеченного на лето 1988 года. 5 мая вопрос о секретных протоколах к советско-германскому пакту 1939 года был вынесен на заседание Политбюро. Насколько я помню, была подготовлена совместная записка за подписями Э.А. Шеварднадзе, А.Ф. Добрынина и моей, в которой излагалась суть дела и были сформулированы три варианта решения этого вопроса с анализом возможных положительных и негативных последствий каждого из них. Один вариант – продолжать занимать ту же позицию непризнания секретных протоколов, а копии считать фальшивкой. Другой – по имеющимся копиям и другим косвенным свидетельствам признать существование протоколов и дать им оценку. И третий, промежуточный вариант – не идти на юридическое признание протоколов, но и не отрицать их де-факто, дать возможность историкам дальше изучать и обсуждать эти вопросы.

Предварительно с Шеварднадзе мы договорились, что докладывать на Политбюро будет его заместитель Ильичев, но то ли Леонид Федорович замешкался, то ли аппарат не сработал, к началу обсуждения этого вопроса его в зале Политбюро не оказалось, и пришлось докладывать мне.

Выступать я все равно собирался. Обычно выступления на Политбюро делались, конечно, не по написанным текстам. Но в данном случае вопрос был настолько важным и острым, что выступление мною предварительно было тщательно продумано и положено на бумагу.

Выступление на заседании Политбюро 5 мая 1988 г .

«Вопрос о протоколах 1939 года – один из тяжелейших для нас. По существу он довольно ясен. Их отрицание и тем более квалификация как фальшивки никого не убеждают. Оригинал нет, но имеющиеся копии и с той, и с другой стороны совпадают. Реальность протоколов подтверждается и самим ходом событий, которые развивались в точном соответствии с ними, а там, где возникали отклонения, они поправлялись. Например, немцы, продвинувшись в ряде случаев дальше, чем намечалось, затем отошли к согласованной линии.

По существу признание протоколов содержалось и в советской печати. Я имею в виду «Историю Великой Отечественной войны» (издание 1961 г., т. I). На стр. 176 этой книги говорится: «Советский Союз уже не мог оказать помощь Польше, правительство которой столь категорически ее отвергло. Единственно, что можно было сделать, – это спасти от германского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию, а также Прибалтику. Советское правительство добилось от Германии обязательства не переступить линию рек Писа, Нарев, Буг, Висла, Сан (выделено мной.- В. М)». Но в основном советско-германском договоре это обязательство Германии не предусматривается, значит, была и какая-то другая договоренность, другой документ. Это высказывание хорошо известно в Польше и в других странах, и на него ссылаются историки.

Возникает альтернатива: или и дальше уходить от этого вопроса под предлогом того, что нет оригинала, или фактически в той или иной форме признать их. Умолчание – не выход, потому что уже сам факт умолчания используется против нас, против нашего курса на гласность и перестройку.

Что касается признания, то оно, конечно, связано с определенными издержками, вызовет, по-видимому, какой-то всплеск антисоветской пропаганды, породит определенные трудности внешнего и внутреннего порядка. Но зато это расчистит почву, снимет с нас тяжкий груз, даст возможность развернуть активную наступательную пропагандистскую работу. Это было бы в русле традиций открытой, гласной внешней политики и в конечном счете не снизило бы, а повысило авторитет Советского государства и нынешнего руководства.

Это открыло бы возможность для развертывания более активной наступательной работы по разъяснению нашей позиции в сложнейшей мировой обстановке, приведшей к возникновению второй мировой войны. Начало такой работе положено в докладе о 70-летию Октябрьской революции, где было убедительно показано, что для нас пакт 1939 года был тяжелой, но вынужденной мерой. Эту

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org работу надо было бы активно развернуть в научной литературе и пропаганде.

И напротив, наше молчание по поводу секретных договоров создаст впечатление, что мы чего-то боимся, что-то пытаемся скрыть, о чем-то умалчиваем.

Какие «за» и «против» с точки зрения польской ситуации?

Для польского общества существование договоров давно уже воспринимается как очевидное. Конечно, какие-то спекуляции могут быть, но взрыва общественного мнения не произойдет. В польской печати в конце прошлого года опубликован полный текст секретных протоколов в западном варианте. Они оживленно обсуждаются в периодике, в научной литературе, и, пожалуй, главное, что вызывает непонимание в польской аудитории, – это наше молчание по данному вопросу.

Вот что думает об этом один из видных польских историков, член совместной советско-польской комиссии профессор Ковальский. «Смешно говорить о „белых пятнах“. Конечно, если взять то, что написано, то в этом случае они есть, но если говорить о сознании людей, то в нем нет „белых пятен“. Те, кого это коснулось, и те, кто хочет об этом знать, знают. Знают, что был пакт Риббентропа – Молотова, что около миллиона польских граждан было депортировано в глубь Советского Союза» («Одродзене», 16 апреля 1988 г.).

Сняв пелену умолчания с факта секретного протокола, мы перечеркнем обвинения, что что-то утаиваем. Тем самым создадим более благоприятные возможности для доведения до широких слоев польской общественности того, что не секретный протокол, а пагубный внешнеполитический курс правительства буржуазной Польши привел к сентябрьской катастрофе. Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена еще 3 апреля 1939 г., то есть задолго до советско-германского пакта.

Будут сужены возможности противников советско-польской дружбы использовать наше молчание по поводу секретного протокола для разжигания в Польше враждебного отношения к СССР.

Определенные издержки признание протоколов может породить для наших отношений с Финляндией, против которой Советский Союз в декабре 1939 года начал войну, а за этим последовало исключение СССР из Лиги Наций. По-видимому, правые силы не преминут воспользоваться этим предлогом для нападок на СССР и дружественный курс Финляндии по отношению к Советскому Союзу. Но нам известно, что финская сторона не обостряет вопросов истории советско-финляндских отношений. События 1939 года отодвинуты назад последующим ходом развития – укреплением наших добрососедских отношений с этой страной, которые к тому же хорошо отрегулированы на государственно-правовой основе.

Теперь о наших внутренних проблемах, касающихся Прибалтийских республик и Молдавии. Замалчивая проблему протоколов, мы оставляем широкое поле для распространения националистских взглядов в Прибалтийских республиках, согласно которым якобы судьба Прибалтики была решена в августе 1939 года путем секретных соглашений. В действительности же дело обстояло иначе: если какую роль и сыграли советско-германские соглашения, то она состоит в том, что Прибалтика была ограждена тогда от вмешательства германского фашизма, угроза немецкого порабощения прибалтийских государств – Литвы, Латвии и Эстонии – была отодвинута.

Судьба народов этих стран решилась не в 1939 году, а в 1940 году, когда на основе собственного волеизъявления они вошли в состав Советского Союза. Содержание протоколов известно населению Прибалтики через каналы западных радиостанций, так что изменение нашей позиции в отношении их не будет представлять какой-то драматический шаг и вряд ли окажет большое влияние, хотя, конечно, необходимо его тщательное пропагандистское и идеологическое обеспечение.

Как лучше подойти к решению этого вопроса? Конечно, для публикации протоколов по имеющимся копиям нет достаточных оснований, но можно было бы в качестве первого шага снять запрет на обсуждение этих вопросов в научной литературе. Ученые могли бы высказать свои мнения, точки зрения на сей счет и затем, в зависимости от реакции в стране и за рубежом, можно было бы

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org предпринять и дальнейшие шаги. Например, заявить, что, не располагая оригиналами протоколов, мы можем признать их юридически, но считаем возможным и необходимым рассматривать вопрос по существу, с учетом совокупности всех фактов, относящихся к этому делу».

Конечно, это было компромиссное предложение, а его аргументация несла на себе печать своего времени, но важно было сдвинуть глыбу с мертвой точки.

Выступивший все-таки после меня Ильичев, сославшись на косвенные свидетельства, утверждал, что подлинник был, его держал в руках Павлов, работник МИД периода войны. Есть его свидетельство на сей счет.

Громыко заявил, что непризнание протоколов становится все более неприемлемым. В то же время сослался на разговор с Молотовым и Хрущевым: Молотов не отрицал ничего, не отрицал наличия документов и Хрущев. С точки зрения наших перспективных интересов надо открыть правду. Не исключено, что на Западе располагают оригиналом, но придерживают его. Меньше риска, если скажем правду.

Иное мнение высказал Чебриков: публиковать копии нельзя даже с формальной точки зрения. Это было бы нарушением общепринятой юридической практики. Что касается существа дела, то признание и публикация протоколов дадут больше минусов, чем плюсов. В Польше это активизирует антисоветские настроения. Возрастут претензии по пересмотру границ, осложнятся отношения с Румынией. Усилятся требования об отделении Прибалтики. Одним словом, публикация по меньшей мере преждевременна.

При таком разбросе мнений девять десятых в решении этого вопроса зависело от Горбачева. Но он подтвердил свою прежнюю точку зрения: по копиям, как бы достоверно они ни выглядели, юридическое признание документа неправомерно. Надо продолжать поиски документальных подтверждений, тем более что опубликованные копии порождают ряд сомнений. Как Молотов мог подписать документ латинскими буквами? И вообще слишком велика ответственность, которую мы возьмем на себя, совершив насилие над юридическими процедурами и нормами.

Ко всему сказанному, по сути дела, нечего добавить. Какого-либо определенного решения даже в третьем варианте принято не было. Я и тогда считал это ошибкой, а сейчас тем более. Признав очевидное, хотя бы де-факто, в косвенной форме, мы бы выиграли время, сохранили инициативу в этом важном вопросе, не дали бы повода для спекуляций за рубежом и внутри страны, для обвинений нас в неискренности, в нежелании признать свои ошибки. Нашу оценку протоколов можно было бы объявить во время последовавшего в июле 1988 года визита Горбачева в Польшу. Надо отметить, что польская сторона во время визита проявила деликатность не только на официальных встречах, но и в общении с интеллигенцией, журналистами. Даже на пресс-конференции, насколько мне помнится, данный вопрос польской стороной не поднимался.

В дальнейшем острота дискуссий вокруг проблемы протоколов 1939 года переместилась с польского на прибалтийский угол. Тема протоколов стала настойчиво муссироваться теми, кто искал аргументы в пользу выхода Прибалтийских республик из Союза, рассматривая протоколы 1939 года как непосредственную причину «советской оккупации прибалтийских государств».

Как известно, на 1-м съезде народных депутатов СССР по настоянию депутатов от Прибалтийских республик и при поддержке их со стороны некоторых радикальных демократов была образована Комиссия по политической и правовой оценке советско-германских договоров 1939 года под руководством А.Н. Яковлева. При обсуждении этого вопроса Горбачев сослался на то, что подлинников не найдено. Даже Г. Коль ошибся в этом вопросе. Его сообщение о том, что он видел их, не подтвердилось. Известный журналист и германовед Лев Безыменский, которому была предоставлена возможность ознакомиться с архивами ФРГ, обнаружил, что Коль видел известные фотокопии с оригиналов германского МИД.

Комиссия Яковлева с самого начала испытывала сильнейшее давление со стороны прибалтийских депутатов, требовавших безапелляционного осуждения договоров 1939 года, опубликования секретных приложений к ним как договоров, приведших «к советской оккупации Прибалтики», и т. д. Этой позиции противостояла точка зрения, которой придерживались министр иностранных дел

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Украины и некоторые другие члены комиссии, исходившие из полной оправданности действий советского руководства в 1939 году.

К концу июля все же был выработан компромиссный вариант заключения комиссии, который, впрочем, больше отвечал требованиям прибалтов. Имелось в виду опубликовать его к 50-летию советско-германского пакта и нападения гитлеровской Германии на Польшу как промежуточный итог работы комиссии.

Яковлев счел нужным доложить о нем Политбюро ЦК. После обмена мнениями, состоявшегося 31 июля на заседании Политбюро, документ не был одобрен. Политбюро высказалось за то, чтобы продолжить поиск приемлемого решения.

Мотивы и аргументы приводились разные, в том числе и тот факт, что для аннулирования протоколов нет юридических оснований, ведь подлинника нет, протоколы не ратифицированы и нигде не фигурировали. Проект достаточно ясно формулировал лишь признание, осуждение и аннулирование секретных протоколов, а в оценке основных договоров был недостаточно ясен и убедителен.

Хочу сказать о своей позиции, ибо она в некоторых дальнейших комментариях прессы была передана «с точностью до наоборот». Что касается секретных протоколов, то я высказался за разграничение юридической стороны дела, связанной с отсутствием подлинников, и фактической историко-политической оценки вопроса, а именно за то, чтобы согласиться с предлагаемым комиссией признанием факта существования секретных протоколов и их осуждением как отхода от ленинских принципов внешней политики.

Далее я выступил за то, чтобы оценка протоколов не заслоняла общей сути советско-германского пакта и давалась не только и не столько с прибалтийского угла зрения, а имела в виду и польский, и украинско-белорусский, и молдавско-румынский, и финляндский аспекты, более того – в общем контексте европейской и мировой политики того времени. Из обсуждения этого вопроса в комиссии могло создаться представление, что договоры 1939 года и заключались чуть ли не для того только, чтобы прихватить Прибалтику. Я высказался и за то, чтобы разграничить оценку Договора от 23 августа о ненападении и Договора от 28 сентября о дружбе, что также не было сделано в заключении комиссии.

Я считал также, что не следует жестко увязывать договоры и протоколы 1939 года с вхождением Прибалтийских республик в состав Союза в 1940 году. Хронологическая последовательность событий не означает их предопределенности. Финляндия также была включена протоколами в сферу советских интересов, но она не утратила своей независимости, правда, это стоило ей тяжелой войны с Советским Союзом. Нельзя не учитывать и того, что за год военно-политическая обстановка в Европе изменилась коренным образом. Советским ультиматумам прибалтийским правительствам 1940 года непосредственно предшествовал разгром Франции. Фашистские войска вторглись в нее через нейтральную Бельгию. Разве не ясно было в свете этих событий, что нельзя оставлять не прикрытым для германского вторжения прибалтийский фланг нашей страны? Хотя это, конечно, отнюдь не оправдывает грубых насильственных действий сталинского руководства по отношению к законным правительствам Прибалтийских республик.

В целом я высказался за публикацию документа комиссии после его доработки. Но события приняли неожиданный поворот. Ю. Афанасьев и группа членов комиссии выступили против ее председателя и предали огласке предварительный текст заключения...

Все же Яковлеву удалось возобновить работу комиссии и примерно через пять месяцев представить 2-му съезду народных депутатов проект постановления «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». На Политбюро проект на этот раз не обсуждался. Многие замечания и соображения, высказанные на Политбюро 31 июля, были учтены.

Проект приобрел более взвешенный характер. Но и в таком виде подвергся острой критике консервативных депутатов и при первом голосовании не набрал необходимого числа голосов. Лишь после еще одной компромиссной доработки и приведения аргументов, подтверждавших существование протоколов, постановление было принято съездом.

В пункте 7 постановления говорилось: «Съезд народных депутатов осуждает

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org факт подписания секретного дополнительного протокола от 23 сентября 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания».

Так через два с половиной года после первой попытки вопрос о секретных протоколах, лежавший тяжким грузом на плечах советского руководства, был решен, правда, уже в более сложной политической обстановке.

Катынь

Суть Катынского дела, если излагать его кратко, сводится к следующему. В апреле 1943 года германское радио сообщило, что неподалеку от Смоленска в катынском лесу обнаружены трупы 10–12 тыс. польских офицеров. По указанию Гитлера была создана международная комиссия из представителей союзных Германии и оккупированных ею стран, а также Швейцарии. После выезда на место и вскрытия нескольких захоронений комиссия объявила свое заключение: польские офицеры расстреляны большевиками весной 1940 года.

Чуть позже гитлеровцы привезли в Катынь комиссию польского Красного Креста так называемого Краковского генерал-губернаторства, которая произвела эксгумацию в общей сложности 4 тыс. 243 трупов. Работы велись силами советских военнопленных до 500 человек, которые были затем расстреляны немцами.

Комиссия засвидетельствовала, что все осмотренные ею жертвы были убиты выстрелами в затылок, на всех документах, в записных книжках, дневниках и газетах не стояла дата позднее чем июнь 1940 года. По совокупности признаков, в частности по молодой поросли сосны на месте захоронения, комиссия польского Красного Креста сделала вывод, что расстрел был произведен весной 1940 года. Эксгумированные трупы были идентифицированы как польские интернированные офицеры из лагеря в Козельске.

К материалам расследования была приложена записка, найденная в останках майора Сольского и датированная 9 июня 1940 г. В ней говорилось: «Группы польских офицеров прибыли в Смоленск в три часа утра. Около пяти часов был объявлен подъем, и нас вывезли на тюремных машинах в небольшой лес, который выглядел как дачная местность, где у нас отобрали обручальные кольца, часы и, кроме того, ремни и перочинные ножи. Что с нами будет?»

Жители близлежащих деревень, по сообщению комиссии польского Красного Креста, показали, что весной 1940 года в катынском лесу, в который доступ населению был закрыт, постоянно слышались звуки выстрелов.

Вместе с тем из материалов комиссии следует, что немцы старались не дать никому из поляков возможности долго знакомиться с обнаруженными документами или оставлять их у себя. Гитлеровцы особенно заботились о том, чтобы у поляков не было никакой возможности припрятать извлеченные из тел пули. Оказывается, все они были немецкого производства. Катынское дело подхватила геббельсовская пропаганда. Была издана специальная книга «Материал о массовом убийстве в Катыни», в которую вошли акты о вскрытии трупов, показания жителей близлежащих деревень и другие материалы, развернута массированная кампания по дискредитации Советского Союза по радио и другим каналам.

Почему вопрос был поднят почти два года спустя после оккупации немецко-фашистскими войсками Смоленска? Дело в том, что Сталинградская битва положила начало коренному перелому в ходе второй мировой войны. фронт начал неумолимо приближаться к границам Польши.

Гитлер решил использовать Катынское дело для внесения раскола в отношения между СССР и польским эмигрантским правительством в Лондоне, которые к тому времени заметно осложнились из-за вывода из СССР в Иран 75-тысячной польской армии генерала Андерса и в какой-то мере сказались на отношениях с западными державами. И действительно, Катынское дело привело к разрыву дипломатических отношений между СССР и кабинетом В. Сикорского.

В сентябре, после того как Красная Армия освободила Смоленск, решением правительства СССР была создана специальная комиссия по установлению обстоятельств расстрела в катынском лесу польских пленных офицеров.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Комиссию возглавлял академик Н.Н. Бурденко, а в ее состав входили: писатель А.Н. Толстой, митрополит Николай, академик В.П. Потемкин и другие. Результаты работы комиссии были опубликованы в январе 1944 года. Комиссия дала другую версию трагедии в Катыни, согласно которой в Смоленской области до нападения Германии на Советский Союз находился лагерь для военнопленных поляков. В лагере было 11 тыс. человек, которые были заняты на дорожно-строительных работах. Во время отступления Красной Армии поляков не удалось эвакуировать, и они попали якобы в руки гитлеровцев, расстрелявших польских офицеров осенью 1941 года.

Было эксгумировано 925 трупов. Единственное совпадение с выводами комиссии польского Красного Креста состояло в том, что расстрел производился из немецкого оружия выстрелами в затылок. Показания жителей близлежащих сел на этот раз свидетельствовали о расстреле поляков осенью 1941 года. Упомянулось о документах, найденных в захоронении и относящихся к периоду от 20 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г. Но их тексты или фотокопии так и не были опубликованы.

Катынский вопрос поднимался на Нюрнбергском процессе. «Факт расстрела» в сентябре 1941 года 11 тыс. польских офицеров в катынском лесу фашистскими захватчиками фигурировал в обвинительном заключении в отношении главных военных преступников, составленном коллективными усилиями обвинителей СССР, США и Великобритании. Однако в приговоре Международного военного трибунала катынский расстрел не упоминается.

В официальных документах и выступлениях представителей западных держав в период второй мировой войны советская версия Катынского дела не оспаривалась. Но с началом «холодной войны» этот вопрос был поднят: в 1951–1952 годах в соответствии с резолюцией конгресса США при палате представителей работала специальная комиссия, которая пришла к выводу, что «русские не смогли предоставить убедительных свидетельств Нюрнбергу». Было выражено пожелание получить от советского правительства новые факты относительно убийства польских офицеров в катынском лесу. В ответной советской ноте делались ссылки на выводы комиссии Бурденко.

Что касается западной историографии и публицистики, то в них, как правило, излагалась гитлеровская версия событий в Катыни. Значительная часть польских историков считала НКВД виновным в расстреле польских офицеров, а в учебнике по истории для учащихся 8-х классов польской школы без комментариев и разъяснений приводились советская и гитлеровская версии Катынского дела.

Руководители Польши деликатно, без какого-то драматизирования и нажима, но все же довольно твердо ставили вопрос о получении дополнительных материалов по Катынскому делу. Они говорили нам, что не настаивают на изменении нашей позиции, но убедительно просят предоставить какие-то документы, подтверждающие нашу версию, и контраргументы, опровергающие утверждения о ее несостоятельности.

Мое первое же соприкосновение с Катынским делом, ознакомление с уже имевшимися материалами не оставили сомнений в том, что вопрос не закрыт, в нем остается много неясностей, загадок, противоречий, которые все равно придется прояснять и давать на них ответ. От этого никуда не уйти. Для меня это стало особенно очевидно после того, как начались регулярные контакты с Ярузельским, Чиреком, Ожеховским и другими польскими партнерами.

Я стал настойчиво ставить вопрос перед Горбачевым о необходимости возвращения к этой проблеме. Эту позицию разделяли Шеварднадзе и Яковлев. Несколько раз, в том числе и в моем присутствии, Горбачев давал поручения руководству КГБ о поиске и представлении документов, которые пролили бы свет на эту проблему. Да и сам я разговаривал не раз с Чебриковым, но безрезультатно. Неизменно следовал ответ: комитет не располагает какими-либо материалами, относящимися к этому событию.

Как потом стало известно, ответ формально был правильный, ибо все документы по этому делу по специальному решению ЦК были в комитете уничтожены. Но, я думаю, и особого желания у КГБ заниматься этим вопросом не возникало. Не знаю, было ли известно его руководителям решение об уничтожении документов, но можно было поискать и косвенные свидетельства, наконец, людей, причастных к трагическим событиям. Ведь потом-то кое-что обнаружилось.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
По этой же причине – отсутствия каких-либо новых материалов и свидетельств – не рассматривалась в Политбюро «записка четырех» – А. Яковлева, В. Медведева, Э. Шеварднадзе и С. Соколова, в которой ставился вопрос о необходимости вернуться к рассмотрению Катынского дела.

Между тем в ожидании результатов поиска новых материалов приходилось сдерживать какие-то действия с польской стороны, а также отдельных органов печати и информации. Как-то позвонил мне Элем Климов и информировал, что осенью к нам собирается приехать Анджей Вайда, который хочет сделать фильм по катынской трагедии. Пришлось просить Климова уговорить польского режиссера подождать с осуществлением такого плана.

Ситуация особенно обострилась в связи с развертыванием работы советско-польской комиссии историков. Сопоставление польских и советских источников позволило точно установить, как польские офицеры оказались в советских лагерях, что с ними происходило до июня 1940 года. Но дальше – полный провал. Существование лагерей до 1941 года ничем не подтверждается, а главное – версия о расстреле немцами поляков никак не состыковывается с предшествующими достоверно установленными фактами.

Вот как было дело. К середине сентября 1939 года большая часть территории Польши была захвачена немецко-фашистскими войсками. Оставшиеся части польской армии вытеснены на Восток – на территории Западной Белоруссии, Западной Украины и частично Литвы, входившие тогда в состав Польши. Во время польского похода Красной Армии, начавшегося 17 сентября, оказавшиеся здесь польские солдаты и офицеры были разоружены и интернированы.

По данным, подтверждаемым перепиской и другими документами, офицеры были размещены в трех лагерях – в Козельске (в 70 км юго-западнее Калуги), Старобельске (в 80 км севернее Ворошиловграда) и Осташкове (в 100 км западнее Калинина, на озере Селигер).

Польские офицеры в Латвии и Литве после вхождения этих стран в состав СССР летом 1940 года были размещены в лагере Грязовец близ Вологды. Сюда же попала группа офицеров из первых трех лагерей. Когда в августе 1941 года было подписано советско-польское соглашение о совместной борьбе с гитлеровской Германией, эти офицеры составили основную часть офицерского корпуса армии Андерса.

Сведения о судьбе польских офицеров, находившихся в Козельске, Осташкове и Старобельске, обрываются июнем 1940 года. И никаких документов о них больше не появлялось.

В мае 1988 года польская часть комиссии передала советским партнерам сравнительный анализ сообщения советской специальной комиссии под руководством академика Бурденко и доклада польского Красного Креста о массовых захоронениях в Катыни со ссылкой на то, что этот анализ проделан по поручению ЦК ПОРП.

Это была еще одна попытка польских ученых убедить нас на основе косвенных данных в том, что аргументация специальной комиссии страдает серьезными изъянами и не вызывает доверия.

Подвергнута была сомнению сама цифра погибших польских офицеров, приводимая в сообщении, – 11 тыс. человек. Дело в том, что все эксгумированные комиссией польского Красного Креста в апреле 1943 года трупы оказались из одного лагеря – козельского. В связи с этим возникает вопрос о судьбе бесследно пропавших польских офицеров, размещавшихся в Осташкове и Старобельске.

Польскими историками отмечалось отсутствие доказательств существования лагерей для интернированных польских офицеров в Катыни и близлежащей местности, а также неправдоподобное обоснование невозможности эвакуации этих лагерей в сентябре 1941 года. Если польских офицеров нельзя было эвакуировать и они были брошены охраной на произвол судьбы, то как объяснить, что никто из них не пытался бежать, чтобы спастись от наступающих фашистов, скрыться в лесу, среди населения.

В сообщении специальной комиссии говорилось об использовании интернированных офицеров на строительных и ремонтно-дорожных работах. Но среди них были и инвалиды. Да и вообще в лагерях СССР для интернированных

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
польских офицеров трудовой повинности не было.

Указывалось и на тот факт, что после мая 1940 года письма интернированным польским офицерам от родных и близких возвращали с надписями: «Адресат неизвестен». Хотя до этого момента переписка велась. А письма, направляемые польскому Красному Кресту или советским властям за разъяснением, оставались без ответа.

Наконец, обращалось внимание и на то, что катынское преступление не было названо в Нюрнбергском приговоре, а советский представитель в Нюрнбергском трибунале не заявлял возражений или особых мнений по этому вопросу.

Подводя итоги сравнительному анализу, польские историки писали «о загадочном, неконкретном, избегающем уточнений характере сообщения специальной комиссии, его внутренней противоречивости, что дает основание сомневаться в его достоверности», и оно «не может вызвать доверие польского общественного мнения».

В начале июля 1988 года, непосредственно перед визитом Горбачева в Польшу, получив эти материалы, я составил справку о Катынском деле и направил ее Михаилу Сергеевичу, сопроводив запиской следующего содержания:

«Михаил Сергеевич!

Представляя Вам справку по так называемому Катынскому делу, считаю необходимым обратить Ваше внимание на тот факт, что с нашей стороны по этому вопросу не было опубликовано никаких других документов и материалов, кроме сообщения специальной комиссии во главе с академиком Бурденко. Материалы же этой комиссии действительно содержат в себе много пробелов и недоговоренностей. Неясно, например, с какого времени существовал лагерь польских офицеров под Смоленском. Нет какого-либо упоминания в наших материалах и о существовании трех лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове, а также лагеря в Грязовце, то есть вся история с польскими офицерами с момента их интернирования в сентябре 1939 года и до расстрела их представляет сплошное «белое пятно». А ведь это, по нашей версии, почти два года.

Нет практически никаких доказательств существования лагеря в районе Смоленска. Ведь могли бы быть не только документы (хозяйственные, бухгалтерские, любые другие), но и вещественные доказательства в виде каких-то строений или фундаментов, каких-либо других остатков сооружений. А ведь это должны были быть капитальные сооружения, рассчитанные на зимнюю эксплуатацию. И никто даже не может указать и место их существования. Все это требует уяснения, хотя бы для самих себя.

Мне кажется, что следовало бы поручить соответствующим органам дать фактическую справку о польских офицерах начиная с их интернирования в сентябре 1939 года и кончая трагическим концом.

В. Медведев».

Все, что смогли, мы сделали в то время для увековечения памяти о польских офицерах: привели в порядок место захоронения, благоустроили прилегающую местность, дороги, создали условия для массовых посещений Катыни польскими гражданами. Раньше это попросту не разрешалось. На небольшом памятнике была выбита краткая надпись в память о погибших, не указывающая, чьей рукой они были убиты, установлен традиционный польский крест. Обо всем этом было доложено на заседании Политбюро 5 мая 1988 г.

Работники отдела, побывавшие в катынском лесу, рассказывали мне о том, что место захоронений производит жуткое впечатление. Территория, с давних времен принадлежавшая НКВД, традиционно использовалась для расстрела жертв сталинского террора. Рассказывают, что там в свое время были казнены Н. Бухарин и некоторые другие видные деятели того времени.

Наши товарищи подтвердили, что в катынском лесу нет никаких следов капитальных сооружений. Да их никогда там, по свидетельствам очевидцев, и не было, кроме небольшого особняка НКВД, сохранившегося и сегодня. Обреченных на казнь привозили откуда-то и расстреливали.

Начались массовое посещение Катыни советскими и польскими гражданами,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org регулярный заезд рейсовых автобусов с польскими туристами, военнослужащими. В Катини побывали В. Ярузельский и другие польские руководители того времени, а позднее Катинь посетил и нынешний президент Польши Лех Валенса.

Так начала, по существу, спадать завеса над зловещей катынской тайной. Но прошло еще немало времени, пока были найдены наконец документы, подтверждавшие факт зверской расправы НКВД над польскими офицерами.

Причем это было сделано не усилиями Комитета госбезопасности и руководителей Главархива СССР, а скорее вопреки им группой историков при поддержке Международного отдела ЦК КПСС. В обширном архиве Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД были найдены списки польских офицеров, отправленных весной 1940 года из лагерей в распоряжение Смоленского управления НКВД, а затем было установлено совпадение фамилий в этих списках с фамилиями польских офицеров, тела которых были эксгумированы в 1943 году.

13 апреля 1990 г. Горбачев передал Ярузельскому списки польских офицеров, находившихся в козельском, осташковском и старобельском лагерях НКВД в 1939–1940 годах. «Выявленные архивные материалы, – говорилось в заявлении ТАСС, – в своей совокупности позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяние в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных. Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявляет, что она представляет одно из тяжких преступлений сталинизма».

Завершилась вся эта тяжелейшая история в октябре 1992 года передачей польской стороне и публикацией архивных документов, из которых явствует, что изуверское решение о расстреле польских офицеров было принято Сталиным и его ближайшим окружением по предложению руководителя НКВД Берии. Виновники гнусной расправы стали наконец известны.

К сожалению, окончательное выяснение истины, публикация, передача документов польской стороне, официальные комментарии были подчинены интересам политической борьбы, дискредитации горбачевского руководства. Оно обвинялось в попытках скрыть правду или затянуть ее выяснение, утаить документы, ввести в заблуждение общественность. Эти обвинения были вписаны в целую пропагандистскую кампанию против Горбачева (вызов в Конституционный суд, репрессии против «Горбачев-фонда»), К этому же времени было приурочено и сообщение об обнаружении в архивах Политбюро подлинников секретных протоколов 1939 года. И опять обвинения в двойной игре, нечестности, утайке, стремлении обелить прежних руководителей партии и страны и т. д.

Я не хотел бы подвергать анализу логику поведения Горбачева и его конкретные действия по выяснению исторической правды по Катынскому делу и секретным протоколам, рассуждать о том, когда узнал Горбачев о существовании появившихся в конце нецов документов, не осторожничал ли он в этих вопросах. Тем более считаю невозможным для себя морализировать по этому поводу. Не исключено, что, прояви Горбачев более жесткую требовательность к расследованию того и другого дела, истина была бы обнаружена и правда восторжествовала бы раньше, чем это произошло.

Главное состоит в том, что принципиальное решение по тому и по другому вопросу было принято при активном участии Горбачева, когда он стоял во главе государства, и задолго до обнаружения разоблачительных документов.

Я не говорю уж о том, что сама возможность принятия таких решений появилась лишь в результате глубоких перемен в стране, начавшихся и проводившихся под руководством Горбачева, демократизации и гласности, беспредельно честного и беспощадного анализа настоящего и прошлого страны, полного и решительного осуждения сталинизма и его преступлений. Допустить мысль о торможении Горбачевым разоблачения сталинизма – это все равно что заподозрить Лютера в попытках воспрепятствовать реформации.

Выяснение исторической правды по секретным протоколам и Катини имело принципиальное значение для всего процесса перестройки, для всей внутренней и внешней политики, но, конечно же, в первую очередь для освобождения польско-советских отношений от того, что их отягощало в прошлом. Открылась возможность строить их не на искусственно навязываемых идеологических и политических посылах, а на сочетании реальных интересов наших народов.

Судьба реформ

Ситуация в советско-венгерских отношениях во многом была сходна с советско-польской. Тот же парадокс: экономические, социальные, национальные проблемы Венгрии выглядели заметно острее, чем, положим, в Чехословакии или Болгарии. В прежнем советском руководстве, в официальных кругах по этому поводу проявлялось немалое беспокойство, а общественность не скрывала живого интереса к венгерскому опыту. У горбачевской администрации с самого начала сложилось довольно хорошее взаимопонимание с венгерским руководством, хотя интенсивность контактов с венграми, может быть, была даже меньшей, чем с другими странами.

Чем объяснить это? Думаю, тем, что Венгрия раньше других стран вступила на путь реформ, пытаясь трансформировать сложившуюся модель социалистического общества, механически перенесенную из Советского Союза, в некую более современную и демократическую систему.

Мощный толчок этому процессу придали события 1956 года. Не считаю необходимым углубляться в анализ их смысла и причин. Он дан самими венграми. Восстание 1956 года было взрывом недовольства и возмущения народа навязанными ему порядками, игнорированием исторических ценностей, ни с чем не сравнимого своеобразия этой страны.

Восстание было жестко подавлено. С огромным трудом новым властям удалось восстановить элементарный порядок и ввести жизнь страны в более или менее сносное русло. И вот тут-то сказались политическая мудрость и ответственность Яноша Кадара, который волею судеб оказался во главе венгерского правительства.

Известно, что и при М. Ракоши Кадар выступал как смелый и самостоятельный политик, он то выдвигался на одну из первых ролей, то оказывался в немилости и даже сидел в тюрьме. Но после 1956 года, я думаю, Кадар понял, что такую страну, как Венгрия, удержать в чуждых народу формах общественной жизни насильственным путем просто невозможно, убедился в необходимости демократической эволюции. Раньше руководителей других стран Кадар начал постепенно готовить и проводить реформы, но при этом он не мог не оглядываться на Советский Союз, проявлять осторожность, маневрировать, «плести кружева». Отсюда – внутренняя драма этого человека и политического деятеля.

Нельзя считать, что он хитрил и лицемерил, когда на встречах с советскими руководителями да и в публичных выступлениях неизменно подчеркивал необходимость для Венгрии тесного союза с советской страной и другими социалистическими странами. Вся логика его жизни говорит о том, что он был искренним и убежденным другом Советского Союза. Он понимал, что в сложившейся послевоенной обстановке у Венгрии не было другого пути. К тому же экономика страны, лишенной топливных и основных сырьевых ресурсов, была в полной зависимости от Советского Союза.

Кадар был убежденным коммунистом, приверженцем социалистического выбора. Он пронес свою убежденность через тяжелейшие испытания – через подъемы и падения, через власть и отчуждение. Но как человек, близкий народу, венгр до мозга костей, исполненный национальным сознанием, в котором не могла не отразиться многовековая история венгерского народа, стоявшего на перекрестках Востока и Запада, во многом связанного с западноевропейской цивилизацией, он видел несовместимость советской модели социализма с условиями и традициями своей страны, необходимость серьезных подвижек в экономической, политической и духовной жизни.

Обычная логика развития после поражения массовых движений состоит в том, что наступает реакция – подавление тех идей, которыми направлялись эти движения. В Венгрии произошло нечто противоположное. Началось реформирование общества в направлении либерализма и большего учета национальных особенностей. По мере того как преодолевались тяжелые последствия трагедии 1956 года, Кадар стал ослаблять централизм в экономике и в других сферах общественной жизни, проводить линию на развитие экономического, а затем и идеологического плюрализма, расширение демократических свобод.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Пожалуй, наиболее результативной эта политика оказалась в области сельского хозяйства. Кардинально изменилось отношение к кооперативным хозяйствам с акцентом на материальной заинтересованности, рыночных отношениях. Была перестроена на эквивалентных основах система взаимоотношений государства с кооперативами, последние были освобождены от административно-командных пут. Сняты практически все ограничения с личного подсобного хозяйства.

Все это позволило Венгрии за довольно короткое время резко увеличить производство зерна и продуктов животноводства, превратиться в серьезного поставщика сельскохозяйственной продукции на мировой рынок и, конечно же, обеспечить устойчивое продовольственное снабжение своего населения, чем, к сожалению, не могли похвастать другие социалистические страны. Подобный подход дал неплохие результаты и в развитии мелкого и среднего производства, сферы услуг и торговли, что положительно сказалось на уровне жизни венгерского населения.

Что касается промышленности, то здесь реформы протекали медленно и со значительными трудностями: мешали живучесть догматических представлений о преимуществах крупного производства, планового хозяйства и, конечно же, огромная зависимость экономики страны от поставок советского топлива и сырья. Сказались и ошибки, связанные с попытками копирования на первых порах идеологии и методов социалистической индустриализации, создания собственной металлургической и других традиционных отраслей тяжелой промышленности. Позднее был допущен крен в другую сторону: свертывание инвестиционной деятельности, снижение доли накопления в национальном доходе примерно до 10-20%. Акцент на росте потребления превысил оптимальные пределы, страна стала жить не по средствам, влезать в долги.

Внутренняя противоречивость политики Кадара привела к тому, что в руководстве ВСРП, в ближайшем окружении Кадара оказались люди разных привязанностей и взглядов: с одной стороны, представители «старой гвардии», сторонники твердой линии, задававшие тон особенно сразу после 1956 года, – Ференц Мюнних, Дьердь Марошан, Золтан Комочин, а с другой – деятели реформаторского толка Дьердь Ацел, Реже Ньерш, а затем Дьердь Лазар. Как традиционная, так и реформаторская части кадаровского руководства постепенно пополнялись новыми, более молодыми людьми. С одной стороны, это были Карой Грос, Янош Берец, а с другой – Имре Пожгаи, Дьюла Хорн, Матиаш Сюреш.

Между ними постоянно шла скрытая борьба, приводившая к отдалению от руководства одних и приближению других, но практически вокруг Кадара все время были люди из этих противоположных групп. Он умело регулировал отношения между ними, сохраняя политическое равновесие в меняющейся обстановке.

Это балансирование имело не только внутренний, но и международный аспект. Дело в том, что реакция в Советском Союзе и других социалистических странах на венгерский опыт была весьма сложной. С одной стороны, авторитет Кадара как человека, который справился со столь тяжелой ситуацией и вывел страну из кризиса, а с другой – его реформаторские устремления и более гибкая линия в отношениях с Западом вызывали настороженность в брежневском руководстве да и у ортодоксально настроенных руководителей других соцстран.

Кадар не мог не считаться с настроениями советского руководства, особенно после 1968 года. Этим, думаю, в немалой степени объясняется осторожность и непоследовательность его действий по принципу «шаг вперед, полшага назад»: то поддерживает реформаторов, то отодвигает их в сторону.

К концу 70 – началу 80-х годов в Венгрии под влиянием реформ сложилась неплохая, сравнительно устойчивая экономическая и политическая ситуация. Мне лично в те годы привелось убедиться в этом во время поездок в Венгрию по приглашению моих коллег по Высшей партийной школе и институту марксистских исследований ЦК ВСРП Йожефа Сабо, Иштвана Хусара и Шандора Лакоша. А дальше начались осложнения.

Как потом говорили сами венгерские друзья, ими была допущена переоценка достигнутых положительных результатов в экономическом развитии страны и возможностей на будущее. Исходя из этого, приняли новый план на первую половину 80-х годов с явно нереальными целями как относительно темпов экономического роста, так и в деле повышения жизненного уровня населения.

Сказалось общее ухудшение конъюнктуры мирового рынка, а, как известно, это в первую очередь и сильнее всего отражается на более слабых его участниках. Для Венгрии наступили тяжелые времена, связанные с возвращением кредитов и уплатой процентов. К этому времени «выдохся» и экономический рост в СССР, сузились его возможности в экономическом взаимодействии с партнерами по СЭВ. Резкое снижение мировых цен на энергоносители уменьшило валютные поступления Советского Союза, но в первые годы мало что дало и партнерам СССР по СЭВ, поскольку здесь действовал принцип усредненных за последние пять лет мировых цен.

В общем в середине 80-х годов Венгрия вступила в полосу экономических трудностей. Экономическая реформа и ее проводники оказались под огнем критики. С новой силой вспыхнула борьба между сторонниками рынка и плановой экономики.

Думаю, что в экономических неудачах в какой-то мере начала сказываться и специфическая ситуация в руководстве страны. В нем Кадар с самого начала занимал особое положение. А по мере ухода «старой гвардии» становилась все большей дистанция, отделявшая его от других членов руководства. Безусловно, Кадар – крупная политическая фигура, человек, вызывающий чувство уважения тем, что он пережил и в конечном счете сделал для страны.

Янош Кадар с большим пониманием и симпатией встретил курс на ускорение социально-экономического развития Советского Союза и перестройку. Он увидел в этом и большой шанс для Венгрии – теперь можно было действовать смелее, идти вместе с Советским Союзом по пути экономических и политических преобразований. Сложилось и личное взаимопонимание между ним и Горбачевым, тем более что они и раньше были хорошо знакомы. Во время визита Горбачева в Венгрию и других встреч двух руководителей я видел, с каким уважением и вниманием они относятся друг к другу.

Но возможности одного человека небезграничны, и к началу 80-х годов энергия Кадара стала заметно таять – возраст брал свое. Между тем масштаб и сложность проблем нарастали.

К этому времени относится вспышка венгеро-румынского конфликта, связанного с венгерским меньшинством в Трансильвании. Начались взаимные обвинения, завязалась острая полемика вокруг довольно сложных событий истории.

Надо сказать, что обе стороны воздерживались от попыток втянуть нас в свой конфликт. Румыны вообще избегали затрагивать эту проблему. Венгры не обходили ее, но каждый раз отмечали, что делают это для информации. Вспоминается беседа с Ацелом – членом Политбюро ЦК ВСРП и человеком, весьма близким Кадару. Информировав о сути венгеро-румынского конфликта, он заверил, что со стороны Венгрии реакция на румынские действия будет взвешенной. Я изложил нашу позицию: мы за сдержанность, недопущение эскалации полемики, которая нанесет ущерб интересам обеих стран и нашего содружества, за то, чтобы находить пути к сближению позиций путем двустороннего диалога. Рассуждая на эту тему, я обратил внимание на то, что особенно опасно возбуждение национальных страстей в сложных социально-экономических ситуациях, в которых оказались обе страны. Ацел в принципе согласился с этим, но тут же отвел возможное подозрение о том, что в Венгрии кто-то хочет направить настроения недовольства социально-экономической ситуацией в националистическое русло.

Наступление полосы трудностей привело Кадара к необходимости осуществить подвижки в высшем эшелоне руководства. Они коснулись прежде всего тех, кто отвечал за экономику и проводил реформу. В середине 1987 года подал в отставку с поста главы правительства Лазар, но он остался членом Политбюро. Главой правительства стал представитель нового поколения руководителей – Карой Грос, занимавший до этого ключевую позицию первого секретаря Будапештского горкома партии, а еще раньше работавший первым секретарем одного из обкомов партии. Член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП Ф. Хаваш, отвечавший за экономику, был перемещен в Будапештский горком партии.

Подумывал Кадар и о своем уходе. Намекал на это Горбачеву на одной из встреч. Он не мог не знать, что во всех слоях венгерского общества нарастают настроения в пользу перемен. И все же на этой стадии Кадар решил пока остаться в руководстве страной до очередного съезда ВСРП.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Выдвижение Гроса на пост главы правительства оказалось неожиданным для многих. Ведь Грос был известен своим сильным и твердым характером, приверженностью жесткой линии, но он не обладал к тому времени серьезным опытом хозяйственной, государственной и международной деятельности. Это назначение свидетельствовало не о поддержке реформаторских усилий, а о стремлении укрепить власть, остановить начавшиеся в стране дезинтеграционные процессы.

К этому могу добавить, что Грос был приверженцем ориентации Венгрии на Советский Союз. Его хорошо знали у нас в стране и в партии, а я имел возможность в этом лично убедиться по его месячному пребыванию во главе группы партийных работников в Академии общественных наук, когда мы с ним и познакомились. Но и для советского руководства решение Кадара оказалось неожиданным.

Кадар, по-видимому, решил, что именно такой человек требовался во главе правительства в этой обстановке. Ему виднее, хотя, конечно, главе правительства не помешали бы и кругозор пошире, и поострее взгляд на политические и экономические процессы во внутренней и международной жизни. Одним словом, это был выбор Кадара, по-видимому отражавший настроения в обществе и в верхнем эшелоне партии. Никакого отношения к этому назначению Горбачев не имел.

Естественно, мы считали своим долгом оказать новому главе правительства всяческую поддержку. В середине июля он был принят в Москве, встретился с Горбачевым, Рыжковым и другими советскими руководителями.

Беседа с Горбачевым носила общеполитический характер. Каких-то конкретных проблем и просьб не выдвигалось. Грос охарактеризовал последние решения в Венгрии, в частности кадровые, как компромиссные, с которыми многие в партии и стране не согласны или во всяком случае считают их недостаточными. Явно намекая на бывшего главу правительства, а также секретаря по экономике, он заявил: «Тот, кто совершил ошибки, должен не передвигаться на другие посты, а нести ответственность и освобождаться от работы».

Что касается моей политической линии, сказал Грос, то она вам хорошо известна. Из сложившейся экономической ситуации будем находить выход собственными силами, надеясь на понимание наших действий со стороны Советского Союза. Придется пойти на снижение жизненного уровня народа и об этом открыто сказать.

Горбачев поддержал намерение Гроса полнее опираться на общественное мнение в решении столь острых и сложных задач, развивать демократические начала в работе, открыто говорить о проблемах и трудностях. Народ многое поймет и поддержит, даже если это и не соответствует его сиюминутным интересам, но направлено на достижение его коренных интересов и целей. Была высказана готовность оказать всемерную поддержку усилиям нового венгерского правительства.

Что касается беседы с Рыжковым, то, как меня потом информировал Николай Иванович, Грос «забил» несколько существенных вопросов, в том числе о значительном сокращении военных расходов, об окончательном отказе венгров от участия в освоении тенгизского нефтегазового месторождения в Западном Казахстане, о сбалансированности наших платежных отношений.

В итоге визит Гроса оказался достаточно насыщенным и плодотворным.

Первые месяцы деятельности нового главы венгерского правительства подтвердили точность расчета Кадара. Получив поддержку, Грос развернул энергичную деятельность. Была разработана весьма смелая, интересная и реальная программа стабилизации экономики, поддержанная широкими слоями венгерского общества, в том числе и интеллигенцией, что было особенно важно для Гроса, поскольку здесь была слабая сторона его политических позиций.

Все данные говорили о несомненном росте авторитета Гроса. К нему потянулись все. Появился лидер, который стал быстро завоевывать поддержку общества, и это несмотря на то, что в его программе не было никаких широковещательных обещаний немедленного повышения жизненного уровня населения, напротив, признавалось, что придется пойти на серьезные жертвы.

По наблюдениям советского посольства и тех, кто побывал в эти месяцы в

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Венгрии, центр политической активности стал перемещаться из ЦК в правительство. Роль ЦК в появлении стабилизационной программы свелась к тому, чтобы выразить к ней положительное отношение. Это было совершенно необычно для принятой в те годы практики в Венгрии да и в других странах советского блока. Партия начала отходить на второй план политической жизни.

Драма Кадара

Трудно судить, что в это время происходило в Центральном Комитете, но, видимо, Кадар пребывал в состоянии глубоких раздумий, как ему быть дальше и что делать. Эффективно руководить страной он уже был не в состоянии: сильно сдал физически и мог работать лишь несколько часов в день. В октябре 1987 года во время заседания 43-й сессии СЭВ Грос доверительно информировал Рыжкова о том, что Кадар перед своей недавней поездкой в Китай завел разговор о созыве партийной конференции и решении вопроса о руководстве партии.

Эта проблема, как говорится, носилась в воздухе, активно обсуждалась в венгерском обществе. Суть его настроений заключалась в следующем: перестройка в Советском Союзе снимала многие политические и психологические препятствия для более последовательного проведения реформаторского курса в Венгрии. Теперь все зависело от самого венгерского руководства, от его решительности, активности. Но как раз именно в этот момент руководство пришло в аморфное состояние, которое исключало возможность энергичных действий.

В конце марта 1988 года я счел необходимым специальной запиской Горбачеву доложить об обстановке, складывавшейся вокруг проблемы венгерского руководства. Вот ее текст.

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Информация, поступившая по различным каналам из Венгрии, свидетельствует об остроте экономической и общественно-политической ситуации в этой стране. Дальнейшее ее сохранение, неприятие неотложных политических мер заключает в себе реальный источник серьезных общественно-политических потрясений.

После назначения главой правительства Гроса, сделанного им критического анализа положения в стране, разработки программы экономической стабилизации его авторитет в стране заметно вырос, и вместе с тем еще более усилилось критическое отношение к партийному руководству. Именно в его слабости, вялости, отсутствии энергичных мер в различных кругах венгерской общественности видят сейчас главное препятствие на пути выхода страны из нынешней ситуации.

В конце прошлого года складывалось ощущение, что Кадар серьезно обдумывает вопрос о своем уходе, но с февраля сего года после возвращения из отпуска он начал целеустремленно вести дело к упрочению своих позиций. В связи с подготовкой к партконференции (13-75 мая с. г.) он провел опрос членов Политбюро по поводу состава будущего руководства: 2/3 членов Политбюро якобы высказались за то, чтобы он остался на своем посту. Наблюдается взрыв активности Кадара: встречи с секретарями Будапештского Горкома, рядом первых секретарей областных комитетов партии, руководителями промышленных и сельскохозяйственных предприятий, готовятся встречи с профсоюзами.

Для тональности его последних высказываний характерно повторение того, что в стране кризиса нет, обстановка не такая уж плохая. Он обвиняет средства массовой информации в необоснованном пессимизме и настроениях безысходности, в отношении предстоящей конференции Кадар предостерегает от больших ожиданий. По-видимому, Кадар не желает отходить от дел в качестве обанкротившегося политика, решил связать себя с волной нового обновления политики партии, а потому отодвигает решение главного вопроса.

Венгерский руководитель уже не чувствует перемен в настроениях общества и партии. Его речи изобилуют повторением прописных истин, а собеседники говорят, что не слышат от Генсека ничего нового, что он не способен провести обновление политики партии, но не хочет признать этого.

По мере ухудшения экономической обстановки, а вероятнее всего, так и произойдет, авторитет Генсека будет падать, а недовольство в стране нарастать. В связи с этим представляется необходимым, используя предстоящие поездки в Венгрию Рыжкова и Яковлева, провести работу до предстоящей в мае

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org партконференции таким образом, чтобы способствовать осознанию венгерским руководством всей сложности и ответственности переживаемого момента. Высказать в ясной и отчетливой форме мысль, что складывается явное отставание партийного руководства от реального хода экономического и социально-политического развития и что оно может иметь далеко идущие последствия для венгерского общества и ВСРП. Можно было бы по доверительным каналам высказать Кадару мнение о том, что такая ситуация ничего хорошего не сулит и лично ему.

Одновременно следовало бы в приемлемых формах продемонстрировать политическую поддержку т. Гросу и некоторым другим венгерским руководителям. Заказать у т. Гроса статью к национальному празднику ВНР (4 апреля). Опубликовать в «Правде» статью Я. Береца о подготовке конференции ВСРП. Регулярно информировать Политбюро и секретарей ЦК ВСРП по вопросам перестройки. Все это, конечно, можно было бы сделать в тактической форме, неукоснительно соблюдая принятые нормы отношений между нашими партиями.

В. Медведев».

Привожу эту записку с пониманием того, что от некоторых ее пассажиров отдает старым духом ответственности за дела в других странах. Уж очень велико было желание довести до руководства остроту и переломность момента, помочь сдвинуть дело с мертвой точки. Ознакомившись с моей запиской, Горбачев поручил В. А. Крючкову, тогда зампреду КГБ, съездить в Венгрию и, пообщавшись с Кадаром, вникнуть в обстановку.

Почему Крючкову? Да потому, что еще с давних времен, когда Крючков заведовал венгерским сектором Отдела ЦК, у него сложились очень близкие личные отношения с Кадаром. По существу, секретов между ними не было. И с тех пор Крючков сохранял эту привязанность.

Впечатления Крюčkова, который помимо Кадара встречался и с другими венгерскими друзьями, подтвердили вывод о критической ситуации, о назревшей необходимости обновления в Венгрии политического руководства. Большинство людей, входивших в его высший эшелон, считало, что без Кадара такие перемены не осуществить и новому руководству без него пока не обойтись. Он должен передать власть и в то же время остаться в составе руководства.

Поездка Крюčkова положила начало целому раунду контактов между руководителями наших стран. Но они осуществлялись в рамках треугольника: Кадар – Горбачев – Грос, с участием Рыжкова, Яковлева и моим.

В начале апреля в Москву приехал работник Международного отдела ЦК ВСРП Дьюла Тюрмер. Встретившись с Яковлевым и мной, Тюрмер сообщил, что его поездка предпринята с ведома Кадара для конфиденциальной консультации. В ходе же беседы венгр ссылался главным образом на поручения Гроса, с которым перед отъездом у него состоялся продолжительный разговор. В основном то, что сказал Тюрмер, совпадало с информацией Крюčkова, но с некоторыми акцентами, исходящими, как мы поняли, от Гроса.

Венгерский представитель сообщил, что Кадар в разговоре с Гросом предложил ему занять пост Генсека. На это Грос возразил, сказав, что Кадар им нужен как авторитетная фигура, интегрирующая усилия членов руководства, но людей в его окружении нужно заменить на более сильных. На наводящий вопрос о мнении по этому поводу в партии собеседник ответил, что в партии превалируют настроения в пользу безотлагательной смены лидера. Затяжки вызовут недовольство.

Тюрмер передал мнение Гроса, что сейчас крайне необходимо сохранить единство партии и особенно руководства, без этого не удержать контроль за ходом событий. Он, Грос, чувствует себя «на месте» в должности премьера, начал активно действовать и встречает растущую поддержку населения.

В то же время Грос хотел бы точнее знать мнение советских товарищей по ряду вопросов. Внешнеполитическая и экономическая ситуация вокруг Венгрии осложняется. Еще в феврале Международный валютный фонд не требовал от Венгрии уступок в политических вопросах. Сейчас положение изменилось: им пытаются диктовать, что делать в экономике, какие меры принимать в социальной сфере. Начались прямые выходы на политику – переданы пожелания «расширить круг общественных сил, которые должны принимать участие в решении основных вопросов».

Грос просил передать, что с согласия Кадара он отклонил эти домогательства. Намерен и дальше проявлять твердость.

Грос не представляет будущее Венгрии без тесных связей с СССР. По его мнению, для ВСРП важно ощущать поддержку Советского Союза, иметь прочный советский тыл. Держа фронт против давления Запада, Венгрия должна быть уверена в прочности и стабильности экономических связей с Советским Союзом.

Для венгерской стороны весьма важно, чтобы была восстановлена стабильность советско-венгерских экономических связей, утраченная за последние годы. В Будапеште согласны идти на изменение структуры товарооборота, на повышение доли наукоемких изделий, но хотели бы получить гарантии сохранения поставок сырья и энергоносителей хотя бы на уровне 1988 года. Проблема венгерского актива в торговле с СССР в 1989–1990 годах имеет немалое значение, но главное для ВНР – надежное будущее венгеро-советских связей. Венгерская сторона готова развивать совместные предприятия, в том числе создавать их на трех- и четырехсторонней основе с подключением капстран. Грос хотел бы провести с Рыжковым встречу с глазу на глаз, чтобы обсудить все эти вопросы.

Грос интересуется, как поступать венграм в отношении Израиля? Они видят, что позиция Советского Союза стала гибче, хотелось бы в духе полного доверия согласовать с советскими товарищами, как действовать дальше. Грос просил понять, что для Венгрии этот вопрос очень чувствителен, поскольку в Израиле живут полмиллиона выходцев из ВНР. Грос хотел бы также переговорить с советскими друзьями относительно своей поездки в США в июле.

Информация из Будапешта и способ ее передачи давали основание для вывода, что обсуждение вопросов о смене руководства ВСРП вступило в решающую стадию.

С нашей стороны Кадару и Гросу через Тюрмера было сообщено, что информация доведена до советского руководства, а наше мнение по поставленным внешнеполитическим проблемам будет высказано Рыжковым в ходе его визита в ВНР, который состоится через неделю.

Перед поездкой в Будапешт Рыжков подробно ознакомился с материалами бесед Крючкова и Тюрмера. На случай, если разговор с Кадаром или Гросом зайдет о руководстве, был заготовлен и согласован с Горбачевым небольшой текст на три абзаца о нашем отношении к намечавшемуся в Венгрии изменению в верхах. Несмотря на нашу ясную и четкую линию не вмешиваться во внутренние дела, мы не могли оставить без ответа обращение венгерских товарищей, хотя совершенно не желали быть втянутыми в какое-либо обсуждение венгерских внутренних проблем.

Правда, Кадар на встрече с Рыжковым этих вопросов не касался; похоже, он готовился к разговору с Горбачевым. А вот в беседе с Гросом помимо досконального обсуждения экономических вопросов по инициативе венгра была затронута и проблема смены руководства. По словам Гроса, постепенно складывается настроение в пользу кардинального решения проблем политического руководства при участии и координирующей роли Кадара с передачей партийных функций преемнику и с оставлением за Кадаром роли председателя партии.

С нашей стороны Рыжков воспроизвел содержание согласованной заготовки, привезенной им из Москвы:

«В том, что венгерские товарищи сочли возможным поделиться с нами своими соображениями по важнейшим вопросам политического руководства своей страны, мы видим еще одно свидетельство глубоко доверительных, товарищеских отношений между нашими партиями, лично товарищами Кадаром и Горбачевым.

Само собой разумеется, что вопросы такого рода решаются только и исключительно каждой братской партией.

Что касается нашего мнения, то мы с пониманием относимся к намерению венгерских товарищей провести изменения в составе руководства страны при координирующей роли товарища Кадара. Это поможет усилить партийное руководство страной и приступить к активному решению как неотложных, так и долгосрочных задач, стоящих перед венгерскими друзьями.

Мы уверены, что огромный политический опыт товарища Кадара, его высокий авторитет помогут ему вместе с товарищем Гросом и другими соратниками найти такое решение, которое отвечает сути ситуации и масштабу задач, настроениям в партии и венгерском обществе».

Вроде бы эта ситуация вполне объяснима. Кадар не стал обсуждать с Рыжковым главный вопрос, ибо он носил партийный характер. Учитывал Кадар и предстоящий разговор с Горбачевым. Грос не обошел эту проблему, поскольку она касалась непосредственно его. Но все же за этим проглядывало различие в позициях двух венгерских руководителей. По-видимому, Кадар еще не до конца преодолел сомнения, раздумывал, как ему поступить: будет ли правильно все бразды правления передать в руки одного человека? Грос же, внешне подчеркивая заинтересованность сохранения Кадара в руководстве, в то же время старался форсировать ход событий.

Подтверждением этого явился и такой факт. Через несколько дней в интервью одной из венгерских газет Грос прямо заявил, что человеческие силы небеспредельны и каждый политический деятель должен вовремя уйти в отставку. Было очевидно, что имелось в виду.

10 мая пленум ЦК ВСРП, обсуждая вопросы предстоящей конференции партии, не согласился с предложением Политбюро об обновлении состава ЦК на 25–30%. По предложению ряда членов ЦК было принято решение провести на конференции полное переизбрание ЦК и ЦКК.

В разговоре с советским послом, состоявшемся после пленума, Кадар намекнул, что такой исход он имел в виду и чуть ли не организовал его, но это была уж больно тонкая и рискованная тактика. Что касается выборов лидера партии, то Кадар, по его словам, продолжает думать над этим вопросом и на Политбюро ни с кем его не обсуждал. В ближайшие дни выработка позиции будет завершена. «Не хочу, чтобы Михаил Сергеевич узнал о принятых решениях из газет, – добавил Кадар. – Ехать в Москву не могу, но было бы хорошо, чтобы в среду, на следующей неделе, в Будапешт приехал совпредставитель, может быть, Крючков».

Еще через день посол Б.И. Стукалин сообщил мне по телефону о встрече с Гросом, по словам которого, Кадар мучительно переживает и нервничает. На следующей неделе состоится обсуждение вопроса о Генсеке на Политбюро, но предварительно Грос дал согласие Кадару на совмещении постов председателя правительства и Генерального секретаря ЦК ВСРП. Всем этим он серьезно озабочен, готовит выступление на конференции, причем в двух вариантах, в зависимости от того, как будет складываться обстановка. Думает о сколачивании команды, чтобы не вносить разлад в партию и ЦК.

Вернувшись из Будапешта, Крючков информировал о решениях, к которым пришел Кадар. А 19 мая, накануне конференции, состоялся весьма знаменательный разговор Горбачева с Кадаром. Я присутствовал при нем. Переводила беседу Барта Иштванне, близкий для Кадара человек, в совершенстве знающая оба языка.

После взаимных приветствий Кадар обстоятельно прокомментировал принятые Политбюро и пленумом ЦК ВСРП решения, с которыми они выходят на конференцию. На ней не будет отчетного доклада. Генеральный секретарь сделает только выступление с разъяснением проекта резолюции, в которой «уточняется курс партии на социалистическое развитие страны». Центральный Комитет и Центральная контрольная комиссия не уходят в отставку, сохраняют свой мандат до съезда, но их состав переголосовывается. Будет внесено предложение изменить устав, введя должность председателя ВСРП, на которую имеется в виду избрать его, Кадара. Председатель партии не будет входить в состав Политбюро, чтобы не создавать трудностей для нового лидера, но он сможет приходить на любые заседания руководства и высказывать свое мнение. На пост Генерального секретаря ЦК ВСРП рекомендуется Карой Грос, а предусмотренная уставом должность его заместителя останется вакантной. «Если Генеральному секретарю 57 лет, в заместителе нет необходимости», – заметил Кадар.

По мысли Кадара, в ЦК партии следует оставить один орган – Политбюро, секретариата не иметь, а секретари под руководством Политбюро будут лишь курировать определенные участки работы, руководить аппаратом. Тем самым будет усилена роль выборных органов и уменьшено влияние аппарата. (Кстати

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org говоря, примерно такое же решение было принято и у нас в ходе осуществления решений XIX партконференции.) Все это, по мнению Кадара, позволит укрепить единство партии.

Поблагодарив за информацию, Горбачев подчеркнул, что, с его точки зрения, крайне важно, что эти перемены происходят под руководством товарища Кадара, в его присутствии и при сохранении его положения в партии. Он добавил, что высоко ценит политическую мудрость Кадара – своего давнего друга. «Я был уверен, – сказал Горбачев, – что это непростое решение будет принято тогда, когда оно созреет и станет необходимым. Разумеется, наши связи сохранятся как в политическом, так и в человеческом плане. Буду рад встречаться с Вами, обмениваться мнениями по любому вопросу».

Это был по-настоящему дружеский разговор двух руководителей.

Вечером 22 мая стали известны итоги венгерской конференции и пленума ЦК.

Как и предполагалось, Генеральным секретарем стал Грос, а председателем партии – Кадар. Но произошли и неожиданности.

Из двенадцати членов Политбюро прежнего состава в новое Политбюро вошли только пять, в том числе Грос, Берец, Пожгаи. Еще двое – Ацел и Мароти были избраны в ЦК, но не вошли в состав Политбюро. А пять бывших членов Политбюро оказались забаллотированными при выборах ЦК. Это в основном люди, близкие Кадару, – Лазар, Немет, Овари, Хаваши, Гашпар.

В беседе с советским послом, состоявшейся через несколько дней, Кадар положительно высказался об итогах конференции, хотя неизбрание пяти членов Политбюро в ЦК назвал позорным и неприглядным, сделав кивок в сторону партийного аппарата. Но ведь партийный аппарат, по сути дела, и был в руках забаллотированных товарищей. Итоги конференции подтвердили правильность решения Кадара об уходе с поста Генсека. Пожалуй, это решение даже запоздало. Дальнейшая оттяжка могла бы кончиться для него плачевно.

Власть переходит к оппозиции

Так завершилась эпоха Кадара, а вместе с этим началась новая полоса в развитии Венгрии. В течение полутора-двух лет облик венгерского общества претерпел глубокие изменения: партия, ослабленная и расколотая, утратила власть, которая перешла к оппозиционным силам, взявшим курс на окончательный демонтаж старой системы и вхождение страны в западный мир. В основе своей этот процесс был объективно неизбежным, но он сопровождался в некоторых отношениях и потерями положительного потенциала, накопленного в предшествующие годы, политическим и духовным кризисом, нарастанием ряда болезненных явлений, в частности шовинизма и антисемитизма.

Почему это произошло, почему и в условиях Венгрии, раньше других начавшей реформы, не удалось осуществить плавный, бескризисный переход от авторитарной системы к современному демократическому обществу с сохранением и развитием положительных достижений в социализации общественной жизни? Прежде всего потому, что ВСРП, оставаясь до поры до времени ведущей политической силой общества, не сумела демократически обновить себя. Она стала жертвой собственных противоречий и внутренней борьбы.

Послекадаровское руководство оказалось неустойчивым. Соглашение между двумя крыльями партии, достигнутое на майской конференции, в отсутствие Кадара сохранялось недолго. Некоторый политический успех Гроса в стабилизации обстановки, достигнутый им еще до того, как он стал Генсеком, также был недолгим. Надо было идти на продолжение и углубление реформ. Этого, собственно, и добивалось реформаторское крыло партии в лице Ньерша, Пожгаи, Хорна, а Грос медлил и не шел на новые крупные шаги. Позднее он оставил пост главы правительства, но, сосредоточившись как Генсек на делах партии, Грос не спешил и с обновлением партии, которая быстро теряла свое влияние в стране.

Произошла перестановка в руководстве партии. Кадар был освобожден с поста председателя партии и вскоре скончался. Политическим лидером стал Реже Ньерш. Грос остался Генеральным секретарем, но его функции были ограничены внутривнутрипартийными делами. А в октябре 1989 года чрезвычайный съезд партии принял решение об образовании на базе ВСРП Венгерской социалистической партии. Ее председателем был избран Р. Ньерат. Это по существу была партия

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org социал-демократического типа. В нее вошли реформаторское крыло ВСРП, партийная молодежь.

Часть членов ВСРП во главе с Гросом, в основном старших возрастов, не согласившаяся с решением этого съезда, созвала в декабре свой съезд ВСРП. Эту часть партии возглавил Д. Тюрмер.

Фактически произошел не просто раскол, а распад партии на несколько самостоятельных организаций. Большинство членов партии не вошло ни в одну из них. Политическое влияние этих партий резко пошло на убыль. Они проиграли референдум по вопросу о выборах президента, а затем и сами выборы, на которых от ВСП баллотировался Пожгаи, а также парламентские выборы. Что касается правительства, то его глава Миклош Немет еще раньше сам заявил о выходе из партии, а после выборов было сформировано новое правительство.

Интересно то, что в отличие от некоторых других стран, где партия потерпела поражение в борьбе с сильной и организованной оппозицией («Солидарность» в Польше, Гражданский форум в Чехословакии), ВСРП стала жертвой прежде всего внутрипартийной борьбы. Но постепенно набирали силу другие политические движения, которые в конечном счете оказались у власти.

Не могли не повлиять на исход борьбы и экономические трудности страны и, конечно же, крушение прежних режимов в других восточноевропейских странах, распад экономической и военно-политической организации этих стран. Лишь перейдя в оппозицию, обновив стратегию и тактику, перегруппировав силы, ВСП постепенно стала укреплять свои позиции.

Впрочем, экономические и политические реформы в Венгрии, начатые исподволь, сыграли свою положительную роль – переход страны в новое состояние прошел хоть и не безболезненно, но все же без обвалов и, что самое главное, без крупных потрясений и конфликтов.

Синдром-68

Обманчивое благополучие

К середине 80-х годов Чехословакия по сравнению с другими странами Восточной Европы выглядела вполне благополучно.

Страна заметно выиграла на происшедшем в начале 80-х годов изменении в структуре цен мирового рынка в пользу продукции обрабатывающей промышленности и, в частности, машиностроения. Укрепились ее позиции в рамках СЭВ да и в какой-то мере на мировом рынке. В отличие от других стран она не залезла в большие долги. Ее платежный баланс был весьма уравновешенным. Немалых успехов достигла страна и в подъеме сельскохозяйственного производства, в обеспечении продуктами питания, что для промышленно развитой страны надо признать немалым достижением. Тут сказались, как и в Венгрии, достаточно гибкая аграрная политика.

Был достигнут довольно высокий жизненный уровень народа, создан обильный, по нашим представлениям, прилавок. Благодаря специальным мерам государства в положительную сторону изменилась демографическая ситуация. Возросли рождаемость и общий прирост населения.

Политическая оппозиция, раздавленная и рассеянная в 1968–1969 годах, не проявляла до поры до времени особой активности. Так что и серьезных политических проблем на поверхности не было заметно.

Наши отношения с Чехословакией развивались успешно. Чехословацкое руководство во всем шло в фарватере Советского Союза, поддерживая практически все внешнеполитические акции нашей страны: и в СЭВ, и в Варшавском блоке, и в Организации Объединенных Наций.

Внешне дело выглядело так, что на чехословацком направлении у нас складывалось все как нельзя лучше, царили «тишь, гладь и божья благодать».

Были восстановлены широкие связи между общественностью наших стран, и не только на центральном уровне, но и между областями, коллективами предприятий, научных учреждений, вузов и т. д. Неприязнь к нашей стране со стороны чехословацкого народа уступила место дружелюбию, близости и доброму

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org отношению. Казалось, проблемы 1968 года навсегда ушли в прошлое.

А тем временем в глубинах общества подспудно назревали негативные процессы. Даже в экономике нерешенных проблем было предостаточно. Ведь модернизация машиностроения – этого стержня экономики страны – так и не была осуществлена. По-прежнему оно оставалось во многом технически несовершенным, многономенклатурным, ресурсорасточительным, отставало от мирового уровня. Я был немало удивлен, когда в одной из бесед услышал от Милоша Якеша, ведавшего в ЦК вопросами экономики, что в этой сравнительно небольшой стране выпускается 80% мировой номенклатуры машиностроительной продукции. Выходит, что с 60-х годов здесь ничего не изменилось!

Но особенно серьезные проблемы назревали в сфере общественных отношений и общественного сознания.

Прошло почти 20 лет после подавления «пражской весны», а в развитии демократии, гласности практически ничего не изменилось. Строгий идеологический режим, недопущение плюрализма мнений, односторонность и одноликость в культурной жизни страны.

Десятки и сотни тысяч людей, исключенных в свое время из партии и подвергнутых общественному остракизму, их семьи до сих пор испытывали ограничения в гражданских правах.

Партия практически оставалась вне контроля со стороны общества, и как результат – проявление все больших признаков загнивания и разложения, перерождения отдельных руководителей. И все это в стране с вековыми демократическими и гуманистическими традициями, высокой европейской культурой.

Начало перестройки в Советском Союзе вызвало отклик в глубинах чехословацкого общества. Оно породило надежды на изменение ситуации в стране. Оживилась оппозиция. Посыпались письма в ЦК. Нарастали требования перемен, смены руководства.

А что же в самом руководстве? Практически оно сохранилось в том составе, в котором было сформировано в 1969 году на волне подавления реформаторского движения, которое тогда оценивалось как контрреволюционное и антисоциалистическое. В руководстве преобладали догматические консервативные силы, олицетворением которых был «сильный человек» – всемогущий Васил Биляк – «Василий Михайлович», как его звали в Советском Союзе. По сути дела, он держал партию в руках, опираясь внутри страны на традиционалистские силы и открыто используя в этих же целях свою близость к брежневскому руководству. К нему примыкали Алоиз Индра, Карел Гофман, Йозеф Кемпный, а также Милош Якеш, Йозеф Ленарт, хотя двое последних отличались большей самостоятельностью и реализмом. Под влиянием Биляка находился и секретарь ЦК по идеологии Ян Фойтик, в свое время склонный к прогрессивным взглядам, но, по-видимому, вынужденный подстроиться под господствующий стиль.

Противостоял этой группе в Президиуме ЦК КПЧ практически один Любомир Штроугал, председатель федерального правительства. Следует вспомнить, что в политической борьбе 1968 года он стоял несколько особняком, занимая критическую позицию по отношению к идеологам «пражской весны», он не был причастен к вводу войск в Чехословакию. И как нынешний глава правительства проявлял более реалистическое отношение к проблемам страны, выступал за проведение серьезных экономических и государственных реформ в направлении демократизации.

Штроугал был объектом постоянных нападков со стороны правых. Они только и ждали момента, чтобы его «съесть». Нашептывали о нем советским товарищам, пытались восстановить их против Штроугала, и, должен сказать, безуспешно. Но Гусак не давал Штроугала на съедение, понимая, что он необходим для равновесия в руководстве. Такая позиция ограничивала аппетиты консерваторов. Гусак стремился подтянуть к руководству и более молодых и современных людей, а старая гвардия упорно не давала им ходу.

Особенно, конечно, следует сказать о Густаве Гусаке. Это опытный политик, прошедший суровую школу политической борьбы, серьезный мыслитель и аналитик. Перед его глазами и с его прямым участием протекали вся история послевоенной Чехословакии, все перипетии сложнейшей политической борьбы.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Дважды сидел в тюрьме – при словацком буржуазном режиме и в социалистической Чехословакии.

Гусак был активным участником реформаторского процесса 1968 года. Вихрь событий вновь вынес его в самый верхний эшелон политических деятелей страны. Его выступления того времени отличались смелостью, оригинальностью оценок и суждений, но, конечно же, не были свободны от эмоций, вызванных возвращением в бурную политическую жизнь.

Недостаточно объективная, а порой и тенденциозная информация создавала о нем тогда в Советском Союзе противоречивые представления. Я помню, как в 1968 году в разгар политической борьбы в Чехословакии меня как секретаря Ленинградского горкома партии на одном из выступлений в большой аудитории спросили: «А что за птица Гусак?» Не скрою, что испытывал некоторое затруднение, отвечая на этот вопрос. Но и тогда уже было ясно, что это крупная фигура, выступавшая за перемены в стране и в то же время за сохранение социалистического курса и тесного сотрудничества с Советским Союзом.

Согласие Гусака в апреле 1969 года взять на себя руководство партией и страной, по моему мнению, было в высшей степени мужественным и ответственным шагом. Он взвалил на свои плечи тяжелейшую ношу и, надо сказать, оказался на высоте положения, сумев в жестких рамках реальных условий того времени направить развитие страны по пути политической стабилизации. Если бы Гусак вступил в открытую конфронтацию с консервативными силами и их лидерами, ему бы не удалось сделать этого, он не удержался бы у власти и месяца. Но вместе с тем он видел их ограниченность, необходимость привлечения к руководству новых людей, хотя здесь сталкивался с немалыми трудностями.

Советская перестройка поставила перед руководством КПЧ острейший вопрос: как к ней отнестись? Полная лояльность, послушность КПЧ по отношению к КПСС исключала возможность какого-либо открытого несогласия с новой линией советского руководства. И в официальных документах ЦК КПЧ, и в выступлениях всех ее деятелей можно было слышать только согласие с советской перестройкой, ее одобрение. Одно время между чехословацкими лидерами возникло даже нечто вроде соревнования за степень признания советской перестройки. Стороны обвиняли друг друга в ее недостаточной поддержке.

Но это признание включало широкий спектр позиций – от сочувственного отношения к ней со стороны Гусака и понимания необходимости у Штроугала до чисто декларативного признания, но отвержения по существу у Биляка и Фойтика.

Промежуточную позицию занимал Якеш, который чувствовал необходимость экономических реформ и каких-то подвижек в общественных структурах, но в то же время считал неприемлемым для Чехословакии советский опыт развития гласности и идеологического плюрализма. Иными словами, он был за перестройку, но без демократизации и гласности. Постепенно этот спектр мнений стал проявляться все яснее.

Из общения с чехословацкими друзьями я вынес твердое мнение, что позиция полного или частичного неприятия перестройки была всецело продиктована синдромом 1968 года, который довлел над руководством страны и определял логику его поведения. И дело тут не только в том, что кто-то держался за кресло, а в том, что за два десятилетия после «пражской весны» руководящая элита, партийный и государственный актив впитали в кровь и в плоть идеологию отторжения любой иной модели общества, кроме той, которая вновь была насильственно восстановлена в этой стране после 1968 года.

Реалистическая оценка ситуации приводила к выводу: одномоментная перемена господствующей идеологии, руководства страны невозможна, в стране нет той общественной силы, опираясь на которую можно было бы ее осуществить. Да и мы не считали, что нужно и у себя в Советском Союзе все разом переворачивать.

Конечно, был выход, намеки на который нет-нет да и проскальзывали в рассуждениях некоторых чехословацких руководителей и к которому мы, отвергая какое-либо вмешательство со своей стороны в дела другой страны, все же проявляли определенный интерес. Он состоял в том, чтобы подвести черту под предшествующим развитием, не вдаваясь пока в его категорические

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org оценки, констатировать, что обстановка в стране изменилась, встают новые задачи, и в связи с этим провозгласить курс на национальное примирение. Отменить сохраняющиеся ограничения для активных участников событий 1968 года. Призвать всех к конструктивной работе, раскрыть постепенно шлюзы для демократических процессов: либерализации режима и экономических реформ.

Но догматические фундаменталистские силы заблокировали своим глухим упорством возможность развертывания обновленческих процессов. Без каких-либо вопросов с нашей стороны чехословацкие коллеги стали усиленно разъяснять нам, что проблемы реабилитации участников событий 1968 года не существует, этот вопрос якобы давным-давно снят самой жизнью, что и меры-то тогда были приняты очень легкие, не задевшие сколько-нибудь серьезно права человека и не коснувшиеся сколько-нибудь значительных слоев общества, и т. д. Продолжалась та же линия словесного одобрения перестройки, а фактически торможение демократических процессов.

Между тем в широких слоях общества настроение было совсем другое. Авторитет перестройки поднялся на беспрецедентную высоту. И все это проявилось, причем спонтанно и неожиданно для чехословацкого руководства, во время визита Горбачева в Чехословакию, состоявшегося в апреле 1987 года.

«Горбачев, оставайся у нас!»

Визит в Прагу готовился тщательнейшим образом. Особенно важно было выбрать правильную тональность и в официальных переговорах, и в контактах с населением, чтобы не усилить негативное отношение чехословацкого общества к своему руководству, но и не впасть в противоречие с преобладающими настроениями, которые нам были известны.

В Праге уже были вывешены флаги, портреты, подготовлено все для приема высокого гостя, когда было объявлено об отсрочке визита на два-три дня в связи с простудой Горбачева. Об этом я сообщил лично Гусаку. В западной прессе не обошлось без острот о «политической простуде» советского лидера, но все было именно так, как сообщалось.

Масштаб и значение визита превзошли все ожидания. Я имею в виду не только и не столько официальные встречи и переговоры с чехословацкими руководителями. Они были, как и раньше, дружественными, конструктивными, деловыми, велись на широком фоне осмысления нашего времени, мировых процессов. Гусак был очень интересным собеседником. Его отличала немногословная манера ведения диалога, но высокая концентрация мысли, широкая эрудиция. На время встречи Гусака и Горбачева Биляк и Якеш пригласили меня для параллельной беседы. С их стороны было высказано все, что можно было ожидать: и поддержка перестройки, и необходимость решения актуальных экономических проблем, и, конечно же, оценка политической обстановки. В развернутом виде с их стороны была представлена позиция чехословацкой стороны по вопросу реабилитации участников оппозиции 1968 года и подтверждена правильность действий союзных государств в отношении Чехословакии в 1968 году, охарактеризованы успехи Чехословакии за послекризисный период.

На большом эмоциональном подъеме прошли митинг чехословацко-советской дружбы с выступлениями Гусака и Горбачева, другие официальные церемонии, посещение завода «Компрессор», Национального театра, а также встреча Горбачева с членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК и секретарями ЦК КПЧ, с работниками аппарата ЦК, переговоры в Братиславе, ознакомление с работой сельскохозяйственного кооператива в Словакии.

Но, конечно же, главное действие разыгралось на улицах и площадях Праги и Братиславы, и именно в нем проявился основной политический смысл визита. Везде, где должен был появиться Горбачев, его ждали огромные скопления народа, причем среди собравшихся преобладала молодежь. Народ заполнял не только улицы, но и балконы и крыши, все доступные возвышения. Как только Горбачев подходил к людям, раздавались взрывы приветственных возгласов, тянулись сотни и тысячи рук. Полиция с большим трудом сдерживала напор толпы. У Национального театра люди не уходили с улицы в течение всего спектакля, ожидая появления Горбачева. А когда мы вышли на Вацлавскую площадь и двинулись вдоль улицы, там было море людей, стоял непрерывный гул. Волны приветственных возгласов сотрясали воздух и сопровождали нас на всем пути. Это было нечто фантастическое. Как потом говорили чехословацкие друзья, впервые за долгие годы организационная работа в партии слилась со

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
спонтанным проявлением народных чувств.

В чем же был смысл этой мощной и волнующей демонстрации? Пожалуй, наиболее полно его выражает возглас, обращенный к Горбачеву: «Михаил Сергеевич, оставайтесь у нас, хотя бы на год или даже на несколько месяцев!» Это было одновременно и открытое одобрение того, что началось у нас в стране, и выражение неудовлетворенности руководством своей страны, страстного желания, чтобы Чехословакия вышла из состояния общественно-политического застоя. Высветились острые проблемы этой страны, имевшие прежде всего не материально-экономический, а именно духовно-политический характер.

Находясь в эпицентре народной манифестации на улицах и площадях Праги, мы все, и в первую очередь Михаил Сергеевич, испытывали чувство неловкости за чехословацких руководителей. Гусак имел какой-то потерянный вид, хотя Горбачев старался всячески вовлечь его в общий разговор, обращался к собравшимся как бы и от себя и от Гусака, всячески демонстрируя свое уважительное отношение к нему, но это не помогало: народ как будто не замечал своего руководителя. Смотреть на это было тяжело.

Невольно я наблюдал и состояние Биляка, Капека, Якеша и других чехословацких лидеров. Они были явно ошеломлены грандиозным излиянием эмоций пражан. Старались делать вид: вот видите, как все здорово, каковы плоды нашей работы. Но можно представить себе, что творилось в душе каждого из них в это время.

Визит Горбачева стал и камертоном происходящего, и мощным импульсом последующего развития событий в Чехословакии. Конечно, каждый делал для себя выводы в соответствии с собственным пониманием того, что делалось вокруг, глядя «со своей колокольни». Гусак, как человек честный и откровенный, серьезно задумался о своей отставке и обеспечении дальнейшего руководства страной.

У меня складывалось впечатление, что он, понимая необходимость перемен, рассматривал их более широко, связывая с изменением политического курса в сторону проведения назревших реформ. Ведь воля народа в апреле была выражена определенно и однозначно. Вместе с тем он видел, что консервативные силы в руководстве не удастся устранить, ибо они отражают настроения в довольно широких партийных слоях, где повсюду расставлены «свои люди». Гусак искал выход из этого положения, чтобы нащупать пока хотя бы компромиссное, частичное решение вопроса, не допустить усиления консервативного крыла.

Что касается Биляка и других сторонников жесткого курса, то они с учетом своих интересов пытались свести все лишь к смене высшего руководителя, и то по причине его физических возможностей, не затрагивая нынешнюю политическую линию по существу. Вопрос этот они хотели решить побыстрее, рассчитывая таким путем погасить недовольство в обществе, «выпустить пар» и в то же время сохранить, а может быть, даже и упрочить свои позиции. Более взвешенную и разумную позицию, включавшую признание необходимости перемен, занимал Якеш.

Так или иначе, при всем различии мотивов, которыми руководствовались действующие лица, вопрос о смене руководства в последующий период вышел на первый план. Вокруг него все сильнее стали разгораться страсти. В Президиуме ЦК возникла нервная обстановка. Неожиданный демарш предпринял председатель Совета профсоюзов Карел Гофман, который, высказав недовольство своим положением, заявил об отставке. Признаки неуравновешенности появились и в поведении первого секретаря Пражского горкома партии Антонина Капека, в его скандальных выступлениях на Президиуме, а затем и на пленуме ЦК КПЧ. Любомир Штроугал не скрывал своего намерения в случае ухода Гусака немедленно подать в отставку.

Не находя серьезной кандидатуры на свое место, которая могла бы противостоять Биляку, Гусак пребывал в затруднительном положении. Он хотел сохранить Штроугала в руководстве, но понимал, что выдвижение его на первую роль нереально. Быстро набирал силу и авторитет председатель чешского правительства Ладислав Адамец, но он не мог рассчитывать на поддержку в Президиуме и ЦК, в том числе из-за некоторых личных качеств – независимого характера, прямоты и резкости суждений. Попытки Гусака остановить выбор на ком-то из молодых секретарей ЦК также ни к чему не привели. Ему нужно было время, а его у Гусака уже не было.

В конечном счете, как нам потом стало известно, Гусак пришел к компромиссному варианту – создать тандем: Якеш – Генеральный секретарь и Штроугал – председатель правительства.

Милош Якеш был опытным политиком, неплохо знавшим и экономику, поскольку в Президиуме ЦК КПЧ он в последнее время занимался именно этими вопросами. Якеш примыкал к большинству Президиума, над которым довлел синдром 1968 года, но отличался большей самостоятельностью, не глядел в рот Биляку, мог проявить характер. Очень важно, что Якеш имел репутацию честного, скромного и требовательного к себе человека. Главная проблема, по-видимому, состояла в том, как обеспечить взаимопонимание Якеша со Штроугалом и оградить Якеша от доминирующего влияния консервативного крыла.

Во время пребывания чехословацких руководителей в Москве в начале ноября 1987 года на праздновании 70-летия советской власти (Гусака в поездке сопровождали Якеш и Биляк) состоялась встреча Горбачева с Гусаком, как всегда очень открытая и товарищеская. Гусак сообщил об обстановке в Чехословакии, дав понять, что он интенсивно размышляет над проблемой изменений в руководстве страны, ищет взвешенное решение. Он положительно отозвался о Якеше, дал высокую оценку деятельности Штроугала, говорил, что готовится принять решение относительно себя. Гусак информировал Горбачева, что основные моменты перестройки в Чехословакии, и прежде всего экономические реформы, намечено обсудить в декабре на пленуме ЦК, а в связи с этим осуществить и перестановки в руководстве.

Горбачев не стал вдаваться в обсуждение возможных перестановок в руководстве, подчеркнув, что это сугубо внутреннее дело Чехословакии. При этом он добавил, что никто лучше, чем сам Гусак, не почувствует тот момент, когда надо будет решать этот вопрос с точки зрения интересов страны и его собственных, личных интересов. Горбачев дал согласие принять Штроугала в Москве, как только он этого сам пожелает.

Во время пребывания чехословацкой делегации в Москве произошел весьма любопытный и многозначительный казус. В выступлении директора Института марксизма-ленинизма Смирнова на пресс-конференции, не помню, в какой связи, была поставлена под сомнение правомерность действий союзных государств в Чехословакии в 1968 году. Я и сейчас не могу сказать, было это случайностью или обдуманным шагом. Могу лишь отметить, что такого рода настроения стали все шире распространяться в кругах интеллигенции, среди ученых. Конечно, Смирнов высказывал свою точку зрения. Но дело в том, что он был членом ЦК и директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а в недавнем прошлом – помощником Генсека. Никаких санкций или тем более указаний по этому вопросу из ЦК КПСС он, естественно, не получал.

Это выступление привело чехословацкую делегацию, особенно Биляка, в большое возбуждение. Узнав об этом уже поздно вечером, я счел необходимым заехать в особняк на Ленинских горах, где размещалась чехословацкая делегация. В разговоре наедине с Биляком ему было заявлено, что это личное мнение Смирнова, при этом подчеркнуто, что ни один вопрос, касающийся любой дружественной партии и страны, нами не решается и никогда не будет решаться без совета с ее руководством. В то же время мы не можем наложить запрет на обсуждение исторических проблем нашими учеными.

Собеседник вроде бы принял такое разъяснение к сведению, но тут же попытался перевести разговор на тему о ситуации в руководстве, необходимости перемен и т. д. Это никак не входило в мои планы, и я попросил Биляка не втягивать нас в обсуждение подобных проблем. Это ваши дела, и никто за вас решать их не будет. На том разговор и закончился.

В середине ноября в Москву приехал Штроугал. Переговоры с ним по экономическим проблемам провел Рыжков, но главным, конечно же, был политический аспект этой поездки, встреча Штроугала с Горбачевым, который высоко оценил деятельность Штроугала как главы правительства, его усилия по реформированию экономики. Вместе с тем было высказано мнение, что идти на пленум в декабре, первый пленум по перестройке, надо с твердой уверенностью, что решения будут приняты серьезные и руководство их сможет осуществить.

Штроугал уехал домой в приподнятом настроении. Он почувствовал, что в Москве понимают ситуацию и отнюдь не следуют слепо советам некоторых

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org твердокаменных друзей из чехословацкого руководства.

Схватка за власть

Беседы эти оказались как нельзя своевременными. Дело в том, что уже 18 ноября по инициативе Биляка и его сторонников на Президиуме ЦК КПЧ был поставлен вопрос о разделении постов президента и первого секретаря Центрального Комитета партии. По-видимому, эти люди заподозрили, что в Москве за их спиной все вопросы обговорены Гусаком и Штроугалом, и решили действовать.

Индра прямо спросил Гусака: не была ли затронута в Москве тема разделения постов? Гусак, разумеется, дал отрицательный ответ, подчеркнув при этом, что он в Москве получил полную поддержку в проведении линии на перестройку. Биляк, в свою очередь, «прижимал» Штроугала: не говорил ли он в Москве, что в Праге есть противники перестройки, и не называл ли он конкретных фамилий в связи с этим? Штроугал тоже, естественно, категорически отверг такое предположение. Вспомнили, конечно, о выступлении Смирнова относительно событий 1968 года. Все, кроме Штроугала и Капека, высказали свое негативное мнение по этому поводу. Поручили Биляку добиваться подтверждения прежних оценок и «Уроков кризисного развития».

Когда заседание Президиума было возобновлено во второй день, Биляком открыто был поставлен вопрос о разделении постов. Видимо, не желая решать эту проблему под давлением, Гусак не раскрывал карты. К тому же соотношение сил в Президиуме было 7:3 в пользу консерваторов, а во всем руководстве, включая кандидатов в члены Президиума и членов Секретариата, примерно 10:10.

Обо всем этом информировал советский посол в Праге В.П. Ломакин. 23 ноября в разговоре по спецсвязи посол попросил меня переговорить с Михаилом Сергеевичем, чтобы он позвонил Гусаку. Я сказал, что обращаться с таким предложением к Горбачеву не буду, ибо уверен в отрицательном ответе Горбачева. Но в то же время посоветовал послу самому позвонить Генсеку и сообщить ему о складывающейся обстановке. Реакция была такой, как я и ожидал: обращаться к Гусаку и подталкивать его к каким-то действиям Горбачев не будет. Он вообще не считает необходимым добавлять что-либо к тому, что было обсуждено с чехословацким руководителем во время последней встречи.

Накануне нового заседания Президиума Ломакин был приглашен Гусаком к нему на квартиру и имел с ним доверительную беседу.

Гусак рассказал о перипетиях дискуссии в Президиуме и о складывавшейся ситуации. Он сообщил, что Якеш отверг предложения Биляка об учреждении поста заместителя Генерального секретаря, об избрании его, Якеша, на эту должность. Гусак признал, что разделения постов не избежать, но выражал опасения, что может быть оказано давление на некоторых членов Президиума, несогласных с «семеркой».

Дальнейший диалог, по рассказам посла, выглядел примерно так.

ГУСАК. Не считает ли Михаил Сергеевич, что уже наступил тот момент, о котором шла речь на нашей с ним встрече, когда исходя из интересов страны мне надо принимать в отношении себя ответственное решение?

ЛОМАКИН. Об этом речи не было и нет. Но в Политбюро ЦК КПСС возникает естественное беспокойство за то, как дальше пойдет развитие событий в Чехословакии.

ГУСАК. Не могу оставить Штроугала и Капека на съедение.

ЛОМАКИН. А не возникал ли вопрос о договоренности о каком-то сроке, по истечении которого может быть решен вопрос о разделении постов?

ГУСАК. Если бы возник такой вопрос, то потребовалось бы два-три месяца, в течение которых можно было бы выдвинуть к руководству новых, в том числе молодых, людей.

ЛОМАКИН. Насколько реально это в нынешних условиях?

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org ГУСАК. Не очень реально. Вопрос заблокирован. Но и его решение не изменит быстро соотношение сил. Какой же выход? Если произойдет выход на Биляка, то полетят головы.

ЛОМАКИН. А не видите ли Вы иной возможности решить вопрос в отношении Биляка?

ГУСАК. Вот если бы кто-то помог принять такое решение.

ЛОМАКИН. Но это можете решить только Вы.

Посол сообщил, что настроение у Гусака было спокойное и уверенное, но и у Биляка решительность не спадала.

В общем, ноябрьские заседания Президиума явились прелюдией к решительной схватке. Обстановка в чехословацком руководстве накалилась до предела. В самом конце месяца я написал краткую записку с оценкой ситуации в руководстве КПЧ и передал ее из рук в руки Горбачеву. Вот ее текст.

ОБ ОБСТАНОВКЕ В ЧЕХОСЛОВАЦКОМ РУКОВОДСТВЕ

Особенность ситуации в том, что борьба за власть между сложившимися в чехословацком руководстве группировками фактически оттеснила на задний план вопрос о программе перестройки, необходимость которой остро ощущается в партийном активе и среди народных масс.

Каков может быть в этих условиях ход событий?

Если группировка во главе с Биляком придет к руководству, фактически вытеснив Штроугала и его сторонников, то это будет воспринято в обществе как победа консервативных сил, не желающих ни на йоту отступить от тех жестких позиций, которые были вынужденно заняты партией после 1968 года. Не только настроения самого Биляка, который играет и, очевидно, будет играть ключевую роль даже при Якеше в роли нового Генсека, но и логика борьбы против сторонников Штроугала (а их еще много – в хозяйственном аппарате, среди интеллигенции, видящей в нем поборника перемен) будет побуждать новое руководство отстаивать прежние позиции, если и идти вперед – то с неохотой, мелкими шажками.

Поскольку сейчас сохранение Гусака на посту Генсека вряд ли возможно, да и было бы встречено в партии и обществе с крайним раздражением, наиболее целесообразен (по крайней мере, на какое-то время) вариант совместной работы Якеша и Штроугала на постах Генсека и премьера. В принципе это возможно, и Штроугал уже предлагал Якешу нечто вроде политического союза. Однако этого постарается не допустить Биляк, который понимает: если Штроугал договорится с Якешем, то ему не останется места в руководстве, он должен будет уйти.

Фактически обстановка складывается так, что со всех точек зрения становится желательным нейтрализовать Биляка. Без этого невозможно ни укрепление единства чехословацкого руководства (пусть постепенного, через какие-то этапы), ни вступление на путь реформ, в которых нуждается страна.

Очевидно, единственный способ проложить дорогу такому ходу событий – постараться убедить Якеша в необходимости найти общий язык со Штроугалом. Последний не исчерпал своих возможностей как премьер, обладает большим опытом организации хозяйства. Кроме того, сохранение его на посту председателя правительства (хотя бы на какое-то время) помогло бы избежать углубления разногласий в партийном и государственном активе, сохранить единство, столь важное для партии и страны.

Целесообразно через совпосла или каким-нибудь иным способом довести эти мысли до сведения Якеша, чтобы упредить нежелательный поворот событий (особенно возможный в связи с тем, что, по словам Штроугала, в случае ухода Гусака с поста Генсека он вынужден будет также подать в отставку).

Одновременно я передал Горбачеву материал для возможного разговора с Гусаком, имея в виду, что последний мог в любое время сам выйти на такой разговор.

К ВОЗМОЖНОМУ РАЗГОВОРУ С Г. ГУСАКОМ

Положение, возникшее в чехословацком руководстве, означает, что вопрос преемственности в руководстве партии решается, к сожалению, не на согласованной основе, не на основе единства, а в противоборстве.

Но если уж так случилось, надо искать достойный выход из положения. Сейчас самое важное – не допустить, чтобы разногласия в Президиуме ЦК КПЧ были выплеснуты наружу, перенесены на более широкую арену. Опасно, если в возникшие разногласия будут вовлечены партийный актив, общественность. Нельзя давать политический простор личным амбициям и групповым интересам. Особенно опасно было бы допустить, чтобы разногласия приняли форму межнациональной распри.

Очевидно, что нельзя проводить пленум ЦК КПЧ в условиях отсутствия единства в руководстве. Задача задач сегодня – искать решение в рамках Президиума ЦК КПЧ.

Наша позиция остается такой, как мы ее высказывали в беседах в Москве и Праге. Мы не считаем себя вправе вмешиваться в расстановку кадров в братской партии. Отношение к чехословацким руководителям ясно выражено на встречах, которые у нас были с ними в течение последнего времени. В беседах с Гусаком, Якешем и Штроугалом подчеркивалось полное согласие с планами перестройки, в которой так остро нуждается страна. Именно эту проблему, как мы понимаем, должен решать пленум ЦК КПЧ, на который необходимо прийти, имея единую позицию в руководстве и разработанную программу перестройки.

Мы сохраняем высокое уважение к т. Гусаку. Его огромный вклад в дело социализма неоспорим. Нет сомнения, что он сумеет вместе с другими членами руководства обеспечить нормальную преемственность принципиальной линии КПЧ и курса на обновление социализма.

Однако этот материал так и не потребовался. 4 декабря во второй половине дня мне в кабинет в мое отсутствие позвонили сначала Биляк, а затем посол Ломакин. В 19 часов я перезвонил им. Биляк сообщил о принятых на заседании Президиума предложениях Гусака о разделении постов и рекомендации на должность Генсека Милоша Якеша. Они будут вынесены на пленум ЦК КПЧ 17–18 декабря, который созывается для рассмотрения ситуации в стране и экономической реформы. Еще до пленума о предложении Президиума будут информированы первые секретари обкомов партии, а также другие члены ЦК. Ломакин к этому добавил, что Президиум прошел спокойно и, судя по всему, найден тот компромисс, к которому так долго шли.

Горбачев в это время находился в Вашингтоне, где проходила советско-американская встреча на высшем уровне, но новость из Праги была немедленно доведена до сведения Генерального секретаря. А 11 декабря руководители социалистических стран собрались в Берлине, где Горбачев на пути из Вашингтона сделал остановку и подробно информировал своих коллег из социалистических стран о соглашениях, достигнутых в Вашингтоне, и содержании переговоров с Рейганом.

Перед самым началом заседания, когда Горбачев еще не появился в зале, ко мне подошел Гусак, возглавлявший чехословацкую делегацию, и очень тепло, как мне показалось, с каким-то особым смыслом, поздоровался. Держался же он на встрече так, как будто никаких перемен в стране и в его положении не произошло.

Через несколько дней пленум ЦК КПЧ принял предложения Президиума, о которых шла речь. Горбачев направил приветственное послание Якешу по случаю его избрания Генсеком, как всегда делалось в подобных случаях. Но на сей раз не обошлось без курьеза. Несколькими днями позднее обнаружилось, что наше послание так было переведено друзьями, что оказался искаженным его смысл. В частности, слова «обновление социализма» были переведены как «укрепление социализма». Нас уверяли, что это техническая погрешность, но было ясно, что это дело рук фойтика или Биляка.

С чехословацкой стороны сразу же возник вопрос о поездке нового Генсека в Москву, но в результате консультаций решили не спешить и провести визит примерно месяц-полтора спустя, что и было сделано. А вскоре после этого в апреле состоялся визит в Москву и Гусака в качестве президента страны. Гусак сказал, что новый Генсек ЦК КПЧ его не разочаровал и он оказывает новому партийному лидеру всемерную поддержку. Вместе с тем сетовал на то,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org что многие люди в чехословацком руководстве воспринимают перестройку пока только как лозунг, а не практическое действие.

Что касается Якеша, то он, по моим наблюдениям, искренне стремился заняться перестройкой, освободиться от групповых пристрастий, всех вовлечь в активную перестроечную работу. На первых порах он был готов к совместной работе со Штроугалом, принимал некоторые меры, чтобы ограничить влияние Биляка на решение политических и кадровых вопросов. По его указанию, в частности, была прекращена публикация мемуаров Биляка, выдержанных в тенденциозном духе. В конечном счете Биляк ушел в отставку.

Принципиальную позицию занял Якеш в связи со скандальной статьей Фойтиковой, в которой, может быть только в более откровенной форме, проявлялись взгляды и позиции ее мужа Яна Фойтика. Незадолго до этого Фойтикова побывала в Москве, пообщалась здесь с определенной публикой и по возвращении домой выступила со статьей по сути дела антиперестроечной, чехословацким вариантом статьи Нины Андреевой. Вокруг статьи стали раздувать ажиотаж, была попытка перепечатать ее в «Руде право», то есть придать чуть ли не официальное звучание. Усилиями некоторых деятелей Фойтикова стала превращаться в героиню дня, выступать на собраниях и т. д. Якеш высказал свое негативное отношение к статье, предотвратил ее перепечатку в органе ЦК КПЧ.

Немало усилий предпринимал Якеш и в направлении экономической реформы, вначале вместе со Штроугалом, а затем, когда тот все-таки ушел в отставку, вместе с новым председателем федерального правительства Ладиславом Адамецем.

В общем усилия Якеша в активизации перестройки были заметны, но он остановился на полпути, оказался не в силах перейти главный для него рубеж: так и не было сделано решительных шагов в сторону национального примирения, избавления от синдрома 1968 года, провозглашения политического курса на всестороннюю глубокую демократизацию и гласность. Кардинальные вопросы, волновавшие общественность страны, не были решены. А потому оппозиционные настроения нарастали и в конце концов вылились в ноябрьскую «бархатную революцию». Немалую роль в этом сыграли внешние импульсы: обвальное перемены в ГДР, Болгарии, нарастание кризиса в других странах Восточной Европы. Но, конечно же, главные причины лежали во внутренних проблемах Чехословакии.

«Бархатная революция»

Припоминаю, что 17 ноября 1989 г., как раз в тот день, когда на улицах Праги вспыхнули студенческие выступления, положившие начало «бархатной революции», я встречался с Яном Фойтиком – коллегой по идеологической работе, находившимся тогда в Москве. Он мне, собственно, и сообщил о студенческих волнениях, не предполагая, во что они могут вылиться.

В ходе беседы был затронут вопрос о переоценке событий 1968 года. Фойтик пытался выяснить, не собираемся ли мы сделать переоценку 1968 года в свете последующих событий и нового политического мышления. Говорил, что и они испытывают огромное давление по этому вопросу. Человек умный и, я бы даже сказал, хитрый, он не заявлял, что постановка этой проблемы для них полностью исключена. Более того, намекал на то, что, дескать, в нынешнем чехословацком руководстве не осталось людей, непосредственно причастных к акции союзных государств в августе 1968 года (в это время Биляка, Индры в Президиуме ЦК КПЧ уже не было). «Если вы сделаете какие-то шаги в этом направлении, мы бы могли на это со своей стороны реагировать», – говорил он.

Пришлось напомнить нашу позицию, которая уже высказывалась раньше: ни в этом случае, ни в каком-либо другом мы не намерены принимать односторонние решения по вопросам, касающимся не только нас, но и в первую очередь наших друзей. Для нас, поскольку мы отмежевались от брежневского курса в рамках нового политического мышления, переоценка 1968 года не представляет опасности, напротив, была бы логичным шагом, но это означало бы прямое выступление против нынешнего чехословацкого руководства, продолжавшего стоять на позициях «Уроков кризисного развития». Инициатива в пересмотре этих позиций или хотя бы постановка вопроса должны быть за чехословацкими товарищами.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Разговор принял довольно острый характер. Но, естественно, он не мог привести к какому-то результату, ибо эта проблема должна была решаться коллективно, на высшем уровне, при наличии положительных позиций руководства всех стран, имевших отношение к событиям 1968 года. Кто бы мог предположить, что менее чем через месяц в обстановке массовых выступлений ЦК КПЧ и правительство пересмотрят прежние оценки августа 1968 года и осудят акцию союзных стран, а руководители этих стран соберутся в Москве и дезавуируют прежнее решение о вводе своих войск в Чехословакию.

Сразу после нашей беседы Фойтик вернулся в Прагу, где события принимали все более массовый и крутой характер. Властями было принято пагубное решение подавить силой выступление студенческой молодежи. Оно вызвало бурю возмущения в обществе, которая смела существующий режим, привела к отстранению партии от власти, а затем и ее развалу. Власть перешла в руки оппозиции.

Начался спонтанный, обвальный процесс распада старой общественной системы, который потряс общество, открыл перед ним новые пути, но породил немало переклестов, болезненных явлений и потерь. Не мог он не затронуть и сферы межнациональных отношений, федеративного устройства чехословацкого государства.

Могу на основе личных впечатлений засвидетельствовать, что национальный вопрос в Чехословакии был очень чувствительным на протяжении всех последних десятилетий. Словаки считали свое положение в едином государстве если не ущемленным, то, во всяком случае, неравноправным, подчиненным. Возник своего рода комплекс национального самоутверждения: ни в чем в Братиславе не хотели отставать от Праги. Отсюда престижные объекты и резиденции, наличие всех атрибутов государственной власти, ритуалы и т. д. Ревностно следили за тем, чтобы все зарубежные делегации, прибывавшие в страну, обязательно посещали и Братиславу.

Слов нет, в рамках федеративного государства Словакия сделала мощный рывок в экономическом и социальном отношениях, сократилось ее отставание от развитых чешских областей. А в Чехии в обыденном сознании это воспринималось подчас как обуза, как решение проблем Словакии за чужой счет. Для выражения национальных интересов чехов постепенно был создан полный набор чешских государственных институтов, дублировавших федеральные структуры.

К этому надо добавить национально-исторические и культурные особенности Чехии и Словакии, религиозные различия, более характерное для чехов тяготение к западноевропейскому менталитету и, напротив, большее взаимодействие с восточнославянским миром – для словаков.

Все это не могло не сказываться на жизни двух народов в едином государстве, возникшем в 1918 году. Каждое осложнение общественно-политической ситуации в стране сопровождалось и обострением национального вопроса. Например, события 1968 года вызвали такой взрыв национальных чувств, который поставил под вопрос сохранение целостности чехословацкого государства. Требования самостоятельности двух республик громко зазвучали со стороны различных политических сил. Тогда распада страны избежать удалось.

В более или менее нормальных условиях развития сепаратистские настроения приглушались и отодвигались на второй план. А вот испытания «обвалом» 1989 года федеративное государство уже не выдержало и через три года перестало существовать. Произошло это в мирных, конституционных, цивилизованных формах в соответствии с волеизъявлением обоих народов.

Конечно, не случайно разделение Чехословакии на два государства более или менее совпало по времени с распадом Советского Союза и югославской федерации. Оно отражает в какой-то мере общую тенденцию к национально-этническому самоопределению, столь отчетливо проявившуюся во второй половине XX столетия не только в распаде прежних, многонациональных империй, но и в подъеме национально-сепаратистских движений в развитых странах (Бельгия, Канада, Испания и др.).

И все же главной причиной распада Чехословакии, СССР, равно как и Югославии, стали общественно-политический и экономический кризис, крах советской модели социализма с ее тенденцией к тоталитаризму, к унитарному государству под флагом пролетарского интернационализма и все большего

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org сближения и единения народов. В результате обвальных перемен не только сметены извращения и перекосы в межнациональных отношениях, но пострадали и живые, здоровые ткани этих отношений.

Была ли фатальной неизбежность распада федераций? На этот вопрос даст ответ только история. Сейчас можно лишь рассуждать по этому поводу, выдвигая те или иные аргументы и контраргументы. С моей точки зрения, ссылки на печальный опыт колониальных империй прошлого неубедительны. Ведь то были насильственно созданные конгломераты, державшиеся в основном на военно-административном принуждении, а не на естественно возникшей экономической и этнокультурной общности. Напротив, именно последняя была характерна для отношений между народами бывших СССР, СФРЮ и ЧССР.

Не подтверждается фатальная неизбежность распада многонациональных государств и новейшим западноевропейским и североамериканским опытом. Ведь при всей остроте межнациональных отношений это не привело к распаду ни одного из указанных государств. Факторы интеграционные, центростремительные, здесь, по-видимому, все же превалируют. Нет оснований полагать, что при более или менее нормальных, некризисных условиях развития соотношение этих факторов в Советском Союзе, Югославии или Чехословакии было бы иным. Сожительство народов этих стран в рамках одного государства складывалось десятилетиями и даже веками, оно вовсе не порождение одной общественной системы – того, что называли социализмом, имеет глубокие корни в различных сферах общественной жизни.

Впрочем, история может корректироваться только самой историей. Волю народов, их законное стремление к самоуправлению надо уважать. Но, конечно же, очень важно, чтобы она не выливалась в односторонние, стихийные и тем более насильственные акты, не вела к конфликтам и войнам, а осуществлялась в русле согласованных легитимных действий. Конституционное разделение чехословацкой федерации на два независимых государства показывает в этом отношении хороший образец.

Несгибаемый Эрих

Ключевая роль в послевоенной советской политике в Европе отводилась Германской Демократической Республике. Это был западный форпост советского блока. Она рассматривалась и как доказательство жизнеспособности социализма в условиях развитой страны, и как его страж в Восточной Европе. В ГДР была сосредоточена наиболее мощная группировка советских вооруженных сил. Республика была самым крупным торговым партнером СССР.

От ситуации в ГДР во многом зависела прочность послевоенного устройства в Центральной и Восточной Европе, да и на континенте в целом. И отнюдь не случайно, что обвальные процессы 1989–1990 годов начались с краха режима в ГДР и разрушения Берлинской стены.

Должен сказать, что отношения с ГДР, которая в течение нескольких десятилетий считалась наиболее ревностным союзником СССР, у горбачевского руководства складывались сложнее, чем с другими странами советского блока, кроме, может быть, Румынии. И мне, как секретарю ЦК КПСС, ответственному за связи с партиями социалистических стран, приходилось уделять работе с коллегами из СЕПГ значительно больше внимания и времени, чем с партнерами из других стран.

В «рабочем» отпуске

Летом 1988 года я решил воспользоваться приглашением руководства СЕПГ провести часть своего отпуска вместе с семьей в Германской Демократической Республике.

Как я уже говорил, поездки партийных и государственных работников с семьями на отдых были обычным явлением в практике взаимоотношений между соцстранами. Но я рассматривал свою поездку в ГДР прежде всего с точки зрения возможности получше узнать жизнь республики, настроения в партии и обществе, в неофициальной обстановке пообщаться с коллегами, работниками местных партийных комитетов, встретиться и со старыми немецкими друзьями. Тем более что по разным каналам из ГДР шла тревожная информация о подспудном нарастании критического отношения общественности к существующим в ГДР порядкам и особенно к тогдашнему руководству, возглавляемому Эрихом Хонеккером.

Вначале друзья восприняли мое согласие на проведение в ГДР части отпуска в буквальном смысле и предложили программу ознакомительно-оздоровительного характера, но потом при активном участии посла В.И. Кочемасова и работников Международного отдела ЦК СЕПГ программа была составлена заново в соответствии с моими пожеланиями.

Наши близкие друзья из ЦК СЕПГ точно уловили цель моей отпускной недели в ГДР. Об этом говорит следующий факт. За несколько дней до моего отъезда в ГДР попросился на встречу со мной в Москве заведующий Международным отделом ЦК СЕПГ Гюнтер Зибер, находившийся в Советском Союзе на отдыхе. Видимо, с учетом предстоящей поездки он дал беспрецедентную по остроте и откровенности информацию о положении в ГДР и СЕПГ, не сглаживая углы и не скрывая серьезнейшего беспокойства и тревоги за судьбу партии и социалистического государства на германской земле.

По его мнению, перемены в ГДР неизбежны, но в каком направлении они пойдут, зависит от ситуации в руководстве – останется ли в нем Хонеккер и его группа.

Подробную запись беседы я направил Горбачеву, и она была разослана для ознакомления членам Политбюро. В ходе последующего изложения я буду неоднократно обращаться к этой беседе и ссылаться на оценки и выводы Зибера. И тогда я понимал, и сейчас считаю, что за ними стояла позиция группы прогрессивно мыслящих людей в руководстве СЕПГ.

Итак, мы в ГДР. Разместили нас (со мной были жена, дочь с мужем и внук) в особняке в живописном местечке Либенберг, расположенном в 30–40 км севернее Берлина на берегу небольшого озера с очень теплой водой и, как говорили, богатого рыбой. Вокруг – небольшие холмы, перелески, изумительной чистоты и аккуратности городки и поселки, которые деревнями трудно назвать, настолько разительно они отличаются от наших.

В общем природа чудесная. Но насладиться ею как следует так и не удалось. Лишь два неполных дня – субботу и воскресенье – мы провели в Либенберге, а остальное время было заполнено поездками, встречами, беседами.

На следующий день после приезда мы отправились в Дрезден, где раньше мне приходилось бывать неоднократно. Хотелось встретиться с Хансом Модровым и возобновить личное знакомство с ним, начавшееся лет 15 назад, когда он работал заведующим отделом ЦК СЕПГ. За эти годы Модров превратился в крупную политическую фигуру. Он отличался независимым характером и самостоятельностью суждений. Он был главным «возмутителем спокойствия» в СЕПГ и воспринимался в общественном мнении республики, да и за рубежом, как соперник и возможный преемник Хонеккера.

Мы встретились как старые и добрые друзья. Правда, беседа в окружке была хотя и интересной, но достаточно сдержанной. И вообще Ханс избегал острых тем в присутствии сопровождавших нас сотрудников из Берлина. А вот во время прогулки по городу и поездки в Саксонскую Швейцарию, когда мы оставались вдвоем, разговор был совсем иным – непринужденным и откровенным. Я услышал примерно те же оценки ситуации в партии и республике, что прозвучали в беседе с Зибером.

В дальнейшем мы встречались с Хансом и когда он стал главой правительства ГДР после свержения Хонеккера, и летом 1990 года на отдыхе в Крыму, проведя немало часов в прогулках по горам и беседах о бурных событиях последних лет, и на других встречах в Москве, в которых Ханс принимал участие как общественный деятель и депутат бундестага.

В Дрездене мои маршруты с членами семьи разошлись на целый день. Они поехали в Веймар, а я направился в Карл-Маркс-Штадт (такое название тогда носил Хемниц). Это был, пожалуй, один из немногих окружных центров, в котором я раньше не бывал. Но для меня важно было другое – лично познакомиться с первым секретарем окружного комитета З. Лоренцем, тоже авторитетным и перспективным деятелем СЕПГ.

В тот день здесь проходил республиканский пионерский слет. Город был расцвечен флагами и транспарантами. Музыка, радостные лица ребят, праздничное настроение у горожан. Немцы любят и умеют хорошо организовывать массовые манифестации и праздники.

Встреча в окружке с Лоренцем была непродолжительной, но собеседник мне показался прогрессивным, современно мыслящим руководителем, человеком, вызывающим симпатию. Посетил я также головное предприятие крупнейшего станкостроительного объединения имени Фрица Геккерта – предмет гордости ГДР и убедился в том, насколько важны связи между нами на уровне предприятий. Да об этом говорили и сами работники объединения.

Лишь на следующий день мы собрались с семьей в Майссене и к полночи возвратились в Либенберг.

Еще два дня прошли в контактах с коллегой по международным делам Германом Аксеном, членом Политбюро и секретарем ЦК СЕПГ. Он приехал в Либенберг, и мы вместе совершили поездку в город Нойштадт-на-Доссе, а на следующий день в Потсдам, где состоялась встреча с первым секретарем окружного комитета Г. Яном. В беседах с Аксеном мы касались самых разнообразных тем – от общей ситуации в мире, в СССР и ГДР до таких конкретных проблем, как регулирование денежных переводов из ФРГ в ГДР. Но разговор ни разу не зашел о положении в руководстве СЕПГ. И это, конечно, не случайно: ведь Аксен типичный представитель «старой гвардии», начинавший свой политический путь с антифашистской борьбы. Международными делами в партии он занимался еще при Вильгельме Пике и Вальтере Ульбрихте, а потом стал близким человеком Хонеккера. Я думаю, со своим опытом и информированностью он многое видел и понимал, держал в Международном отделе людей новой формации (Гюнтера Зибера, Бруно Малова, Гарри Отта, бывшего одно время послом ГДР в СССР, и др.), но вместе с тем верой и правдой служил Хонеккеру, строго проводил его линию.

В эти же дни я побывал в Академии общественных наук и Институте социалистического управления, где встретился со своими друзьями и коллегами, видными обществоведами Отто Райнхольдом и Хельмутом Коциолоком. Немало мне дала встреча с руководящим составом советских представительств в ГДР, организованная послом Кочемасовым, на которой, впрочем, больше обсуждались внутренние проблемы нашей страны.

Наконец 24 августа состоялась развернутая трехчасовая беседа с Эрихом Хонеккером в его кабинете в здании ЦК СЕПГ. Это была моя третья встреча с руководителем ГДР за последние полтора года. Первый раз меня как секретаря ЦК КПСС Хонеккер принял после окончания съезда Социалистической единой партии Западного Берлина, на котором я возглавлял делегацию КПСС. Второй раз спонтанная беседа с ним получилась в аэропорту Шенефельд в ожидании прибытия Горбачева на встречу руководителей соцстран из Вашингтона, где он встретался с Рейганом. Мне довелось участвовать практически во всех встречах Горбачева с Хонеккером, на всех многосторонних совещаниях с участием руководителя ГДР. Во всех этих и других случаях он придерживался стереотипа – львиную долю времени уделял пропаганде успехов ГДР.

В определенной мере это было оправданно для того времени, когда шла борьба за международно-правовое признание ГДР, но потом это стало восприниматься как хвастовство, самодовольство, отрыв от реальной жизни, в которой возникало все больше проблем. В связи с советской перестройкой и самокритикой в его действиях стал проявляться и такой подтекст: посмотрите, как у нас решаются проблемы, по которым в Советском Союзе разворачивается критика и самокритика. Вот каких успехов можно добиться, если не мудрить, не поддаваться перестроечной лихорадке, а идти верной марксистско-ленинской дорогой.

Общая тональность рассуждений Хонеккера оставалась неизменной практически в течение всех этих лет, несмотря на то что обстановка в ГДР, особенно в 1988–1989 годах, стала быстро ухудшаться. Делалась, правда, оговорка, даже ссылка на программу СЕПГ о том, что социалистическая система в ГДР нуждается в качественном совершенствовании. Но это тонуло в победных и бодряческих утверждениях об успехах первого «социалистического государства на германской земле».

Хонеккер обильно оснащал свои рассуждения цифрами и статистическими выкладками о темпах экономического роста, повышения благосостояния народа, которые на поверку оказывались довольно сомнительными и скрывали действительную картину или, во всяком случае, приукрашивали ее. Он обычно держал под рукой папку материалов, как бы намекая, что им сказано еще далеко не все, чем он располагает.

Очень любил Хонеккер рассказывать о выдающихся успехах ГДР в научно-технических вопросах, в особенности в области электроники и микроэлектроники, каждый раз считал необходимым подробно останавливаться на успехах сельского хозяйства ГДР, повторял данные о средней урожайности в стране (45-50 ц зерновых с 1 га), говорил о реальной перспективе выхода урожайности на средний уровень в 70 ц с гектара и т. д.

В таком же духе Хонеккер построил свой разговор со мной и на этот раз.

После взаимных приветствий он отметил, что информирован о беседах, проведенных мною с немецкими друзьями во время пребывания в ГДР на отдыхе, и выразил уверенность, что они будут полезными для обеих сторон.

«Мы всегда представляли себе строительство развитого социализма как процесс глубоких преобразований в экономике и других сферах». После такого заявления можно было ожидать рассказа об этих преобразованиях или во всяком случае о планах на будущее. Увы! Не последовало ничего нового. Опять рассуждения об успехах ГДР. На сей раз с акцентом на общественно-политические проблемы.

Чего тут только не было! И «огромное влияние СЕПГ в республике»: при населении 16,9 млн. человек в партии состояло 2 млн. членов, то есть каждый пятый взрослый житель ГДР. Кроме того, 500 тыс. – в союзнических партиях. Это, конечно, не коммунисты, но они входят в блок антифашистских демократических партий, признают решения и руководящую роль СЕПГ. Впрочем, Хонеккер не стеснялся называть эти партии буржуазными.

9,8 млн. человек составляют члены профсоюзов, продолжал сыпать цифрами руководитель ГДР. 6 млн. человек состоят членами общества советско-германской дружбы. В республике 3 млн. спортсменов. Упомянута была и система потребительских кооперативов, и даже общество садоводов и животноводов. А в итоге 2/3 взрослого населения ГДР выполняют общественные функции в политической системе страны.

По мнению Хонеккера, ГДР уже тогда выступала как правовое государство, имевшее прогрессивную избирательную систему. На меня был выплеснут обширный перечень принятых в последние годы законов: гражданский кодекс, законы о Совете Министров, о сельскохозяйственных кооперативах, о молодежи, местных органах народной власти и т. д.

Переходя к вопросам экономики, Хонеккер подчеркнул, что созданные в ГДР комбинаты – наилучшая форма организации производства, обеспечивавшая высокие темпы научно-технического прогресса и экономического роста. Он признал, что в народном хозяйстве возникают и определенные трудности, но свел их, по существу, к конкретным вопросам, локальным ситуациям и диспропорциям. Например, накопился запас кинескопов в 200 тыс. штук.

Смысл всех этих излияний ясен: вопреки словесным заверениям о приверженности преобразованиям руководитель ГДР считал, что ни политическая, ни экономическая системы республики в перестройке не нуждаются, пребывают чуть ли не в идеальном состоянии. Слушая все это, я чувствовал себя крайне неловко. Из того, что довелось видеть и слышать в ГДР, складывалась совсем другая картина, но я чувствовал, что при такой запрограммированности Хонеккера обсуждать с ним эти вопросы бесполезно. Мы ведь сами провозгласили принцип, что оценка развития страны представляет только ее прерогативу и целиком лежит на ее ответственности.

К тому же нельзя не сказать, что в опыте ГДР было для нас и немало поучительного, в том числе в формах связи производства с научными исследованиями и разработками, в организации работы по ресурсосбережению, в поощрении того, что мы называем индивидуальной трудовой деятельностью, в формах общественной самодеятельности населения на муниципальном уровне и т. д. Правда, все это находилось под постоянным пристальным контролем партии и ее руководства, что считалось показателем степени влияния партии и реального осуществления ее руководящей роли.

Оставалось одно – излагать наше понимание обновления социализма на примере собственной страны. Так я и поступил, информируя о проблемах экономической и политической реформ в Советском Союзе и не вступая в полемику с Хонеккером по оценкам ситуации в ГДР. Но там, где разговор касался общих

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org проблем, высказывались прямые возражения, формулировалась наша точка зрения. Это относится, например, к путям углубления экономической интеграции. Мы связывали ее с развитием прямых отношений между предприятиями, исследовательскими организациями, а руководство ГДР – с решениями центральных экономических органов.

Диалог принял особенно острый характер, когда коснулся идеологических проблем. Хонеккер пустился в рассуждения о том, что в отношении позиций Запада не должно быть эйфории, что оттуда идет массивный идеологический нажим, особенно на ГДР. Любопытна трансформация тона западной пропаганды в отношении ГДР, добавил он. Раньше она объявляла ГДР рукой Москвы, а теперь обвиняет нас в том, что мы не следуем во всем Москве.

Далее пошли рассуждения об ошибочности и вредности выступлений ряда советских авторов по вопросам теории и истории советского общества. Хонеккер оправдывал запрет на распространение в ГДР некоторых советских изданий, в частности журнала «Новое время», стремлением «оградить читателей ГДР от неверных трактовок и утверждений», сетовал на соотношение материалов о ГДР и ФРГ в советской печати, меняющиеся якобы в пользу ФРГ. Не смог обойти Хонеккер и общеполитическую тему о соотношении общечеловеческих и классовых интересов, не скрывая своего несогласия с точкой зрения руководства КПСС.

Пришлось подтвердить выражавшееся ранее наше недоумение по поводу запретительных действий гдэрэровских властей, еще раз изложить нашу позицию в отношении свободы печати и гласности, заявить, что ограничения гласности, запретительные меры в отношении советских изданий, публикаций советских материалов в ГДР не способствуют укреплению наших связей, по моему убеждению, не повышают авторитет руководства СЕПГ.

В беседе были обсуждены и некоторые конкретные проблемы контактов ГДР и Советского Союза, КПСС и СЕПГ. С нашей стороны, например, был поднят вопрос о работе среди советских граждан немецкой национальности, о привлечении к этой работе общественности ГДР, о развитии туризма, об обновлении программ научно-технического прогресса и некоторые другие. Конечно же, я изложил Хонеккеру и свои впечатления о пребывании в республике, подчеркнув важность обмена опытом и обсуждения тех крупных проблем, которые встают перед нашими партиями и странами на нынешнем исключительно важном этапе.

Надо сказать, что встреча с Хонеккером довольно подробно, но в традиционном для СЕПГ приглашенном стиле, была изложена в газете «Нойес Дойчланд».

Моя поездка не осталась незамеченной и в зарубежных средствах массовой информации. Би-би-си в передаче от 29 августа прокомментировала ее так.

Визит в Восточный Берлин на прошлой неделе секретаря ЦК КПСС Медведева вызвал предположения о том, что московское руководство, проводя новую политику, задумывается над преемником Хонеккера. Действительно, у советского руководства есть за что благодарить Хонеккера, ведь многие годы ему удавалось сохранять стабильность в своей стране.

Он повысил уровень жизни граждан и улучшил отношения с Западной Германией, а это рассматривается как вклад в дело безопасности Европы. С другой стороны, он является человеком Брежнева, а Брежнев сейчас далеко не в почете в Москве. К тому же Хонеккер несозвучен советскому руководству, когда оно заводит речь о новом мышлении...

Как сообщает один западногерманский журналист, Медведев предъявил ультиматум Хонеккеру с требованием избрать нового партийного лидера ГДР ко времени следующего съезда восточногерманских коммунистов в 1991 году.

Поговаривают, что не пройдет и трех лет, как Хонеккера больше не будет у власти. Хонеккеру сейчас 76 лет, к следующему партийному съезду ему будет 79. В СССР сейчас существует тенденция омолаживания руководства. Это же относится и к восточноевропейским странам. Возможно, в этой связи Хонеккеру будет трудно что-нибудь этому противопоставить.

Как видно, это – комментарий, характерный для западной прессы, полный домыслов и основанный на привычке смотреть на отношения между нашими странами через старые очки доктрины Брежнева: из Москвы якобы по-прежнему всем руководят и всем управляют, определяют политику, смещают и назначают

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org руководителей и т. д. Но за всем этим угадываются и реальные проблемы: отношение к советской перестройке, проблема омоложения руководства.

25 августа я возвратился на родину, а оставшуюся часть отпуска провел в Пицунде. Представилась возможность не торопясь осмыслить все увиденное и услышанное в ГДР, обобщить свои впечатления и доложить Политбюро об итогах поездки в пространной записке. Не хотелось сводить все к общим рассуждениям, в общем-то известным Политбюро, и, напротив, представлялось важным поделиться живыми наблюдениями. В записке я ссылался на разнообразные мнения и суждения многих людей, в большинстве случаев существенно отличавшиеся от позиций, которых упорно придерживался первый руководитель страны.

В записке была дана оценка ситуации в ГДР, как она вырисовывалась из бесед с друзьями, выделено несколько коренных проблем, по которым развертывался острый диалог между нами, выявились серьезные разногласия, доходившие время от времени до опасной черты.

Кризис назревает

В беседах с друзьями во время пребывания в ГДР я не затевал полемики вокруг оценок ситуации в республике. Но полемический момент появился сам собой, ибо анализ, который давали реалистически мыслящие деятели СЕПГ, разительно отличался от того, что нам преподносил Эрих Хонеккер.

Практически у всех наших собеседников, кроме его самых верных адептов, был гораздо более критический настрой, причем в широком спектре: от осторожной, деликатной критики до резко негативных оценок, нередко с указанием конкретных виновников допущенных просчетов и ошибок. Даже такой верный сторонник Хонеккера, как Герман Аксен, отмечал, что в ГДР не обольщаются достигнутыми результатами, существующим ныне уровнем производства и снабжения населения.

Взвешенно-критический, но фундаментальный анализ экономической ситуации дал Коциолек, подчеркнув, что «при всех успехах эта ситуация сейчас довольно напряженная. Особенно серьезные проблемы возникли с пропорциями распределения национального дохода, платежным и внешнеторговым балансом, капиталовложениями и снабжением населения».

По словам Модрова, интересы интенсификации экономики требуют дальнейшего снижения удельного расхода сырья и энергии, а также компенсации прогрессирующей нехватки в ГДР рабочей силы. Последняя, по мнению собеседника, может приобрести драматический характер, хотя и сегодня в народном хозяйстве страны уже работают около 100 тыс. трудящихся из других стран. Особое беспокойство вызывают в последнее время трудности в снабжении населения товарами народного потребления, которые провоцируют растущее недовольство людей. Не в последнюю очередь эти трудности связаны с вывозом лучших товаров в другие страны в целях привлечения конвертируемой валюты.

Пожалуй, наиболее определенные и резкие оценки ситуации в ГДР высказал Зибер. Он считал, что в социально-экономической области обостряются крупные проблемы, но какого-либо объяснения им не дается, обсуждение их в руководстве носит очень узкий, неглубокий и некритический характер. Весьма незначителен эффект от огромных капиталовложений в экспортное производство, в развитие микроэлектроники. Все более тяжким бременем становится внешняя задолженность. Надежды на получение солидной валютной выручки не оправдываются, поскольку изделия ГДР трудно продавать на мировом рынке. Доля накопления в национальном доходе постоянно снижается. В настоящее время она дошла до 14-15%.

В экономике нужна серьезная программа действий по решению насущных проблем, в том числе по переходу предприятий на хозрасчет, самофинансирование и самокупаемость. Политбюро в свое время принимало решение на сей счет, но оно не выполняется.

Некоторые собеседники (Модров, Зибер) говорили о негативном влиянии на структуру спроса населения искаженной системы цен (чрезмерно низкие цены на продовольствие – дотации государства на эти цели измеряются многими миллиардами марок), об изжившей себя практике чрезмерно низкой и недифференцированной квартирной платы.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Явным диссонансом оптимистическим заявлениям Хонеккера о политической устойчивости в ГДР, да к тому же с намеками на отсутствие таковой в других странах, звучали высказывания о росте социальной напряженности в различных слоях населения республики, критических настроений, недовольства теми или иными сторонами реальной действительности. Это относилось и к экономическому развитию, и особенно к степени развития демократии и гласности.

По словам Зибера, в обществе, в народе и партии растет чувство неуверенности, разочарования и опасности за будущее республики. «Прямо скажу, – заявил Зибер, – что все это – предвестники кризисного состояния. Возрастает недовольство среди рабочего класса из-за неритмичности производства, что имеет для трудящихся, может быть, большее значение, чем недостатки в торговле. Среди технической интеллигенции все настойчивее выдвигаются требования обеспечить более эффективное внедрение достижений научно-технического прогресса.

Конечно, уровень материальной обеспеченности населения ГДР сравнительно высокий, но здесь есть свои проблемы. Ведь все познается в сравнении. В народе, например, сетуют на то, что машину в ГДР купить значительно труднее, чем, положим, в Чехословакии».

Как будто заранее зная, что мне будет внушать Хонеккер об успехах ГДР в демократии, Модров высказал мысль о том, что имевшаяся вроде бы в ГДР разветвленная система демократических институтов могла давать эффект, если бы была заинтересованность в нем руководства, возможность для проявления инициативы самих граждан. «Не числом органов характеризуется демократия, а тем, как они работают. Только приобщив массы к реальному управлению государством, – отметил он, – предоставив каждому возможность высказать свое мнение и видеть воплощенным его в жизнь, можно по-новому, как это требуется, связать партию с массами».

По мнению собеседников, в ГДР назревала потребность в переменах, осознание этого в различных слоях общества. Прежде всего ждали перемен в руководстве. Обстановка в нем, по мнению Зибера, ненормальная, нездоровая. Все сосредоточено в руках одного лица – Хонеккера, но он оторвался от жизни, от народа, от партии, жил в мире иллюзий.

На заседаниях Политбюро не было настоящих дискуссий, почти никто не выступал с возражениями и собственными суждениями. Конечно, Хонеккер привержен Советскому Союзу и сам говорил об этом, но он никак не мог освободиться от антиперестроечного синдрома. Он – за Советский Союз, но без перестройки, демократизации и гласности. В своем неприятии перестройки лидер республики дошел до того, что стал отступать от своих прежних позиций по вопросам разоружения и экономической интеграции, обставлял их различными оговорками и условиями.

Надо было отказаться от самовосхваления и самолюбования, укрепить связь с массами, усилить внимание к работе с конкретными людьми, изменить стиль работы Народной палаты ГДР, повысить роль депутатов. Вдохнуть новую струю в деятельность дружественных партий, изменить к ним отношение со стороны СЕПГ, подмявшей и лишившей их самостоятельности и специфики. То же самое касалось Союза молодежи, пионерского движения. Надо было освободить их от государственного регламентирования, от карьеристских и мещанских настроений, развивать самоуправление.

В качестве первого шага следовало удалить из руководства Г. Миттага и И. Хермана. Но и тот и другой по-прежнему находились в тесных отношениях с высшим руководителем и оказывали на него определяющее влияние. Незначительный, но характерный факт. Международный отдел ЦК СЕПГ подготовил содержательный, теплый и сердечный проект приветствия в адрес XIX партконференции, но Херман отредактировал его до неузнаваемости.

Надежды на большие перемены, по словам Зибера, связывались в ГДР с очередным съездом СЕПГ. Но хонеккеровское руководство и тут стало маневрировать. В частности, готовилось решение о досрочном проведении съезда. Мотивировалось оно необходимостью заблаговременного принятия очередной пятилетки. Но за этим в действительности скрывалось нечто иное, и прежде всего желание руководства СЕПГ провести свой съезд до очередного съезда КПСС и таким образом в какой-то мере развязать себе руки, сохранить прежние позиции.

Таким образом, ситуация в ГДР была далеко не такой безоблачной и стабильной, как она оценивалась Хонеккером. Напротив, проблемы обострялись, внутреннее напряжение нарастало, отрицательное настроение в отношении руководства становилось все более явным. К сожалению, хонеккеровское руководство не замечало и не хотело замечать того, что все происходившее вело к неизбежному взрыву и бурным потрясениям.

Отношение к советской перестройке

В центре политической жизни ГДР все эти годы была проблема отношения к советской перестройке.

Хонеккер и близко стоявшая к нему группа членов Политбюро (Миттаг, Херман, Аксен, Долус) проявили не просто сдержанное, а негативное отношение к новому курсу советского руководства. Объяснить это нетрудно. Ведь сложившаяся в ГДР общественная система была едва ли не адекватным воплощением командно-административных принципов, которые отрицались перестройкой. Немецкая специфика не меняла ее сути, а, пожалуй, даже придавала более изощренный характер. Политической и идеологической основой существования ГДР была непримиримость двух военно-политических блоков в мире, и только на противопоставлении западному миру, и в первую очередь ФРГ, при поддержке Советского Союза мог держаться восточногерманский режим в том виде, в каком он реально сложился.

Возможен ли был другой, демократический вариант социализма на германской земле?

Я думаю, да. И такая возможность открывалась перестройкой в Советском Союзе, прекращением «холодной войны», воплощением нового мышления в международные отношения. Но для этого надо было осуществить пересмотр всей концепции социализма, всей политики СЕПГ и линии ее поведения, к чему хонеккеровское руководство оказалось неспособным: им ведь надо было переступить через самих себя или просто уйти, уступив место другим людям, понимающим необходимость перемен.

Вместо этого Хонеккер и его группа вообразили, что они, и только они, выражают истинные интересы народа и германского социализма, и избрали путь отстаивания жестких, догматических позиций, встали в позу защиты социализма от якобы угрожавшей ему опасности.

Конечно, Хонеккер не мог не учитывать огромного авторитета перестройки в мире, широкого интереса к ней населения республики, и особенно интеллигенции, да и партийных кругов. Он не мог не чувствовать, что и значительная часть членов руководства не разделяет его позиции. Это и Штофф, и Кренц, и Модров, и Шабовский, и Фельфе. Да и другие члены Политбюро, кроме двух-трех особо доверенных лиц, не безоглядно шли за Хонеккером.

Все это вынуждало Хонеккера лавировать. Он нервничал, колебался, что-то признавал, о чем-то умалчивал, но при всех условиях подчеркивал свою верность «незыблемым принципам». Каждая встреча с Горбачевым, казалось, вносила успокоение в мятущуюся душу Эриха, но проходило какое-то время, и опять руководитель ГДР оказывался во власти сомнений, настроений отторжения перемен.

Такая позиция Хонеккера проявилась уже на XI съезде СЕПГ весной 1986 года, в работе которого приняла участие делегация КПСС во главе с Горбачевым. В ее состав входил и я. Внешне все было по-прежнему. В докладе, выдержанном в традиционном для Хонеккера духе «твердых» идеологических позиций, подчеркивались успехи ГДР как форпоста социализма в борьбе двух систем на международной арене, выражались заверения в верности марксизму-ленинизму, единству с КПСС. При этом очевидно было явное несоответствие: с одной стороны, восторженная оценка советской внешней политики, а с другой – молчание в отношении внутренней политики Советского Союза. В речи Горбачева на съезде, на всех его встречах, естественно, проблемы обновления советского общества занимали центральное место, хотя каждый раз подчеркивалось, что это наши проблемы, что каждая социалистическая страна сама определяет путь своего развития.

Болезненную реакцию, открытое неприятие со стороны Хонеккера и его сторонников вызвал январский пленум ЦК КПСС 1987 года, который стал

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org переломным моментом в перестройке, положив начало обновлению политической системы страны, включая партию, углубив критический анализ прошлого – не только застойного брежневского времени, но и сталинских порядков, критика которых в свое время не была доведена до конца. Всем стало ясно, что перестройка – не просто широковещательная декларация, а практическая задача, реальность.

Пленум вызвал взрыв негативной реакции в Берлине. Была запрещена публикация материалов пленума в печати ГДР. Возникла абсурдная, неслыханная в отношениях между двумя странами ситуация: источником информации для населения ГДР о пленуме ЦК КПСС, который вызвал громадный интерес, стали телевидение, радио и печать ФРГ! Номера «Правды» и других советских газет с докладом Горбачева на пленуме шли нарасхват, превратились в бестселлеры. На черном рынке их продавали и перепродавали за 20 марок. Мгновенно разошлась и поступившая в ГДР брошюра агентства печати «Новости» с текстом доклада Горбачева на немецком языке.

Лишь через неделю-две руководство СЕПГ поняло, в какое глупое положение оно себя ставит. От Хонеккера поступило указание издательству «Диц ферлаг» срочно – за семь дней – издать брошюру с материалами январского пленума ЦК. (Кренц в беседе с послом заверил, что примет все меры к тому, чтобы издать ее еще быстрее – за три дня.)

Одновременно при личном участии Хонеккера была развернута целая контрпропагандистская кампания. В его выступлениях перед партийным активом утверждалось, что вот уже 15 лет (намек на приход к руководству его, Хонеккера), как ГДР встала на путь преобразований, особенно в экономическом механизме, в ускорении научно-технического прогресса. Этим самым давалось понять, что проблемы перестройки, поставленные в Советском Союзе, для ГДР не представляются актуальными. Был снят один из центральных политических лозунгов СЕПГ: «Учиться у СССР – значит учиться побеждать!»

Из уст ведущего идеолога СЕПГ Курта Хагера, человека опытного, но придерживавшегося традиционной линии, в ответ на вопрос об отношении к советской перестройке прозвучал такой пассаж: «Если сосед решил сменить обои, то это не значит, что я должен переклеивать обои в своей квартире».

Спору нет: ремонтировать или не ремонтировать квартиру и как это делать, каждый решает сам. Но к тому времени для советского руководства да и для всей общественности было ясно, что перестройка – не косметический и даже не капитальный ремонт, а серьезная реконструкция всего общественного здания – от экономического фундамента до идеологической надстройки. Для чего понадобилось Хагеру сравнивать перестройку с переклейкой обоев?

Осторожные и половинчатые публичные высказывания с одобрением политики КПСС и критические установки по этим вопросам по внутривнутрипартийным каналам, ограничение информации о процессах в Советском Союзе, плохо скрываемое раздражение выступлениями в советской прессе и даже демарши по тем или иным публикациям – вот что характерно для позиции и действий Хонеккера в этот период.

В сложном настроении Хонеккер приехал в Москву для участия в торжественном заседании по случаю 70-летия Октябрьской революции и во встрече левых партий и движений.

Выступил он в своем обычном духе, в котором декларативность и напыщенность доминировали над глубиной анализа реальных проблем. Прослушав юбилейный доклад Горбачева, в котором была дана критическая, но взвешенная оценка основных этапов исторического пути нашей страны, пообщавшись с советскими руководителями, с лидерами левых сил и движений, немецкие друзья успокоились и уехали домой в неплохом настроении. По прибытии в Берлин Хонеккер заявил, что все вопросы сняты, теперь они понимают, что происходит в Советском Союзе. Доклад Горбачева был полностью опубликован в ГДР.

Но прошло несколько месяцев, и вновь пришлось столкнуться с антиперестроечным синдромом группы Хонеккера. На сей раз чудеса оперативности проявила газета «Нойес Дойчланд», быстро перепечатав пресловутую статью Нины Андреевой. Причем в отделе мы узнали об этом, лишь получив номера газеты. Уверен, что дело не обошлось и без вмешательства из Москвы со стороны тех, кто пропагандировал эту статью как эталон партийности. Несомненно, это была не просто оплошность, а осознанный шаг,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org предпринятый с ведома руководства СЕПГ. Правда, ответный материал в «Правде», который появился после обсуждения статьи на Политбюро ЦК КПСС, был также перепечатан в «Нойес Дойчланд».

В июне 1988 года на совещании первых секретарей окружкомов Хонеккер вновь говорил в критическом духе о проблемах советской перестройки: дескать, пытаются нас втянуть в нее, а это нам не подходит, ибо «расшатываются основы». Эти рассуждения оставили тяжелый осадок у присутствующих, в том числе у многих членов руководства.

После XIX партконференции Хонеккер вынужден был скорректировать свою позицию в отношении перестройки. Он публично выступает в ее поддержку и даже опровергает появляющиеся в западной прессе «измышления» о разногласиях между СЕПГ и КПСС. Появляются робкие критические нотки в анализе ситуации в ГДР. Но все это сделано было как бы нехотя, под давлением общественного мнения и не меняло по существу позиции и взгляды Хонеккера.

Во время пребывания в ГДР в августе 1988 года я убедился, что в партии, в обществе не спадает огромный интерес к осуществляемым в СССР преобразованиям, у многих партийных работников растет тревога в связи с позицией Хонеккера.

Г. Зибер в беседе со мной особо подчеркнул, что в партии не разделяют сдержанного отношения руководства СЕПГ к перестройке, выражают недовольство по поводу отсутствия достаточной информации в ГДР по этим проблемам. У Хонеккера и некоторых других руководителей, добавил он, это чисто формальное одобрение, под давлением общественного мнения, за которым скрывается неприятие ряда важных аспектов перестройки.

Ханс Модров с озабоченностью говорил о неправильном отношении руководства СЕПГ к перестройке. Информация снизу искусственно подгоняется под его настроение. Мы в окружке, сказал Модров, подготовили объективный материал об откликах партии и среди трудящихся на XIX партконференцию КПСС, но в ЦК СЕПГ он был встречен негативно. Секретарь ЦК Долус сказал, что он совершенно не годится и в таком виде докладывать его Генеральному секретарю просто невозможно.

Что касается информации о процессах, происходивших в Советском Союзе, то, как нам сообщили друзья, она готовилась для Хонеккера специальной группой во главе с бывшим ректором Высшей партийной школы Ханной Вольф, известной своей приверженностью «твердой линии». В своей работе эта группа опиралась на ВПШ, ректором которой был бывший заведующий Отделом пропаганды ЦК СЕПГ Курт Тидке. Тут было полное созвучие с настроениями Хонеккера.

Аналитическая работа велась и в двух других учреждениях при ЦК СЕПГ – Академии общественных наук, ректором которой был Отто Райнхольд, и Институте управления народным хозяйством во главе с Хельмутом Коциолеком. Зная этих товарищей, я был уверен, что их подходы носят более взвешенный и реалистический характер, и мои встречи с ними в Берлине подтвердили это.

Оба ученых дали высокую оценку XIX партконференции, подчеркнув, что в СЕПГ разделяют ее установки прежде всего в развитии социалистического государства и демократии. Они подтверждают тезис о том, что перестройка ведет к укреплению социализма, а не замене его другой системой. И в ГДР, добавил Райнхольд, за последнее десятилетие произошли большие изменения в представлениях о социализме, который виделся в свое время как подобие хорошо отлаженной партийной организации. Это оказалось не так. И сегодня по этим проблемам ведутся дискуссии, которых еще никогда не было. По словам Коциолека, осуществляемая в СССР радикальная перестройка в хозяйственной области – это вопрос выживания социализма.

Из бесед с Райнхольдом и Коциолеком, а также и с другими товарищами довольно отчетливо обозначился круг проблем советской перестройки, которые вызывают у друзей беспокойство, сомнения и которые, по их словам, создают определенные трудности в практической работе.

В одних случаях они связаны с высказываниями тех или иных авторов в советской печати, например отрицающими социалистический характер проводимых в стране преобразований. Тут разговор, естественно, зашел о понимании плюрализма мнений, гласности, свободы слова. В других – друзья затрагивали реальные проблемы перестройки, по которым и у нас продолжался поиск,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org нащупывались оптимальные решения. По таким проблемам мы обменивались мнениями по существу.

Затронув вопрос о разграничении функций и ответственности партийного, государственного и хозяйственного руководства, Отто Райнхольд заявил, что и «мы в ГДР за это, но на практике полностью реализовать этот принцип не удастся». Если, например, появляются сбои в снабжении населения, то разве партия не должна тут же вмешаться и поправить дело, добавил он с лукавой улыбкой, думая, что поймал собеседника. Я ответил, что, конечно, партия не может остаться в стороне, должна вмешаться, но весь вопрос – как? Отодвинуть в сторону тех, кто в государственном и хозяйственном аппарате отвечает за снабжение населения, начать отдавать напрямую указания торговле, транспорту, поставщикам? Или же дать политическую оценку возникшей ситуации, привлечь к ней внимание общественности, наконец, апеллировать к ответственности руководителей за надлежащее исполнение своих функций, особенно если они к тому же еще являются членами партии?

По мнению и Райнхольда, и Коциолека, у нас чрезмерный акцент делается на децентрализации, в связи с чем возникают опасения – нет ли недооценки централизма и не сводятся ли функции центрального руководства лишь к координации и согласованию интересов? По их мнению, ряд советских авторов ударялся в крайность, видя в рынке чуть ли не панацею от всех бед, универсальное средство решения всех проблем, в том числе и социальных – через рынок рабочей силы или финансовых – через рынок акций и т. д.

Что я мог ответить? Это реальные проблемы, которые горячо обсуждаются у нас в стране. И здесь не обходится без крайностей, односторонних увлечений. Наблюдается своеобразная рыночная эйфория. Но пока мы страдаем не от ослабления централизации, а от ее гипертрофии, не от разгула рыночных отношений, а от их подавленности. В принципе же большинство авторитетных советских экономистов – за социально ориентированное и регулируемое рыночное хозяйство.

Можно было бы рассказать еще о многом из проблем обновления социализма, что обсуждалось между нами. Я не знаю, как сложилась в дальнейшем судьба Райнхольда и Коциолека. Но тогда в отличие от безоглядных приверженцев линии Хонеккера эти ведущие общественеды ГДР, руководители крупнейших научных и учебных центров ЦК СЕПГ, члены Центрального Комитета партии, несомненно видели необходимость перемен, неизбежность реформ.

Большой резонанс в ГДР, по словам Райнхольда, вызвало решение XIX партконференции КПСС об ограничении пребывания людей на руководящих выборных постах. Для ГДР, добавил он, эти проблемы имеют вполне конкретное звучание, учитывая постоянно напоминаемые из ФРГ сообщения о возрасте членов Политбюро ЦК СЕПГ и его Генерального секретаря, о предстоящих переменах в высшем эшелоне власти. Даже западногерманские социал-демократы, с которыми Райнхольд поддерживает постоянную связь, не без ехидства спросили у него, не собираются ли в ГДР следовать советскому примеру. Парируя выпад, Райнхольд, по его словам, спросил, а не собираются ли следовать этому примеру сами социал-демократы. (Председателем СДПГ был в то время Вилли Брандт.)

В такой завуалированной форме осторожный Райнхольд счел необходимым довести до нашего сведения острую проблему смены руководства в ГДР.

Идеологические разногласия

В наибольшей степени наши разночтения, да что там говорить, разногласия с Хонеккером и всеми теми, кто его поддерживал, выявились в идеологической области. Эти деятели прямо заявляли, что для ГДР совершенно неприемлема политика плюрализма мнений и гласности, которую проводит советское руководство.

Мотивировали эту свою позицию Хонеккер и его друзья особенностями политического положения и идеологической обстановки в ГДР, подверженной массивному пропагандистскому воздействию с Запада. В каждом разговоре на эту тему со стороны друзей обычно вываливался целый ворох данных: 95% населения ГДР имеет возможность принимать четыре-пять телевизионных западногерманских программ, не считая трех десятков радиостанций, 6 млн. граждан ГДР ездят в ФРГ и Западный Берлин и 7 млн. – в обратном направлении и т. д.

Все это, конечно, верно. Действительно, тогда не было другого государства с более насыщенным и направленным против него информационно-пропагандистским воздействием. Но какие выводы отсюда следуют? Хонеккер и его сторонники полагали, что в этих условиях должен поддерживаться жесткий идеологический контроль за собственными средствами массовой информации. Самокритика, если и может допускаться, то в тщательно дозируемых, мизерных размерах, по сути дела, для показных целей, причем критика, не затрагивающая сколь-нибудь острые и животрепещущие проблемы и тем более основы существующего режима. Акцент же должен делаться на успехи.

Ход мыслей у многих других собеседников из ГДР (Модров, Зибер) был совершенно иной и выводы диаметрально противоположные. Они считали, что жесткая идеологическая дисциплина, «пропаганда успехов», отсутствие самокритики в идеологической работе оборачивались против тех, кто такую работу проводил. Беспроblemность, уход от анализа трудностей и противоречий в средствах массовой информации ГДР дискредитировали их в глазах людей и делали более привлекательной западную пропаганду, помогали ей завоевывать аудиторию. Не случайно радио и телевидение ГДР и особенно газеты были непопулярны. Тиражи «Нойес Дойчланд», за исключением тех номеров, в которых публиковались важные советские материалы, систематически не раскупались.

Люди же не слепые и не глухие. Они сравнивали условия жизни в ГДР и ФРГ, знали нерешенные социальные проблемы. Не получая ответа из собственных газет, телевидения и радио, естественно, отворачивались от них и обращались к западным источникам информации.

Этим весьма умело пользовались западные пропагандистские центры. Например, одновременно с трансляцией по телевидению ГДР заседания Народной палаты со скучными выступлениями и дремлющими руководителями по каналам телевидения ФРГ передавался репортаж из зала бундестага, где шла живая дискуссия. Ясно, в чью пользу делался выбор в многомиллионной аудитории. Нам рассказывали, что огромное впечатление на общественность ГДР произвели репортажи с XIX партийной конференции КПСС.

Вывод друзей был однозначным: надо менять всю концепцию идеологической работы на основе перехода к гласности, открытого обсуждения в обществе назревших проблем, но это опять-таки упиралось в позицию Хонеккера.

Я думаю, что ссылки на особое положение ГДР, на массивное идеологическое воздействие извне были не чем иным, как прикрытием принципиального неприятия хонеккеровским руководством идеологии перестройки и перестройки идеологии, самого духа обновления социализма в направлении его демократизации.

Разногласия между нами в идеологической области вышли наружу, когда власти ГДР запретили распространение в республике некоторых советских изданий. Это было беспрецедентно в отношениях между социалистическими странами.

В январе 1988 года мы с А. Ф. Добрыниным по просьбе ЦК СЕПГ вели консультации с Германом Аксеном. На мою долю выпали проблемы Западного Берлина, а Добрынину достались проблемы разоружения, которые друзья хотели обсудить с нами перед новым раундом переговоров и инициатив с западногерманскими социал-демократами и компартией Чехословакии. В конце встречи Аксен попросил нас, секретарей ЦК, о разговоре с ним наедине и, сославшись на поручение ЦК СЕПГ, сделал заявление в связи с публикацией в журнале «Новое время» отрывка из пьесы М. Шатрова «Дальше, дальше, дальше».

Руководство СЕПГ, сказал Г. Аксен, выражает свое несогласие с содержанием этой публикации, полагая, что она с субъективных позиций изображает революционные события, является отступлением от марксистско-ленинского их понимания и расходится с оценками, данными в юбилейном докладе Горбачева.

Далее шли рассуждения о том, что история Октябрьской революции – это интернациональное достояние и поэтому содержание и характер ее изложения затрагивают интересы всех партий и народов социалистических стран. Исходя из этого, принято решение не распространять в ГДР указанный номер журнала. Аксен добавил: «Мы просили бы вас в изданиях, предназначенных для зарубежной аудитории, и в частности для ГДР, избегать публикаций подобных материалов».

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
В ответ на это Аксену было заявлено, что решение запретить распространение указанного номера журнала ничего, кроме недоумения и сожаления, вызвать у нас не может. Оно создает крайне нежелательный прецедент в отношениях между нами. Немецким друзьям давно пора понять, что в условиях гласности на страницах любого органа печати в нашей стране, не исключая «Правды», могут высказываться различные точки зрения по тем или иным вопросам. Это авторские выступления, с которыми каждый может полемизировать. Их публикация в печати отнюдь не означает, что они выражают точку зрения партии. Кстати, по пьесе Шатрова критические замечания высказывались и в «Правде», и в «Комсомольской правде».

Запреты ничего, кроме обратного результата, дать не могут, они вызывают искусственный ажиотаж и т. д. А те, кто проявляет к этому материалу интерес, могут ознакомиться с ним по другим источникам. Собеседнику было также сказано, что мы не проводим разграничения органов печати по их направленности на внутреннюю и внешнюю аудиторию. Тем более что в соц странах, в том числе и в ГДР, широко читают советские газеты и журналы на русском языке. Не значит ли это, что немецкая сторона будет запрещать распространение и этих изданий, если с какими-то публикациями в них она не будет согласна? Не готовить же нам специально издания для ГДР, приемлемые для ее руководства?

Что касается утверждения Аксена о том, что данная публикация якобы не соответствует юбилейному докладу Горбачева, было сказано, что в нем сформулированы лишь общие подходы к оценке основных событий и этапов развития советского общества, открывающие широкие возможности их дальнейшего изучения и обсуждения в целях полного восстановления исторической правды.

Мы просили довести это наше мнение до сведения Политбюро ЦК СЕПГ.

В сентябре 1988 года, будучи в Москве в связи с выставкой ГДР и встречаясь с Горбачевым, Хонеккер вновь поднял вопрос о нежелательных для ГДР публикациях в советских изданиях на немецком языке. Горбачев отреагировал на это одной репликой, которая сразу охладила пылкого собеседника. Он сказал: «Вы 30 лет находитесь под массивным воздействием Запада. Что же могут сделать две-три неудачные статьи в газетах?» Обсуждения вопроса не последовало.

Еще одно объяснение с гэдээровцами по примерно такому же поводу состоялось в конце 1988 года с секретарем ЦК СЕПГ по идеологии Куртом Хагером в связи с запретом, наложенным на журнал «Спутник».

Хагер приехал в Москву для участия в юбилейном собрании в Институте марксизма-ленинизма по случаю 70-летия Коммунистической партии Германии. К этому времени было также приурочено подписание соглашения между двумя партиями о сотрудничестве в области общественных наук, которому мы придавали большое значение в плане усиления воздействия на СЕПГ через кадры обществоведов, более восприимчивых к новым веяниям и новым настроениям.

Курт Хагер – один из ветеранов германского рабочего движения, человек многоопытный, хотя и приверженный традиционно-догматическому мышлению, но в то же время не утративший способности воспринимать процессы реальной действительности. Обычно он держал себя уверенно, говорил убежденно. Но на этот раз, как мне показалось, был в каком-то необычном для себя состоянии неуравновешенности и противоречивости. С одной стороны, говорил о большом доверии в ГДР к «руководству и товарищу Хонеккеру», а с другой – высказывался одобрительно о перестройке, о том, что необходим поиск наиболее эффективных форм социализма, высказывался за обмен опытом между партиями и странами и за многообразие этого опыта, из которого и вырастает единство.

Подтвердив высокую оценку юбилейного доклада Горбачева, Хагер высказал свою озабоченность последующим ходом дискуссии по истории советского общества. Вольно или невольно встают вопросы: а был ли действительно социализм в Советском Союзе? Не создаем ли мы культ личности наоборот, утверждая, что один Сталин всех подавил, свернул страну с ленинского пути? Есть ли гарантии того, что не повторятся ошибки и извращения такого рода? Как все это должны воспринимать старшие поколения коммунистов и советских людей?

В постановке этих вопросов я уловил сложную гамму чувств: и неуверенность в

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org правильности старых представлений, и неспособность отойти от них, и чисто эмоциональные переживания.

Наконец собеседник подошел к самому острому моменту нашего диалога – запрету на распространение журнала агентства печати «Новости» – «Спутника». Поняв, видимо, абсурдность претензий по освещению истории советского общества, на основании которых было запрещено распространение «Нового времени», теперь руководители ГДР сослались на необходимость «защиты нашей собственной истории от клеветы и фальсификации».

В чем же они? Я посмотрел публикацию в «Спутнике», на которую делалась ссылка. Статья не без субъективизма, тенденциозности, но все же не давала оснований для таких обвинений, которые выдвинул Хагер. Автор статьи считал, что в отсутствии единства действий немецкого рабочего движения в конце 20 – начале 30-х годов, облегчившем приход к власти фашизма, виновата и Компартия Германии. Приводятся ссылки на документы тех лет. Что же – запрещать обсуждение этого вопроса? Это означало бы уходить от открытой дискуссии.

Наигранное возмущение руководства СЕПГ вызвала и та часть статьи, где говорилось, что Сталин после заключения пакта 1939 года дал указание о свертывании борьбы коммунистов против фашистского режима. Немецкие коммунисты, подчеркнул Хагер, «ни на минуту не свертывали эту борьбу». Но в статье критикуются не немецкие коммунисты, а действия Сталина.

Все это было высказано Хагеру. В более резкой форме воспроизведена и наша принципиальная оценка запретительных мер властей ГДР в отношении советских изданий.

К сказанному остается добавить, что постепенно Хонеккер стал претендовать на роль главного наследника и хранителя марксизма-ленинизма, стража его чистоты от ревизионистской заразы.

Со стороны приверженцев Хонеккера и его самого проскальзывали недвусмысленные намеки на то, что, дескать, КПСС начинает отходить от марксизма-ленинизма, подвергать ревизии многие его коренные положения или чуть ли не сами основы. В этом контексте обращали на себя внимание претенциозные конференции, совещания и симпозиумы, которые проводились в Берлине по случаю годовщин из жизни Маркса и Энгельса. На них приглашались представители многих десятков партий, общественных движений со всего мира, затрачивались колоссальные средства. Но дело сводилось в основном к общим декларациям и заверениям верности учению классиков, защите их от ревизионистских нападок, а реального продвижения мысли в анализе сложнейших процессов современного общественного развития не происходило.

Лидеры СЕПГ, и прежде всего Хонеккер, с большой ревностью и подозрительностью относились к поискам нового видения социализма, его современной концепции, которая бы учитывала глубочайшие сдвиги в материальных условиях, социальных отношениях, духовном облике мира, произошедшие в нашем столетии, и особенно те, которые наметились в его последней трети, к постановке вопроса о становлении новой цивилизации, опирающейся на лучшие достижения человеческого прогресса.

И напротив, общественность ГДР, ученые – политологи, экономисты, историки проявляли живой интерес к этим проблемам, активно (правда, некоторые с оглядкой на руководство) участвовали в дискуссиях.

Я припоминаю реакцию коллег – обществоведов из ГДР на мой доклад на международной теоретической конференции, посвященной разработке новой концепции социализма, состоявшейся в Москве в начале октября 1988 года. Сколько вопросов он у них вызвал, с какой настойчивостью они просили предоставить им полный текст доклада!

В целом же я думаю, что нездоровая обстановка в идеологической сфере, сложившаяся в результате жестких догматических позиций партийного руководства, игнорирование идеологических реалий, нежелание идти навстречу потребностям духовной жизни стали одной из важных причин того взрыва, который произошел менее чем через год после описываемых событий.

Некоторые международные проблемы

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Руководство СЕПГ и сам Э. Хонеккер, как уже отмечалось, вначале подчеркивали свою полную поддержку нового внешнеполитического курса советского руководства и его практических шагов по прекращению «холодной войны», избавлению человечества от ядерной угрозы и разоружению. И это действительно так. На всех международных форумах и в Организации Объединенных Наций ГДР неизменно поддерживала позицию Советского Союза, сама выступала с рядом внешнеполитических инициатив в общем русле скоординированной внешней политики стран Варшавского Договора.

Но постепенно, по мере углубления нового политического мышления и практической реализации основанного на нем внешнеполитического курса, здесь стали проявляться различия. Это коснулось прежде всего общефилософской проблемы соотношения общечеловеческих ценностей и классовых интересов, проблем прав человека, международного рабочего движения. Руководство СЕПГ давало понять, что КПСС якобы начинает охладевать к поддержке коммунистических и рабочих партий других стран, национально-освободительных движений, все реже вспоминает о пролетарском интернационализме.

Стали проявляться претензии хонеккеровского руководства на роль чуть ли не единственного последовательного поборника единства коммунистического движения, национально-освободительной борьбы народов. В отличие от других стран ГДР продолжала оказывать поддержку Никарагуа, некоторым другим партиям и движениям в Латинской Америке, на арабском Востоке, свергнутому и бежавшему в Эфиопию йеменскому руководству Али Мухаммеда Насера.

Большую активность Хонеккер развил в восстановлении межпартийных связей с Китаем. Предварительно договорившись с китайцами о визите, Хонеккер затем информировал нас об этом и предложил посреднические услуги. С нашей стороны, разумеется, никаких возражений по визиту не было и не могло быть, ибо мы и сами неоднократно заявляли о готовности восстановить в полном объеме отношения с Китаем. Работа велась в этом направлении, и надобности в чьей-либо посреднической миссии не возникало.

Особое место во внешнеполитической деятельности ГДР занимали ее отношения с ФРГ. Политика ГДР в этом важнейшем вопросе была противоречивой и измерялась двумя трудносовместимыми параметрами: политическим и идеологическим размежеванием с ФРГ, с одной стороны, и стремлением получить экономические и научно-технические преимущества от сотрудничества с ней – с другой. От нас они ждали поддержки в политическом противостоянии с Западной Германией, но в то же время не очень-то посвящали нас в свои экономические отношения с ФРГ.

Малейший намек кого-то из авторов, особенно советских, на то, что Берлинская стена не может существовать вечно, на возможность, хотя бы в отдаленном будущем, воссоединения Германии воспринимался крайне болезненно. Я припоминаю, какая бурная реакция последовала за промелькнувшим в разноматериале уличного репортажа, показанном по нашему телевидению, коротеньким высказыванием студента, в котором прозвучало непонимание раздельного существования немецкой нации и предположение о неизбежности ее объединения в будущем. Пришлось объяснять, что это отнюдь не провокация против ГДР, а отражение того, что у кого-то есть такое мнение.

Впрочем, идеологическая непримиримость лидеров ГДР имела определенные границы и носила своеобразный характер. Она не мешала по партийной линии поддерживать регулярные отношения с СДПГ и с другими общественно-политическими силами ФРГ. В беседе со мной в Берлине Отто Райнхольд сообщил, что на днях выезжает в Бонн для очередной, седьмой неофициальной встречи с Геншером.

Идеологические последствия не мешали руководству ГДР развивать и экономические отношения с ФРГ. Громадную и все растущую выгоду ГДР получала от беспрошленной внутригерманской торговли, через которую она выходила фактически и на рынки Европы, зарабатывала валюту на перепродаже советской нефти. Республика получала от ФРГ и большую кредитную помощь, в том числе в виде беспроцентных займов типа «свинг».

Как раз во время моего пребывания в ГДР был предпринят один небольшой, но характерный шаг – разрешены переводы западногерманских марок гражданам ГДР. Аксен интерпретировал это решение как приведение почтовых правил ГДР к

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org общепринятым международным нормам. Это, может быть, и так, но наверняка немалую, а может быть, и главную роль сыграли интересы поступления в ГДР конвертируемой валюты. Руководство ГДР пошло на такой шаг, несмотря на неизбежные идеологические издержки.

Наша позиция в вопросе о взаимоотношениях ГДР с ФРГ была совершенно ясной. Мы поддерживали ГДР в ее борьбе за полное международно-правовое признание и в то же время выступали за взаимопонимание и сближение двух германских государств, тем более что и в наших связях с ФРГ происходили серьезные, перспективные сдвиги. Мы считали необходимым координировать с ГДР нашу политику в отношении ФРГ и Западного Берлина. По этим вопросам проводились регулярные консультации между центральными комитетами наших партий и, конечно, между министерствами иностранных дел по инициативе обеих сторон.

Скажу откровенно: меня поразила позиция ГДР в вопросе о перспективах Западного Берлина. Она исходила из ложной посылки о якобы неизбежном упадке этого города. Нам приводились данные о снижении экономической активности, свертывании тех или иных производств, об уменьшении численности населения. Вместе с тем нам было хорошо известно, что и Западный Берлин используется гэдээровцами для извлечения немалых экономических выгод, получения свободно конвертируемой валюты.

Мы же исходили из того, что Западный Берлин с его высокой концентрацией экономического и научно-технического потенциала будет сохранять роль одного из крупнейших европейских центров промышленности, науки и культуры. Его роль с учетом особого статуса, регулируемого четырехсторонним соглашением, будет возрастать в контексте общеевропейского процесса. И поэтому важно сохранять и углублять связи СССР и ГДР с Западным Берлином, стремясь превратить его из очага напряженности в центр международного сотрудничества на Европейском континенте.

Однако на пути развития наших отношений с Западным Берлином мы все время наталкивались на препятствия и трудности, подчас рутинные, но приобретающие политическое звучание из-за ревностного отношения ГДР к Западнему Берлину.

Вот один из примеров. Регулирование экономического и научно-технического сотрудничества СССР с ГДР и ФРГ было возложено на соответствующие двусторонние комиссии. С советской стороны обе комиссии возглавлял заместитель председателя Совета Министров СССР А.К. Антонов, человек знающий и энергичный. Но Западный Берлин не попадал в сферу ни той, ни другой комиссии. С точки зрения существа дела, то есть экономических связей Западного Берлина, эти вопросы могли регулироваться только в рамках двусторонней комиссии с ФРГ. Но это оказалось неприемлемым по формальным причинам для ГДР. Так вопрос и оставался нерешенным, и ущерб для дела был немалый. После моего возвращения со съезда СЕП Западного Берлина и соответствующего обсуждения этого вопроса Антонову было дано указание рассматривать вопросы экономических связей с Западным Берлином в общем контексте сотрудничества с ФРГ, хотя формального решения так и не принималось.

Вспоминается и такой эпизод. В Западноm Берлине я встретился с Вальтером Момпером – лидером социал-демократической партии Западного Берлина. Он очень хотел приехать в Москву, но встретился с «непреодолимым» препятствием: кто будет дипломатически обслуживать этот визит в Москве с немецкой стороны, ведь посольства Западного Берлина нет? А прерогативы посольства ФРГ на Западный Берлин не распространялись. Оказалось, что проблема дипломатического и консульского обслуживания делегаций из Западного Берлина имела общий характер. Из-за организационно-процедурных вопросов обмен делегациями с Западным Берлином был заблокирован.

Закрыт был путь и для включения представителей Западного Берлина в делегации ФРГ, в том числе депутатов бундестага от Западного Берлина в парламентские делегации ФРГ. Наши попытки найти решение этих по сути дела рутинных вопросов наталкивались на непонимание со стороны ГДР.

За всем этим просматривалось прохладное, если не отрицательное, отношение группы Хонеккера к развитию прямых связей СССР с Западным Берлином.

Экономические отношения

Как уже говорилось, крайне противоречивую и непоследовательную позицию

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org хонеккерское руководство занимало и по перспективам развития экономических отношений между нашими странами, и по проблемам интеграции в рамках Совета Экономической Взаимопомощи.

С одной стороны, им высоко оценивалось значение экономических связей ГДР с социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом. В беседе со мной в августе 1988 года Хонеккер особо подчеркнул, что 70% внешнеторгового оборота ГДР падает на долю социалистических стран, в том числе 40% – на Советский Союз, и только 30% – на весь остальной мир, включая ФРГ. Если учесть, что больше половины национального дохода республики реализуется через внешнюю торговлю, станет ясна неопределимая роль рынка социалистических стран для ее экономики.

Это хорошо понимали в ГДР. Коциолек, например, говорил мне, что углубление интеграции для ГДР – проблема номер один. Если оно не будет происходить, то «нас разденут, растащат по частям». Такая опасность, по его мнению, возрастает в связи с предстоящим созданием единого рынка в рамках Европейского экономического сообщества. Промышленная и внешнеторговая структура ГДР ориентирована на СССР, и уже только по одной этой причине «важно приспособляться к изменяющимся условиям СССР, даже независимо от того, всегда ли мы понимаем их до конца».

Что же касается путей дальнейшего углубления интеграции социалистических стран, и в частности экономик СССР и ГДР, то тут у нас сложилось разное понимание. Мы исходили из того, что в рамках прежней схемы «сырье и топливо – в одну сторону, готовая продукция – в другую» перспектив развития экономических отношений между нашими странами нет. Они должны все в большей степени строиться на производственной кооперации, особенно в выпуске современной сложной и высокотехнологичной продукции.

Отсюда необходимость прямых связей между производителями товаров, а также научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями, что, в свою очередь, требовало перестройки всего механизма внешнеэкономического сотрудничества, в котором главная роль должна быть отведена первичным звеньям хозяйства, экономическим методам регулирования внешнеэкономических связей вместо административных. Это был бы прямой путь к созданию единого рынка социалистических стран.

С неприятием такой постановки проблем мы столкнулись со стороны Румынии и ГДР. Выступая каждый раз за углубление социалистической интеграции, руководство ГДР в то же время главные свои усилия на переговорах с нами направляло на увеличение или, во всяком случае, на сохранение топливно-сырьевых поставок из СССР. Здесь были и активность, и напор.

Немецкая сторона проявляла определенную заинтересованность и в реализации научно-технических программ, имея в виду доступ к достижениям советской науки – фундаментальной и прикладной. Правда, этот интерес был выборочным, в какой-то мере даже односторонним, сочетался со сдержанным отношением к предоставлению доступа партнеров в те области научно-технического прогресса, где ГДР сама преуспевала, например в рамках комбината «Карл Цейс Йена».

Явное предпочтение оказывалось двустороннему научно-техническому сотрудничеству с Советским Союзом, а к многосторонним связям проявлялось очень холодное, если не отрицательное, отношение. Сказывались своеобразный эгоизм и, я бы сказал, высокомерие по отношению к другим партнерам, кроме, может быть, СССР. Да и в научно-техническом сотрудничестве с советскими партнерами заинтересованность немецкой стороны резко снижалась, как только дело выходило из стадии исследований и разработок и вставал вопрос о производственной кооперации в освоении полученных исследовательских результатов. Замечание Горбачева, высказанное им немецким друзьям в этом духе во время пребывания Хонеккера и Миттага в Москве по случаю открытия выставки ГДР, попало, как говорят, в самую точку, задело за живое. Хонеккер пустился в рассуждения о тесных экономических связях ГДР и СССР, но в конце концов сказал, что обратит внимание на эту сторону дела.

Негативное отношение руководства ГДР к развитию прямых связей между первичными хозяйственными единицами – предприятиями и объединениями объясняется, по-видимому, тем, что в этом усматривалась некая опасность для централизованного планового хозяйства. Особенно резко представители ГДР выступали против предоставления права самим предприятиям и объединениям

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org устанавливать цены на взаимные поставки по производственной кооперации.

Когда встал вопрос о реорганизации СЭВ на новых принципах, о делегировании полномочий по установлению и поддержанию экономических связей отраслям и производственным единицам, сокращении и упрощении организационных структур этой организации, немецкие представители выступили против, хотя до этого очень сильно критиковали СЭВ за громоздкость, бюрократизм и другие прегрешения. Сохранение прежних структур этой международной организации отвечало желанию оставить неприкосновенными прежние централистские методы регулирования экономических отношений между странами и не допускать их перестройки на нормальных рыночных основах.

А вот директора комбинатов и предприятий ГДР, руководители на местах, как мне привелось убедиться, придерживались другого мнения. Большую заинтересованность в прямых связях с советскими партнерами, детальное знание и понимание встающих на этом пути вопросов экономического и организационного характера, критическое отношение к чрезмерной централизации внешнеэкономических связей проявил, например, Винтер – генеральный директор станкостроительного объединения имени Фрица Геккерта.

Об огромных возможностях партнерских связей округов ГДР с областями СССР говорили З. Лоренц и Х. Модров. Жизнь требует от ГДР, говорил Модров, большей гибкости и оперативности в установлении внешнеэкономических связей, изучении потребностей советских клиентов. Он пытался направить в Ленинград по договоренности с ленинградским руководством представителей комбината «Роботрон» для изучения спроса на его продукцию. Однако министр торговли Байль высказался против подобных «вольностей».

Как сообщил Коциолек, в его институте интенсивно работали над развитием прямых связей комбинатов ГДР с предприятиями СССР. «Хотя мы говорим о них меньше других, но делаем, пожалуй, больше всех». В то же время он считал, что пока еще преждевременно и нереально ставить в повестку дня вопрос о создании единого рынка стран СЭВ, как и проблему конвертируемости национальных валют.

Не скажу, что особая позиция руководства ГДР по вопросам экономической интеграции очень уж осложнила отношения между нами. Мы отнеслись к этому спокойно. Но в сочетании с общими взглядами руководства СЕПГ на советскую перестройку, обновление связей между соцстранами и это играло определенную роль. И здесь наши немецкие друзья и партнеры сохраняли консервативную позицию, с настороженностью и даже неприятием встречали любые прогрессивные шаги и предложения.

Развязка

В последний раз мне довелось быть в Берлине на очередном совещании секретарей центральных комитетов партий социалистических стран по вопросам идеологии. Оно проходило 21-22 сентября 1989 г., незадолго до развернувшихся там драматических событий, которые смели не только самого Хонеккера, но и весь его режим, а затем после короткого переходного периода привели к образованию единого германского государства.

Общая атмосфера в республике, отразившаяся на совещании, как я сейчас вспоминаю, была довольно тягостной, чувствовалось, что в ГДР назревают серьезные события. Среди населения выражалось открытое недовольство политикой и методами руководства Э. Хонеккера. Все острее и радикальнее становились требования облегчить или снять преграды для поездок на Запад, в ФРГ. Большие группы, а иногда и толпы людей собирались около консульских пунктов, в местах переходов в Западную Германию. Появились первые признаки массовых волнений и антиправительственных выступлений в Дрездене и Лейпциге.

Для тех, кто знал настроения общественности, да и внутри самой партии, не было сомнения в том, что нужны быстрые и срочные решения. Но их никто не принимал, тем более что Хонеккер в течение длительного периода находился на щадящем режиме, работал по несколько часов в день и уже в пятницу или даже в четверг уезжал на загородную дачу. А в последнее время он после тяжелой операции находился в больнице.

Первое, что надо было сделать, – это принять решение о смене руководства, тем более что в отличие, например, от Чехословакии и Болгарии тут не

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org возникало сложностей с подбором преемника. Было по крайней мере несколько сильных и практически готовых для выполнения этой роли людей. Это, конечно же, Модров, а также Кренц, Шабовский, Лоренц, Кроликовский. Но Хонеккер о таком решении и слышать не хотел. Даже своего молодого протеже Эгона Кренца он в последнее время отодвигал на задний план, полностью доверяя лишь Миттагу и Херману.

Обычно участников подобных совещаний по завершении их работы принимал Генеральный (первый) секретарь ЦК партии данной страны. На сей раз в отсутствие Хонеккера это было поручено Миттагу и еще четверем членам Политбюро, а Кренца среди них не было. Видя настроение хорошо мне знакомого Курта Хагера, я мог судить о подавленном состоянии руководства СЕПГ, царившей там сумятице.

В Москву я возвращался с нелегкими мыслями и предчувствиями, о чем и рассказал Горбачеву. А в начале октября он и сам имел возможность убедиться в этом на праздновании 40-летия Германской Демократической Республики. Оно проводилось с большой помпой и театрализацией. Буквально накануне праздника вышел из больницы, по-моему, не полностью долеченный Хонеккер.

Расхождение между настроениями населения ГДР и официальной пропагандой, внешней показухой достигло своего апогея. Как нам рассказал потом Горбачев, во время грандиозного факельного шествия, для участия в котором были специально отобраны партийные и молодежные активисты со всей республики, которые несли транспаранты, прославляющие ГДР и СЕПГ и выражающие полное доверие партии и лично Хонеккеру, доносились не очень внятные, но все же различимые, в полголоса скандируемые слова: «Горбачев, помоги нам!» Это произвело потрясающее впечатление и не оставило ни малейшего сомнения в том, что грядут грозные события.

Верный своему принципу – ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в дела других стран и партий, – Горбачев в беседе с членами Политбюро ЦК СЕПГ дошел, как говорится, до предела возможного, чтобы подвести их к пониманию ответственности момента и необходимости принятия назревших мер.

В дальнейшем события развивались с головокружительной быстротой. В середине октября на заседании Политбюро перед Хонеккером был поставлен вопрос об отставке. Хонеккер, судя по поступавшей к нам информации, оказался неспособным разобраться и сориентироваться в ситуации, не смог уловить настроения в обществе, оценив постановку вопроса о его уходе в отставку как личный выпад против него, полагая, что его политика единственно правильная и непогрешимая.

18 октября вопреки мнению Хонеккера этот вопрос был вынесен на пленум СЕПГ, который освободил Хонеккера от должности Генерального секретаря, а Миттага и Хермана – от обязанностей членов Политбюро и секретарей ЦК. 24 октября Народная палата ГДР освободила Хонеккера от обязанностей председателя Госсовета. На этих высших постах в партии и государстве был утвержден Эгон Кренц.

Но было уже слишком поздно... Смена руководства, а затем исключение из партии Хонеккера, арест Миттага не привели к успокоению в республике. Начались массовые выступления граждан ГДР теперь уже не только по вопросам, связанным с выездами в ФРГ, но и по общеполитическим проблемам. Это вынудило полностью отменить ограничения в передвижении граждан ГДР на Запад и обратно и привело к последующему разрушению пресловутой Берлинской стены.

Неадекватным оказалось и решение о преемнике Хонеккера Кренце. Требования о его отставке, как креатуре Хонеккера, стали усиливаться. Был по этому поводу сигнал бедствия к нам от нового, пришедшего на смену Аксену, секретаря ЦК СЕПГ по международным вопросам Виллердинга. Впрочем, это уже не имело значения. И только назначение главой правительства ГДР Ханса Модрова в какой-то мере оказало сдерживающее воздействие на развитие событий. Но остановить крах системы, ввести перемены в спокойное русло стало невозможно. Таков был бесславный конец «первого социалистического государства на германской земле».

События в ГДР послужили своеобразным сигналом и толчком для спонтанных, бурных перемен и в ряде других социалистических стран. Они перекинулись в Болгарию, затем в Чехословакию, подтолкнули выступления населения Румынии против режима Чаушеску, оказали большое влияние и на ход событий в СССР.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Тесная взаимосвязь и взаимозависимость развития СССР и стран Восточной Европы сказались и здесь.

Дальше я вернусь к анализу причин, характера и содержания того, что произошло в ГДР и других социалистических странах.

Конечно же, в ГДР не все было плохо. За четыре десятилетия немало сделано в экономике и особенно в социальной сфере, в развитии образования, науки, в социальном обеспечении людей. И не случайно, что многие трудящиеся Восточной Германии в трудные времена интеграции в западную систему вспоминали о социальных завоеваниях ГДР. Так что многое из этого могло бы быть сохранено.

Но перемены в ГДР были необходимы и неизбежны. И то, что они приняли такие бурные и разрушительные формы, объясняется в первую очередь упорной приверженностью хонеккеровского руководства к старым, изжившим себя порядкам.

Есть еще личностная сторона драмы, разыгравшейся в бывшей ГДР. Она касается многих коммунистов и руководителей ГДР, прежде всего самого Эриха Хонеккера.

Его судьба после крушения ГДР сложилась поистине драматически. Полное политическое фиаско, утрата всех атрибутов власти и элементарного благополучия, выезд из страны и предоставление политического убежища в СССР (с санкции Горбачева), выдворение из России новыми властями после длительного пребывания в чилийском посольстве в Москве, выдача германским властям, предание суду – все это свалилось в течение нескольких лет на голову одного человека, к тому же престарелого и тяжело больного. В конце концов соображения гуманности взяли верх: судебное преследование Хонеккера было прекращено и ему разрешили выехать к семье в Чили.

Надо отдать должное Хонеккеру. Он держался стойко. Это по-своему цельная натура, выросшая из недр коммунистического движения и до мозга костей пропитанная его духом. Верность его целям и задачам, своего рода целостность убеждений, которые Хонеккер пронес через всю свою жизнь, вызывают невольное уважение.

Но за полвека жизнь далеко ушла вперед, многое переменилось. Коммунистическое движение, отразившее в первой трети нашего века, пусть не вполне адекватно, многие противоречия и потребности человеческого бытия, в последней трети XX столетия оказалось оторванным от новых реалий, и далеко не всем его лидерам и активным деятелям удалось вырваться из круга старых, привычных представлений, стряхнуть с ног прах старого, подняться до понимания императивов нового времени.

Хонеккер оказался не в их числе.

«Гений Карпат»

Особые позиции

Весьма своеобразно складывались советско-румынские отношения. Для горбачевского руководства это не было новым и неожиданным, ведь на протяжении довольно длительного периода в политике Румынии, особенно после прихода к власти Николае Чаушеску, проводилась особая линия, в которой доминировали настроения национальной обособленности.

Во всех официальных заявлениях и документах, выступлениях Чаушеску назойливо, к стати и некстати, повторялись тезисы о независимости, суверенитете, невмешательстве во внутренние дела.

В СЭВ, Организации Варшавского Договора, в ООН, на международных форумах и двусторонних встречах эта линия проводилась подчеркнута и демонстративно, как бы напоказ, чтобы всем было видно, что Румыния не является сателлитом Советского Союза.

Во внутренней политике проявлялись стремление возбудить национально-патриотические чувства вокруг амбициозных программ «социалистического строительства», дискриминационное отношение к национальным меньшинствам, прежде всего венгерскому. В исторической

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org литературе и культуре всячески поощрялось обращение к дакоримскому периоду, от которого якобы берет начало современное румынское государство. Время от времени поднимался и молдавский вопрос с прозрачными притязаниями на Молдову.

В первые годы после прихода Чаушеску к партийному и государственному руководству казалось, что эти особенности его политики носят преходящий характер, объясняются неопытностью и амбициями сравнительно молодого тогда румынского руководителя, влиянием более опытных деятелей, таких как председатель Совета Министров И. Маурер.

Но вот Маурер сошел со сцены, Чаушеску стал удалять одного за другим представителей сложившейся при Г. Георгиу-Деже «старой гвардии», а националистические акценты в политике Румынии не только не ослабли, а еще более усилились.

Постепенно сложился режим личной власти Чаушеску. Он вобрал в себя, пожалуй, все худшее, что было в авторитарной советской модели. Это и фактическая диктатура партии и ее вождя при полном выхолащивании демократических лозунгов, и жесткий идеологический контроль, отсутствие какой-либо гласности за пределами официальной политической линии, и гипертрофированное развитие органов подавления, прежде всего службы безопасности, прямо и непосредственно подчиненной высшему партийному и государственному руководителю, и крайние формы культа личности, преклонения перед авторитетом руководителя.

Все это причудливо переплеталось с полувосточными методами семейственности и клановости. Родственники Чаушеску и его жены, их дети, многочисленные братья Николае Чаушеску оказались расставленными на ключевые посты в партии, комсомоле, армии, службе безопасности, а сама Елена Чаушеску была вторым лицом в стране.

Никто не мог поднять голос против этих порядков под угрозой морально-политического и даже физического устранения. Наказывалась не только нелояльность, но и недостаточное рвение в служении Чаушеску. Обстановка полной зависимости руководящего слоя кадров от воли верховного правителя поддерживалась периодическим перетряхиванием партийного и государственного аппаратов, постоянными перестановками людей, даже тех, которых Чаушеску считал верными себе.

Вот с каким партнером пришлось строить отношения новому советскому руководству.

Казалось бы, Чаушеску должен был приветствовать новый курс советского руководства, его идею перестройки отношений между социалистическими странами на принципах равноправия, невмешательства во внутренние дела, взаимовыгодного сотрудничества, решительного отказа от всего того, что называлось на Западе «доктриной Брежнева».

Но все стало складываться по-другому. Чем дальше, тем больше со стороны Чаушеску стало проявляться неприятие курса горбачевского руководства на перестройку как во внутреннем, так и в международном планах. Тем самым обнаружилось, что особая линия Чаушеску объясняется не столько реакцией на великодержавные замашки советского руководства, сколько характером самого румынского режима.

Секрет тут прост – Чаушеску не мог не почувствовать в перестройке смертельной угрозы для деспотических порядков в своей стране. Особенно неприятен был пример советской перестройки в развитии гласности, действительной, а не декларативной демократизации общественной жизни, в повышении роли человека, признании идеологического, а затем и политического плюрализма.

Реакцией на процессы, начавшиеся в Советском Союзе, явились в Румынии ужесточение цензуры, еще большее сужение информации о Советском Союзе с одновременным усилением похвал в адрес Чаушеску и его «золотой эпохи». Были сведены на нет контакты между производственными коллективами, городами и областями наших стран, ограничено передвижение советских дипломатов, журналистов, введены специальные меры по уменьшению общения советских туристов с местным населением. Выступления советских руководителей публиковались редко и с такими купюрами, которые касались наиболее важных

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org тем и сюжетов.

фактически была свернута деятельность Общества советско-румынской дружбы. Наши усилия открыть на взаимной основе дома советской и румынской культуры не приводили к желаемому результату.

Соглашения о сотрудничестве между партиями двух стран приобрели с течением времени формальный характер. Пожалуй, единственно заметный контакт осуществлялся по линии обмена лекторами партийных комитетов. Но к приему этих лекторов румыны очень тщательно готовились, подбирали специальные аудитории, формулировали соответствующие вопросы и т. д.

И тем не менее сквозь эту плотную завесу со стороны простых людей, представителей интеллигенции и даже некоторых низовых партийных работников все же пробивался интерес к Советскому Союзу, к начавшимся в нем демократическим процессам.

Особую позицию Румыния занимала и в вопросах социалистической интеграции, заявляя, что ей как слаборазвитой стране надо вначале достичь определенного экономического уровня и только после этого она может на равноправных основах подключиться к интеграционным процессам.

По показателям производства и жизненного уровня населения Румыния находилась в конце списка европейских социалистических стран. Румынское руководство выдвинуло вполне естественную задачу – преодолеть отставание. Но решено это было сделать методом своеобразного большого скачка за счет жесткой экономической политики, централизации ресурсов и форсированной индустриализации с упором на тяжелую промышленность в духе догматических образцов сталинской модели «строительства социализма» и экономической автаркии.

Неизбежным результатом такой политики стало перенапряжение сил. Доля фонда накопления в национальном доходе Румынии была наивысшей среди социалистических стран. В широких масштабах Румыния прибегла и к использованию западных кредитов, что привело к усилению финансово-бюджетной напряженности. Правда, потом румынский руководитель опомнился, но ударился в другую крайность, поставив задачу в течение нескольких лет ликвидировать задолженность Западу.

Это легло тяжким бременем на народное хозяйство и население, обусловило сужение ресурсов для социальной сферы, привело к замораживанию и даже снижению жизненного уровня широких слоев населения, к острой нехватке и дороговизне товаров народного потребления, топлива, в том числе для бытовых нужд. В магазинах выстроились громадные очереди. Бухарест и другие города погрузились в полумрак.

В стране зрело глухое, но глубокое недовольство такой политикой. Его пытались заглушить массивной идеологической обработкой населения в духе национального патриотизма, превознесения достижений Румынии, мудрости румынского руководства, раздувания культа личности Чаушеску. Открытые выступления подавлялись силой.

Реальные потребности страны диктовали необходимость развития экономических связей с Советским Союзом и другими странами Восточной Европы, но и тут румыны занимали одностороннюю, по сути дела эгоистическую позицию.

Чаушеску при встречах с Горбачевым неизменно повторял, что он готов увеличить товарооборот с нами вдвое, но при этом имел в виду увеличение поставок нефти из СССР в Румынию, а продукции румынского машиностроения – в СССР, не идя на широкую производственную кооперацию. Дело в том, что в предшествующие годы в надежде на дешевую нефть Румыния создала большие мощности по нефтепереработке и нефтехимии и постоянно оказывала на нас нажим, добиваясь увеличения поставок углеводородного сырья. При этом румыны категорически, даже в большей степени, чем немцы, возражали против перенесения центра тяжести в экономических отношениях на предприятия и объединения, считая, что товарооборот должен развиваться исключительно в централизованных формах.

Изо всех сил Чаушеску стремился повысить и подчеркнуть свою роль на международной арене.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Конечно же, каких-то серьезных, объективных факторов для этого не было. Да и не могло быть. В этих условиях Чаушеску вынужден был для самоутверждения, повышения авторитета внутри страны и в мировом сообществе разыгрывать карту противоречий между великими державами, лавируя между ними.

Запад, конечно же, с подозрительностью и, можно сказать, с неодобрением относился к режиму Чаушеску. Но вместе с тем он не прочь был использовать честолюбивые устремления румынского диктатора в своих интересах, оказывал на него давление и давал ему кое-какие подачки.

В то же время Чаушеску понимал, что ему не обойтись без тесных отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Там, где нужна была эта опора, Чаушеску использовал ее, там, где он чувствовал, что можно поиграть на противоречиях между СССР и США, СССР и Китаем, он проявлял «самостоятельность» и «независимость».

Эта политика, возможно, могла давать какие-то результаты в условиях «холодной войны» и конфронтации между СССР и Западом, но она лишилась своей основы, когда начался серьезный диалог между СССР и Западом и на реальные рельсы был поставлен процесс разоружения. Тогда Чаушеску стал выступать с различного рода широковещательными заявлениями, декларациями относительно ядерного потенциала великих держав, собственными инициативами в области разоружения, которые выглядели просто наивно, а порой и смешотворно.

Так, в Румынии был проведен «национальный референдум» о сокращении «в одностороннем порядке» «вооружений, войск и военных расходов» на 5%. По словам Чаушеску, он «продемонстрировал волю неуклонно действовать в сторону разоружения и мира». Референдум сопровождался пропагандистской шумихой о примере Румынии «в самом решительном переходе к конкретным действиям по разоружению, сокращению военных расходов» и т. д. К голосованию был привлечен весь народ, начиная с 14-летних подростков.

Отсутствие или слабость весомых факторов в своей международной деятельности Чаушеску стремился компенсировать внешними эффектами. Он регулярно осуществлял помпезные, дорогостоящие, не соответствующие масштабам отношений с этими странами поездки в страны Запада и Востока и, в свою очередь, с большим шумом принимал высокопоставленных визитеров Запада, в том числе Дж. Буша и Ф. Миттерана, у которых, конечно же, были свои мотивы посетить Румынию. Выходы на публику Чаушеску обставлял всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами, дабы подчеркнуть особую значимость своей персоны, ее уникальность и величие.

Он был не прочь поэксплуатировать и международный авторитет Горбачева. Во время совещаний руководителей соцстран стремился почаще на виду у других быть вместе с советским руководителем. Происходили, например, «неожиданные встречи» наших делегаций в парке на пути к месту совещания. Тут же, откуда ни возьмись, румынские репортеры, щелканье затворов, стрекот кинокамер, два-три вопроса на ходу и главное – совместное появление в зале заседаний.

Конечно, Румыния, как член Варшавского Договора, не могла не считаться с общей политикой. Румынское руководство с различного рода оговорками, претензиями в конце концов поддерживало основные шаги согласованной внешней политики стран Варшавского Договора. Но это постоянно сопровождалось капризами, за которыми стояло стремление не столько внести какой-то позитивный вклад в общий процесс выработки и осуществления политики, сколько добиться удовлетворения своих амбиций, набить себе цену, лишний раз подчеркнуть самостоятельность и независимость своей позиции.

И еще одно.

Неприятие советской перестройки, стремление создать вокруг себя имидж крупного лидера международного масштаба привели Чаушеску к тому, что он постепенно становился все более ярким приверженцем ортодоксальных марксистских позиций и борцом против любых отклонений от них.

Как известно, Чаушеску занимал особую позицию в отношениях с Компартией Китая, поддерживая с ней тесные контакты даже в период «большого скачка» и разгула «культурной революции». Румыны выступали против какой-либо критики китайской позиции под флагом невмешательства во внутренние дела и равенства компартий.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org. Тогда они, всячески подчеркивая свою приверженность равноправным отношениям между коммунистическими и рабочими партиями, высказывались против совещаний представителей компартий, принятия совместных документов, настаивая на признании специфики каждой страны и каждой партии. Теперь же, усмотрев опасность для себя в советской перестройке, Чаушеску стал гнуть другую линию, подчеркивая необходимость верности марксизму-ленинизму, признания общих закономерностей развития соцстран.

На коллективных встречах руководителей социалистических стран и во время двусторонних контактов он стал, по существу, выступать против критической переоценки истории, роли Сталина и его деспотической власти, не говоря уже о новациях в современной политике ряда партий, в том числе КПСС. Он носился с идеей совещания руководителей компартий для обсуждения этих проблем, но именно в плане выявления и критики «отступлений от принципов», претендуя даже на роль судьи в этом вопросе. Румынская пропаганда стала изображать линию Чаушеску как последовательное воплощение марксизма-ленинизма в наше время.

Советское руководство, и прежде всего Горбачев, все это прекрасно видело и, несмотря на все художества Чаушеску, его виражи и амбиции, считало необходимым укреплять фундаментальные основы отношений между нашими двумя народами и государствами, сдерживать и ограничивать влияние на них негативных моментов политики Чаушеску. Мы стремились способствовать тому, чтобы объективная информация о процессах, происходящих в Советском Союзе, о линии нынешнего советского руководства доходила до населения этой страны, у которого сохранились и симпатии к Советскому Союзу, и понимание необходимости тесного сотрудничества наших стран.

В этом контексте и следует рассматривать визит Горбачева в Румынию.

Большой спектакль

Визит состоялся в конце мая 1987 года, хотя официальное приглашение Горбачев получил от Чаушеску еще в феврале. Все это время велась тщательная его подготовка.

Из тех контактов, которые я имел в процессе подготовки визита с румынской стороной через оба посольства – советское в Бухаресте и румынское в Москве, а также через прямые контакты с секретарем ЦК Коммунистической партии Румынии Ионом Стояном мне стало ясно, что румыны стремятся извлечь из визита выгоду в двух отношениях.

Во-первых, продемонстрировать румынскому народу да и международному сообществу высокий авторитет своего вождя и своего государства. И, во-вторых, добиться увеличения поставок советских топливно-сырьевых ресурсов, и прежде всего нефти. В то же время они не намерены идти на серьезные шаги в развитии ширококомасштабных и всесторонних связей между народами наших стран, более того, стараются ограничить распространение советской «перестроечной заразы».

Что касается нашей стороны, то мы, напротив, были заинтересованы в ходе визита добиться решительного выхода за ограниченные рамки общественно-политического, научно-технического, гуманитарного сотрудничества между нашими странами, углубить экономические связи на основе специализации и кооперации, открыть шлагбаум для сотрудничества, особенно на уровне первичных коллективов. Мы имели в виду – сейчас нет смысла это скрывать – использовать визит для прорыва информационной блокады в Румынии в отношении советского опыта перестройки.

Подготовка визита шла довольно тяжело. Румыны упорно настаивали на идее принятия широковещательной румыно-советской декларации, не предлагая сколько-нибудь серьезного ее наполнения. Более того, по сути дела, отвергли наши конкретные предложения придать новые импульсы, новый разворот отношениям между коллективами, областями, городами двух стран, расширению гуманитарных контактов, снять всевозможные ограничения, активизировать деятельность обществ советско-румынской и румыно-советской дружбы, открыть дома науки и культуры в Москве и Бухаресте и т.д.

Мы говорили румынам, что советская сторона не против декларации, но принятие ее будет оправданно только в том случае, если за этим будет стоять реальный поворот в советско-румынских отношениях. Если вы не готовы к

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org этому, хотя мы хотели бы именно такого поворота, то можно вернуться к декларации, когда назреют для этого условия. Например, при ответном визите Чаушеску в Москву. В этом духе дискуссия продолжалась вплоть до самого визита и даже по прибытии советской делегации в Бухарест.

Я уже не говорю о том, что больших усилий стоило согласование даже технических вопросов, например вопроса об автомобилях для советской делегации. Румыны никак не соглашались, чтобы советская делегация передвигалась в Бухаресте на советских машинах, предлагая либо «мерседесы», либо свои «дачи». С большим трудом договорились, чтобы Горбачев пользовался своей машиной, специально оборудованной для поддержания постоянной связи с Москвой.

И вот наконец визит. Обставлен он был с румынской стороны с огромной помпой. Это был грандиозный спектакль. По всему маршруту следования кортежа машин, да и впоследствии, где бы ни появлялись Горбачев и неотлучно бывший с ним Чаушеску, масса парадно одетого народа – преимущественно школьников и студентов – с румынскими и советскими флажками в руках, многие в национальных костюмах, дети в пионерской форме. Стереотипное скандирование «Чаушеску – Горбачев!».

Чаушеску и Горбачева, да и всех нас, даже вовлекли в какие-то национальные танцы, но все это делалось по тщательно отработанному сценарию. Лица у людей оставались отчужденными, может быть, лишь с какими-то едва заметными проблесками любопытства.

Никто ничего гостям не высказывал, кроме «Чаушеску – Горбачев!». Попытки Горбачева по его привычке подойти к людям, сказать что-то, послушать их наталкивались на глухую стену молчания или упорного скандирования «Чаушеску – Горбачев!». Не выдержав, он обратился к ним: «Вы можете что-нибудь другое сказать, кроме „Чаушеску – Горбачев!“?» В ответ – напряженное молчание. А потом как будто по команде опять то же самое: «Чаушеску – Горбачев!»

Я мысленно сравнивал все это с тем, что пришлось видеть в других странах – Чехословакии, Венгрии, Польше, ГДР, Югославии. Там на улицах и площадях людей, приветствующих Горбачева, было не меньше, но обстановка и настроение были совсем другими: никакой скованности и отчужденности, спонтанное проявление чувств, открытые лица людей.

Еще больший дух казенщины, заорганизованности, какого-то внутреннего напряжения царил на митинге румыно-советской дружбы.

Огромный зал был плотно набит крепкими молодежьими мужчинами однообразного типа, четко реагирующими на сигналы из Президиума, которые, как я сам заметил, сидя в зале, подавались членом Политбюро, секретарем ЦК по оргвопросам. По этим сигналам все дружно вскакивали, и зал оглашался тем же «Чаушеску – Горбачев!».

В своей речи на митинге в соответствии с нашим замыслом Горбачев высказал все, что хотел довести до сведения румынского общества. Он достаточно сдержанно, но объективно оценил состояние советско-румынских отношений, отметил достижения дружественной страны, но обошелся без традиционного славословия в адрес руководителя страны пребывания. А основное внимание было уделено проблемам советских преобразований с акцентом на актуальные для румынской ситуации моменты.

«Мы ставим цель, – сказал Горбачев, – приблизить демократизацию к человеку, чтобы у каждого члена нашего общества были реальные гарантии защиты своих законных прав и интересов, чтобы каждый чувствовал себя не простым винтиком государственной машины, а деятелем и творцом, сознательно и заинтересованно включался в борьбу за осуществление высоких целей».

В этой связи было отмечено значение самоуправления трудовых коллективов, выборов хозяйственных руководителей, утверждения экономических методов управления, совершенствования институтов социалистической демократии, реального повышения роли выборных органов, их контроля над аппаратом.

Особо была подчеркнута важность работы по развитию гласности, с которой начался процесс обновления в нашей стране и которая служит тому, чтобы этот процесс не застопорился где-нибудь на полпути. «Если какие-то недостатки замалчиваются, – отметил советский гость, – они потом неизбежно нарастают.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Полуправда хуже дурмана. Она может на время приглушить, загнать вглубь болезненные явления, но не излечивает их, а значит, мешает нормальному здоровому развитию. Это касается и современных проблем, и интересов нашего общества. И там и здесь нам нужны правда, единство слова и дела, честность и открытость в политике. Вот в чем мы видим ключ к решению стоящих перед нами непростых задач».

Горбачев говорил и о наших усилиях по обновлению методов и стиля партийной работы, утверждению атмосферы активного поиска, коллегиальности, открытости в выработке решений, значении подлинной выборности руководителей различного уровня.

Большое внимание он уделил соотношению экономики и социальной политики, недопустимости пренебрежения социальными проблемами, оставления их на потом, тому, чтобы производственные задачи решались в неразрывной связи с удовлетворением жизненных нужд трудящихся, подчеркнул необходимость деликатности и чуткости при решении национальных проблем.

Были подняты и многие другие вопросы, изложены наши взгляды на понимание путей развития, интеграции в рамках СЭВ, усиление научно-технического сотрудничества, рассмотрены основные внешнеполитические проблемы, вопросы координации внешнеполитических усилий всех стран Варшавского Договора.

Не было в речи одного – поддержки и славословия Чаушеску. И это, конечно, не мог не заметить румынский вождь. Несмотря на бурные выкрики зала, мощный хор мужских голосов, он пришел в мрачное расположение духа, которое не изменилось и в ходе торжественного концерта, выдержанного в официальном духе.

А вылилось это позднее, вечером, когда Николае и Елена Чаушеску пригласили чету Горбачевых к себе в резиденцию на ужин, затянувшийся далеко за полночь.

Как мне потом рассказали Михаил Сергеевич, а также работник отдела Рембиевский, выполнявший роль переводчика, эта «дружеская встреча» прошла в острейшей дискуссии. Я думаю, в мемуарах Горбачева она будет подробно освещена. Одно могу сказать, что в плоскости перепалки разговор перешел не по инициативе советского гостя. «Задирался» сам хозяин, пребывавший в мрачном состоянии, не услышав от Горбачева на митинге, транслировавшемся на всю страну, признания авторитета румынского вождя и успехов, достигнутых под его руководством, и усмотрев в речи Горбачева недвусмысленные намеки на порядки в Румынии.

Уже в начале встречи Чаушеску, воспользовавшись каким-то предлогом, упрекнул Горбачева в том, что он слишком много занимается международными проблемами и якобы мало внимания обращает на вопросы внутренней политики. Горбачев ответил на это, что Чаушеску, видимо, плохо или недобросовестно информирован о положении в Советском Союзе и работе советского руководства. В связи с этим была дана и общая оценка постановки информации о Советском Союзе в Румынии, об ограничении контактов с советскими людьми по всем линиям. В чем тут дело? Не в том ли, что Чаушеску опасается за свое положение в стране?

Разговор коснулся и оценок исторических событий прошлого, в том числе событий, связанных с культом личности Сталина. Речь шла и о процессах демократизации, но действительной, а не бутафорской.

Короче говоря, произошла острая схватка по самым животрепещущим вопросам. Она выявила диаметрально противоположный подход двух руководителей к решению этих вопросов.

Здесь хотелось бы сделать одно отступление. Эпизод, о котором идет речь, подтверждает абсолютную несостоятельность измышлений недоброжелателей Горбачева о том, что он поддерживал якобы дружеские и чуть ли не сердечные отношения с румынским диктатором. Напротив, их разделяла глубокая пропасть.

Следуя провозглашенному принципу взаимоотношений между странами, Горбачев никогда не позволял себе открыто вмешиваться во внутренние дела других государств, но в неофициальной обстановке и особенно когда эти вопросы поднимались не по его инициативе, он занимал совершенно определенную и четкую позицию в самых главных вопросах сегодняшнего дня: каким быть

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org обновленному обществу? Какие преобразования назрели? По какому пути должно идти развитие наших стран?

Встреча завершилась все-таки на миролюбивой ноте. Но свой след в отношениях между двумя руководителями она оставила неизгладимый.

Да и весь визит внешне прошел нормально. Как и предполагалось, «перетягивание каната» по вопросу о совместном коммюнике продолжалось до момента его подписания высшими руководителями.

Секретарь ЦК по международным вопросам Стоян и сотрудники Международного отдела, с которыми эту работу пришлось вести, почти открыто говорили, что связаны по рукам и ногам и, понимая уязвимость тех или иных амбициозных формулировок, не могут их изменить, потому что над всеми надзирает сам высший руководитель.

В отношении оценок внутреннего развития двух стран пришлось поступить так. Предложили румынам сформулировать свою часть коммюнике на основе того, что говорил об этом Чаушеску Горбачеву, а мы со своей стороны сформулировали то, что говорил Горбачев румынскому руководителю о советской перестройке, а затем соединили все это в один документ. Поэтому и получилось так, что в Румынии осуществляются «глубокие революционные преобразования», «творчески применяются к конкретным условиям всеобщие закономерности и истины научного социализма», а деятельность РКП «направлена на неуклонное выполнение программы создания всестороннего, развитого социалистического общества и продвижения Румынии к коммунизму».

Что касается советско-румынских отношений, то намерения сторон по этому вопросу были сформулированы в очень общей форме, а в практической работе мало что изменилось. Так, например, договоренность об установлении связей между Москвой и Бухарестом как городами-побратимами, а Ростовской области с уездом Олт так и остались на бумаге.

Очень ограниченный результат дало и соглашение об обмене дополнительными списками товаров для взаимной торговли, ибо румынами проводилась прежняя линия – навязать нам готовую продукцию румынского производства, особенно машиностроительную, не отличающуюся высоким качеством.

Таким образом, визит не внес каких-либо крупных сдвигов в советско-румынские отношения, но выявил серьезные различия в позиции руководителей двух стран.

И в дальнейшем они развивались под знаком активного стремления с нашей стороны расширить и углубить живые контакты между нашими народами и сдержанного отношения к этому со стороны Чаушеску.

Противоречия обостряются

В том же году Чаушеску принимал участие в торжественном заседании в Москве по случаю 70-летия Октябрьской революции. Выступая на торжественном заседании, он почему-то горячился, форсировал голос, восхвалял успехи Румынии, декларировал и поучал. Отличился он и на встрече левых сил и движений, состоявшейся в те дни в Москве, побив все рекорды продолжительности выступления, которое и на этот раз при внешней многозначительности оказалось малосодержательным.

В декабре – новый каприз Чаушеску. В довольно решительной форме он отказался приехать в Берлин на встречу Горбачева с руководителями социалистических стран, состоявшуюся на его обратном пути из Вашингтона. Но покапризничав и покуражившись, Чаушеску все-таки оценил обстановку и приехал.

В начале февраля в результате сильного снегопада и обледенения на территории Одесской области рухнула опора высоковольтной линии электропередачи, по которой электроэнергия подавалась в Румынию. Это до крайности обострило проблему энергоснабжения страны и без того достаточно сложную.

Из Бухареста через нашего посла Тяжельникова шли сигналы бедствия. Вместе с зампредом Совмина СССР Щербиной пришлось заниматься этим вопросом, добиваться принятия экстренных мер по оказанию помощи Румынии. Была

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org обеспечена временная подача энергии в соседнюю страну по другим каналам и сравнительно быстро восстановлена разрушенная линия.

К 1988 году относится серьезное осложнение румыно-венгерских отношений вокруг вопроса о венгерском национальном меньшинстве в Румынии. Ситуация для нас была довольно деликатной. Мы не могли позволить втянуть себя в этот конфликт на чьей-то стороне. Должны были строго придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела других стран и вместе с тем не могли отступить от принципа приоритета прав человека, признания недопустимости какой-либо дискриминации людей по национальному признаку. Наша позиция состояла в том, что это вопрос двусторонних отношений и в этих рамках должно быть найдено решение, но с учетом общепризнанных принципов международного права.

Мы приветствовали румыно-венгерскую встречу на высшем уровне – между Н. Чаушеску и К. Гросом. Каждая из сторон стремилась использовать ее в своих интересах: Чаушеску, например, доказывал, что румынский социализм самый лучший, критиковал Венгрию за увлечение частным сектором, высказывал пренебрежительное отношение к перестройке. Венгерская же сторона, естественно, делала упор на защиту прав венгерского национального меньшинства в Румынии. Хотя встреча и не дала больших реальных результатов, сам факт ее проведения имел положительное значение.

В октябре 1988 года состоялся ответный визит Чаушеску в Москву. В это время я перешел на другое направление работы, возглавив идеологическую комиссию ЦК КПСС, и не занимался детально этим визитом. Но по информации коллег могу сказать, что переговоры вращались вокруг тех же вопросов и велись примерно в том же духе, что и в ходе визита Горбачева в Бухарест. С принятием декларации опять ничего не вышло, ибо крупных конструктивных подвижек во взаимоотношениях двух стран достигнуто не было, и декларация оказалась бы снова малосодержательной, свелась бы к общим заявлениям, за которыми ничего не стоит.

С румынами мне вновь, уже в новом качестве, пришлось вступить в контакт в последующий период. Дело в том, что возникла идея разработать и принять план идеологического сотрудничества двух партий и таким путем попытаться придать импульс нашим отношениям, выйти из жестких рамок и ограничений, связанных с румынской позицией, хотя особых иллюзий на этот счет мы не питали. К этому времени был и прецедент – соглашение с ПОРП по сотрудничеству в области надстройки – идеологии и культуры, а Чаушеску ни от кого и ни в чем не хотел отставать.

Начался трудный процесс составления такого плана. Наша линия была выражена четко и недвусмысленно: «Идти так далеко, как к этому готова румынская сторона». Мы воспроизвели и старые, ранее не реализованные предложения, выдвинули и новые идеи. А румынская сторона занимала прежнюю уклончивую позицию, делала акцент на общие положения и уходила от конкретных вопросов.

Так румыны и на этот раз не дали согласия на наше предложение об открытии на взаимной основе в Москве и Бухаресте информационно-культурных центров или хотя бы библиотек, подобных тем, которые имеют в Бухаресте западные державы. Не отреагировали они и на наше предложение о проведении совещания-семинара по вопросам развития связей по линии местных органов.

Но некоторые подвижки все же удалось сделать: договорились, например, о создании двусторонней комиссии по общественным наукам по типу советско-польской комиссии историков, но с более широким спектром проблем. Для румын это было довольно лестно и, как считали, вписывалось в настойчивые предложения Чаушеску о коллективном обсуждении актуальных проблем современности, в которых, по его мнению, наблюдались отклонения от марксизма-ленинизма. Для нас это представляло интерес с точки зрения контактов с румынскими учеными.

Проект плана идеологического сотрудничества в конце концов был согласован, и в соответствии с приглашением румынской стороны я как секретарь по идеологии и председатель идеологической комиссии ЦК КПСС совершил 30-31 января 1989 г. поездку в Бухарест для его подписания.

По прибытии в румынскую столицу состоялись переговоры с румынским коллегой Олтяну, секретарем по идеологии, членом Политисполкома ЦК РКП. Информация об этом человеке была не вполне ясная, противоречивая, но все же скорее

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org позитивная. Раньше он занимал такой ключевой пост в румынском руководстве как первый секретарь Бухарестского горкома партии, а до этого был министром обороны.

Я надеялся встретить в его лице серьезного партнера и рассчитывал, что удастся в последний момент продвинуться по пути наполнения нашего плана конкретным содержанием. Но первая же встреча принесла разочарования. Оказалось, что это робкий, несамостоятельный деятель, не имеющий своего лица. И из того, что он говорил, ничего существенного уловить не удалось. Мои попытки выйти на обсуждение проблем, связанных с идеологическим сотрудничеством, к успеху не привели. Стало ясно, что Олтяну в идеологической сфере выполнял чисто марионеточную роль. В конце концов у меня исчез интерес к нему.

Встретился я и со своим прежним коллегой по международным делам Ионом Стояном. Хотя он занимал менее видное место в румынской иерархии, диалог с ним оказался более интересным и острым. В течение всего вечернего застолья между нами шла пикировка в откровенной, но достаточно деликатной форме.

Началось с того, что я попросил его прокомментировать позицию Румынии на переговорах по запрещению химического оружия, для нас совершенно непонятную и по существу обструкционистскую.

Мой партнер развивал тему о том, что, дескать, по ряду вопросов Советский Союз движется чуть ли не вслед за Румынией – в отношении Китая, Ближнего Востока и даже по проблеме разоружения. Не преминул он затронуть и венгерскую тему, по-видимому, желая вызвать меня на критику. Стоян поинтересовался моим мнением о заявлении Пожгаи о том, что в 1956 году в Венгрии была не контрреволюция, а национальное движение. Одним словом, разговор со Стояном был непростой, но с ним можно было вести содержательный и интересный диалог.

По моему желанию состоялось посещение румынской Академии общественных наук им. Штефана Георгиу, где я бывал и раньше в бытность ректором Академии общественных наук.

На встрече были представлены весь руководящий состав академии, ведущие ученые и преподаватели во главе с ректором академии, членом Политисполкома ЦК РКП, известным в Румынии писателем Д. Попеску. С ним я встречался и раньше. В зале я увидел немало других знакомых лиц, в том числе и бывшего посла Румынии в СССР Георге Бадруса, которого я хорошо знал еще со студенческих лет в Ленинградском университете. Он учился на курс ниже меня в одной группе с моей супругой и пользовался среди студентов безупречной репутацией, как человек глубокий и открытый.

В своем приветственном выступлении Попеску говорил о проблемах внутренней и внешней политики Румынии, не выходя за пределы традиционных представлений и оценок, даваемых Чаушеску, но в гораздо лучшей литературной форме.

Произошел такой эпизод. Затронув вопрос об опасности чрезмерной дифференциации доходов людей в связи с переходом к рыночным отношениям, об углублении социальных различий, Попеску сослался на ситуацию в Китае, дав, по сути дела, ей критическую оценку. Увлечись логикой своих рассуждений, он, видимо, забыл о том, что Румыния всегда ревностно подчеркивала свое неприятие критики в адрес любой социалистической страны и в особенности в отношении Китая.

Тут я не удержался от иронической реплики: «Товарищ Попеску, Вы начинаете критиковать третью страну. С этим мы решительно не согласны и заявляем протест».

Это было встречено взрывом хохота всех присутствующих: даже застегнутые на все пуговицы румыны не могли удержаться от такой реакции. Для разрядки я добавил: «Но мы обещаем не передавать китайцам об этой критике».

В своем выступлении я постарался в достаточно развернутом виде представить взгляды советского руководства на актуальные проблемы сегодняшнего дня, высказаться по узловым вопросам реформирования нашего общества. На память я оставил в академии новый учебник по политической экономике, подготовленный авторским коллективом под моим руководством и только что вышедший из печати.

Главным моментом визита стала моя встреча с Николае Чаушеску 31 января 1989 г. Внешняя сторона приема с ее процедурами, протокольными деталями, призванными подчеркнуть величие и загадочность личности Чаушеску, была мне хорошо знакома. Еще примерно десять лет тому назад мне довелось быть у Чаушеску, когда он принимал участников совещания ректоров учебных и научных учреждений правящих партий социалистических стран. Тогда нас всех завели вначале в один, потом в другой зал, выстраивали то так, то этак, туда-сюда сновали какие-то люди, перешептываясь друг с другом, и, наконец, в зал торжественно вошел сам руководитель. Величественно поздоровался, а затем произнес свою, неторопливую и полную напыщенного достоинства речь.

Вспомнил я спектакль, который Чаушеску устроил во время визита Горбачева, а также повышенный интерес румын к ритуальной стороне визита Чаушеску в Москву.

На этот раз зритель спектакля был в единственном числе, но нагнетания значимости соприкосновения с величием и сейчас было хоть отбавляй.

Что касается содержания беседы, то оно, как мне кажется, довольно точно отражало настроения Чаушеску в этот период, стиль и характер отношений между нашими партиями, хотя и наши представления по ряду вопросов с тех пор претерпели эволюцию. Привожу запись беседы с небольшими сокращениями.

Моя беседа с Чаушеску

МЕДВЕДЕВ. Передаю вам привет от М.С. Горбачева и других членов советского руководства.

Хочу высказать удовлетворение переговорами по идеологическому сотрудничеству с РКП и подписанием плана идеологического сотрудничества между КПСС и РКП на 1989-1990 годы. В плане подтвержден достигнутый уровень сотрудничества между нашими партиями и сделано определенное продвижение вперед. В частности, мы придаем большое значение созданию двусторонней комиссии по общественным наукам и выражаем надежду, что сотрудничество в этой области получит дополнительный импульс.

Вместе с тем было бы целесообразным продолжить переговоры по созданию информационно-культурных центров на взаимной основе в Москве и Бухаресте, а если оно покажется сложным, то на первом этапе создать библиотеки и читальные залы, тем более что такую форму работы Румыния практикует с рядом других стран. Требуется оживление деятельности обществ дружбы между народами наших стран, которая до этого во многом носила формальный характер.

Одним словом, мы готовы развивать идеологическое сотрудничество и идти так далеко, как к этому готова румынская сторона.

ЧАУШЕСКУ. Так же как и вы, мы желаем, чтобы все намеченное в соответствии с договоренностями на высшем уровне было выполнено полностью. Мы – за расширение сотрудничества во всех областях: в политике, идеологии, культурной жизни.

Что касается обсуждаемых нами идеологических проблем, то они очень сложные и масштабные. В области общественных наук, идеологии, социалистического и коммунистического строительства жизнь поставила много проблем, которые необходимо решить. Без сомнения, нам необходимо обмениваться мнениями, проводить дискуссии по различным направлениям. Этого требуют перспективы дальнейшего развития социализма.

Не намерен говорить о тех формах, которые мы используем для решения проблем социалистического строительства – они вам известны. Я всегда считал, что они должны исходить из общих законов и принципов научного социализма, совершенствоваться в соответствии с новыми реальностями, развитием науки, производительных сил. Наша революционная концепция исходит из того, что нет ничего вечного, что все должно развиваться по объективным законам и в соответствии с социально-экономическими условиями.

Но нас беспокоит, что под видом совершенствования социализма в некоторых странах принимается ряд мер, означающих, по нашему мнению, отступление от социалистических принципов развития общества. Конечно, совершенствование управления, планирования, хозрасчета, самоуправления является объективно

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org необходим. Но переход средств производства из рук рабочего класса в руки частных владельцев, по нашему мнению, ни в коем случае не равнозначен совершенствованию принципов самоуправления и хозрасчета.

Мы считаем, что подобные фундаментальные проблемы социалистического строительства заслуживают серьезного обмена мнениями.

Имеются и другие вопросы, которые обсуждаются и в социалистических странах, и на мировой арене. К примеру, о природе империализма. В последнее время часто ставятся вопросы о том, сохранили ли тезисы Ленина об империализме свою актуальность. Понятно, что время, в которое жил Ленин, коренным образом отличается от современного этапа. Многое изменилось, в том числе и в самом империализме. Однако ставить вопрос так, как некоторые это делают, – существует или не существует сегодня империализм, – на наш взгляд, неправильно.

Много споров в последнее время идет вокруг вопроса о роли рабочего класса, хотя, казалось бы, события последних месяцев в ряде западных стран уже дали ответ тем, кто считает, что рабочий класс уже сошел с исторической сцены как революционная сила.

МЕДВЕДЕВ. Что вы имеете в виду?

ЧАУШЕСКУ. Я имею в виду всеобщую забастовку в Испании, крупные выступления рабочего класса во Франции, в Западной Германии и в некоторых других странах.

Поднимается и такой вопрос: в состоянии ли сегодня национально-освободительные движения, бывшие колониальные страны играть важную роль в международной жизни после ликвидации в общих чертах колониализма, господства бывших метрополий?

Что произошло в соревновании между социализмом и капитализмом? Высказываются мнения, будто бы капитализм продемонстрировал свое превосходство над социализмом, а социализм показал свою неспособность разрешить жизненно важные вопросы человечества. Встречаются люди и в социалистических странах, которые это утверждают. Были такие люди и в прошлом. История их вывела из рядов революционеров, и они плачевно кончили. Наверное, то же самое будет и на этот раз.

Ситуация в капиталистическом мире отнюдь не такова, чтобы сделать вывод, что капитализм проявил свое превосходство. Он обладает еще большими силами и ресурсами, в частности продолжая капиталистическую эксплуатацию развивающихся стран. То, что раньше достигалось колониальным грабежом, капиталистам удается сегодня экономической, финансовой политикой, крупными процентными ставками. А это обеспечивает определенный уровень жизни в странах капитала.

Официальные данные свидетельствуют, что безработица носит хронический характер. Катастрофически не хватает жилья. В некоторых капиталистических странах 30–40% молодежи не находит себе работу. Это, безусловно, свидетельствует об одностороннем понимании реальностей капиталистического мира некоторыми людьми, которые потеряли веру в силу социализма, рабочего класса, веру в прогрессивные силы современности.

Конечно, мы никогда не были в числе тех, кто утверждал, что социализм строился без недостатков, ошибок и даже произвола. Но мы не ставили знак равенства между этими извращениями социализма и его научными принципами.

Есть страны, где уже ставится вопрос: а необходима ли вообще коммунистическая партия? Конечно, каждый вправе поставить любой вопрос.

МЕДВЕДЕВ. Отдельные голоса могут быть, но их нельзя считать мнением коммунистических партий,

ЧАУШЕСКУ. К сожалению, и среди руководства социалистических стран имеются такие люди, делаются публичные заявления в таком духе, и это не секрет.

В международном плане развертывание широкой антисоциалистической кампании, финансируемой реакционными кругами, требует, чтобы мы подходили к этим вопросам со всей серьезностью и ответственностью перед нашими народами и

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org социализмом в целом.

Мы считаем, что наши страны должны найти пути сотрудничества, чтобы способствовать преодолению ряда временных трудностей, которые возникли в социалистическом строительстве, чтобы продвинуть его дальше во всех наших странах.

Я предложил Горбачеву, Политбюро ЦК КПСС как можно быстрее встретиться на уровне генеральных и первых секретарей для свободного обмена мнениями по актуальным вопросам развития социализма. Конечно, мы понимаем, что каждая партия сама вырабатывает независимо свою политику в соответствии с реальностями, действующими в той или иной стране. Но обмен мнениями, общие дискуссии по проблемам совершенствования социалистического строительства мы считаем необходимыми и важными.

Я перечислил только некоторые аргументы в пользу встречи генеральных секретарей братских партий для свободного, широкого обмена мнениями, встречи, которая не обязательно должна завершиться принятием какого-либо коммюнике, но которая должна обсудить эти жизненно важные вопросы для всех соцстран.

Конечно, можно обсуждать эти проблемы и в средствах массовой информации, в печати. Это тоже путь, и надо использовать его для укрепления взаимопонимания и сотрудничества.

МЕДВЕДЕВ. Этому должны служить и дискуссии обществоведов. Создание совместной комиссии обществоведов в этом отношении будет полезно.

ЧАУШЕСКУ. Создание совместной комиссии обществоведов (то, что мы согласовали) может действительно послужить обсуждению ряда теоретических и идеологических проблем социалистического строительства. Но, как всегда это было не только в коммунистическом движении, но и в развитии человечества, фундаментальные проблемы могут быть уяснены лишь путем вовлечения лучших сил во всех областях. Поэтому мы считаем, что наше партийное руководство должно встретиться и обсудить эти вопросы.

Что касается нас, мы готовы участвовать в этом и на многосторонней, и на двусторонней основе.

МЕДВЕДЕВ. Согласен, что на нынешнем этапе социалистического строительства действительно накопилось много проблем, которые ждут своего решения. И такое решение возможно лишь на основе сочетания проверенных историческим опытом марксистско-ленинских методологических подходов с тщательным учетом современных реалий, разнообразного опыта братских стран. Оно требует коллективных творческих поисков и коллективного обсуждения возможных путей решения возникших проблем.

Мы в КПСС и Советском Союзе ведем такой поиск во имя того, чтобы придать социализму новые, самые современные формы и необходимый динамизм.

Возьмем, например, проблему социалистической собственности. Она открывает огромные возможности для современной организации общественного производства, осуществления крупных научно-технических программ, структурных сдвигов в экономике, создания рациональной системы управления. В то же время формы социалистической собственности должны быть такими, чтобы не допускать отчуждения человека от средств производства, ставить его в реальное положение хозяина производства, создавать мощные стимулы в улучшении конечных результатов деятельности.

Сейчас в процессе радикальной экономической реформы мы подошли к решению этой самой главной проблемы, без которой социалистической экономике не может быть придана необходимая динамика. И решаем мы эту проблему через такие экономические формы, как полный хозрасчет, аренда, подряд, кооперация.

Мы считаем, что эти формы не только не противоречат социализму, а, наоборот, позволяют полнее выразить его суть, преодолеть известную отчужденность человека от средств производства, изжить психологию уравнительности и иждивенчества. Они позволяют дать мощный импульс росту производительности труда, что, как известно, является главным условием утверждения нового общественного строя.

Речь здесь вовсе не идет о каком-то раздроблении общественного производства, передаче его в руки отдельных лиц. Хотя в ряде сфер полезны и индивидуальная трудовая деятельность, и семейный подряд. Новые формы применимы и к крупному производству. Можно сослаться на пример Сумского производственного объединения в химическом машиностроении. Коллектив этого предприятия решил взять его в аренду, то есть взять на себя всю полноту ответственности за производственную деятельность при условии определенной платы государству. Это, по сути дела, есть хозрасчет в его наиболее полном и последовательном применении.

ЧАУШЕСКУ. Для нас аренда связана с определенным негативным историческим контекстом. Аренда ассоциируется в наших представлениях с формами эксплуатации крестьянства. К примеру, крупное крестьянское восстание 1907 года в Румынии было направлено не против помещиков, а против арендаторов, потому что именно арендатор еще больше ужесточил эксплуатацию крестьянства.

МЕДВЕДЕВ. Хорошо известен ленинский анализ аренды в сельском хозяйстве старой России. Но речь ведь не об этом. Дело не в термине. Речь идет о новом, социалистическом содержании аренды.

ЧАУШЕСКУ. Вы говорили о Сумском объединении. Мы решаем эти вопросы иначе. Мы весь завод на основании договора передаем трудовым коллективам. Трудящиеся отвечают за управление и хорошее ведение дел. Помимо зарплаты, которую в соответствии с принципами коллективного подряда получают рабочие, мы внедрили такую форму, как участие в прибылях. Часть этой суммы остается коллективу и распределяется в соответствии с вкладом каждого члена коллектива и всего коллектива в целом.

Кроме того, мы внедрили и другую форму – участие в фонде развития предприятия. Весь рабочий персонал может вложить средства в этот фонд как своего рода социальный взнос. Вся эта сумма остается в собственности членов коллектива. Однако она не может превысить 30% от всей стоимости основных фондов предприятия... Я могу вам сказать, что в числе тех, кто внес эти социальные взносы, и президент страны.

МЕДВЕДЕВ. Да, я слышал, что вы стали одним из первых акционеров в стране. То, что вы сказали о передаче заводов коллективам, напоминает аренду. Конечно, есть и различия. Сейчас у нас эти формы апробируются, но мы считаем, что перспективы оживления социалистической экономики связаны именно с развитием аренды, кооперации, хозрасчета, коллективного подряда.

ЧАУШЕСКУ. В СРР используется и ряд других форм, в частности кооперация ремесленников.

МЕДВЕДЕВ. У нас в процессе перестройки идет серьезный теоретический и практический поиск и в совершенствовании нашей политической системы. И здесь назрели большие и серьезные перемены, без которых, к стати говоря, невозможно довести до конца и радикальную экономическую реформу, поскольку дело касается роли человека в обществе, его социальных и политических функций. В принципе советская власть – это власть народа. Но на практике, в реальном политическом и общественном процессе роль человека была принижена. Он оказался отстраненным от реального участия в принятии решений и в этом смысле в определенной мере отчужденным от политической власти.

Сейчас мы это поправляем, приступив к реформе политической системы. Осуществляются серьезные изменения в содержании, стиле и методах работы партийных организаций, завершается реорганизация партийного аппарата, с тем чтобы он был всецело подчинен обеспечению роли партии как политического авангарда. В новой, более демократической обстановке прошла отчетно-выборная кампания в партии.

По новому избирательному закону ведется подготовка к выборам народных депутатов. Уже сейчас видно, насколько глубоко здесь изменения. Кое-кто вначале критически отнесся к выборам депутатов от общественных организаций. Но какой взрыв общественной активности произошел на деле в связи с этим! Некоторые общественные организации просто не узнать.

Мы отказались от прежней системы рекомендации кандидатов в депутаты сверху, предоставили полные возможности для инициативы снизу. И могу сказать, что выдвижение кандидатов снизу оказалось в подавляющем большинстве случаев

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org взвешенным и обоснованным как по территориальным округам, так и от общественных организаций.

Доля коммунистов среди выдвинутых кандидатов в депутаты даже возросла – до 80% и выше. Правда, несколько снизился удельный вес рабочих и колхозников. И тут есть над чем поразмышлять.

ЧАУШЕСКУ. У нас тоже выдвигается больше кандидатов на выборах народных депутатов, но я не понял, как определяется порядок и как выдвигаются кандидаты от ЦК КПСС.

МЕДВЕДЕВ. В соответствии с новым законом о выборах кандидаты в народные депутаты от партии выдвинуты и будут избираться на расширенном пленуме ЦК КПСС. Но предложения по кандидатам в депутаты выдвигаются снизу, начиная с первичных организаций. Затем они рассматриваются на уровне районных, городских, областных и других партийных организаций.

Есть и другой путь – партийные организации могут направить свои предложения по кандидатам в депутаты непосредственно в центральные руководящие партийные органы.

На пленуме ЦК КПСС мы как раз рассматривали кандидатуры, выдвинутые по этим двум каналам, и определили число кандидатов от ЦК, которые будут включены в избирательный бюллетень.

ЧАУШЕСКУ. Значит, они будут избираться пленумом ЦК, хотя и в расширенном составе, а не непосредственно народом. По-моему, это не самый демократичный способ. Эта форма использовалась несколько сот лет тому назад, когда применялась цеховая система выборов.

Мы делегируем от ЦК определенное число кандидатов, которые избираются на общих основаниях со всеми другими. Мы считаем, что в нашей системе кандидаты в депутаты, а затем и депутаты подотчетны народу, несут большую ответственность перед ним.

МЕДВЕДЕВ. О степени демократичности выборов руководящих работников по тому или иному варианту можно, конечно, подискутировать. Я что-то не помню случая, когда рекомендованные сверху руководители на выборах в местных округах испытывали большие волнения по поводу исхода выборов. Думаю, ответственность депутатов из числа партийных руководителей не меньше, когда его выбирают кандидатом в депутаты его коллеги по ЦК на пленуме, которые лучше знают его политические и деловые качества.

ЧАУШЕСКУ. Это уже конкретные вопросы, которые требуют специального обсуждения.

МЕДВЕДЕВ. Теперь о вашем предложении по встрече руководителей братских партий социалистических стран, которое вы передали через нашего посла.

Мне поручено сообщить следующее. Мы разделяем заинтересованность в проведении встречи на высшем уровне. Действительно, в развитии соцстран и их взаимодействии накопилось немало проблем, требующих коллективного обсуждения. У всех у нас есть свои наблюдения и суждения на этот счет.

Мы полагаем, что такая встреча должна быть не формальным актом, а серьезным шагом в укреплении и углублении нашего сотрудничества, а потому должна быть хорошо подготовлена. С учетом характера возникающих проблем, по-видимому, было бы целесообразно вначале обменяться мнениями секретарям ЦК братских партий по экономическим вопросам и секретарям по идеологии. После этого можно было бы провести встречу генеральных и первых секретарей братских партий.

ЧАУШЕСКУ. Я лично думаю, что ни секретари по экономике, ни секретари по идеологическим проблемам, хотя я очень высоко ценю их встречи, не могут решить вопросы кардинальной важности для судеб социализма. Чем позже мы проведем встречу на высшем уровне, тем больше накопится отрицательных явлений в практике социалистического строительства.

Конечно, такую встречу можно организовать только при общем согласии всех стран. Насколько мне известно, руководители других партий социалистических стран также считают, что скорейшее проведение такой встречи было бы очень

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org полезным и необходимым. У нас нет особых проблем в Румынии, и не поэтому мы настаиваем на проведении этой встречи.

Летом предстоит очередное совещание ПКК в Бухаресте. В рамках таких совещаний проходят наши рабочие встречи. Считаю, что столь серьезные вопросы должны быть обсуждены специально, а не в коротком промежутке времени «между двумя самолетами». Поэтому необходима особая встреча руководителей социалистических стран до совещания ПКК в Бухаресте.

МЕДВЕДЕВ. Ваша позиция по этому вопросу будет доведена до сведения Горбачева, Политбюро ЦК КПСС.

Конец режима

Встреча в Бухаресте и эта почти двухчасовая беседа с Чаушеску подтвердили, что у румынского руководства усиливается критическое отношение к процессам обновления в Советском Союзе и в других социалистических странах. Стало ясно, в его взглядах и позициях произошла определенная метаморфоза. Причем поворот в некоторых вопросах чуть ли не на 180 градусов.

Раньше он выше всего ставил независимость стран и партий, назойливо и настойчиво твердил об их суверенитете, о недопустимости оценивать их деятельность. Теперь же румынский руководитель заговорил о необходимости исходить из общих закономерностей, основополагающих принципов марксизма-ленинизма. Более того, он стал претендовать на роль судьи, выносящего безапелляционные суждения о том, что в политике других стран соответствует, а что не соответствует принципам социализма. Как явствует из беседы, Чаушеску считал нецелесообразным обсуждение возникающих проблем в кругу ученых-обществоведов и даже секретарей ЦК по идеологии и экономике в деловом и научном планах. Он требовал вынести эти вопросы на высший политический суд, настойчиво предлагая как можно быстрее собрать для этой цели совещание первых партийных руководителей. Ясно, для чего это надо – осудить, заклеить и т. д.

Чаушеску стал обвинять другие партии и страны в отступничестве. Прежде всего стрелы летели в сторону Венгрии, но были довольно прозрачные намеки и на нас.

Эти мотивы в политике и в практических действиях румынского руководства усиливались все более. И вместе с тем росла изоляция румынского руководителя среди социалистических стран. Пожалуй, лишь с Хонеккером они находили общий язык на почве неприятия перемен, защиты консервативно-догматических позиций. Тем более что знали они друг друга еще со времени работы в молодежных организациях своих стран.

Росло неприятие Чаушеску в различных слоях румынского общества. То тут, то там вспыхивали забастовки и стихийные политические выступления трудящихся. Несмотря на жесткий идеологический контроль, критика режима Чаушеску раздавалась и со стороны авторитетных политических деятелей. Еще на XII съезде РКП с открытой критикой высшего руководителя, выступил один из старейших деятелей партии Константин Пырвулеску. Но его голос потонул в громком хоре прихлебателей и подхалимов. Расправился Чаушеску и с таким своим противником, весьма популярным уже в то время в стране, как Ион Илиеску. Был отправлен в дипломатическую ссылку и другой критик режима – Василе Патилинец, а по прошествии некоторого времени он погиб за рубежом в автомобильной катастрофе. Отказался вернуться в Бухарест и начал активную борьбу против Чаушеску бывший посол Румынии в США и постоянный представитель страны при ООН С. Брукан.

Не исключаю, что в Румынии было немало тех, кто надеялся на какое-то влияние или даже давление с советской стороны, чтобы изменить ситуацию в румынском руководстве. Позднее в печати даже появились сообщения о том, что Горбачев чуть ли не высказывал кому-то сочувственное отношение к планам замены Чаушеску.

Что можно сказать по этому поводу? Да, в отношениях и контактах с румынскими руководителями и самим Чаушеску с нашей стороны не было никакого примиренчества и оппортунизма. Но Горбачев четко придерживался им же самим провозглашенного принципа – не вмешиваться в дела других стран ни при каких условиях, никакими средствами – ни дипломатическими, ни какими-то иными. Эта линия неукоснительно проводилась и в отношении Румынии.

Я припоминаю, что одно время со стороны некоторых военных и других оппозиционно настроенных сил предпринимались попытки втянуть советское руководство во внутривнутриполитические дела. Такие сигналы через нашего посла подавал генерал-полковник Милитару, намекая, что движение против Чаушеску имеет довольно много сторонников среди военных, дипломатических и других кругов. По сути дела, ставился вопрос о поддержке усилий оппозиционных сил с советской стороны. Эти сообщения докладывались мною Горбачеву. Решение было – не давать на них ответа.

Финал румынской трагедии известен. Мощный шквал народного возмущения смел деспотический режим. Диктатор пал, но и перед бесславным концом он оставался верен себе, пытаясь подавить силой народное восстание, учинив кровавую бойню на улицах Бухареста и других городов. Вина за эти события, за многочисленные жертвы полностью лежит на Чаушеску и тех, кто его поддерживал, кто всеми силами сопротивлялся назревшим переменам.

Перемены в Румынии дорого обошлись стране и народу, но они открыли перед ней перспективы развития по демократическому пути.

Глава третья. Накануне югославской трагедии

Центробежные силы нарастают

Еще при жизни Тито выдвигались различные предположения и догадки, что произойдет с югославской федерацией, этой сложной, многонациональной страной после Тито. Ведь он олицетворял собой единство Югославии. Его авторитет, политическое влияние в стране и в мире служили немаловажным фактором стабильности этого государства.

Пожалуй, преобладающим было мнение, что без Тито государство вообще существовать не сможет и сразу же начнется раздрай, который неизбежно приведет к развалу федерации. Ведь в последние годы жизни Тито действие центробежных сил становилось все более и более ощутимым.

И тем не менее, несмотря на нарастание разногласий между республиками, в течение ряда лет послетитовского периода взрыва не произошло. Не произошло потому, что, конечно же, Югославское государство держалось не только на авторитете личности Иосипа Броз Тито. Были и другие объединяющие факторы.

Этническая общность большинства югославских народов скреплялась оригинальной политической и социально-экономической моделью общества – системой так называемого самоуправленческого социализма, которая соединяла в себе не утратившие популярности социалистические идеи с некоторыми национальными традициями славянских народов. Конечно, не все в ней было отработано, немало было показного и декларативного. Но все же это была определенная ценность, объединявшая и цементирувавшая общество. Вокруг нее была развернута большая идеологическая работа.

В свою очередь, система самоуправления держалась в значительной мере на объединяющей роли партии – Союза коммунистов Югославии. В рамках концепции самоуправленческого социализма в свое время были внесены существенные поправки в структуру партии, во внутривнутрипартийные отношения, но они не затронули основные принципы, определявшие роль партии в обществе и регулировавшие ее деятельность.

В югославском обществе по-прежнему сохранялась однопартийная система с демократическим централизмом, идеологической дисциплиной, довольно жестким партийным контролем за деятельностью государственных органов. Другие общественные организации – Социалистический союз трудового народа, профсоюзы, рабочие советы, несмотря на все усилия оснастить их атрибутами самостоятельности, по существу оставались «приводными ремнями» партии.

Главный парадокс и внутреннее противоречие системы югославского самоуправления состояли именно в том, что его принципы отторгали руководящую роль партии, но в то же время без партии оно было бы неосуществимо.

Так или иначе партия выступала гарантом государственного и общественного устройства страны.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
В этой связи нельзя не учитывать роли югославской народной армии, которая выросла из антифашистской национально-освободительной борьбы югославских народов, была своеобразным воплощением их единства. Пользуясь традиционным уважением в обществе, она также являлась в определенном смысле стабилизирующим фактором. Причем это была одна из сильнейших европейских армий.

Югославия еще при Тито нашла нишу и в системе международных отношений, отказавшись от участия в двух противоположных военно-политических блоках. В результате разрыва с Советским Союзом она, естественно, оказалась вне сформировавшегося в послевоенные годы советского военно-политического блока, но не вошла и в западный блок. Такая внеблоковая позиция сохранилась и после нормализации отношений с Советским Союзом в 1955 году.

Невхождение в блоки, равноудаленность от них, естественно, привели Югославию в Движение неприсоединения. Более того, Югославия стала одним из инициаторов и самых активных его участников, а Тито, наряду с Индирой Ганди, претендовал на роль неформального лидера этого движения. Несмотря на разнolikость стран, участвовавших в нем, тяготение одних к западному капитализму, а других к восточному социализму, оно в условиях противостояния двух блоков превратилось в довольно влиятельную политическую силу на международной арене.

Югославия как активный участник Движения неприсоединения завоевала немалый авторитет, который важен был и для внутренней общественно-политической консолидации.

Конечно же, среди международных факторов немаловажное значение имела заинтересованность Советского Союза и других соцстран в развитии Югославии как единого федеративного государства. Да и Запад в лице Соединенных Штатов Америки и западноевропейских стран не был до поры до времени заинтересован в ослаблении и разобщении Югославии.

В последний период жизни Тито готовились условия для того, чтобы создать некие коллективные структуры руководства страной. На основе представительства от республик и автономных областей, ротации их состава были реорганизованы высшие органы государственной власти и партийного руководства. В Президиуме СФРЮ было введено двухлетнее попеременное председательствование представителей республик. Для главы исполнительной власти установлен пятилетний ротационный срок. А в партийном руководстве введена даже ежегодная смена председателя Президиума ЦК СКЮ, избираемого из представителей союзов коммунистов республик.

Все это помогло сохранить стабильность политической ситуации в Югославии в течение примерно десятилетнего периода послетитовского развития. Однако проблемы югославского общества не были устранены, противоречия между республиками, связанные с особенностями их исторических судеб, религии и культуры, оставались, а различия в уровне жизни даже продолжали углубляться.

Югославия сильнее, чем другие страны Восточной Европы, была связана с мировым рынком. При благоприятной конъюнктуре это давало ей немалые выгоды, но зато любое ухудшение мировой экономической ситуации особенно больно задевало ее. Именно это и произошло в середине 80-х годов. Внутренние противоречия и проблемы страны стали все ощутимее сказываться, выходить на первый план.

На почве экономического недовольства, взрыва национальных чувств начались массовые выступления в автономной области Косово, населенной этническими албанцами. Стали нарастать сепаратистские настроения в Словении и Хорватии.

В конце главы мне еще предстоит вернуться к анализу причин, приведших позднее к трагедии распада югославской федерации. Но в начале второй половины 80-х годов, когда мне пришлось соприкоснуться с советско-югославскими отношениями, непосредственной угрозы такого распада не ощущалось.

Советско-югославские отношения в послетитовский период были довольно добротными и устойчивыми, правда, и каких-то заметных подвижек в их углублении не происходило. Советское руководство уже давно, со времен Хрущева, убедилось в тщетности да и ненужности попыток оторвать Югославию

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org от Запада и вернуть в советский блок. Напротив, стала признаваться полезная роль Югославии на международной арене, в Движении неприсоединения. Однако ставилась задача – постараться удерживать Югославию на антиимпериалистических позициях.

Советская перестройка, новое политическое мышление придали новые импульсы советско-югославским отношениям, расширению нашего экономического и политического сотрудничества. Обе стороны были искренне заинтересованы в углублении экономической интеграции, тем более что торгово-экономические отношения с Югославией уже давно строились на ценах мирового рынка и расчетах в свободно конвертируемой валюте, и тут ничего не надо было менять и перестраивать.

Советский Союз был наиболее важным экономическим партнером, на долю которого приходилось до 1/3 объема внешней торговли страны. Югославия получала из СССР значительное количество требующихся ей энергоресурсов и сырья, надежный рынок сбыта для своих промышленных товаров, независимый от экономической конъюнктуры в Европе и на мировом рынке. Но и для Советского Союза югославский рынок представлял интерес как с точки зрения размещения заказов, в частности в судостроении, так и в получении продукции сравнительно высокого качества.

В советско-югославской торговле были и свои трудности. У Советского Союза вследствие падения цен на энергоносители образовался долг по текущим платежам. К этому времени он превысил 1 млрд. долл. Особенность дисбаланса во взаимной торговле двух стран была в том, что он явился результатом чисто ценовых факторов при сохранении и даже увеличении физического объема товарных потоков, в чем были заинтересованы обе стороны.

Что касается политических отношений, то и здесь возникла благоприятная ситуация. Ведь новое мышление, выдвинутые Горбачевым подходы к изменению связей между социалистическими странами были вполне созвучны тем принципам, на которых уже в течение трех десятилетий практически строились отношения с Югославией.

Естественно, с нашей да, я думаю, и с югославской стороны учитывались и исторически сложившиеся глубокие чувства симпатии между народами наших стран, которые не были поколеблены годами взаимного отчуждения и вражды между политическими руководителями двух стран. Уже первые встречи и контакты Горбачева с югославскими руководителями Д. Балевским, М. Реновицей, Б. Круничем и другими наглядно продемонстрировали высокую степень взаимопонимания процессов современного общественного развития, внутренней и внешней политики наших государств.

У югославских деятелей был большой соблазн толковать новую политическую линию КПСС как подтверждение своего приоритета в разработке путей развития социалистических стран. Мы к этому относились спокойно, с пониманием того, что они действительно первыми поставили многие проблемы реформирования социализма. Да и сами югославы не очень-то выпячивали грудь вперед, видя, что управленческая система стала давать сбои, не избавляет от серьезных сложностей в экономическом, общественно-политическом развитии, и признавали необходимость ее серьезной корректировки.

В общественном же мнении Югославии на фоне обостряющихся проблем (внешний долг, безработица, национальный вопрос), особенно в сопоставлении с активностью и динамизмом перестроечных перемен в СССР, усиливалось критическое отношение к деятельности руководителей собственной страны. Стали выдвигаться настоятельные требования принятия более решительных мер, все громче стал звучать вопрос: почему же Югославия не берет пример с СССР?

Понимая значение советского фактора, югославы охотно шли на углубление наших отношений по государственной линии, включая военную, особенно это касалось поставок советского вооружения и снаряжения для армии. Более содержательными стали и межпартийные связи. Весьма примечателен тот факт, что председатель Президиума ЦК Союза коммунистов Югославии принял участие во встрече представителей коммунистических и других левых партий и движений, состоявшейся в Москве в дни празднования 70-летия Октябрьской революции. Раньше от участия в таких мероприятиях югославы отказывались.

Хорошие, деловые и тесные отношения у меня сложились с моим югославским коллегой, членом Президиума ЦК СКЮ М. Орландичем, который курировал в ЦК

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org СКЮ международные вопросы, а также исполнительным секретарем Президиума ЦК СКЮ С. Стояновичем, послом СФРЮ в Москве М. Верешем.

Любопытная деталь. Регулярно после пленумов ЦК и других крупных событий я приглашал к себе для доверительной беседы послов социалистических стран. На первую встречу был приглашен и посол СФРЮ. Вереш поблагодарил, но намекнул, что предпочел бы встретиться со мной отдельно. Даже в этом рутинном случае Югославия не хотела быть «одной из социалистических стран». Естественно, никакой проблемы тут не возникло, я встретился с Верешем в другое время, да и позднее такие встречи были довольно частыми, особенно в связи с подготовкой визита Горбачева в Югославию.

Посол передал мне послание югославского руководства Горбачеву с предложением нанести визит в Югославию еще весной 1987 года. Осуществить этот визит удалось лишь примерно через год. Это было связано не только с занятостью Горбачева и югославских руководителей, но и с тем, что визиту и та и другая стороны придавали особое значение. Потребовалась большая работа для его подготовки.

С самого начала возникла идея принятия советско-югославской политической декларации, которая, с одной стороны, подтвердила бы значение принципов отношений между двумя странами, зафиксированных в Белградской (1955 г.) и Московской (1956 г.) декларациях, ознаменовавших поворот в отношениях наших двух стран, а с другой – обобщила бы более чем 30-летний опыт нашего сотрудничества, новые реалии и новые подходы, вытекавшие из тогдашней политики советского и югославского руководства.

Мы со своей стороны имели в виду, что это хороший случай на высоком политическом уровне в официальном документе сформулировать наши общие принципы отношений между соцстранами, основанные на новом политическом мышлении. Советско-югославская декларация могла бы стать ключевым политическим документом в этой области.

Визит Горбачева, в нашем представлении, должен был продемонстрировать поддержку усилий белградского руководства, направленных на укрепление Югославского государства, как необходимого условия стабильности на Балканах и в Европе, да и в более широком политическом контексте.

Визиту предполагалось придать роль важного импульса и в дальнейшем развитии советско-югославских экономических отношений. Надо было найти решение проблемы нашего долга Югославии по внешней торговле, образовавшегося в связи с падением мировых цен на нефть. Кстати, это была первая ласточка надвигавшейся волны таких же проблем и с другими странами СЭВ. Просто там образование такого долга было отодвинуто во времени из-за применения мировых цен на нефть, усредненных за предыдущие пять лет. Югославии же нефть и нефтепродукты мы продавали по текущим мировым ценам.

При всей остроте этой проблемы нельзя было допустить, чтобы она отвлекла внимание от перспективных и принципиальных аспектов советско-югославских экономических отношений, и в первую очередь от перехода к широкомасштабной научно-технической и производственной кооперации. Поэтому условились о разработке и подписании в ходе визита долгосрочной программы экономического сотрудничества между двумя странами на период до 2000 года.

Над этими документами в течение нескольких месяцев и велась большая подготовительная работа. Мы предложили, чтобы югославская сторона взяла на себя представление первоначального проекта декларации, а затем работа над ней пошла на двусторонней основе. Долгосрочная программа экономического сотрудничества готовилась в рамках Советско-югославской межправительственной экономической комиссии, возглавляемой заместителями глав правительств И. С. Силаевым с нашей стороны и Я. Земляричем – с другой.

Возникли и некоторые протокольные сложности. Они были связаны с тем, что Горбачев представлял и государственное и партийное руководство, а в Югославии оно было разделено. Вначале югославы предложили (и их можно было понять) все содержательные и протокольные мероприятия проводить отдельно по государственной и по партийной линии, но это сильно усложняло программу. В дальнейшем удалось найти некие рациональные решения и по этому вопросу.

С Горбачевым в Белграде

С первых шагов визита, начавшегося 14 марта 1988 г., стала складываться товарищеская и, я бы сказал, непринужденная обстановка. Конечно, соблюдены были и все протокольные формальности, присутствовал и момент торжественности, но не было той напыщенности, суеты и искусственности, которые отличали визиты в некоторые другие страны, особенно в Румынию.

Не обошлось и без небольших организационных шероховатостей, но больше по вине нашего протокола. Так, при встрече в аэропорту я, уже сидя в машине, заметил, что Марко Орландич что-то обеспокоенно ищет, но не придавал этому значения: мало ли забот у хозяев. Оказывается, он должен был ехать со мной, но не нашел машины, так как номера были сняты. Дело в том, что впервые визит в социалистическую страну обслуживался мидовской протокольной службой. Раньше это делалось людьми из аппарата ЦК под руководством М. Киселева – заведующего сектором нашего отдела, который хорошо знал не только детали протокола и традиции, но и конкретных людей, и обычно все проходило без сучка и задоринки. На этот раз по настоянию Шеварднадзе (я согласился, что это действительно не дело партии) протокольную сторону визита вели мидовские товарищи. Отсюда и шероховатости, которые, впрочем, мало кому были заметны.

Разместили Горбачева в Дединье – престижном районе Белграда, в резиденции «Белый дворец», а нас с Силаевым поместили в особняке – в пяти минутах езды от «Белого дворца». Но мы только ночевали там, а все время были рядом с Горбачевым, вместе с ним обедали и ужинали, обсуждали ход визита и вопросы, возникавшие в процессе переговоров.

После официальных приветствий Горбачев пригласил провожавших нас до резиденции председателя СФРЮ Лазара Мойсова и председателя Президиума ЦК СКЮ Бориса Круничу побеседовать в предварительном порядке в узком кругу. В ходе непродолжительной, но весьма любопытной беседы Горбачев доверительно поделился информацией о планах наших недругов на Западе в отношении Советского Союза и других социалистических стран – тех, кто по инерции руководствуется представлениями и догмами «холодной войны», усматривает в советской перестройке некую угрозу для себя, стремится возбудить и поддерживать оппозиционные настроения и действия, дискредитировать деятельность партии, армии, спекулирует на проблемах международных отношений и т. д.

Для югославских руководителей такой разговор оказался неожиданным. Вначале они отнеслись к нему сдержанно и даже настороженно, а затем активно включились в обсуждение. Особенно это проявилось со стороны Круничу, который в подтверждение сказанного привел наблюдения и соображения из югославского опыта, особенно в том, что касалось подогревания в Югославии антисамоуправленческих настроений и межнациональных противоречий.

Со стороны Горбачева это был, конечно, не экспромт, а заранее продуманный шаг, чтобы придать последующим официальным переговорам более доверительный, откровенный и дружеский характер. Дело в том, что при всем взаимопонимании на наши отношения в какой-то мере влияли инерция некоторого дистанцирования, выработанная в годы отчуждения, привычка югославских руководителей подчеркивать независимость, самостоятельность, оригинальность своего курса даже там, где расхождений по существу не было. Думаю, Горбачеву удалось если не в полной, то в значительной мере разрушить эту преграду.

Немаловажную роль здесь сыграли контакты Горбачева с жителями Белграда, а затем и других городов. На пути из аэропорта в столицу не было больших толп приветствующих людей с флажками в руках. Как такие толпы организуются – известно, но когда Горбачев попросил сделать остановку на одной из центральных точек города – перекрестке улиц Маршала Тито и Князя Милоша, вмиг образовалось большое скопление людей, состоялась исключительно теплая беседа советского руководителя с белградцами. С каждым днем и даже часом росло внимание народа к визиту, все больше и больше становились толпы людей, ожидавших встречи с Горбачевым.

В такой исключительно благоприятной и дружественной обстановке проходили переговоры и все протокольные мероприятия: посещение машиностроительного объединения имени Иво Лолы Рибарта, Мемориального центра Иосипа Броз Тито, церемония посадки молодого кедра в городском Парке дружбы, вручение Горбачеву золотой памятной медали Белграда, встреча с делегатами Скупщины

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
СФРЮ.

В книге почетных посетителей Мемориального центра Тито Горбачев оставил запись, в которой выразил уважение памяти этого выдающегося сына Югославии; дал высокую оценку его роли в борьбе югославского народа против фашизма, в строительстве новой Югославии, в борьбе за мир, в создании Движения неприсоединения.

Для меня это было третье посещение могилы Тито и Мемориального центра. По едва уловимым черточкам и деталям я имел возможность убедиться в том, что отношение к Тито претерпевало существенное изменение. Оно стало менее идеализированным, более простым и человечным, хотя с умершими чаще всего бывает наоборот. Думаю, что это отражало общее ослабление влияния титовского наследия на общественно-политическую жизнь страны.

Конечно, в выступлениях югославских руководителей и на этот раз делались ссылки на авторитет Тито. Но они скорее играли ритуальную, чем содержательную роль. Такого культа Тито, какой был при его жизни, не было и в помине. Влиятельные силы в Союзе коммунистов Югославии продолжали отстаивать титовское идейное наследие, но тут уже обнаруживалось его отставание от жизни, которая ставила новые проблемы. Далее я еще вернусь к этой ситуации.

Официальные советско-югославские переговоры начались в Палате федерации вначале по государственной линии. С югославской стороны их вели председатель Президиума СФРЮ Л. Мойсов, председатель Союзного исполнительного веча Б. Микулич, его заместитель Я. Землярич, союзный секретарь по иностранным делам Б. Лончар. Б. Крунич был лишь участником переговоров.

На следующий день переговоры были продолжены в Центральном Комитете Союза коммунистов Югославии. Его представляли председатель Президиума ЦК СКЮ Б. Крунич, члены Президиума ЦК СКЮ М. Орландич, М. Реновица, В. Тупурковский, исполнительный секретарь ЦК СКЮ С. Стояно вич. Руководителей государственных органов не было. С советской стороны в обоих случаях в переговорах участвовали мы с Силаевым, посол В. П. Логинов, сопровождавшие лица.

Думаю, нет смысла подробно останавливаться на содержании переговоров. Могу сказать одно: они носили конструктивный характер. Причем более заинтересованно и конкретно, я бы сказал, эмоционально вели переговоры Б. Крунич и его коллеги по Союзу коммунистов. Беседа шла об опыте социально-политического развития двух стран, о межпартийных отношениях, проблемах современного социализма.

Но о принятых документах все же надо кое-что сказать. Принципиальное значение имело подписание советско-югославской декларации. В ней подтверждена историческая роль универсальных принципов, содержащихся в Белградской и Московской декларациях, а именно: взаимное уважение независимости, суверенитет, территориальная целостность, равноправие, недопущение вмешательства во внутренние дела под каким бы то ни было предлогом. Заявлено, что стороны впредь будут придерживаться этих принципов.

Вместе с тем в новой декларации подчеркнуты взаимная готовность развивать диалог и обогащать содержание наших отношений, «исходя из принципов независимости, равноправия и невмешательства, ответственности каждой страны, каждой партии перед рабочим классом и народом своей страны, взаимного уважения различных путей строительства социализма», стремление вести конструктивный, товарищеский диалог с целью вывести весь комплекс двусторонних отношений на новые рубежи.

В декларации нашли свое отражение совпадение взглядов на современное мировое развитие, признание того, что мировая цивилизация переживает переломный момент и в этих условиях необходимы новые подходы, новая политическая философия, в основе которой лежит понимание неделимости и взаимозависимости мира.

С декларацией тесно связан и другой документ, подписанный в Белграде, – Долгосрочная программа экономического сотрудничества СССР и СФРЮ на период до 2000 года. В ней конкретизированы пути развития экономических отношений

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org между двумя странами, отвечающие их интересам.

Конечно, югославскую сторону волновала проблема нашего долга. Ее ставили, перед нами в той или иной форме на всех уровнях. Договорились решить ее за счет изыскания дополнительных возможностей для поставки товаров в Югославию, а также за счет долгосрочной задолженности Югославии Советскому Союзу и обычной практики предоставления текущих расчетных кредитов.

Во всяком случае, эта проблема не помешала широкой и далеко идущей договоренности о развитии экономических отношений, перспективной проработке производственной кооперации двух стран, включая и научно-техническое сотрудничество. Причем акцент был сделан на развитие новых форм сотрудничества – прямых производственных и научных связей между предприятиями, объединениями, организациями СССР и СФРЮ, создание совместных предприятий как на территории СССР, так и в СФРЮ. Решимость и воля сторон и в этом вопросе были продемонстрированы достаточно ясно и отчетливо.

В целом визит заложил основу для качественно нового этапа в развитии советско-югославских отношений. Он, пожалуй, в наиболее отчетливой форме продемонстрировал новый подход советского руководства к проблеме отношений с социалистическими странами. Не случайно он привлек к себе большое внимание мировой общественности.

Для освещения визита в Югославию пришло несколько сот журналистов из многих стран. По ходу его то тут, то там возникали импровизированные пресс-конференции Горбачева. Более 300 корреспондентов было на специальном брифинге, проведенном мною вместе с исполнительным секретарем ЦК СКЮ М. Лоличем в Сава-центре. Вступительное слово пришлось делать, по существу, экспромтом, поскольку времени для подготовки просто не оказалось. Мне было задано много вопросов, в том числе касающихся 1948 года, «белых пятен» в наших отношениях с Югославией. Между прочим, на пресс-конференции я сообщил, что КПСС передала Союзу коммунистов Югославии 90 тыс. страниц архивных документов, представлявших интерес для югославской стороны, о деятельности Коминтерна и Информбюро, событиях второй мировой войны. Замечу, что в дальнейшем работа была продолжена, и через некоторое время югославской стороне было передано еще около 500 архивных материалов о деятельности представителей Компартии Югославии в Коминтерне.

Наблюдения и комментарии западных корреспондентов о ходе визита, высказывания и реплики Горбачева, материалы брифинга, проведенного мною вместе с Лоличем, нашли довольно широкий отклик в зарубежной прессе и в теле- и радиокomentarиях.

«Голос Америки» со ссылкой на своих корреспондентов из Белграда сообщил: «Во время церемонии посадки дерева в Белградском парке Горбачев сказал журналистам, что он удовлетворен началом переговоров и что много времени было уделено национальным вопросам». Корреспондент Би-би-си Саймон Броуди обратил внимание на мои слова о том, что обе стороны отметили роль Тито и Хрущева, которые проявили большую мудрость и сумели отказаться от недоразумений прошлого. «Как видите, – заметил Броуди, – Хрущев снова стал мудрым». На вопрос, каково общее впечатление от этого дня, Броуди ответил: «Общее впечатление, что советские представители гораздо раскованнее, я бы сказал, югославских официальных лиц».

А вот последующий комментарий Би-би-си: «Советская сторона в ходе визита все время подчеркивает, что отношения между обеими партиями строятся на равноправии, взаимном уважении и что они основаны на принципах белградско-московской декларации 30-летней давности. Правда, эта же декларация не помешала Хрущеву разгромить венгерское восстание в 1956 году, а Брежневу – «пражскую весну» в 1968 году. Все же самой Югославии не пришлось испытать советского вторжения. Новая декларация, которая будет обнародована в ближайшие дни, включит многое из старой и учтет развитие событий за последние годы».

Советские представители впечатляют даже западных журналистов своей откровенностью. Они сняли обвинение в адрес югославского руководства 50-х годов, не зачитывают формальных речей, говорят о проблемах, экономических реформах, демократизации и т. д.

Вообще складывается впечатление, что, не считая экономических трудностей, у

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org обеих сторон действительно отмечается взаимопонимание по многим вопросам».

В заключительной беседе с журналистами Горбачев заявил: «Я и мои товарищи полны впечатлений от встреч и бесед на югославской земле. Исторические корни нашей дружбы, стремление наших народов к ее укреплению ставят перед политиками задачу воплотить эти настроения людей в соответствующую политику, идти плечом к плечу, выходить на новые рубежи социалистического строительства».

Советские люди преданы дружбе с народами Югославии. Так было, есть и будет. И в этом главный итог визита. Будем вместе идти общей дорогой, основываясь на принципах документов 1955 и 1956 годов, которые еще раз подтверждены советско-югославской декларацией, выходящей по своему значению за рамки двусторонних отношений. В этом его принципиальное значение.

Желаю процветания Югославии».

Казалось, что визит Горбачева в Югославию заложил новые прочные и глубокие основы для благоприятного развития отношений между нашими странами на длительный период. Но события последующих лет как в Советском Союзе, так и в СФРЮ привели к кардинальным переменам в обеих странах, создавшим совершенно иную обстановку.

В республиках

В Югославии, да и в Советском Союзе, перемены во многом были обусловлены вышедшими на первый план противоречиями в межнациональной сфере. Сложность и острота этих проблем в Югославии нам были, в общем-то, хорошо известны, но во время визита мы хотели еще и еще раз, что называется, с близкого расстояния посмотреть на них. Конечно, было бы наивным рассчитывать на то, что можно за какие-то пять дней глубоко вникнуть в суть этих проблем, тем более что дни были заполнены до предела официальными мероприятиями.

Еще при подготовке визита югославская сторона выступала за то, чтобы советская делегация посетила все шесть республик или большую их часть. Сделать это, к сожалению, не удалось. В программу было включено посещение трех республик – Сербии, Хорватии и Словении. В отношении Сербии проблема состояла только в том, чтобы встретиться в Белграде с сербским руководством. Было намечено посетить столицу Словении Люблян, а закончить визит на территории Хорватии – в Дубровнике. Там встретиться с хорватскими деятелями и провести заключительную беседу с федеральным руководством.

Не знаю, как отнеслись в Боснии и Герцеговине, а также в Македонии к тому, что Горбачев не побывал у них, но вот от черногорцев в Белграде буквально не было прохода. Они умоляли хотя бы на несколько часов сверх программы посетить эту республику, подчеркивая особое отношение черногорцев к России. Но такой возможности просто не было.

Должен заметить, что на официальных встречах, да даже и в неофициальной обстановке, югославские руководители не очень охотно шли на откровенный обмен мнениями по межнациональным и межреспубликанским проблемам. Объяснение, с моей точки зрения, простое. Встречи с представителями республик проходили, как правило, в присутствии федеральных руководителей. Но и работники федеральных органов занимали свои посты как представители республик по принципу ротации. Они, по-видимому, не хотели углубляться в эти проблемы в беседах с советским руководителем, демонстрировать при нем свои противоречия, во всяком случае, проявляли определенную сдержанность. Мы, со своей стороны, не скрывали интереса к межнациональным проблемам, но старались делать это в ненавязчивой форме.

И тем не менее острота ситуации в югославской федерации, нарастающая напряженность в отношениях между республиками не могли не проявиться во время визита и, в частности, на встречах нашей делегации с руководителями Сербии, Хорватии и Словении. Все эти встречи были обставлены по примерно одинаковому образцу, принятому в отношениях между равноправными партнерами. И вместе с тем каждая из них имела свою специфику, связанную с особенностями республики, ее положением и ролью в федеративном государстве.

Особый интерес с этой точки зрения представляли контакты с руководителями Сербии. На официальном обеде, данном в честь Горбачева от имени руководства Сербии, царил атмосфера, которая предопределялась характером, манерой

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org поведения Слободана Милошевича. Он был тогда председателем Президиума ЦК СК Сербии, чувствовал себя безусловным лидером республики. Категоричность и беспопытность суждений, решительность, напор выделяли его не только из сербских руководителей, но и политических деятелей федерации.

Трудно восстановить в памяти детали его выступлений и высказываний, но общее впечатление сложилось довольно отчетливо: это была открытая позиция в пользу укрепления централизма в югославской федерации вокруг ее сербского ядра. Бросалось в глаза подчеркнуто уважительное отношение к нему со стороны присутствующих, в том числе председателя Президиума республики П. Грачанина, представителя старшего поколения югославских коммунистов и антифашистов.

Насколько удалось уловить, Милошевича поддерживали и выдвигали как сильную личность различные общественно-политические силы в Югославии, в первую очередь в Сербии. Он пользовался поддержкой и югославской народной армии. Об этом нам прямо и открыто говорили высокопоставленные и информированные представители военного руководства Югославии.

Слободан Милошевич привлекал к себе внимание уже давно, когда он был еще секретарем Белградского городского комитета Союза коммунистов. Я понял это из одной ситуации, с которой мне пришлось столкнуться несколькими годами раньше. Оказалось, что хорошо мне знакомый бывший советник-посланник югославского посольства в Москве Бора Милошевич – брат Слободана. Это был тоже сравнительно молодой человек, но опытный, способный дипломат, к тому же видный, богатырского сложения мужчина. Мне говорили, что он по матери черногорец.

Из посольства в Москве он был взят на высокую должность в Международный отдел ЦК СКЮ, а через некоторое время я узнал, что он направлен послом в одну из африканских стран. Информированные люди объясняли это тем, что надо было устранить неловкость, связанную с одновременным пребыванием братьев на высоких партийных постах.

Может быть, это объяснение надуманное, но остается несомненным факт, что Слободан Милошевич имел мощную поддержку и быстро продвигался по пути своей общественно-политической карьеры. С ним связывалось противодействие опасности развала югославской федерации, вокруг него происходила концентрация радикально-традиционалистских сил в югославском обществе, которые проявили себя попытками остановить процесс распада, не останавливаясь перед применением жестких методов борьбы с сепаратистскими тенденциями во имя сохранения югославской федерации при доминирующем влиянии Сербии.

Весьма интересными с точки зрения межнациональных отношений были поездки в Словению, встречи с руководителями этой наиболее развитой и наиболее близкой к Западу республики Югославии. Нашу делегацию разместили в старинном замке – бывшей резиденции Тито «Гора у Крапя». В ответ на наше восхищение великолепным убранством замка нам сказали, что у Тито такие резиденции были в каждой республике, а всего их в Югославии насчитывалось около трех десятков.

В Словении и ее столице Любляне мне приходилось бывать и раньше. Весь облик республики говорил о ее принадлежности скорее не к Восточной, а к Западной Европе: ухоженная, благоустроенная земля с прекрасной застройкой, множество костелов оригинальной архитектуры, на горизонте – альпийский пейзаж с заснеженными вершинами. Любляна – небольшой, но уютный, опрятный город с западноевропейским укладом жизни.

Со стороны жителей города, как и повсюду, проявлялось огромное внимание к Горбачеву, к нашему визиту. Не скрывали своего удовлетворения визитом и руководители республики. Они с большим энтузиазмом демонстрировали самостоятельность своих позиций и суждений, самобытность республики, ее принадлежность к Западу. Характерно, что оценки социально-экономической ситуации в Словении строились на сравнении ее показателей не с общегославскими, сербскими или даже хорватскими, а с австрийскими, итальянскими – вообще западноевропейскими. И конечно же, вывод делался не в пользу Словении, с явным намеком на то, что самостоятельно, вне федерации, она могла бы добиться значительно большего.

Во время встречи с Горбачевым, точно не припомню – то ли на официальной

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org беседе с советской делегацией, то ли в речи на обеде, председатель Президиума ЦК Союза коммунистов Словении Милан Кучан в развернутом виде изложил свое понимание программы политических и экономических реформ в социалистических странах. Оно воспринималось как явная демонстрация самостоятельности Словении. Дело в том, что Союз коммунистов Югославии, как и КПСС, готовился к партийной конференции, на которой предполагалось рассмотреть все эти вопросы. В центре шла усиленная подготовка к конференции. И подтекст выступления, по-моему, был такой: там, в Белграде, что-то делают, о чем-то спорят, а у нас уже есть своя позиция.

Интересно и то, что содержание программы Кучана было довольно созвучно проводившимся и намечавшимся реформам в Советском Союзе. Нам как бы говорилось: что там будет в Белграде – неважно, а основа для сотрудничества Словении с Советским Союзом есть – вот она.

Впоследствии я встретился с Кучаном на съезде Португальской коммунистической партии и еще раз имел возможность убедиться, что это серьезный политик, но, конечно же, с явным акцентом на национальные интересы Словении.

Во время пребывания в Словении произошел еще один эпизод, который в какой-то мере характерен для обстановки в этой республике. Просматривая республиканскую газету «Дело», я обнаружил статью недружественного содержания о событиях 1968 года в Чехословакии с фотографией демонстрации братиславской молодежи против советского вторжения на фоне советских танков. Такая публикация не могла быть случайной. Я не стал говорить об этом Горбачеву, но обратил внимание Марко Орландича, сопровождавшего нас в Словении, на эту статью. Зачем понадобилось кому-то на фоне такой, можно сказать, восторженной встречи Горбачева публиковать подобный материал? В связи с чем вспомнили об этой неприятной странице, ведь это не какая-то годовщина августовских событий в ЧССР? Трудно поверить, что в Югославии не управляют средствами массовой информации настолько, что не имеют возможности предотвратить появление таких публикаций. Мы знаем это по своей практике. Конечно, и у нас в условиях гласности в газетах появляются те или иные некорректные материалы. Но если мы обращаемся к газетам с просьбой воздержаться от каких-то публикаций, могущих вызвать международное осложнение, то они прислушиваются к ней.

Орландич был смущен, просил из единичного факта не делать выводов, не раз возвращаясь к этому вопросу. Конечно, появление такого рода материалов в газете не отражало преобладавшего в республике общественного мнения и отношения к визиту Горбачева, но, по-видимому, нюансы такого рода в общественных настроениях были.

Общение с Хорватией получилось довольно своеобразным – через Дубровник. Для Горбачева на берегу лучезарной Адриатики была предоставлена престижная резиденция «Ядранка». Там же состоялась встреча с хорватскими руководителями: председателем Президиума Социалистической Республики Хорватии А. Марковичем, председателем Исполнительного веча А. Миловичем. А для заключительных встреч туда прибыли руководители федерации Л. Мойсов и Б. Крунич. Мне показалось, что таким образом было подчеркнута и особое общегославское значение Дубровника – этой подлинной жемчужины Адриатики.

В Дубровнике мне как-то посчастливилось провести несколько дней. Это ни с чем не сравнимое природное и рукотворное чудо. Неповторимое по чистоте и цвету море, лучезарное небо и южное солнце, белокаменная крепость, опоясывающая маленький полуостров с расположенным на нем средневековым городом уникальной архитектуры, любовно охраняемые исторические реликвии. А сколько прелести в разбросанных поблизости скалистых, покрытых лесом островах, с причудливыми очертаниями. И все это на фоне гор, напоминающих чем-то крымские.

На сей раз улочки дубровника были буквально запружены народом, жаждущим встретиться с Горбачевым. Тут были не только граждане Югославии, но и многочисленные туристы из всех стран мира, в том числе и из нашей. Местные жители говорили, что такого в их древнем городе еще не бывало.

В те дни трудно было даже допустить мысль о том, что город может стать объектом кровопролитного и жестокого конфликта между двумя республиками, что на его улицах будут рваться снаряды и бомбы, гибнуть люди, разрушаться ценнейшие творения природы и человека.

Конечно же, Горбачев и все мы знали о том, что в Хорватии в послетитовский период происходило постепенное ослабление всей системы политических факторов, связывавших эту республику с Сербией и югославской федерацией в целом, накопление взрывного материала. В прошлом немаловажное значение имел и тот факт, что сам Тито был по национальности хорватом. Мне приходилось бывать на родине Тито в селе Кумровац, тем более что рядом с селом была построена партийная школа ЦК СКЮ, с которой сотрудничала Академия общественных наук. В глубине села для посетителей был открыт типичный крестьянский дом, по тем временам среднего достатка, в котором родился Тито. Там демонстрировался весь набор незамысловатых, но добротных предметов нелегкого крестьянского труда и домашней утвари. Так что это был в какой-то мере и этнографический музей. На длинном шесте, точно так же как это делалось в старых русских избах, подвешена люлька, в которой баюкался младенец Иосип Броз.

Так или иначе, Тито удавалось удерживать хорватский сепаратизм и сербо-хорватские противоречия в определенных рамках, а отношения между двумя этими республиками, как в СССР отношения России и Украины, были несущей конструкцией всей югославской федерации.

С Хорватией я познакомился еще в конце 60-х годов, когда работал в Ленинграде, который поддерживал с Загребом побратимные отношения. Уже тогда здесь чувствовались настроения отчуждения от федерации. Бывал я в Загребе и в 70-е годы уже в качестве ректора Академии общественных наук, посетил Загребский университет, общался с социологами и политологами. Характерно, что сепаратистские настроения среди хорватской интеллигенции причудливо переплетались с критическим отношением к традиционному марксизму, движением за демократию, прозападным либерализмом. В Загребе издавался известный своим «ревизионизмом» журнал «Праксис», но здесь же возникла в свое время национально-патриотическая организация «Матица хорватска».

К сожалению, на этот раз на широкое общение с хорватской общественностью выйти не удалось.

Где выход?

Результаты визита в Югославию, впечатления от встреч и переговоров с руководителями федерации и республик подтвердили остроту проблемы межнациональных отношений и укрепили советское руководство в понимании необходимости поддержки Югославии как единого федеративного государства, развивавшегося по демократическому пути.

Такая поддержка была органическим компонентом советской политики, вытекавшей как из общей социальной философии, признания возрастающей роли интеграционных факторов, так и из интересов сохранения стабильности на Балканах и в Европе в целом.

Советская политика в отношении Югославской федерации, конечно же, питалась и схожестью проблем, которые встали перед нашими странами в межнациональной сфере.

При создании СФРЮ, безусловно, был использован опыт национально-государственного устройства нашей страны и, в частности, федеративный принцип. Немало общего в том, что касалось роли России и Сербии в федеративном государстве. Россия в СССР была основным ядром федерации, в Югославии подобная роль принадлежала Сербии. Схожесть и в сочетании славянского и мусульманского элементов, православия и католичества и т. д. Границы между республиками, установленные в СФРЮ, как и в СССР, не имели того значения, которое они приобрели, когда встал вопрос о полной независимости республик.

Есть, конечно, и существенные различия. Общность народов, объединенных в Советский Союз, складывалась на протяжении многих веков и, естественно, была в силу этого более органичной с точки зрения экономических, политических и даже культурно-этнических связей. Югославия – это сравнительно новое образование, возникшее в результате первой мировой войны, хотя разнообразные связи между народами этой страны существовали и раньше. В общем, если оставить в стороне масштабы (территорию, численность населения), то, пожалуй, в мире не было более схожих между собой стран, чем СССР и СФРЮ. Советское руководство, проводя линию на обновление и

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org укрепление своего союзного государства, просто не могло проводить иную политику в отношении другого, но очень сходного с ним многонационального государства.

К сожалению, в последующие годы развитие событий в Югославии пошло в направлении все большей дезинтеграции страны и распада федерации. И что особенно прискорбно, оно привело к жестокой междоусобной войне с огромными для мирного времени людскими потерями и материальным ущербом. Трудно оценить последствия глубоких травм, нанесенных национальному самосознанию народов, перспективам их отношений в будущем, а ведь им жить вместе бок о бок вечно. Это подлинная трагедия для югославянских народов.

Распад югославской федерации вместе с некоторыми другими проблемами вновь сделал Балканы пороховой бочкой Европы, увеличил угрозу срыва общеевропейского процесса, возникновения широкомасштабной войны.

В чем же причины такого развития событий? Почему они приобрели столь острый, можно сказать обвальный, характер? Позволю себе, не претендуя на сколько-нибудь полный и законченный анализ, высказать некоторые суждения на сей счет.

Объяснение, на мой взгляд, надо искать прежде всего в процессах внутреннего развития Югославии. Главное состоит в том, что влияние интеграционных факторов, потенциал которых был накоплен в предшествующий период и о которых говорилось в начале главы, постепенно ослабевало.

Самоуправленческая система начала все больше давать крупные сбои. В свое время, когда в социалистическом мире господствовал тоталитаризм, она стала крупным шагом вперед в социалистическом обновлении, привлекала своей прогрессивностью, но в дальнейшем утратила черты оригинальности и уникальности. Степень демократичности югославской системы оказалась явно недостаточной. Во многих отношениях она была показной, декоративной, не затронула глубоко отношений собственности, не обеспечила преодоления отчуждения людей от производства, не создала у них сильно действующую систему стимулов. С одной стороны, она воспроизвела всевластие бюрократии, этатистские тенденции в управлении производством и распределением, а с другой – привела к ослаблению действительно необходимых функций централизованного управления, бюджета и т. д.

Самоуправленческая система оказалась не в состоянии преодолеть или даже смягчить социально-экономические различия между республиками. Собственно, такая задача противоречила основным ее принципам. Разрыв в экономическом развитии, в уровне жизни населения не только не сокращался, а, наоборот, увеличивался и достиг, пожалуй, предельно возможного для единого государства масштаба. Так, величина валового национального продукта, приходившаяся на душу населения в Словении, была больше, чем в автономной области Косово в 1950 году, в 3,2 раза, а в 1980 году – уже в 7 раз.

Эти различия стали особенно нетерпимыми в условиях нарастания общегославских экономических трудностей. На Югославии чрезвычайно болезненно сказались ухудшение конъюнктуры мирового рынка. Стали обременительными внешний долг, превысивший 20 млрд. долл., инфляция, огромная безработица, вынужденная эмиграция и т. д. Экономические трудности подтолкнули антифедералистские настроения в более развитых республиках (Словения, Хорватия), для которых федерация стала казаться тяжелой обузой.

Партия, исповедовавшая самоуправленческую идеологию, постепенно стала утрачивать свое влияние в обществе. Ее обновление на демократических принципах приобрело по преимуществу формальный характер, затронуло лишь внешние, «архитектурные» формы (ротация руководителей, сокращение аппарата и т. д.), но не коснулось политического всевластия и системы идеологического диктата.

Не случайно стали все громче звучать протесты против однопартийной системы, призывы к идеологическому и политическому плюрализму. Официальной социалистической идеологии все более весомо стали противостоять национальные и культурно-религиозные ценности, проистекавшие из своеобразия исторических судеб каждого из народов Югославии. Наслаиваясь на экономические противоречия, они стали выходить на первый план, рассматриваться как якорь спасения, порождая бурный рост сепаратистских настроений.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Последние захватили и партию. В январе 1990 года делегация Словении заявила, что отказывается участвовать в работе XIV чрезвычайного съезда СКЮ. Начался прямой процесс развода партии по национальным квартирам. В июле того же года Союз коммунистов Сербии преобразовался в социалистическую партию и в последующем одержал победу на выборах. В четырех республиках – Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии – также произошло преобразование партии со сменой названия, но новые партии потерпели поражение на выборах. В Черногории Союз коммунистов сохранился и одержал победу.

Распад партии открыл шлюзы для прямых дезинтеграционных процессов.

Несомненно, большую роль сыграли и внешнеполитические факторы. Оригинальная внеблоковая концепция Югославии, ее роль как одного из лидеров Движения неприсоединения постепенно стали размываться. В условиях коренной перестройки международных отношений, окончания «холодной войны» и отхода от двухполюсной модели мира они утрачивали свой смысл. И здесь старый капитал перестал приносить дивиденды.

Я думаю, что перед руководством Югославии, как и Советского Союза, во всей полноте и масштабности встала задача переоценки ценностей, внутренней и внешней политики в свете новых реалий конца XX столетия.

Необходимость обновления, естественно, касалась и федеративного устройства страны. При современном демократическом подходе, основанном на приоритете прав человека, свободном волеизъявлении народов, учете всей совокупности новых факторов, возросшем национальном самосознании, это открывало, может быть, единственную, уникальную возможность сохранения исторически сложившихся связей между республиками.

Как и в СССР, многое в судьбе федерации в Югославии зависело от позиции самой крупной республики, образывавшей ядро всей федерации. Думаю, руководители России в СССР и Сербии в Югославии продемонстрировали два принципиально разных, по сути дела крайних, подхода к судьбам своих федераций, и ни один из них, по-моему, не может быть признан адекватным.

Действия российского руководства, направленные на суверенизацию Российской Федерации, фактическую поддержку центробежных сил в других республиках, по сути дела, подталкивали распад Союза, причем отнюдь не конституционными, а скорее радикально-обвальными, небольшевистскими методами.

С этой точки зрения вполне логична, но далеко не безупречна, а если говорить прямо, то просто ошибочна позиция российского руководства и в отношении событий в Югославии: недвусмысленная поддержка дезинтеграционных процессов, односторонних явочных шагов республик по выходу из федерации. Это выразилось не только в морально-политическом сочувствии, но и в официальных действиях. Я имею в виду поспешное дипломатическое признание республик, объявивших о своей независимости, когда разумнее было бы побудить республики к урегулированию их отношений с федерацией и другими членами путем политических переговоров.

Столь же поспешными были действия и некоторых западных держав по дипломатическому признанию новых югославских государств. Политические средства урегулирования отношений между республиками по имущественным, территориальным, гуманитарным вопросам еще далеко не были к этому времени исчерпаны, конфронтация между ними обострялась. В таких условиях дипломатическое признание республик, вышедших из федерации, означало одностороннюю поддержку их позиций по всем вопросам и осуждение позиций другой стороны.

Невольно возникало сомнение: а не было ли здесь пристрастности со стороны некоторых стран Запада, выборочного отношения к югославским республикам, преимущественной заботы о тех, кто поближе к Западу? Это – опасная политика. Ведь такой соблазн в отношении республик Югославии и Балкан мог появиться (в какой-то мере появился) и с юга – со стороны мусульманского мира, да и с востока – со стороны России. Ясно, что к добру такая политика привести не могла.

Действия сербского руководства были направлены на то, чтобы сохранить федерацию, удержать другие республики в ее составе. Осуждать такое стремление, я думаю, нет оснований. Другое дело, была ли у сторонников

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org федерации программа ее обновления, способная ответить на потребности времени и интересы народов, ведь сохранение статус-кво было просто невозможным.

Когда же стало ясно, что федерация в прежнем виде обречена, возник вопрос о территориально-этническом размежевании. Сербия попыталась удержать территории других республик, населенные этническими сербами. Их насчитывается более 2 млн. Это вызвало противодействие. Особенно сложной и запутанной оказалась ситуация в Боснии и Герцеговине, где развернулось кровопролитное трехстороннее противоборство.

Очень трудно дать однозначную оценку событий в Югославии, в частности действий сербского руководства. С одной стороны, вызывает понимание неравнодушие к судьбам людей, оказавшихся жертвами распада единого государства, чужаками на той земле, на которой они проживали испокон веков, стремление взять их под защиту. С другой – неприятие попыток достичь этих целей с помощью насилия, применения оружия, приведших к ожесточенной войне с многочисленными человеческими жертвами и труднопредсказуемыми последствиями.

Военное решение проблем Югославии не имеет перспектив. Это относится не только к действиям противоборствующих сторон, но и к применению военных санкций со стороны мирового сообщества. Шансов на успех у них нет, но еще более усложнить и запутать обстановку они могут.

Выход из югославской трагедии один, как бы сложен он ни был, – прекращение кровопролития и недопущение его в будущем, поиск политических решений на основе разумного компромисса, примирение народов.

Глава четвертая. Фидель

Кубинская революция

Республика Куба была самой молодой социалистической страной. Кубинская революция одержала победу спустя 10 лет после образования Китайской Народной Республики и 40 лет после российского Октября.

Первоначально она носила антиимпериалистический, национально-демократический характер и напоминала многие другие освободительные движения стран Латиноамериканского континента. Лишь после разгрома контрреволюционной экспедиции в заливе Кочинос Фидель Кастро провозгласил кубинскую революцию социалистической. Это заявление было бурно встречено темпераментными кубинцами.

Советская поддержка острова Свободы была живой и заинтересованной: подтверждалась ленинская теория мировой социалистической революции как процесса отпадения от цепи капитализма все новых и новых слабых звеньев. Кубинская революция подавалась как первая социалистическая революция в Западном полушарии, причем в одном из самых уязвимых и чувствительных для империализма мест: в «подбрюшье» Соединенных Штатов, в регионе повышенной революционной активности, насыщенном острыми противоречиями.

В результате компромиссного выхода из поставившего мир на грань катастрофы карибского кризиса Куба на какой-то период была ограждена от прямого вооруженного вмешательства. Тем самым возникли более или менее благоприятные условия для мирного развития революции, в том числе для решения созидательных экономических и культурных проблем, которых у Кубы было хоть отбавляй.

Все это произошло при Хрущеве. Оставаясь верным традиционной доктрине, согласно которой борьба между капитализмом и социализмом составляет основное содержание современной эпохи, он в то же время выдвинул некоторые новые подходы к трактовке этой доктрины, выступил за мирное сосуществование капитализма и социализма, за перенесение основной борьбы между ними на экономическое поприще. В этом противоречии – между канонами мировой социалистической революции и принципом мирного сосуществования двух систем – вращалась советская внешняя политика, определялся характер взаимоотношений с Кубой и в брежневские времена.

Как говорится, и хочется, и колется. Трудно было устоять от соблазна использовать Кубу как очаг мировой революции, оказывающий постоянное

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org воздействие на империализм, поощрять и поддерживать через Кубу национально-освободительные движения в Латинской Америке, а затем и в Африке. Но в то же время считалось необходимым не доводить дело до больших войн и конфликтов, держаться в рамках мирного сосуществования и даже стремиться к ослаблению международной напряженности.

Кубе как первой социалистической стране на Американском континенте надо было показывать пример экономического и социального прогресса, чтобы кубинский образец стал привлекательным для других народов Латинской Америки. Ресурсы самой Кубы для решения столь масштабных задач были весьма скудными. И Советский Союз вынужден был прибегнуть к оказанию обширной экономической помощи Кубе.

Для политики Фиделя разных периодов была характерна смена акцентов. Как человек импульсивный, он то загорался (не без наших советов) планами экономического строительства, упорядочения экономических отношений, даже введением хозрасчета и материального стимулирования, то охладевал к этим вопросам и даже считал это чуть ли не уступкой буржуазным принципам, подчеркивая первостепенное значение революционного сознания, укрепления дисциплины и т. д. В разное время он то увлекался биотехнологией, семейной медициной, носился с так называемыми микробригадами, рассматривая их как основной рычаг подъема экономики, то перемещал свое внимание на помощь революционно-освободительным движениям в Никарагуа, Сальвадоре, Панаме, а затем и на Африканском континенте.

Ко времени начала реформации в Советском Союзе Куба была глубоко вовлечена в латиноамериканские процессы, оказывая помощь сандинистам Никарагуа и сторонникам фронта имени Фарабундо Марти в Сальвадоре в соответствии с революционной доктриной, которую проповедовал Фидель Кастро. Не берусь судить о том, осознанно или неосознанно получалось, что никарагуанский конфликт, как и борьба, развернувшаяся в Сальвадоре, в какой-то мере отвлекал внимание Соединенных Штатов от самой Кубы.

К этому времени Куба увязла и в африканских делах. Значительный по численности и хорошо организованный кубинский экспедиционный корпус вел боевые действия в Анголе, естественно, «по просьбе ангольского руководства». Кубинское присутствие отмечалось также в Эфиопии и в других странах Африканского континента. Интересно, что кубинцы оправдывали его не только выполнением интернационального долга и поддержкой национально-освободительной борьбы, но и тем, что они возвращались на свою прародину: кубинские вооруженные силы в значительной степени были укомплектованы людьми негритянского происхождения.

Участие кубинского воинского контингента в африканских делах на первом этапе было предметом гордости кубинцев, но по мере того как экспедиция в Анголу приобретала затяжной характер, среди населения Кубы стало расти недовольство: во имя чего кубинские солдаты должны воевать и погибать за многие тысячи километров от своей родины?

Экономическая ситуация на Кубе к тому времени была столь же противоречивой. Материальный уровень жизни народа был невысоким, но сравнительно устойчивым и не заключал в себе тех контрастов, которые были свойственны дореволюционному обществу. На острове не было ни голодных, ни нищих, ни утопающих в роскоши. Впечатляющих результатов Куба достигла в деле образования молодежи, здравоохранении. На острове было построено немало промышленных предприятий, в основном с помощью Советского Союза и других социалистических стран. Но главная отрасль хозяйства – производство сахара – работала крайне неустойчиво, с большими перепадами.

Относительное благополучие страны держалось на экономической помощи, главным образом советской. Она оказывалась и через кредиты, и через преференциальные цены на сахар, и через поставки нефти и нефтепродуктов, часть которых Куба перепродавала за твердую валюту. Я уже не говорю о помощи в виде специальных поставок вооружения и снаряжения для вооруженных сил.

Фидель в то время переживал разочарование от неудавшихся попыток перехода к современным методам управления, хозрасчета и материального стимулирования, полагая, что они находятся в противоречии с социалистическими целями. Этот очередной прилив левацких настроений, по-видимому, возник на фоне неблагоприятной ситуации для кубинской сахарной промышленности на мировом

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org рынке. Цены на сахар резко упали. Впрочем, это обстоятельство не так уж сильно повлияло на кубинскую экономику, поскольку советские закупки сахара по-прежнему шли по преференциальным ценам.

В стране по инициативе Фиделя развернулась «ректификация» – кампания по очищению экономики от нездоровых явлений: нарушений дисциплины, воровства и хищений, злоупотребления служебным положением, взяточничества. Проводилась она в довольно жестких формах. Особое внимание было обращено на искоренение спекуляции. Под этим предлогом начались левацкие перегибы. Была, в частности, полностью запрещена крестьянская торговля: продукты крестьянского хозяйства могли продаваться государственным и кооперативным организациям лишь по твердым ценам. Возобладали административные методы в управлении экономикой, основанные на командах сверху, жесткой дисциплине и революционной сознательности.

Все это, однако, не отразилось на советско-кубинских отношениях, которые по-прежнему оставались тесными. Кубинцы не могли обойтись без нашей помощи, а новое советское руководство, следуя провозглашенным им принципам, избегало выдавать какие-либо оценки, рекомендации и советы по вопросам внутреннего развития Кубы. Впрочем, наша точка зрения Фиделю и другим руководителям, думаю, была хорошо понятна из той новой линии, которая проводилась у нас в стране.

Отношения с Кубой нуждаются в обновлении

Ко времени моего прихода в Отдел ЦК по связям с социалистическими странами на кубинском направлении весьма отчетливо выделялись две взаимосвязанные проблемы, в которые надо было вникнуть в первую очередь.

Первая касалась экономических отношений между нашими странами. Необходимо было прежде всего выяснить фактическое положение вещей. Ясно, что мы оказываем большую помощь, измеряемую ежегодно миллиардами рублей. Но даже не было точно известно, во что она нам обходится, особенно по линии товарооборота и цен. В экономических структурах страны никто этим вопросом толком не занимался и в целом им не владел. Несмотря на неоднократные «заходы» и поручения, полной выкладки по этому вопросу получить так и не удалось.

Затрачивать деньги во имя «мировой революции», да еще вслепую, – разве это порядок?

Весьма низкой была и эффективность предоставляемой помощи. С участием Советского Союза на острове сооружалось одновременно 250 объектов. Для их завершения, если даже не начинать новые, потребовалось бы восемь лет. Запасы неустановленного советского оборудования достигли 1,5 млрд. руб.

Кубинцы к разговорам о размерах нашей помощи и ее эффективности относились крайне болезненно, высказываясь в том духе, что, дескать, они выполняют высокую революционную миссию, несут жертвы, а мы тут считаем какие-то копейки.

Еще в 1986 году, как я уже говорил, были подготовлены наши предложения о коренной перестройке системы экономических отношений между соцстранами с перенесением центра тяжести на уровень предприятий и предоставлением им права путем взаимной договоренности устанавливать цены.

Кубинцы забили тревогу. Они усмотрели в этом косвенную угрозу для сложившихся форм товарооборота и экономической помощи. Пришлось неоднократно разъяснять, что выдвигаемые нами принципы мы не имеем в виду применять в отношениях с Кубой, Монголией и Вьетнамом, хотя в определенных сферах, где сложился нормальный товарооборот, его надо было бы переводить на экономические основы, освобождая от административно-волевых методов.

Настороженность и обостренная реакция кубинского руководства нет-нет да и выходила наружу. Так, заместитель Фиделя по правительству Карлос Рафаэль Родригес в резкой форме высказал недовольство по поводу публикации в журнале «Новое время» статьи, в которой автор в постановочном плане говорил о переходе в товарообороте между СССР и Кубой к общепринятым нормам торговли и расчетов. Родригесу было разъяснено, что статья не выражает официальную точку зрения, а обсуждать такие вопросы в печати мы запретить не можем. Журнал предложил Родригесу изложить свой взгляд на эту проблему,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org и он не преминул воспользоваться предоставленной возможностью.

Вторая проблема – это наши отношения с Кубой в связи с рядом международных конфликтов в Латинской Америке и Африке.

В общем контексте нового политического мышления мы выдвинули программу мирного разрешения всех малых и больших конфликтов в мире – ведь по существу каждый из них, имея и какие-то внутренние причины, подогревался и обострялся из-за противостояния двух военно-политических блоков. Налаживание диалога и взаимопонимания между Востоком и Западом, СССР и США выбивало почву из-под такого рода конфликтов, превращало их в бессмысленные столкновения враждующих группировок, да, собственно, и эта вражда в какой-то мере искусственно поддерживалась внешними силами.

Типичная схема конфликтов была такой: Советский Союз поддерживал вспыхивавшие то тут, то там национальные движения против прозападных режимов. Соединенные Штаты тут же начинали оказывать помощь противоположной стороне. Разворачивалась длительная и изнурительная борьба, приносящая много жертв и разрушений. Примерно такая же ситуация складывалась, когда западные страны оказывали помощь каким-то оппозиционным группам и сепаратистским движениям в странах с просоветским режимом.

Просоветские силы выступали, как правило, с социалистическими лозунгами, носившими декларативный, спекулятивный характер, ибо ни о каком социализме в условиях отсталости этих стран не могло быть и речи.

Что мы получали от этого? Вроде бы подтверждалась правильность революционного учения. Правда, тут же по ходу дела приходилось его подправлять и дополнять различного рода сомнительными концепциями некапиталистического пути развития, тезисом о странах социалистической ориентации и т. д. Но невольно возникал вопрос: почему же социалистические идеи получали отклик в наименее развитой части мира, хотя социализм по всем канонам есть продукт высоко развитого капитализма?

Сами того не замечая, мы попадались в ловушку, оттесняя социалистическую идею в «третий мир». Главное же, что за все это приходилось очень дорого платить. Помощь национально-освободительным движениям и странам, провозгласившим социалистическую ориентацию, измерялась многими миллиардами рублей, становилась для нас все более обременительной.

Примерно таков был характер обсуждений этих проблем в ближайшем окружении Горбачева, приведших к выводу о настоятельной необходимости урегулирования региональных и локальных конфликтов, к которым мы имели прямое или косвенное отношение. Прежде всего надо было найти политическое решение афганской проблемы, вывести войска из Афганистана, прекратить эту тяжелую, непопулярную войну, затеянную по решению узкой группы брежневского руководства.

Что же касается конфликтных точек в Латинской Америке и Африке, то все они в большей или меньшей степени были связаны с участием Кубы.

Подтверждая свою готовность оказывать Кубе экономическую помощь, развивать с ней взаимовыгодные экономические отношения, горбачевское руководство вместе с тем ясно дало понять, что оно против эскалации этих конфликтов, за их разрешение политическими средствами, за прекращение военного вмешательства со стороны других стран. Это позволило бы и Кубе сосредоточить внимание на решении собственных социально-экономических проблем.

Такой подход воспринимался кубинцами непросто, тем более что предшествующее советское руководство одобряло и поощряло революционную деятельность Кубы. Сам Фидель был увлечен (об этом я еще расскажу) военными действиями в Анголе. По странам Латинской Америки, Африки и даже Азии разъезжали его эмиссары, выявляя очаги революционных движений, партизанской борьбы для оказания им помощи. Особую активность проявлял в этом отношении секретарь ЦК и член Политбюро Хорхе Рискет, который и нас все время стремился вовлечь в эти дела.

Поворот в советской политике на первых этапах вызывал недовольство со стороны кубинцев. Положа руку на сердце, нельзя не признать, что для этого были основания: вначале сами втянули в рискованные дела, а теперь вроде как

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org идем на попятную, ставя Кубу в ложное положение. Спешка, резкие движения с нашей стороны были недопустимы. Горбачев и все мы понимали это, действуя последовательно и осмотрительно, давая возможность своим партнерам и друзьям постепенно войти в круг идей нового мышления, осознать и почувствовать общее изменение обстановки в мире, климата в международных отношениях. Особенно важно это было в отношениях с тонко чувствующим ситуацию, знающим себе цену и капризным кубинским руководителем.

Большое значение в этом смысле имели встречи Фиделя Кастро с Горбачевым. Они неизменно носили масштабный, но в то же время непринужденный характер, проходили в обстановке доброжелательства и взаимной симпатии. Я заметил, что между ними в личном плане было много общего: открытость, непосредственность, эмоциональность. Все встречи велись в широком концептуальном плане, без прагматической детализации, но несмотря на это, а может быть, именно поэтому каждая из таких встреч снимала накапливавшееся недопонимание, означала реальное продвижение вперед.

Особенно мне запомнилось пребывание Фиделя в Москве во время юбилейных торжеств, посвященных 70-летию Октябрьской революции.

Любопытны детали и обстоятельства самого его приезда в Москву. Мы чуть ли не до последнего момента не имели точной информации, каким путем он прибудет, и только буквально за несколько часов узнали, когда его встречать. По-моему, не знало об этом даже КГБ – настолько все было законспирировано, чтобы исключить возможность успешной охоты со стороны западных спецслужб за кубинским революционером. Он прибыл в Москву на день позднее начала юбилейных мероприятий, появился на торжественном заседании лишь на второй день, а затем принял участие во встрече левых партий и движений, приуроченной к юбилею Октября.

В беседе лидеров двух стран доминировало обсуждение глобальных проблем современного общественного развития, назревших перемен в мире, во всей системе современных международных отношений. Но за всем этим стояли реальные вопросы политики двух партий и стран, взаимоотношений между ними. Кастро высказал полную поддержку нашей перестройке, а Горбачев – наше понимание процесса ректификации. Ведь что касается преодоления различного рода недостатков и негативных явлений – бюрократизма, безответственности, недисциплинированности, хищений, спекуляции, взяточничества, то между советской перестройкой и кубинской ректификацией имеется тесная корреляция.

Вместе с тем собеседники констатировали, что процесс обновления происходит в каждой стране с учетом ее потребностей и национальных особенностей. В этой связи Горбачев в принципиальном плане остановился на обосновании радикальной перестройки экономического управления в СССР, без которой дальнейшее развитие страны просто немыслимо. Фидель говорил, что понимает необходимость экономических методов ведения хозяйства, но кубинцы серьезно «обожглись», когда в середине 70-х годов стали вводить у себя нормирование, материальное стимулирование, элементы хозрасчета. Это привело к оживлению и нарастанию тех явлений, с которыми сейчас приходится бороться.

В ходе обмена мнениями у меня возникла мысль, что позиция Фиделя в вопросе ректификации чем-то напоминает программу действий Андропова, предусматривавшую наведение порядка в стране жесткой рукой. Жизнь нас заставила перенести центр усилий на экономические преобразования. Как пойдет дело на Кубе? Горбачев воздержался от каких-либо прямых комментариев на этот счет, но его информация о ходе реформ в СССР говорила сама за себя.

Горбачев ввел Фиделя в курс советско-американского диалога, раскрыл наши подходы к проблемам разоружения, планы политического решения афганской проблемы и вывода советских войск из Афганистана, наши позиции в отношении урегулирования кампучийского и никарагуанского, ангольского и других региональных конфликтов. Все это было рассмотрено на широком фоне глобальных проблем современного мира. В отношении советско-кубинских экономических связей Фиделю были подтверждены заверения в том, что Советский Союз будет и впредь оказывать Кубе необходимую помощь.

Фидель солидаризировался с основными соображениями и выводами Горбачева. По его высказываниям и репликам было видно, что это не просто вежливое согласие с хозяином, а отражение собственных размышлений. Кубинский руководитель уехал из Москвы, как я заметил и как подтвердил наш главный специалист по Кубе и личный друг Фиделя О. Т. Дарусенков, в хорошем

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org настроении, с сознанием важности состоявшихся встреч.

Но проблемы в наших отношениях остались. И в этом мне пришлось убедиться через несколько месяцев, во время поездки на Кубу в конце февраля – начале марта 1988 года, где состоялось очередное совещание секретарей центральных комитетов коммунистических и рабочих партий социалистических стран по международным вопросам. КПСС мы представляли на совещании вместе с А. Ф. Добрыниным.

Мои встречи на острове

В ходе пребывания на Кубе удалось познакомиться с различными сторонами жизни страны и, главное, провести много часов с ее руководителями – с самим Фиделем, с Раулем Кастро, Рискетом, Альдано, Камачо, Сото и другими кубинскими деятелями, обсудить весь круг проблем в отношениях между нашими странами.

Для меня это была вторая большая поездка на Кубу, а первая состоялась в 1973 году во главе делегации работников КПСС. И теперь я получил возможность сравнить свои новые впечатления с прежними.

Мы с Добрыниным прилетели в Гавану 28 февраля 1988 г., за день до открытия совещания. Разместили нас в престижных особняках, расположенных неподалеку от центра Гаваны, вокруг живописного озера. Время было зимнее, не было изнуряющей жары. Но по нашим меркам это было настоящее лето, и мы даже пару раз поплавали в терпко-соленой воде, ранним утром съездив на берег океана. Кубинцы на нас смотрели как на чудаков, рискнувших купаться в такое холодное время.

Да, собственно, наслаждаться видами и ощущениями природы не было возможности, так как дни были до предела заполнены заседаниями, переговорами, встречами, официальными и неофициальными контактами.

Вечером в день приезда кубинским руководством был организован прием в честь зарубежных делегаций. Пришел, естественно, и Фидель. Он прямо направился к нам и завел довольно продолжительный разговор о делах, связанных с Панамой. Как раз это был период подъема антиамериканского движения в Панаме, руководимого Норьегой. Я убедился, что Фидель в курсе событий, поддерживает связь с норвеговским руководством Панамы. Как раз в тот момент оно через Фиделя настойчиво ставило вопрос об установлении дипотношений с Советским Союзом. Наша позиция о несвоевременности такого шага была подтверждена Фиделем, и тот сказал, что сразу после приема встретится с панамскими представителями, пообещав отговорить их от постановки такого вопроса.

Пообщавшись с другими делегациями, Фидель в конце встречи еще раз разговаривал с нами. Я сообщил ему, что мы привезли с собой послание от Горбачева и хотели бы его передать для предварительного ознакомления, чтобы можно было в процессе наших бесед, намеченных на 3 и 4 марта, обсудить содержащиеся в нем проблемы.

В повестку дня самого совещания по предложениям его участников был включен широкий круг вопросов: современное международное положение и борьба за мир и международную безопасность, разоружение и развитие, за новый международный экономический порядок; положение в Латинской Америке, в особенности Центральной; сотрудничество с коммунистическими и рабочими партиями несоциалистических стран, о работе журнала «Проблемы мира и социализма».

Их обсуждение подтвердило совпадение позиций в оценке современной международной обстановки, необходимости перестройки международных отношений, поисков решения сложных международных проблем, прежде всего разоружения и укрепления мира. Практически общую поддержку получили внешнеполитическая линия и деятельность советского руководства. Отмечалось огромное международное значение процессов перестройки в Советском Союзе.

И тем не менее в позициях каждой делегации были свои особенности, делались свои акценты. Характерны высказывания главы кубинской делегации Рискета. По его мнению, снижение международной напряженности не обязательно отразится таким же образом и на региональных конфликтах, модель национального примирения не имеет универсального значения. Иллюстрировал он это примерами Анголы, Никарагуа, ситуацией на Корейском полуострове. Кубинцы, как и

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org северокорейцы, однозначно выступили за кардинальное решение проблем задолженности развивающихся стран, заявив о невозможности выплаты долгов и необходимости их фактического аннулирования.

Кубинские товарищи задавали тон при обсуждении проблем Латинской Америки, и главный пункт их рассуждений заключался в том, что в развивающихся странах, да и во всем мире, нет зоны с такими возможностями для революционных перемен, как Центральная Америка. «Куба, – подчеркивал Рискет, – отвергает экспорт революции, но считает недопустимыми и вредными для дела всего мира любые колебания перед лицом попыток империализма экспортировать контрреволюцию. Политическое урегулирование в Никарагуа невозможно, если не будет «обуздено» стремление США ликвидировать сандинистскую революцию».

Трудно сказать, насколько адекватно Рискет выражал позицию кубинского руководства. Возможно, он представлял одно из течений, но такое, которое во всяком случае не являлось абсолютно неприемлемым для Фиделя.

Выступавшие высказывали большое беспокойство за положение в международном коммунистическом движении. Звучала мысль, что причина нынешних трудностей в запоздалом учете коммунистами новых явлений в общественном развитии, в отрицательном влиянии проблем и трудностей в социалистических странах на привлекательность идей социализма. Коммунистическому движению необходимо новое мышление, преодоление сектантской ограниченности, не только упрочение связей между компартиями, но и усиление взаимодействия со всеми левыми силами, имея в виду восстановление в новых условиях единства рабочего движения.

За пределами совещания по нашей инициативе состоялась узкая встреча руководителей делегаций, на которой я по поручению руководства КПСС проинформировал коллег о ряде острых проблем внутренней жизни Советского Союза, и прежде всего о ситуации в Нагорном Карабахе, которая всех очень волновала.

Мною был также поднят довольно деликатный вопрос о практике взаимного награждения руководителей наших стран правительственными наградами. Я информировал секретарей, что ЦК КПСС рекомендовал воздержаться от принятия зарубежных наград руководителями ЦК КПСС и советского правительства, особенно в связи с их юбилейными датами.

Тем самым был сделан недвусмысленный намек на нежелательность практики награждения советскими наградами руководства братских партий по случаю их юбилеев. Надо сказать, что уже с первых месяцев деятельности в Отделе ЦК КПСС я убедился, что эта практика изжила себя, кроме иронии и насмешек ничего не давала. Находящиеся в преклонном возрасте руководители социалистических стран имели практически полный набор советских наград, в том числе по несколько орденов Ленина. Награждения приобретали явную двусмысленность, когда речь шла о людях, занимавших особые позиции в отношениях с Советским Союзом. Тем не менее нажим на нас из столиц соцстран шел по этому вопросу сильнейший, особенно через наших послов.

Была затронута мною еще одна проблема, возникшая в ходе работы Комиссии Политбюро ЦК КПСС по реабилитации репрессированных в прошлом деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Известно, что репрессиям подверглись и многие зарубежные деятели коммунистического движения, работники Коминтерна. Со стороны ЦК КПСС была выражена готовность сотрудничать в деле восстановления справедливости и истины, реабилитации жертв репрессий. Это наше обращение также имело свой подтекст. Дело в том, что руководители некоторых партий, в частности СЕПГ, КПЧ, БКП, мягко говоря, не проявляли никакой заинтересованности и активности в этом направлении...

В один из дней участники совещания совершили поездку на остров Молодежи, которая превратилась в сплошной праздник и митинг. В дореволюционное время остров Пинос – так он тогда назывался – был полупустынным и использовался как место заключения революционеров. Нам показали тюрьму времен Батисты, в которой сидели и Фидель, и Рауль, и другие революционеры. Это огромное кольцеобразное здание в несколько этажей.

Камеры с решетками наружу и открытым выходом на внутреннюю галерею, где заключенные могли общаться друг с другом и даже переходить из одной камеры в другую. В центре круга – сторожевая башня, в которой сидели автоматчики.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Практически все на открытом воздухе, под палящим солнцем. Вот такая «темница».

После революции остров был превращен в огромную базу для образования, трудового и революционного воспитания молодежи, построены школы-интернаты, разбиты плантации цитрусовых, чтобы молодежь могла совмещать учебу с трудом. В школы-интернаты приглашалось большое число молодежи из других, прежде всего латиноамериканских и африканских, стран.

В одной из таких школ, где учились намибийцы, состоялся красочный праздник с многочисленными встречами, самодеятельными концертами, песнями и танцами, а в заключение – огромный митинг на открытом пространстве, устроенный по случаю нашего прибытия, с пламенными речами, бурной реакцией на них разноликой молодежи. Пригласили выступить и гостей. Возникло секундное замешательство. Пришлось по настоянию коллег взять эту миссию на себя. Митинг закончился пением «Интернационала».

Должен сказать, что это было впечатляющее массовое действо. Кубинцы и тут остались верны себе – провели свою «революционную линию».

Совещание хозяева использовали и для привлечения внимания к положению в Никарагуа и усилению помощи сандинистам. В один из вечеров руководители делегаций, кроме Румынии, были приглашены в посольство Никарагуа. Специально для этой встречи на Кубу прибыл Даниэль Ортега. Он держал перед нами полуторачасовую речь, смысл которой сводился к оказанию срочной экономической помощи сандинистской революции нефтепродуктами, обмундированием и некоторыми другими вещами. Мы поддержали этот призыв, но наши европейские социалистические братья поживались и чувствовали себя не особенно уютно: ведь все они, кроме ГДР, уклонялись от выполнения этого своего «интернационального долга».

3 марта по окончании совещания Фидель Кастро принял секретарей ЦК братских партий и выступил перед ними с развернутой информацией, преимущественно по вопросам экономического положения на Кубе.

Почему именно этот круг проблем избрал Фидель для своей беседы с секретарями по международным вопросам? Может быть, для того, чтобы продемонстрировать первоочередное внимание кубинского руководства именно к экономическим проблемам? Или потому, что между партиями, представленными на этой встрече, были серьезные различия во взглядах и подходах к международным проблемам, чувствительным для Кубы?

На приеме Фидель был не в полевом, а в парадном облачении, со знаками отличия команданте. Он выглядел более стройным и подтянутым, не таким грузным, как в полевой форме. Не исключаю, что виной тому – бронежилет или что-то в этом роде для обеспечения безопасности.

Сразу после совещания с руководителями делегаций состоялась встреча Фиделя со мной и Добрыниным.

На беседе присутствовали Рискет (он, правда, опоздал, сославшись на дела) и посол Кубы в СССР Камачо. Во время нашего разговора доминировали международные проблемы. Добрынин информировал о состоянии советско-американских переговоров, а я о перестройке, ее проблемах и о подготовке к предстоящей партийной конференции. Хотя в моей информации затрагивались и довольно острые вопросы – гласность, демократизация, Фидель не проявил интереса к их обсуждению. Со своей стороны, Фидель подробно, во всех деталях остановился на ситуации в Анголе, с использованием карт раскрыл всю картину военной обстановки, которую он знал досконально, вплоть до дислокации и боевых действий батальонов и рот. Где-то в середине нашей встречи, продолжавшейся не менее трех часов, Фидель устроил перерыв для проведения сеанса прямой связи с командованием кубинских войск в Анголе.

4 марта мы с Добрыниным весь день провели с Фиделем. Мотались на военном «джипе» по Гаване и окрестностям. На переднем сиденье рядом с вооруженным до зубов шофером сидел сам Фидель в полевой форме с висящим пистолетом и набитой пулями сумкой на поясе. На щитке машины прямо перед ним лежал автомат. На заднем сиденье располагались мы с Добрыниным и Дарусенков.

Вначале мы посетили Центр биотехнологии. Ознакомление с его работой убедило в высоком уровне научных исследований и практической деятельности. Кстати

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org говоря, центр создавался при тесном взаимодействии с советскими учеными и, в частности, с академиком Ю. А. Овчинниковым, так рано ушедшим из жизни. Побывали мы и в ряде других медицинских центров, поставленных на широкую ногу, оснащенных японским оборудованием. В них успешно ведутся работы по интерферону, диагностике аллергии. Сделаны первые операции на головном мозге по поводу болезни Паркинсона. Фидель разбирается во всех этих вопросах до тонкостей, по существу профессионально. Посетили мы жилые районы, где действует система домашних врачей. Подробно ознакомились с работой микробригад, силами которых выполняется 90% объема всех строительных работ на острове, жизнью и бытом строителей, побывали в Парке имени Ленина, созданном по инициативе Фиделя.

Где бы мы ни появлялись, везде образовывались большие скопления народа. И здесь, конечно, царствовал Фидель. Видно, что он продолжает пользоваться огромной популярностью среди населения.

Программа завершилась обедом в загородной вилле, до которой ехали чуть ли не целый час. В машине и за обедом разговор касался широкого круга проблем советско-кубинских отношений, положения в соцстранах и отношений с ними, советско-китайского диалога, Кампучии, Афганистана. Фидель вновь и вновь возвращался к теме Анголы. Видимо, ангольская проблема поглощала его в этот период целиком. Шел трудный поиск окончательного решения. Фидель чувствовал, что надо идти на крупные политические шаги, выбираться из ангольской трясины.

Поздно вечером Фидель передал текст ответного послания Горбачеву, который в течение ночи перевели, а утром отправили в Москву.

Последняя ночь в Гаване была отмечена традиционным посещением «тропикано» – красочного феерического представления в зеленом театре под звездным тропическим небом.

Впрочем, был еще один, последний штрих к картине контактов с кубинскими руководителями. Рано утром 5 марта, незадолго до отъезда в аэропорт, попросил о встрече со мной Рауль. Он приехал в особняк, где я размещался, и мы в течение примерно получаса беседовали с ним тет-а-тет (не считая неизменного Дарусенкова), прогуливаясь вокруг озера по прилегающей к особняку прекрасной, живописной территории. Надо сказать, что общаться с Раулем очень легко. Он с полуслова понимал собеседника, высказывался взвешенно, умел внимательно слушать.

Мы улетели домой, полные разнообразных и ярких впечатлений, увозя с собой огромный материал для размышлений и выводов. Полет через океан довольно долгий, и, зная, что в Москве времени не будет, я тут же в самолете сел за свои записи, чтобы обобщить виденное и слышанное для доклада ЦК и дальнейшей практической работы. Вырисовывалось три блока проблем: во-первых, отношение на Кубе к советской перестройке; во-вторых, вопросы экономического развития республики; в-третьих, международные проблемы, и прежде всего ситуация в Анголе.

Вокруг советской перестройки

Я уже говорил, что кубинское руководство с большим вниманием, но и некоторой настороженностью следило за процессами обновления в Советском Союзе. Конечно же, их волновал и общий смысл этих процессов, но в первую очередь то, как это может отразиться на отношениях Советского Союза и Кубы. Было видно, что многого они не понимают и не принимают, но не хотят выходить на дискуссии, чтобы не нанести ущерба советско-кубинским отношениям.

Это проявилось и в нашей беседе с Фиделем, который сам попросил рассказать, как у нас идет перестройка. Такая информация, довольно подробная, была ему дана. В ходе беседы он проявил некоторый интерес к перестройке политической системы и подготовке XIX партконференции. А в отношении экономической реформы задал лишь один вопрос: «А как у вас обстоят дела с дизайном?» После этого поблагодарил за информацию, и на этом дело кончилось, хотя проблем для обсуждения, конечно же, было предостаточно.

Кое-что прояснила моя беседа с Л. Сото, человеком, лучше знавшим происходившие у нас процессы. Он сообщил, что об экономической реформе в Советском Союзе кубинское руководство располагает довольно подробной

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org информацией. Для руководства Кубы переводятся все выступления Горбачева, основные публикации «Правды» и других органов прессы. Материал об СССР публикуется в ежедневном закрытом бюллетене. Обобщается и информация от кубинцев, посещающих Советский Союз, а также от советских деятелей и ученых, бывающих на Кубе.

По словам Сото, кубинское руководство смущает, например, решение о выпуске акций, покупатели которых становятся совладельцами предприятий. Некоторые кубинские товарищи высказывали мнение, что выборы руководителей предприятий могут снизить дисциплину, открыть дорогу демагогии. «Могу сказать откровенно, – заявил также Сото, – что в начале советской реформы у нас возникала определенная тревога относительно заключенных между нами соглашений о поставках. Вы помните, что Родригес обращался к вам. Но после последней встречи фиделя с Горбачевым эта обеспокоенность полностью снята».

«В оценке опыта Советского Союза, других соцстран, – продолжал кубинец, – мы занимаем достаточно гибкую позицию. Для нас ясно, что речь идет о совершенствовании социализма, хотя при этом могут быть отдельные ошибки. Однако наши кубинские проблемы носят иной характер, и мы ищем для них свои решения».

В отношении перестройки у нас нет опасений. Более того, мы искренне радуемся, что происходящие в СССР перемены помогут вывести его экономику на новый научно-технический уровень. Если и существует некоторая обеспокоенность, – добавил Сото, – то она вызвана отдельными публикациями по идеологическим вопросам. И речь идет не только о публикациях в советской прессе, но и о тех многочисленных спекуляциях и фальсификациях вокруг перестройки со стороны западной прессы».

Тема демократизации и гласности доминировала и в моей беседе с Раулем Кастро.

Рауль подчеркнул, что процесс перестройки и информация, связанная с ним, оказывают противоречивое влияние на сознание кубинского общества. И с этим приходится считаться. Он вспомнил, что после одного из откровенных выступлений фиделя в кубинской печати появились некоторые острокритические материалы в таком же духе. Но со стороны министерств и некоторых других организаций посыпались возражения, протесты: нужна ли такая критика?

В связи с этим я заметил, что подобная реакция на критику нам хорошо известна и мы с ней повседневно сталкиваемся. Но мы не хотим останавливаться и отказываться от линии на гласность, открытость, демократизацию средств массовой информации. Без этого перестройка немыслима, ибо любые крупные преобразования, продвижение вперед требуют критического анализа проблем, имеющих недостатки. Тут надо действовать открыто, не боясь широкого общественного мнения, а, напротив, формируя его в пользу обновления.

Мы понимаем, что не все в нашей перестройке пригодно в таком же виде для других соцстран, и вовсе не хотим призвать слепо следовать нашему образцу. Когда наши оппоненты видят различия в подходах к решению каких-то проблем в соцстранах, сразу начинают кричать о якобы существующих разногласиях между ними. Они и не подозревают, что мы уже давно отказались от представлений, будто все соцстраны должны действовать одинаково, по стандартам Советского Союза.

Видимо, не только в нашем кругу, но и для широкой аудитории надо со всей определенностью говорить, что социализм – это отнюдь не стандарт, а разнообразие подходов, которое не ослабляет, а усиливает социализм, демонстрирует гибкость и многовариантность социалистической идеи.

Р. Кастро согласился со всем этим. По его мнению, три этапа имеют наибольшее значение на историческом пути советского народа: Октябрьская революция, Великая Отечественная война и нынешняя перестройка. «Я не согласен, – добавил он, – когда из этой триады выпадает, например, Великая Отечественная война». Понимая значение перестройки в такой огромной стране, как СССР, для судеб социализма, кубинцы изучают и будут изучать ее ход, использовать все полезное для себя».

Мы были единодушны в том, что самое важное – не допускать накопления нерешенных вопросов, сомнений, недопонимания. Надо больше встречаться,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org больше информировать друг друга, не навязывая никому своих взглядов и решений.

Трудности в экономике: причины и пути преодоления

Я не припомню ни одного случая, чтобы в переговорах с нашими социалистическими партнерами с их стороны не делался акцент на «серьезные экономические трудности, с которыми в последнее время сталкивается страна». Так случилось и на этот раз в беседах с кубинскими руководителями. Были тут и ставшие традиционными в соцстранах ссылки на сложные погодные условия, в данном случае – засуха, сильный ураган, в результате чего выработка сахара сократилась за два года на миллион тонн, а соответственно сократился и его экспорт.

Были ссылки и на такую на первый взгляд странную причину, как снижение цен на нефть. Казалось бы, Куба как потребитель должна была от этого выиграть, а на практике произошло прямо противоположное. А дело в том, что реэкспорт советской нефти был основным источником поступления свободно конвертируемой валюты в кубинскую казну.

Пришлось наполовину сократить импорт из капиталистических стран, повысить тарифы на электроэнергию, транспортные услуги, отменить целый ряд бесплатных услуг, в том числе бесплатное питание для рабочих и служащих на предприятиях.

Слов нет, конкретные обстоятельства того или иного периода не могут не оказывать влияние на экономическую ситуацию любой страны, но видеть в этом причину перманентных экономических трудностей Кубы было бы неправильно. Руководители республики будто отгоняли от себя мысль, что основа трудностей глубже – в самих экономических отношениях и методах хозяйствования, подрывавших материальную заинтересованность людей, хозяйственную инициативу. Именно поэтому большие вложения средств в промышленность, в механизацию сельского хозяйства, в том числе с нашей помощью, не давали эффекта.

Своей основной задачей в экономике кубинское руководство считало не изменение существующей экономической системы, а стремление выжать из нее максимум возможного путем ее очищения («ректификация»): «устранения вредных расточительных тенденций», «исправления допущенных ошибок» и т. д. В ходе проведения ректификации, по словам Фиделя, было обнаружено большое количество неиспользованных ресурсов, сырья, скопившегося на предприятиях, выявлены большие резервы неэффективно использованного рабочего времени, неоправданное раздувание штатов. Руководству страны пришлось вплотную заняться такими вопросами, как экономическая эффективность и организация производства, качество, освоение смежных профессий.

Прилагались серьезные усилия по наведению порядка, введению системы учета, особенно контроля над себестоимостью продукции, предпринимались меры по внедрению средств автоматизации и вычислительной техники в народном хозяйстве, введено обучение навыкам использования компьютеров в средних школах. «Раньше мы не уделяли этому достаточного внимания, – подчеркивал Кастро, – а сейчас мы видим, что здесь целая наука. Мы внимательно изучаем весь имеющийся опыт, и не только в социалистических, но и в капиталистических странах».

Однако использование этого опыта на кубинской земле было выборочным и односторонним. Из него бралось то, что соответствовало кубинским представлениям о социализме. Характерно в этом отношении насаждение микробригад в строительстве, с которым Кастро подробно познакомил нас. Суть этого метода состоит в том, что предприятия, на которых, по словам кубинцев, всегда имеется определенный излишек людей и их отсутствие не сказывается на производстве, выделяют 5–6% персонала для работы на стройках. При общем количестве занятых в Гаване в 800 тыс. человек можно безболезненно высвободить для участия в строительстве жилья и объектов соцкультбыта примерно 100 тыс. человек. Члены микробригад получают зарплату по месту основной работы, а государство компенсирует издержки предприятиям. Постоянное отвлечение какой-то группы людей в микробригады соединяется с добровольным трудом членов коллектива на строительстве.

Это не что иное, как хорошо знакомый нам метод народной стройки, но с элементами государственной, а бы даже сказал, полувоенной дисциплины. Члены

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org бригады отрываются от своих семей на какой-то срок и переводятся, по сути дела, на казарменное положение с достаточно продолжительным рабочим днем, с организацией общественного питания, проведением политической работы и т. д.

Это, конечно, придало определенное оживление совсем было замершему строительству, и Фидель с гордостью приводил в ходе беседы соответствующие цифры. Но считать микробригады нормой жизни и хозяйственной деятельности можно лишь с позиций казарменного социализма, его мобилизационной модели, отторгающей экономические методы, товарно-денежные отношения.

Безусловно, в кубинском руководстве не могли не видеть и не чувствовать глубины своих экономических проблем, неэффективности хозяйственной системы, не могли не реагировать и на потребности времени в научно-техническом, социальном и духовном прогрессе общества. Думаю, что это был непростой момент для людей, считавших себя целиком преданными революционному делу. Ведь требовались серьезное переосмысление ценностей и ориентиров, исповедовавшихся десятилетиями, отход от неограниченного революционаризма в сторону взвешенной реалистической политики. Понимание того, что на революционном энтузиазме, оторванном от насущных нужд человека, нельзя долго строить политику, не могло не пробивать себе дорогу.

Я это почувствовал в беседе с некоторыми кубинскими деятелями, в частности с секретарем ЦК Компартии Кубы по экономике Л. Сото, опытным политическим деятелем, хорошо знающим экономику. К тому же в течение ряда лет он был послом Кубы в Москве. Он говорил мне примерно следующее: «Мы ищем средства, чтобы устранить бюрократизм в работе аппарата. Вскоре будем обсуждать вопрос о создании производственных объединений, предоставлении большей самостоятельности, стремимся сократить штаты министерств. Наша страна маленькая. У нас нет таких проблем, как в СССР. У нас единая нация, поэтому мы ищем решения другого типа. Надеемся в ходе двух – трехлетнего эксперимента найти такие решения, которые позволят преодолеть основные недостатки в руководстве экономикой, учитывая опыт советской экономической реформы, но исходя из наших условий».

Собеседник сетовал на недостаток подготовленных кадров. «Сейчас, – подчеркивал он, – мы хотим подтянуть к руководящим постам представителей молодого, профессионально подготовленного поколения. С этой целью имеем в виду направить в Москву группу экономистов для прохождения курсов в Академии общественных наук. Мы хотели, чтобы их пребывание в СССР было реальным соприкосновением с практической работой предприятий в новых условиях, а также ознакомлением с вашими идеями перестройки». Я обещал учесть эти пожелания.

По всему было видно, что поиск новых подходов к экономике идет, но в то время кубинское руководство в целом было психологически не готово к восприятию реформаторской идеологии, современных методов решения экономических проблем, основанных на широком использовании рыночных отношений.

Признавая важность экономической политики, оно по-прежнему делало основную ставку на командные, мобилизационные методы ее проведения, опирающиеся на государственные рычаги экономического строительства. Мы, конечно, видели это. Но исходя из своей принципиальной позиции, исключавшей вмешательство в дела других, поучительство, особенно неприемлемое в отношениях с чувствительным кубинским руководством, ограничивались одним – объяснением проблем собственной экономической реформы.

Дела ангольские

Важное место в беседах с Фиделем заняло обсуждение ангольской ситуации. Основное внимание Фидель уделил ей и на нашей официальной встрече в его кабинете, да и потом, когда мы в течение целого дня разъезжали с ним по Гаване и ее окрестностям, он неоднократно возвращался к ангольским делам. По всему чувствовалось, что эта проблема цепко держит кубинского руководителя, поглощает его ум и эмоции. Я видел, что Фидель внутренне пришел к выводу о бесперспективности военного присутствия в Анголе и необходимости кубинцам уходить из Анголы, но уходить не как побежденным, что имело бы крайне негативные последствия для всего режима, а с высоко поднятой головой, «с широко развернутыми знаменами». Кубинское руководство находилось в таком состоянии, когда надо было принимать радикальное решение по ангольской ситуации, вскрывать этот болезненный нарыв.

Но была еще одна причина, обусловившая доминирование ангольской проблемы в наших контактах с Фиделем. Дело в том, что в последние месяцы возникли серьезные трения между кубинцами и советскими военными советниками по поводу характера и тактики военных действий в Анголе.

Надо сказать, что эта ситуация не была для нас новой. Еще в начале 1987 года мне и Добрынину вместе с маршалом С. Л. Соколовым пришлось участвовать в трехсторонних консультациях – Ангола, Куба, СССР – по ангольской проблеме. Кубинская сторона была представлена Рискетом и Очоа. Уже тогда мы знали о серьезных разночтениях в позициях военных.

Советские военные советники в Анголе во главе с генералом Курочкиным (и их поддерживало в этом высшее военное руководство СССР) выражали недовольство действиями кубинских и ангольских войск. Это недовольство адресовалось прежде всего кубинцам, ибо наиболее боеспособное и активное ядро вооруженных сил Анголы составляли именно кубинские бригады численностью до 50 тыс. человек.

Советские советники выступали за широкомасштабные и решительные военные действия против УНИТА, поддерживаемой южноафриканскими войсками, за развертывание наступления в юго-восточном направлении, где, как предполагалось, находились основные силы Савимби.

Кубинцы же возражали против этого, считая, что такое наступление нецелесообразно, что надо проявлять более гибкую тактику, сочетая военные действия с укреплением влияния ангольского правительства, организационно-экономическими мероприятиями на местах, реорганизацией значительной части ангольских вооруженных сил на территориальной основе. Кубинские руководители предпочитали, чтобы активные военные действия вели ангольские войска, а кубинцы как бы подпирали, подстраховывали их.

У советских военных начальников это вызвало раздражение. Подходя к вопросу с чисто военной точки зрения, они полагали, что без участия кубинцев в решающих боях не может быть успешных действий. В руководящих советских военных кругах сложилось мнение, что кубинцы в Анголе предпочитают не проявлять активность, а пребывание экспедиционного корпуса в Анголе используют для переоснащения своих вооруженных сил: добиваясь поставок более современного советского оружия, они направляют его на Кубу, а старое с Кубы сплавляется в Анголу.

Разногласия между военными приобретали все более острый характер, стали выплескиваться в политическую сферу. В конце 1987 и начале 1988 года и мне пришлось столкнуться с ними в связи с предполагавшимся визитом Рауля Кастро в Москву для участия в праздновании 70-летия Советской Армии. На приглашение-министра обороны СССР Д.Т. Язова Рауль вначале отреагировал весьма положительно, правда, с оговоркой о необходимости посоветоваться с Фиделем. А через некоторое время из Гаваны поступило сообщение, что «поездка Р. Кастро, к сожалению, состояться не может». При этом было добавлено, что Рауль Кастро рассчитывает приехать в Советский Союз по партийной линии позднее – летом или осенью.

Такой демонстративный шаг не мог не вызывать нашего беспокойства, поскольку разногласия выводились на политический уровень. Срывалась намечавшаяся встреча Рауля Кастро с Горбачевым. Было совершенно ясно, что за этим скрываются не рутинные причины. Несколько позднее от людей из ближайшего окружения Рауля мы получили неофициальную, но обстоятельную информацию. Суть ее в том, что Фидель и Рауль глубоко возмущены той формой, в которой советский министр обороны Язов в конце ноября провел беседу по ангольским делам с первым заместителем министра РВС Улиесом Росалесом дель Торро, кандидатом в члены Политбюро ЦК партии. С ним разговаривали, по информации из Гаваны, как с провинившимся сержантом. Кубинцев, потерявших более тысячи человек, обвинили в нежелании участвовать в боях. Так можно говорить только с наемниками. Никто из советских товарищей, говорилось в сообщении, никогда раньше не позволял такого обращения с нами.

Кубинцы еще раз подчеркнули, что они принципиально не согласны с концепцией боевых действий, разработанных генералом Курочкиным в Анголе. «Нас буквально толкают участвовать в заранее обреченных операциях». Стало известно, что Рауль как-то выразился в сердцах, что если советские генералы так же планируют боевые операции в Афганистане, то не следует удивляться

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org тому, что там происходит.

Масла в огонь подлила длительная задержка с ответом на просьбу о восполнении Кубе вооружения, направленного в Анголу вместе с дополнительным воинским контингентом. Это было воспринято кубинцами как изменение политики советского руководства.

Рауль Кастро просил передать, что он по-прежнему хочет совершить поездку в СССР, но только по партийной линии, встретиться с Горбачевым. Такая поездка, считал он, могла бы состояться уже в июне.

Эта информация была немедленно доложена Горбачеву, а после его разговора с Язовым состоялись контакты между высшими военными руководителями наших стран, в какой-то мере возникшая напряженность была ослаблена, но, конечно же, не снята.

В письме Горбачева, которое мы привезли в Гавану и вручили Фиделю, содержался ответ на волнующие кубинцев вопросы, в частности согласие на поставку дополнительных партий вооружений.

В ходе обсуждения с Фиделем ангольской проблемы мы с Добрыниным стремились к тому, чтобы создать условия для полного исчерпания конфликта между военными. Было дано подтверждение того, что советская сторона рассмотрит дополнительные просьбы о поставках в Анголу четырех МиГов. Не вдаваясь в подробную разборку размовки военачальников (я уже тогда считал, что кубинцы в этом споре, с учетом перспективы политического урегулирования в Анголе, более правы), мы заверили Фиделя в готовности советских военных к более тесному сотрудничеству.

Из бесед с Кастро мы вынесли убеждение в искреннем понимании кубинцами необходимости политического урегулирования в Анголе. Участие их в начавшихся переговорах – не тактическая уловка, а действительная попытка найти компромисс, который позволил бы им с достоинством завершить свою миссию.

Убедившись в том, что военной победы в Анголе не достичь, Фидель избегал втягивания кубинских войск в опасные операции и в то же время стремился показать, что кубинцы не потерпели неудачу, остаются мощной силой, с которой всем нужно считаться.

О боевых действиях в Анголе он подробно рассказал нам с использованием военной карты, испещренной его пометками о перемещении частей и подразделений, артиллерийских позициях, действиях авиации и т. д. (Эту карту потом он вручил нам, и недавно я наткнулся на нее в своих архивах.). Во всем рассказе Фиделя нет-нет да и прорывалось чувство досады и горечи в связи с действиями советских военных представителей в Анголе, хотя было видно, что Фидель старается не давать этим чувствам разыграться.

Суть того, что говорил Фидель, сводится к следующему.

По настоянию советских специалистов в 1987 году было предпринято наступление ангольцев в юго-восточном направлении. Но ангольские войска углубились слишком далеко, оказались оторванными от источников снабжения, попали в тяжелое положение. В бой вступили силы ЮАР, и, если бы противник не допустил тактический просчет и не поторопился с контр наступлением, были бы окружены все ангольские войска.

Им удалось отступить и занять позиции к востоку от города Куито-Куанавале. Туда были выдвинуты и кубинские бригады. Была создана мощная группировка. И когда юаровцы вновь предприняли наступление с привлечением артиллерии и авиации, они встретили серьезный отпор. Юаровцам никогда не удастся захватить эти позиции, сказал Фидель. Они впервые здесь потерпели унизительное поражение. «Его можно сравнить с поражением Гитлера под Сталинградом».

В результате боев под Куито-Куанавале, в ходе которых ЮАР понесла большие потери, ситуация серьезно изменилась. И именно это, по мнению Фиделя, вынудило американцев пойти на переговоры с нами.

Несмотря на свою ненависть к Савимби и режиму ЮАР, заявил Кастро, мы считаем своей задачей не военную победу, а успешные переговоры. На

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org переговоров кубинцы выдвигают предложение о выводе своих войск из Анголы в течение трех-четырёх лет, но готовы это сделать при определенных условиях и прекращении вооруженной помощи американцев УНИТА в течение тридцати месяцев, то есть двух с половиной лет.

В замечаниях и репликах с нашей стороны были подняты вопросы о возможностях прямых контактов Анголы с ЮАР, одностороннего кубинского заявления о выводе войск из Анголы (с указанием срока) при условии предоставления независимости Намибии, вывода войск ЮАР и прекращения помощи Савимби, о более активном использовании возможностей ООН в ангольском урегулировании. (Например, обсудить в ООН проблемы Юга Африки в целом, включая и комплекс вопросов, связанных с ситуацией в Анголе, Намибии, вооруженного вмешательства ЮАР.) А может быть, следует созвать международную конференцию по вопросам Юга Африки?

Ко всему этому Фидель отнесся с интересом и пониманием, подтвердив свою приверженность идее добиваться победы не на полях сражений, а за столом переговоров.

В итоге наших бесед мы определенно продвинулись в деле лучшего взаимопонимания по проблемам ангольской ситуации и необходимости крутого поворота к ее политическому урегулированию. Кубинским руководителям все это давалось с большим трудом. Оставался горький осадок от того, что им, что ни говори, приходилось выбираться из этой авантюры. (А тут еще конфликт с советскими военачальниками). Но процесс шел в нужном направлении.

По возвращении в Москву на заседании Политбюро состоялось обсуждение итогов гаванского совещания, встреч и бесед. В деталях о кубинских впечатлениях более подробно были проинформированы Шеварднадзе и Язов. Наши военные руководители предприняли дополнительные шаги, чтобы нормализовать отношения с кубинскими коллегами.

Горбачев – Фидель

Я считал все же, что и самому Горбачеву следовало переговорить с Фиделем Кастро. Тем более что надо было отреагировать на письмо Фиделя, в принципе очень хорошее, товарищеское, хотя в нем проскальзывали старые обиды. Их разговор по телефону состоялся в начале апреля. Я присутствовал при нем. Разговор вылился в концентрированный обмен мнениями по всем основным проблемам наших отношений.

Горбачев заверил собеседника в том, что у кубинского руководства не должно быть никакого беспокойства за наши отношения, что, как и раньше, мы будем встречаться и обсуждать все возникающие вопросы.

Фидель сразу же взял «быка за рога» и надел на Горбачева по вопросу о его визите на Кубу.

«Осенью или зимой, – ответил Горбачев. – Летом приедет Рауль, мы сможем обсудить с ним все текущие дела».

Горбачев крупными штрихами обрисовал ход перестройки в Советском Союзе, сославшись на то, что я и Добрынин информировали его по этим вопросам более подробно. «Мы сами его оцениваем на «удовлетворительно». За всем приходится следить: есть и консервативные силы, есть и горячие головы. Результаты будут не сразу, но нужно и быстрое улучшение в социальной области, здравоохранении и жилье. Предстоящая партийная конференция подведет итог перестройки».

Фидель отреагировал на это так: «Самый строгий экзаменатор – это жизнь, и я уверен, что она поставит вам отличную оценку. Ждем решений конференции. Нет ни малейшего сомнения в вашем успехе».

Горбачев затронул некоторые общие проблемы современного развития социализма, высказался за то, что надо учиться сочетать общечеловеческие ценности и классовые цели. «Что касается вопросов, которые нам иногда задают, – не отступаем ли мы от целей социализма, национально-освободительного движения, – то могу напомнить, откуда мы вышли – из Октября».

Фидель ответил, что это его воодушевляет, это блестящие слова. «Знаю и

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org уверен, что ничто не заставит СССР отойти от своих целей. Мы полностью и целиком доверяем вам».

Горбачев информировал Фиделя по некоторым аспектам внешнеполитической деятельности советского руководства, в частности по подготовке Договора об СНВ, о предстоящем визите Рейгана в Москву. Сказал, что подписать договор во время этого визита, видимо, не удастся. В США не хотят отдавать этот вопрос уходящему президенту. Отметил большое внимание, которое мы уделяем европейским проблемам, подчеркнул особую важность урегулирования афганской проблемы. Он информировал Фиделя о том, что хочет в ближайшее время сам встретиться с Наджибуллой, чтобы подкрепить курс на политическое урегулирование, придать ему большую устойчивость. Мы пришли к выводу, что лучше подписать соглашение в Женеве по Афганистану, чтобы иметь возможность воздействовать активнее на урегулирование ситуации в этой стране.

Фидель заявил, что, по его мнению, предстоящий визит Рейгана в Москву будет иметь большое значение даже без подписания соглашения об СНВ, а разоружение – процесс необратимый. Просил передать привет Наджибулле, подтвердил, что его ждут с визитом на Кубу.

Горбачев говорил о нашей общей заботе – об африканских делах. Сейчас главное – закрепиться национально-демократическим режимам.

Фидель на вопрос о том, как он оценивает подвиги в Никарагуа, сказал, что соглашение, достигнутое в Никарагуа, – крупный успех. Но нет все-таки полной уверенности, что его удастся закрепить.

Как идут дела на Кубе? Если коротко, то дела идут хорошо. Поблагодарил Горбачева за согласие на поставку дополнительного количества самолетов на Кубу.

В конце разговора Горбачев сообщил, что принято решение о том, что советский посол на Кубе А. С. Капто отзывается в Москву и будет работать в ЦК КПСС первым заместителем заведующего Отделом по соцстранам. Фидель Кастро на это шуточно заметил, что готов содействовать укреплению кадров ЦК, Куба лишается друга в советском посольстве, но зато приобретает его в Отделе ЦК КПСС.

Вскоре послом на Кубу был направлен Ю.В. Петров, работавший первым секретарем Свердловского обкома партии, которого я хорошо знал по работе в ЦК КПСС.

Считаю, что эта беседа стала заметной вехой в развитии советско-кубинских отношений, подвела черту под не очень приятным эпизодом, сняла напряженность. Ничего удивительного в возникновении такого эпизода не было. Динамизм мирового развития, новые подходы советского руководства к проблемам внутренней и внешней политики, естественно, порождали определенные проблемы в наших отношениях с дружественными странами. Но при благожелательном отношении друг к другу, стремлении к взаимопониманию, при постоянном диалоге и обстоятельном контакте между руководителями удавалось их разрешать или во всяком случае смягчать.

И в дальнейшем советско-кубинские отношения развивались под знаком откровенного и конструктивно-дружественного диалога. Наша позиция состояла в том, чтобы способствовать ослаблению напряженности вокруг Кубы при неукоснительном соблюдении ее интересов, вовлечению Кубы в начавшийся процесс перестройки международных отношений, восстановлению связей между Кубой и США.

Горбачев рассказывал нам, что всякий раз, когда в ходе советско-американских встреч на высшем уровне возникал кубинский вопрос, он неизменно советовал американцам не предъявлять ультиматумов об изменении политического строя и смене руководства, а вступить в диалог с Кубой. Опыт ангольского урегулирования показал, что это и единственно возможный, и целесообразный путь нормализации обстановки в Карибском бассейне.

Весьма характерно, что свой визит на Кубу Горбачев наметил на декабрь 1988 года, сразу после посещения США и выступления на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, встреч с президентом Рейганом и вице-президентом Бушем, готовившимся занять президентский пост. Тогда в связи с сильнейшим землетрясением в Армении Горбачев был вынужден срочно из Нью-Йорка

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org вернуться домой, и визит на Кубу осуществить не удалось.

Он состоялся в начале апреля 1989 года, то есть ровно через год после памятного телефонного разговора с Фиделем. Внимание к визиту было огромным. На улицах Гаваны советского руководителя встречали толпы народа. По словам Фиделя, никакую другую встречу не наблюдало по телевидению такое количество людей. Никогда в Гаване не было столько журналистов.

Как рассказывал потом нам Горбачев (я в то время уже не занимался международными делами и не участвовал в визите), вначале со стороны руководства и даже публики на улицах чувствовалась некоторая выжидательная настороженность. Но после первых встреч, выступления в гаванском дворце конгрессов как бы прорвалась плотина дружелюбия и сердечности.

Выступление это, транслировавшееся на всю страну, носило принципиальный характер. Читатель может сам судить по его опубликованному тексту, что это не пустопорожняя декларация о дружбе, сотрудничестве и т. д., а содержательный анализ советской перестройки, мирового развития, четко сформулированная позиция по наиболее актуальным проблемам наших взаимоотношений. Здесь и новые требования к экономическим связям наших стран – «они должны быть более динамичными, более эффективными, давать большую отдачу обеим нашим странам, нашим народам». Здесь и мысль о переломном моменте в развитии цивилизации, необходимости нового политического мышления, основанного на приоритетности общечеловеческих интересов. Здесь и заявление, сделанное Горбачевым «без всяких оговорок», что мы решительно против любых теорий и доктрин, оправдывающих экспорт революции или контрреволюции, все формы иностранного вмешательства в дела суверенных государств. Только на основе признания этого принципа могут быть урегулированы региональные конфликты и исключено их возникновение в будущем. В связи с этим Горбачев изложил советскую позицию в отношении Афганистана, Анголы и Юго-Запада Африки, Ближнего Востока, Центральной Америки.

В ходе визита, продолжительных и доверительных встреч двух руководителей были обсуждены все эти и многие другие проблемы. Был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами.

Так постепенно, но неуклонно советско-кубинские отношения наполнялись новым содержанием, продиктованным действительными интересами двух народов, не без труда и внутренних переживаний освобождаясь от изживших стереотипов мировой революции и идеологической зашоренности.

Этот процесс был нарушен в результате августовского путча 1991 года и последовавшего за ним распада Советского Союза. Российская внешняя политика резко сузила советско-кубинские отношения. При этом она не избавила их от идеологизации, а просто поменяла ее знак. Дело дошло до того, что российская официальная дипломатия стала открыто поддерживать воинственную антикастровскую эмиграцию, некоторые официальные лица, подыгрывая американцам, чуть ли не в открытую высказываются против существующего на Кубе режима. И это выдается за деидеологизацию межгосударственных отношений!

Контакты между двумя странами сведены к минимуму. Произошел обвал в экономических связях, нанесший ущерб не только интересам Кубы, но и нашим, российским. Между тем без кубинского сахара России не обойтись. Более обстоятельно с точки зрения экономической целесообразности и эффективности следует разобраться и с объектами, сооружаемыми на Кубе с нашей помощью. Было бы абсурдным просто перечеркнуть и выбросить накопленный потенциал производственного, научно-технического и культурного сотрудничества наших стран, накопленный за 30 лет кубинской революции.

Глава пятая. Восток – дело тонкое

Выработка нового политического мышления поставила нас перед необходимостью переосмысления всей нашей восточной политики, в том числе отношений с ближайшими друзьями и соседями.

Считаю излишним пускаться в рассуждения относительно очевидных истин – о принадлежности нашей страны и к Западу, и к Востоку, и к Европе, и к Азии: ведь свыше 3/4 территории бывшего Союза и нынешней России находятся в Азии. Здесь расположены наши основные природные богатства. Около 27 тыс. км

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
русского побережья омываются водами Тихого океана.

Россия была и остается связующим звеном двух континентов и вместе с тем как бы замыкает северное кольцо мирового сообщества.

Восточное направление всегда играло огромную роль в российской политике, а в наше время она еще более возросла. В последней трети XX столетия в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и, если брать более широко, в масштабах всего Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) развернулись глубокие перемены с далеко идущими глобальными последствиями.

Превращение Японии во второй после США, но более динамичный центр экономической мощи, возникновение рядом с ней целой группы новых индустриальных стран, успехи Китая в модернизации экономики, прогресс, достигнутый в Индонезии, Таиланде, коренным образом меняют обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На его долю (с учетом Тихоокеанского побережья США и Канады, а также Австралии и Новой Зеландии) приходится даже сегодня более половины населения Земли, мировой промышленной продукции и торговли.

Страны АТР вышли на лидирующие позиции по наиболее перспективным направлениям научно-технического прогресса: электроники, аэрокосмической технологии, освоения новых источников энергии и богатств Мирового океана. Научно-техническая революция в сочетании с огромными природными богатствами, людскими ресурсами этого региона, традиционным трудолюбием, дисциплинированностью и рациональным образом жизни населения восточных стран открывает перед ними широкие перспективы и на будущее. По имеющимся прогнозам, суммарный валовой национальный продукт стран АТР к 2000 году в два раза превысит ВВП стран Европейского экономического сообщества.

Все это дает основание утверждать, что центр международной жизни, на протяжении многих столетий находившийся в Европе и бассейне Северной Атлантики, будет смещаться в область Азиатско-Тихоокеанского региона. Недаром грядущее столетие все чаще называют «тихоокеанским веком» («Pacific Age»).

Можно без преувеличения сказать, что от того, как будут здесь разворачиваться события, все в большей степени зависят судьбы всего человечества.

Но и проблем здесь хоть отбавляй. Азиатско-Тихоокеанский регион поражает не только размерами своих необъятных просторов, людских и природных ресурсов, но и разнообразием, многоликостью стран. В отличие от Европы с ее географической компактностью и в большой степени общим культурно-историческим наследием страны Азиатско-Тихоокеанского региона весьма отличаются друг от друга географическими условиями, уровнем экономического развития, социально-политическим строем и национальными традициями. Здесь расположены или сюда имеют выходы такие крупнейшие мировые державы, как США, Россия и Япония, бывшие «белые доминионы» – Канада, Австралия, Новая Зеландия, такие крупнейшие и своеобразные восточные страны, как Китай и Индонезия, группа новых индустриальных стран («восточных драконов») – Республика Корея, Гонконг, Малайзия, Сингапур, более двух десятков развивающихся стран. Среди стран этого региона – и гиганты, и крошечные государства.

Вследствие пестроты сложившихся условий социально-экономического и политического развития Азиатско-Тихоокеанский регион на протяжении многих лет оставался зоной сложнейшего переплетения острых международных проблем, столкновения интересов, конфликтов. Это был район высокой политической нестабильности со множеством взрывоопасных региональных проблем. Многие из них не решены до сих пор.

Нельзя не сказать в этой связи еще об одной стороне дела, имевшей для нас принципиальное, первостепенное значение. Она состоит в том, что результаты экономического соревнования между двумя системами для стран, объявивших себя социалистическими, оказались здесь еще более плачевными, чем в Европе. Разрыв в уровне социально-экономического развития, в материальном положении людей между странами, принадлежащими к различным системам, здесь еще более увеличился, стал просто вопиющим.

Конечно, это в какой-то мере объяснимо тем, что социально-экономическое

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org развитие в Китае было на долгий период задержано маоистскими экспериментами и внутривластной борьбой, а во Вьетнаме – почти 30-летней освободительной войной против сменявших друг друга японских, французских, а затем и американских колонизаторов. Но у всех перед глазами то, что произошло на Корейском полуострове. Стартовые условия на Севере были во всяком случае не хуже, чем на Юге, а в итоге за два с половиной десятилетия после корейской войны Юг далеко оставил позади Север в экономическом отношении.

От динамично развивающихся стран и районов Тихоокеанского региона резко отличаются наши Дальний Восток и Восточная Сибирь. Они погрузились в своего рода застойное состояние. Такая ситуация на Дальнем Востоке становится источником неустойчивости, противоречий, подогревая нездоровую обстановку вокруг территориального вопроса.

Все это не могло не учитываться при выработке нашей новой политической стратегии в восточном направлении. Ее развернутое обоснование было дано Горбачевым во Владивостоке 28 июля 1986 г. Дальнейшее развитие она нашла в советско-индийской Декларации, а затем в выступлении Горбачева в Красноярске 16 сентября 1988 г.

Чтобы представить себе масштабность и широту новых подходов к восточной политике, достаточно напомнить о ее основных компонентах, тесно связанных друг с другом.

Это – придание динамизма двусторонним отношениям со всеми без исключения расположенными здесь странами. Прежде всего речь идет о нормализации отношений с Китаем – нашим великим соседом, а также с Японией, Индонезией, Филиппинами, Малайзией и другими странами этого региона, активизации диалога с США по азиатско-тихоокеанским проблемам.

Это – углубление и обновление отношений с нашими друзьями и союзниками – Вьетнамом, Лаосом, Кампучией, Монголией, КНДР.

Это – урегулирование военных конфликтов в Афганистане, Кампучии, преодоление опасной напряженности на Корейском полуострове, продвижение по пути, ведущему к национальному объединению корейского народа.

Это – прекращение гонки вооружений, и в особенности наращивания ядерного оружия, снижение военного противостояния: ликвидация ракет средней дальности, создание безъядерных зон, снижение активности военных флотов, сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, разработка и принятие мер доверия и неприменения силы в регионе с перспективой роспуска военных группировок и отказа от иностранных баз на Тихом океане.

Это – активизация международного политического и экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подготовка по типу Хельсинкской тихоокеанской конференции по безопасности и сотрудничеству с участием всех тяготеющих к океану стран.

Это – принятие комплекса мер по решению коренных проблем социально-экономического развития российского Дальнего Востока и создание условий для углубления экономического, научно-технического, экологического и культурного сотрудничества восточных районов страны с зарубежными странами, введение для этого «льготного режима», создание «свободных экономических зон» и т. д.

В последующие годы по всем этим направлениям была развернута большая работа и, как может судить сам читатель, достигнуты немалые подвижки, хотя, конечно, это лишь самое начало оздоровления обстановки и налаживания новой системы отношений между государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Послевоенный Вьетнам

Спустя 10 лет после победы

Из всего комплекса проблем восточной политики мне как секретарю и заведующему Отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран больше всего пришлось заниматься советско-вьетнамскими отношениями, на которых и хотелось бы остановиться в первую очередь.

Прошло 10 лет после исторической победы Вьетнама над полумиллионным американским экспедиционным корпусом и сайгонским марионеточным режимом. Вьетнамский народ добился осуществления своей высшей национальной цели – объединения страны. Мне довелось быть во Вьетнаме, когда война на Юге еще продолжалась, и видеть страну, отмобилизованную для борьбы. Знакомство с жизнью вьетнамского народа не могло не вызывать чувств изумления и восхищения: полуголодный, разутый, раздетый народ смог противостоять мощной, современной военной машине. И не только противостоять, но в конечном счете взять верх, добиться прекращения американской агрессии. Насколько же велика сила национальной идеи!

И вот в декабре 1986 года я снова оказался во Вьетнаме в составе делегации КПСС на VI съезде Вьетнамской партии труда. Возглавлял делегацию Е.К. Лигачев. Готовясь к этой миссии, мы в отделе провели тщательный анализ всего комплекса проблем, связанных с Вьетнамом и советско-вьетнамскими отношениями.

Ситуация во Вьетнаме и по истечении 10 лет оставалась очень сложной. Победа в войне, объединение Севера и Юга вызвали подъем национального самосознания. Реальностью стало появление в регионе крупного государства почти с 60-миллионным населением, которое, естественно, заявило о своих особых интересах на Индокитайском полуострове. Из двух союзников по антиамериканской войне хорошие контакты сохранились у Вьетнама только с Советским Союзом. С Китаем отношения стали прохладными уже к концу войны, а после ее окончания – даже враждебными. Объединенный Вьетнам стал тяготиться китайской опекой, не воспринимал стремление Китая укреплять свое влияние на Индокитайском полуострове.

В свою очередь, Китай не хотел примириться с тем, что у его южных границ появилась крупная самостоятельная страна, проводившая свою политику, да к тому же находившаяся в союзных отношениях с другой великой державой. Очень болезненно китайцы относились к естественному стремлению Вьетнама укрепить отношения с Лаосом и Кампучией.

В этот период особенно давали о себе знать многовековые противоречия между Китаем и Вьетнамом. Я помню, как еще во время моего первого посещения Вьетнама в Историческом музее вьетнамский экскурсовод особо акцентировал внимание на более чем тысячелетней истории борьбы вьетнамцев против иностранных завоевателей. На мой вопрос, кого же он имеет в виду, экскурсовод ответил: «Китайских гегемонистов». Но тогда это произносилось скороговоркой, а сейчас стало одним из лейтмотивов официальной идеологии и политики.

В этой обстановке возникла кампучийская проблема. В ответ на ввод вьетнамских вооруженных сил в Кампучию и изгнание из нее полпотовцев Китай решил «преподать урок» вьетнамцам и начал военные действия против него на Севере. Китайские войска вторглись на сотни километров в глубь вьетнамской территории, а потом, вынужденные уйти оттуда, продолжали сохранять крупную военную группировку на границе, и Вьетнам должен был держать в этом районе миллионную армию. А всего под ружьем во Вьетнаме и Кампучии было 2 млн. человек. Одно это было уже непосильной ношей для очень слабой, да и к тому же истощенной войной вьетнамской экономики.

Экономическая ситуация во Вьетнаме и через 10 лет оставалась тяжелой, просто отчаянной. У крестьян отбирались все излишки продовольствия и направлялись на содержание армии. Городское население получало лишь 13 кг. риса на человека в месяц, и больше ничего. В городах, да и в сельской местности, царил потрясающая нищета. Жилища в городах и поселках, казалось, находятся в полуразрушенном состоянии. Да и какие это дома: земляной пол, легкие бамбуковые перегородки и крыша? Тут же изготовление пищи и нехитрых поделок для продажи. Вся жизнь людей на улице, в пыли.

Зарплата тех, кто работал на предприятиях, в мастерских и учреждениях, покрывала не более трети скудного прожиточного минимума. Вьетнамцы просто физически были не в состоянии выполнять тяжелые работы, например на грузовиках в угольных разрезах.

Без приработка не могли обходиться даже работники государственного и партийного аппарата. В беседе с нами первый секретарь Хошиминского горкома партии сказал, что вынужден разводить свиней в личном хозяйстве для

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org получения дополнительного дохода.

В состоянии полного развала находились финансы и денежное обращение страны. Дело доходило до того, что мы не успевали выполнять отчаянные просьбы вьетнамцев на печатание бумажных донгов, отправляли их во Вьетнам самолетами. Огромные суммы денег выплачивались на содержание армии, государственного и партийного аппарата, а возврат денег в бюджет был очень ограниченным. Денежная масса словно бросалась в бездонную бочку и быстро обесценивалась.

Приходится только удивляться, как все это терпел народ, выдержавший такие испытания в годы войны?!

Слов нет: объективно условия для послевоенного развития Вьетнама, особенно международные, складывались трудно, но уже тогда было ясно, что и в политике Вьетнамской партии труда, ее руководства во главе с Ле Зуаном были допущены серьезные ошибки. Вьетнамские руководители не сумели учесть всей глубины изменения обстановки после объединения страны и вступления ее в новую полосу развития, продолжали мыслить категориями военного времени и действовать командными методами.

Задачи мирного времени они воспринимали сквозь призму сталинских догм и представлений. Подъем национального самосознания подталкивал их к необдуманным попыткам как можно быстрее осуществить переход к социализму, но не через нэп, а через амбициозные планы индустриализации и коллективизации, своеобразный «большой скачок».

Отсюда пренебрежение нуждами народа, стремление к созданию индустриальных гигантов, не считаясь ни с чем, вместо того, чтобы в первую очередь поднять сельское хозяйство, народные промыслы, дать простор свободной торговле и экономическим стимулам.

Надо прямо сказать, что этому амбициозному курсу форсированного «строительства социализма» без учета насущных нужд страны и народа подыгрывали и наши специалисты и плановики, которые в большом числе были представлены в органах государственного управления Вьетнама в тот период. А когда мы стали их поправлять, это встретило неприятие и даже сопротивление.

Без коренного пересмотра политики нечего было и думать о серьезном изменении ситуации в стране. Горбачев в товарищеской форме говорил об этом руководителям Вьетнама. Сознание необходимости перемен, я думаю, постепенно накапливалось в головах по-восточному рассудительных, несуетливых вьетнамцев, но до поры до времени это не давало результатов.

К тому же Ле Зуан был серьезно болен. В довольно тяжелом состоянии он участвовал в работе XXVII съезда КПСС. Силы постепенно покидали его. Помню, приехав во Внуково-2 проводить Ле Зуана, возвращавшегося на родину, я увидел человека, который уже не мог самостоятельно передвигаться, его просто внесли в самолет. По возвращении на родину через некоторое время Ле Зуан скончался.

На смену ему пришел Чыонг Тинь. Он, как и Ле Зуан, относился к старой хошиминской гвардии вьетнамских руководителей. Ранее он уже был в течение непродолжительного времени Генеральным секретарем ВПТ. Маленький, щупленький, но очень активный, он отличался острым умом и реалистическим восприятием действительности. Под его руководством и был подготовлен VI съезд Вьетнамской партии труда, переименованной на съезде в Коммунистическую партию Вьетнама (КПВ).

В процессе подготовки съезда Чыонг Тинь дважды был в Москве и встречался с Горбачевым. Разговор был совсем другой, чем с Ле Зуаном. Новый вьетнамский руководитель дал реалистический и острокритический анализ положения в своей стране, говорил о необходимости удовлетворения самых насущных нужд многострадального народа, о недопустимости дальнейших губительных попыток испытывать его терпение. Он считал необходимой коренную перемену всей линии политики партии и государства, высказывал в то же время полное одобрение решений XXVII съезда КПСС и внешней политики Советского Союза, в том числе на восточном направлении.

Чыонг Тинь дал ясно понять, что не собирается оставаться лидером партии, полагая, что руководство партией и страной следует передать в более

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org молодые, энергичные руки. И такая работа по выдвижению нового лидера была заблаговременно проведена еще до съезда в Политбюро, ЦК партии с привлечением широкого партийного актива. Конечно, окончательное решение до съезда не было принято, но мнение по этому вопросу сформировалось, и оно не оставалось тайной. Речь шла о Нгуен Ван Линя, энергичном, более молодом, по вьетнамским меркам, руководителе, который в течение ряда лет возглавлял национально-освободительную борьбу вьетнамского народа на юге страны.

Чувствовалось, что в руководстве Вьетнамской партии труда зреют новые подходы к проблемам, хотя полной уверенности в том, что на съезде они восторжествуют, не было.

Переломное событие

VI Съезд Вьетнамской партии труда, состоявшийся в декабре 1986 года, превзошел все ожидания смелостью постановки вопросов, самокритичностью, новизной выдвинутых задач. Во вступительном слове Нгуен Ван Линя, политическом докладе, с которым выступил Чюнг Тинь, был обстоятельно проанализирован опыт общественно-политического развития страны в послевоенное время. Была развернута критика допущенного ранее субъективизма и волюнтаризма. Впрочем, все это делалось без какой-либо крикливости и разноса прежнего руководства, которому воздавалось должное за его заслуги в национально-освободительной борьбе.

Вьетнамское руководство выступило против неправильного понимания теории переходного периода, имевших место попыток забегания вперед, перенесения на мирное строительство методов работы партии, сложившихся в годы войны, механического заимствования чужого опыта индустриализации.

Съезд вместе с тем дал самую высокую оценку советской перестройке. Весьма созвучной перестройке оказалась постановка вопроса вьетнамцами о повышении роли человека, выражаемая формулой «народ знает, обсуждает, действует и контролирует». Поражало абсолютное отсутствие в докладах и выступлениях какого-либо славословия.

Чего стоит одна смена руководства. Пожалуй, к тому времени это был единственный случай в практике партий соцстран «конституционной» смены лидера партии на съезде. Важно, что все было сделано в достаточно уважительной форме по отношению к прежним руководителям, которые с большим почетом были освобождены от партийных постов. Одни остались советниками, а другие на известное время сохраняли свои прежние государственные обязанности.

Перемены в политике коснулись самых коренных вопросов. В экономике был взят курс на первоочередное решение трех проблем: сельского хозяйства, легкой промышленности и внешней торговли. В соответствии с этим пересмотрена политика капиталовложений, взят курс на экономические методы, на развитие торговли в духе ленинских идей новой экономической политики, которая была единственным спасением для Вьетнама.

В решениях съезда был заложен, может быть, не столь резкий, но явный поворот к поиску политического решения сложных проблем и в области внешней политики, тяжкой гирей висевших на ногах Вьетнама. Подспудно маячили идеи нормализации отношений с Китаем, ибо без этого нельзя было добиться сколько-нибудь существенного высвобождения ресурсов страны для насущных экономических нужд.

В общем съезд положил начало новой полосе в развитии Вьетнама. Хотя недостатка в революционной фразеологии не было, суть политики вырисовывалась уже совсем иной.

Во время пребывания во Вьетнаме делегация КПСС ознакомилась с некоторыми объектами советско-вьетнамского сотрудничества, побывала в Хайфоне и Сайгоне, переименованном в Хошимин. Среди них гидроузел и электростанция Хоабинь на реке Черная – уникальная стройка по своим масштабам, замыслам и техническим решениям. И вьетнамцы, и советские специалисты с гордостью говорили, что это крупнейшее гидросооружение во всей Юго-Восточной Азии. Оно избавляет огромную территорию в долине реки Черная от периодических наводнений, позволяет удвоить или даже утроить электробаланс страны. Весьма оригинальны и инженерные решения: сами гидроагрегаты размещаются в помещениях, вырубленных в скалах. На стройке создана мощная база, сооружен

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
современный городок гидростроителей.

Все это, конечно, не могло не впечатлять. А другая сторона дела состояла в том, что мощнейший современный объект не вписывался во вьетнамскую среду, находился как бы в другом измерении. К принятию такого мощного потока электроэнергии народное хозяйство и, в частности, сам Ханой не были подготовлены, никто своевременно не подумал о технических средствах передачи и потребления. Введение крупнейшего объекта рассматривалось как самоцель, а не средство подъема экономики и улучшения жизни людей. Такой же односторонний, некомплексный подход проявился и в возведении некоторых других объектов, в частности крупного цементного завода Бимшон. Там забыли провести дорогу для доставки топлива. Крупные недостатки были допущены и в сооружении электростанции Чиан на юге Вьетнама, вблизи Хошимина.

Другой объект, который нам удалось посетить, – это нефтепромысел Вунгтау, где на первых морских платформах к тому времени уже началась промышленная добыча нефти. Она важна была не только для вьетнамцев, которые избавлялись в перспективе от необходимости закупать жидкое топливо за границей, но и для нас, поскольку освобождала нас от обременительных поставок 1 млн. т нефтепродуктов для Вьетнама. Но для этого надо было не только добывать нефть, но и организовать ее переработку. Решение же этого вопроса затягивалось. В результате некоторое время нефть, добытую в Вунгтау, продавали за рубеж, а нам приходилось по-прежнему гнать танкеры с нефтепродуктами во Вьетнам.

К этому времени были открыты и другие месторождения нефти на южном и северном шельфах Вьетнама. Свои услуги по их разработке предлагали Япония и даже Индия. Наши строители и нефтедобытчики вели себя как собака на сене: сами были не в состоянии развернуть такие работы, но в то же время косо смотрели и на переговоры вьетнамцев с другими странами.

Значительно более быстрые результаты давало сотрудничество в изготовлении во Вьетнаме швейных и других изделий из давальческого сырья, создании плантаций по выращиванию гевеи, чая, кофе, овощей и фруктов главным образом на юге страны. Но оно считалось не очень престижным и не привлекало к себе необходимого внимания ни вьетнамской, ни особенно советской стороны. Плохо использовались выгодные для нас возможности ремонта советских судов на верфях Хошимина.

Таких вопросов в ходе поездки делегации по стране обнаружилось великое множество.

В заключение состоялась встреча советской делегации с Нгуен Ван Линем, избранным на съезде Генеральным секретарем Коммунистической партии Вьетнама, ветеранами-советниками и основными членами Политбюро. Новый руководитель Вьетнама еще раз подчеркнул, что на съезде нашли выражение коллективная мысль вьетнамских коммунистов, созвучие выводов VI съезда Компартии Вьетнама с XXVII съездом КПСС. Вместе с тем, делаясь своими соображениями на будущее, он признал, что доклад и выборы нового состава ЦК, формирование нового руководства – это только начало выработки новой политики и практической работы, направленной на возрождение Вьетнама.

Была высказана просьба о том, чтобы в первом квартале 1987 года принять Нгуен Ван Линя в Советском Союзе.

Не обошлось и без особых просьб, в частности о поставке Вьетнаму значительного количества материальных ресурсов, необходимых для преодоления самой тяжелой полосы экономических трудностей и удовлетворения самых насущных потребностей народного хозяйства.

В целом VI съезд Компартии Вьетнама породил надежду на выход из тяжелого положения, в котором оказалась страна. Это было важно прежде всего для облегчения невыносимого материального положения народа, для политической стабилизации и предотвращения социального взрыва, который мог стать неотвратимым.

Это было важно и для Советского Союза. Стало видно, во имя чего мы ежегодно затрачивали примерно миллиард рублей на помощь Вьетнаму, ввозили товаров туда вдвое больше, чем вывозили.

В таком духе об участии делегации КПСС в работе VI съезда Коммунистической

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org партии Вьетнама мы доложили на Политбюро. Оно одобрило деятельность делегации и поручило советским, государственным и хозяйственным органам внимательно рассмотреть вопросы, связанные с советско-вьетнамским сотрудничеством, повышением эффективности нашей помощи и наших экономических связей.

Послесъездовская заминка

В течение нескольких последующих месяцев после столь успешно проведенного съезда в деятельности вьетнамского руководства наступила какая-то заминка, не предпринималось никаких заметных шагов по реализации решений съезда. Информация из Вьетнама была очень скупой. Объяснение одно: по-видимому, в руководстве вспыхнула борьба вокруг интерпретации решений съезда между двумя группировками.

Одна из них – традиционно консервативная – продолжала линию Ле Зуана на «строительство социализма» жестко административными методами, через классовую борьбу, форсированную индустриализацию, насаждение социалистических форм ведения хозяйства с помощью государства. Эта часть руководства всячески подчеркивала свою близость к Советскому Союзу, и, я думаю, это делалось совершенно искренне, от души. Они недвусмысленно поддерживали нас в советско-китайском споре, выступали против развития отношений с Западом, а также со странами АСЕАН.

Свои планы большого скачка для Вьетнама они связывали с помощью со стороны Советского Союза и других социалистических стран. Рассуждения были простыми: «Мы в течение долгого ряда лет вели упорную борьбу с империализмом, то есть выполняли свой интернациональный долг. В это время другие страны социалистического лагеря нормально развивались, и теперь Вьетнам, понесший столь большие жертвы во имя общего социалистического дела, вправе рассчитывать не только на морально-политическую поддержку, но и на реальную материальную помощь со стороны других соцстран».

Помощь Советский Союз, конечно, оказывал и не собирался прекращать ее вдруг. Но в то же время мы считали, что в таких масштабах она не может продолжаться бесконечно, что Вьетнаму надо побыстрее встать на ноги и самостоятельно решать свои задачи. Другие же страны советского блока уже в эти годы откровенно отказывались от предоставления помощи Вьетнаму, впрочем, как и другим развивающимся странам, предпочитая иметь с ними нормальные взаимовыгодные отношения.

Такой по сути дела фундаменталистской линии придерживались, по всей видимости, прежний руководитель правительства Фам Ван Донг, новый премьер Фам Хунг и некоторые другие вьетнамские руководители традиционного толка. Впрочем, об этом судить было весьма затруднительно, ибо дискуссии во вьетнамском руководстве велись в весьма специфических для Востока формах, не выносились на публику, а разногласия, о которых заходила речь, не увязывались с конкретными лицами даже в переговорах на высшем уровне.

Идейным вдохновителем противоположной линии был Ле Дык Тхо. К нему тянулись более молодые деятели, в том числе министр иностранных дел Нгуен Ко Тхат, член Политбюро и секретарь ЦК Суан Бат. Это были, по сути дела, противники фундаментализма, люди, придерживавшиеся прагматических, реалистических взглядов. Они выступали за первоочередное решение тех проблем вьетнамской экономики, которые могли бы быстрее принести облегчение для народа, за развитие различных форм собственности, предоставление большей свободы хозяйствам крестьян и ремесленников, предпринимательство.

Во внешней политике они склонялись к политическому решению кампучийской проблемы, постепенной нормализации отношений с Китаем, развитию диалога со странами АСЕАН, экономических отношений с Японией и западными странами.

Перед съездом и на нем самом в основном взяла верх прагматическая, реалистическая линия, но после него, по-видимому, борьба вновь разгорелась. Новый Генеральный секретарь Нгуен Ван Линь, несмотря на солидный возраст и большой военный опыт, в решении таких проблем был новичком. Поддержав его выдвижение на эту должность, каждая из противоборствующих сторон рассчитывала оказывать на него решающее влияние в будущем.

На этой почве и произошла почти полугодовая заминка в практическом осуществлении решений VI съезда Компартии Вьетнама. В конечном счете Нгуен

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Ван Линь, как показал последующий ход событий, взял сторону прагматиков и реалистов. Их влияние в руководстве возросло, хотя и представители жесткой линии не подверглись остракизму, продолжали занимать высокие посты в партии и государстве.

К весне 1987 года состояние неопределенности закончилось, и в мае Нгуен Ван Линь в сопровождении До Мыоя (и тут сказывалось стремление вьетнамцев к сбалансированным решениям) прибыл в Москву с официальным визитом.

Вьетнамец информировал Горбачева о развернутой программе действий во внутренней и внешней политике страны в духе решений VI съезда партии, углубив и конкретизировав их по многим вопросам. При этом чувствовал себя уверенно и излагал свою программу очень убежденно и, я бы сказал, эмоционально.

Изменился сам характер просьб о помощи. Раньше вьетнамцы просили зерно, чтобы хоть мало-мальски кормить армию и городских жителей. Риса у нас не было, выделяли пшеницу, к использованию которой вьетнамцы были совершенно не готовы и не знали, что с ней делать, ведь хлебопекарной промышленности у них практически не было. Теперь вместо зерна они просили оказать помощь в виде удобрений, тракторов и горючего, чтобы поднять собственное производство риса.

Информируя Политбюро о своей встрече с высоким руководителем, Горбачев высказал удовлетворение от состоявшегося обмена мнениями и надежду на то, что там дела пойдут лучше.

Еще одна встреча Горбачева с Нгуен Ван Линем произошла во время его пребывания на юбилейных торжествах в Москве по случаю 70-летия Октябрьской революции. Кстати говоря, вьетнамскому руководителю, с учетом мнения наших друзей, было поручено произнести ответную речь на приеме в Кремле в честь делегаций политических партий и движений. Нгуен Ван Линь с большим чувством ответственности, я бы сказал, взволнованно отнесся к этой своей миссии, тщательно готовился к выступлению, произнес хоть и короткую, но очень содержательную и эмоционально насыщенную речь.

На встрече с Горбачевым Нгуен Ван Линь, передав привет советским товарищам от Политбюро ЦК КПВ и советников, вновь вернулся к оценке экономической ситуации в стране, которая оставалась тяжелой. На сей раз он более определенно связывал ее с ошибками, допущенными в экономической политике в послевоенный период, особо подчеркнул, насколько велико значение идей и советского опыта нэпа для возрождения Вьетнама. И здесь коренной вопрос – взаимоотношение с крестьянством. Сельские производители были задавлены налогами и другими ограничениями. В приусадебных хозяйствах разрешалось иметь только 5% земли, но и при этом они давали 50– 60% общей продукции.

Нгуен Ван Линь подчеркнул необходимость резкого сокращения расходов на содержание армии и госаппарата. «Наша двухмиллионная армия, – говорил он, – самая большая по расчету на душу населения. Мы разработали новый подход к военному строительству, который предполагает небольшую численность регулярных войск, которые могли бы опираться на широкую основу народного ополчения, не требующего больших затрат. Были предложения создать вдоль границы с Китаем на севере своего рода «линию Мажино», но они неприемлемы из-за дороговизны и уязвимости. Сейчас идем по линии создания укрепленных районов, которые могли бы принять огонь на себя и послужить основой для действий регулярной армии».

Нгуен Ван Линь сообщил, что в государственном аппарате работают 3–4 млн. человек. С семьями – это не менее 10 млн. человек, то есть чуть ли не каждый пятый в стране. Такой аппарат кормить слаборазвитая экономика просто не в состоянии.

Конкретный деловой подход Нгуен Ван Линь проявил в вопросе использования советской помощи. До недавнего времени здесь не было ни четкой политики, ни хорошей организации, помощь не доходила до людей, застревала, распылялась и расхищалась где-то на верхних и средних ступенях бюрократического аппарата. Сейчас они подошли к этому делу иначе. Помощь, особенно удобрениями, горючим, техникой, сосредоточивалась в 100 наиболее перспективных уездах для того, чтобы получить от нее максимальную отдачу, прежде всего в увеличении производства риса.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
На вопрос о том, есть ли понимание всех этих проблем в руководстве, Нгуен Ван Линь ответил положительно, но вместе с тем посетовал на то, что не все ведут активную работу в нужном направлении. «Есть люди, у которых слова и дела не расходятся, а есть просто пустозвоны. Есть в Политбюро и в Секретариате люди консервативные, особенно когда дело доходит до конкретики».

Наша позиция

Надо сказать, что новый курс вьетнамской политики воспринимался в наших руководящих кругах неоднозначно, особенно в тех случаях, когда это требовало коренного пересмотра своих собственных представлений и методов практической работы во взаимоотношениях с Вьетнамом. Я имею в виду прежде всего Госплан и Министерство внешнеэкономических связей, а также военные инстанции. Это не могло не отражаться и на настроениях некоторой части Политбюро.

Нет-нет да и прослеживалась настороженность и даже подозрительность в отношении вьетнамских прагматиков, стремление ориентироваться на деятелей консервативного толка – «настоящих и верных друзей СССР». Наши плановые и внешнеэкономические органы очень медленно реагировали на изменение ситуации во Вьетнаме. Здесь продолжали довлеть прежние представления, исходившие из умозрительных догм относительно социалистического строительства. Госплановские советники в Ханое по-прежнему толкали вьетнамцев на сохранение и усиление централизованных методов планирования, поощряли гигантоманию, амбициозные программы и т. п.

Надо сказать, что в нашем Политбюро не проходило и месяца, чтобы не вспыхивал вопрос об эффективности помощи Вьетнаму и перестройки советско-вьетнамского экономического сотрудничества. Со стороны Генерального секретаря и других членов Политбюро высказывалась острая критика медленной реакции с нашей стороны на изменяющуюся ситуацию.

После одного из таких заседаний в апреле 1988 года я провел совещание по вопросам экономического сотрудничества с Вьетнамом. О нем, мне кажется, стоит рассказать несколько подробнее.

Открывая совещание, я сказал: «Прошло 13 лет после окончания войны и воссоединения Севера и Юга Вьетнама. Правда, потом были новые политические осложнения: кампучийская эпопея, китайское вторжение, но и после этого прошло уже около 10 лет. Ситуация в экономической сфере остается исключительно тяжелой, можно сказать, отчаянной.

Сейчас в этом государстве с населением почти в 60 млн. человек жизненный уровень людей сопоставим с тем, что мы имеем в самых неразвитых районах земного шара. Среднедушевой доход не превышает 100 долл. на душу населения в год. Это в 20 раз меньше уровня европейских стран, в 10 раз меньше, чем в Монголии и на Кубе. Этот разрыв не только не сокращается, а, наоборот, возрастает, особенно в сопоставлении с новыми индустриальными странами Азии.

Не так давно в такой же ситуации находился и Китай, но он совершил сильный скачок вперед. Буквально за несколько лет он на 100 млн. т увеличил производство зерна, а Вьетнам – самая рисовая страна – бедствует из-за его недостатка.

Народное хозяйство буквально задыхается от инфляции. За прошлый год уровень инфляции составил 500%. Высокий уровень безработицы, тяжелое бремя военных расходов, не говоря уже о внешнем долге. Большинство людей живет впроголодь. Процветает спекуляция, аппарат управления поражен коррупцией.

Естественно, что и общественно-политическая обстановка не может быть в этих условиях нормальной. Терпение населения не может продолжаться бесконечно.

Можно ли в этих условиях мириться с тем, что наша помощь по-прежнему остается малоэффективной. С трудом преодолеваются неправильные установки, продиктованные не реальными условиями, а догматическими представлениями о строительстве социализма. Мы завязли в крупных объектах. Многие из них сооружаются в течение долгих лет и не дают отдачи.

Перед нами стоит задача еще и еще раз осмыслить ситуацию, найти пути

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org повышения эффективности нашего сотрудничества с Вьетнамом – нашим стратегическим союзником в Юго-Восточной Азии. Нельзя не учитывать и того, что помощь Вьетнаму становится для нашей страны все более обременительной, а сохранение нынешней ситуации перечеркивает все надежды на возвращение долгов.

Где те узлы, которые надо развязать, чтобы помочь вьетнамскому руководству выйти из этой ситуации? На этот вопрос надо дать ответ и представить наши предложения руководству Центрального Комитета партии».

Выступивший первым заместитель председателя Госплана П. А. Паскарь пытался объяснить тяжелую экономическую ситуацию во Вьетнаме тем, что страна лишилась миллиардов долларов, которые текли туда раньше из США и Китая, апеллировал к некоторым частным улучшениям, имевшим место, по его мнению во Вьетнаме, оправдывал позиции Госплана, его советников при вьетнамском правительстве, которые, безусловно, несли немалую ответственность за поощрение неправильных тенденций в экономическом восстановлении и строительстве Вьетнама в послевоенные годы.

В духе оправдания и поддержки централистских методов было выдержано и выступление руководителя аппарата экономических советников во Вьетнаме В.С. Орлова. Он сетовал на расползание ресурсов, призывал взять в руки государства торговлю рисом, табаком и т. д.

Главный редактор журнала «Коммунист» Н.Б. Биккенин, который направлялся во Вьетнам для консультаций в работе над новой программой КПВ, высказал несколько серьезных соображений об общественно-политическом развитии страны и нашей позиции в этих вопросах. В самом основании вьетнамского общества, по мнению Биккенина, возникла «кривизна». Война, иждивенчество отучили трудиться. До сих пор широко распространено догматическое отношение к советскому опыту.

Стратегическая задача состоит в том, чтобы накормить людей, а не говорить на каждом углу о социализме. Надо изменить характер нашей экономической помощи, органически увязав ее с новой линией Коммунистической партии, выраженной на VI съезде. Генеральный секретарь Нгуен Ван Линь хорошо понимает проблемы страны, но есть сопротивление со стороны сторонников так называемого чистого социализма. Надо тщательно отбирать людей для командирования во Вьетнам, чтобы это были люди передовых взглядов.

Представитель МИД Ю.Н. Мякотных подчеркнул необходимость полнее учитывать перемены во вьетнамском руководстве, усилить внимание к работе с новыми прогрессивными вьетнамскими руководителями.

Директор Института Дальнего Востока М.Л. Титаренко поделился таким наблюдением. Во Вьетнаме, да и в сопредельных странах, проскальзывает мнение о том, что трудности Вьетнама якобы являются результатом его переориентации с Китая на Советский Союз. Главное сейчас – коренной пересмотр социально-экономической политики, достижение смычки с крестьянством, создание у него заинтересованности в подъеме сельского хозяйства.

Заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений И.С. Королев счел, что надо коренным образом изменить характер консультационной работы, не брать на себя смелость высказывать рекомендации по любому поводу, а способствовать тому, чтобы сами вьетнамцы принимали более квалифицированные решения.

Представитель Генштаба генерал В.А. Харитонов избрал основной темой своего выступления влияние возможной войны со стороны Китая на всю обстановку во Вьетнаме, по сути дела оправдывая его военные приготовления.

Член-корреспондент Академии наук Г.Ф. Ким говорил о необходимости выработки нового подхода к отношениям с Вьетнамом с учетом известной автономности Южного Вьетнама, о налаживании трехстороннего сотрудничества – СССР, Индия, Вьетнам. Он призвал критически посмотреть на наши интересы в Кампучии.

Резкие, категорические оценки прозвучали из уст академика О.Т. Богомолова. Он констатировал, что политика строительства социализма не удалась ни в одной из развивающихся стран. Нашему противнику может быть даже выгодно иметь такие «социалистические» страны, чтобы отпугивать народы от

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org социализма. Обратив внимание на размеры нашей помощи Вьетнаму, он поставил вопрос: не велика ли эта цена за Камрань и Дананг? Что касается обострения отношений с Китаем, то тут, по мнению академика, определенная доля вины лежала и на Вьетнаме. Он считает, что Вьетнаму надо шире использовать возможности сотрудничества с Западом.

По мнению директора Международного института СЭВ Ю.С. Ширяева, надо было наделить более широкими полномочиями советско-вьетнамскую комиссию, руководителем которой был заместитель председателя Совета Министров В.К. Гусев.

На совещание был приглашен В.А. Крючков, в то время заместитель председателя КГБ. Выступал он в обычном для руководителей этого ведомства ключе – разоблачал козни империализма вокруг Индокитая, бил тревогу в связи со снижением советского престижа во Вьетнаме. К русским, особенно в Южном Вьетнаме, отметил он, начинают относиться как к американцам.

Одним словом, спектр мнений оказался довольно широким: от госплановской оценки (Паскарь, Орлов), что все идет не так уж плохо и нужно только «усиливать», «улучшать» работу, до предложений об общем изменении отношения к Вьетнаму, с сомнением в необходимости рассматривать его как своего стратегического союзника (Богомолов).

В своем кратком заключительном слове я подчеркнул переломность момента, который переживал Вьетнам – государство, наиболее близкое нам в этом регионе, связанное с нами тесными узами на протяжении нескольких последних десятилетий.

«Когда шла война, не был еще освобожден юг, складывалось впечатление, что как только наступит мир, Вьетнам совершит быстрый рывок вперед. К сожалению, эти надежды не сбылись, страна продолжает пребывать в тисках острейших проблем. Объективные факторы при этом достаточно благоприятные: благодатная природа, скромные, трудолюбивые люди, по преимуществу крестьянская экономика, более устойчивая к невзгодам и способная к быстрому оживлению. Конечно, оставалось сложным международное положение, но у кого тогда оно было простым.

Все дело в субъективном факторе – экономической политике, методах управления, которые теперь сами вьетнамские руководители признали ошибочными.

Вьетнам – страна самостоятельная, суверенная, с возросшим чувством национального достоинства. Она сама определяет свою политику. Но и мы, наши политические и экономические инстанции, дипломатические и экономические представительства в этой стране, научные учреждения и, конечно, отделы ЦК не можем не чувствовать своей ответственности за допущенные ошибки – ведь вьетнамцы во многом полагались на нас, на наш опыт, на рекомендации многочисленных советников и консультантов, направленных в страну.

Сегодня ясно, что наши советы и рекомендации носили односторонний характер, продиктованный не столько реальными условиями, возможностями и потребностями страны, сколько навязчивыми идеями и догмами о строительстве социализма.

Совершенно недопустимы попытки играть на противоречиях в самом вьетнамском руководстве, делить его на «верных» и «неверных», одних считать последовательными сторонниками социалистических принципов, а других – отступниками от них, поддерживать первых и отворачиваться от вторых. Критерием оценки той или иной политики должно быть другое – ее результативность с точки зрения быстрого вывода страны из тяжелейшей ситуации, в которой она оказалась.

Сейчас политика вьетнамского руководства круто меняется. Этот поворот заслуживает полной поддержки. Со своей стороны нам надо критически переосмыслить наши собственные оценки и практические действия, не связывая себя какими-либо ограничениями, старыми штампами и догмами. Иначе до истины не докопаться и не выработать практических мер, диктуемых обстановкой.

В ином подходе нуждается характер экономического сотрудничества между нашими странами. Экономическую помощь Вьетнаму надо органично включить в систему нынешних приоритетов его развития. Поучительна в этом отношении

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org практика оказания экономической помощи со стороны Международного валютного фонда. Как известно, он требует полной выкладки по вопросам экономического развития страны-донора, предъявляет довольно жесткие требования к получателям помощи, осуществляет контроль за ее использованием. Я не за то, чтобы применять такие же методы, но совершенно ненормально, когда экономическая помощь предоставляется бесконтрольно, «по-социалистически» благотворительно.

Нужно покончить и с организационной неразберихой, наносящей серьезный урон делу. Сейчас нет хозяина, ответственного за экономические связи с определенной страной, в данном случае с Вьетнамом. Кто-то должен здесь быть ответственным координатором: то ли Госплан с его представительством, то ли МИД и посольство, то ли Министерство внешнеэкономических связей с торгпредством, то ли советская часть двусторонней комиссии, возглавляемая зампредом Совмина. Вот уж действительно, «у семи нянек дитя без глаза».

Я согласен с теми, кто высказался за иной, более широкий подход к экономическому сотрудничеству Вьетнама с третьими странами: не тормозить, а поощрять его. Мы сами идем на развитие экономических связей с Западом, в том числе на создание совместных предприятий. Почему же должны удерживать других от этого?»

Я высказался за то, чтобы направить во Вьетнам группу независимых квалифицированных специалистов, отобранных не по должностному принципу, чтобы они на месте поработали, еще раз вникли в суть вьетнамских проблем.

По итогам совещания в Политбюро была направлена записка с нашими предложениями. Во Вьетнам выехала группа экспертов. В ее составе был один из моих ближайших сотрудников – заместитель заведующего Отделом ЦК О.К. Рыбаков. Прделанная ею работа помогла сомкнуть формы и методы экономического сотрудничества наших стран с новым экономическим курсом вьетнамского руководства. Проведены кадровые замены в представительствах советских экономических органов во Вьетнаме, приняты меры по активизации работы советско-вьетнамской двусторонней комиссии по экономическому сотрудничеству.

Первые плоды новой политики

В июле 1988 года, когда Нгуен Ван Линь находился в Советском Союзе на отдыхе и лечении, по его просьбе состоялась еще одна его встреча с Горбачевым, в которой я также принимал участие.

Сразу хочу сказать, что эта встреча существенно отличалась от всех предыдущих, на которых доминировали просьбы об оказании экстренной материальной помощи Вьетнаму. На сей раз со стороны вьетнамского руководителя таких просьб не выдвигалось. В этой связи я вспомнил одну деталь. Во время предыдущего визита Линь как бы вскользь сообщил Горбачеву о своем заявлении в Политбюро ЦК КПВ, что он за экстренной помощью обращается к СССР в последний раз. И вьетнамец сдержал свое слово.

В ходе переговоров Нгуен Ван Линь поставил некоторые конкретные вопросы экономического сотрудничества. Но они носили уже совсем иной характер: использовать мощности холодильников, имевшихся в Хошимине, для поставок в Советский Союз мяса в счет встречных поставок советских товаров, более широко развернуть производство товаров народного потребления для СССР из давальческого сырья, в частности пошив рубашек, ускорить поставку нефтепродуктов во Вьетнам, но уже не в долг, а в счет добычи вьетнамской нефти в Вунгтау.

Это было, конечно, не случайно: изменение экономической политики (снятие ограничений с крестьянских и ремесленных хозяйств, торговли, предпринимательства, поддержка сельского хозяйства и легкой промышленности, либерализация внешнеэкономических связей, сокращение армии, госаппарата и т. д.) начало приносить свои плоды. Появились признаки улучшения продовольственного положения, снизились темпы инфляции, началось постепенное наполнение рынка товарами как собственного производства, так и импортными.

В отличие от прошлых встреч на сей раз большое внимание было уделено внешнеполитическим проблемам. Вьетнамский лидер еще раз с одобрением и признательностью напомнил о владивостокской речи Горбачева. «Мы полностью

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org одобряем намеченную тогда линию, – добавил он, – и со своей стороны принимаем меры к пересмотру и корректировке многих своих прежних представлений. Руководство Вьетнама считает необходимым осуществить поворот к нормализации вьетнамо-китайских отношений. В том, что эти отношения испортились, вина Китая, но сказались и просчеты Вьетнама, его недостаточная гибкость. Даже в конституцию Вьетнама мы записали, что непосредственным врагом Вьетнама является Китай, а стратегическим – Соединенные Штаты. Теперь эта ошибка нами поправлена, тем более что и Вьетнам, и Китай – социалистические страны».

Нгуен Ван Линь сообщил, что на днях министр иностранных дел Вьетнама встретился с китайским послом и изложил ему эту позицию. А буквально на днях в посольство Вьетнама в Пекине пришел студент и горячо говорил о важности восстановить дружеские отношения между нашими народами. Зная обычаи китайцев, Нгуен Ван Линь высказал предположение, что это не случайный эпизод, а определенный жест в нашу сторону.

На встрече был поднят вопрос и об использовании советским военно-морским флотом вьетнамского порта Камрань. Вьетнамский руководитель высказался за советское предложение – о прекращении нашего присутствия в Камране в обмен на ликвидацию морских баз США на Филиппинах. Но при этом он дал понять, что если такой обмен не состоится, то они готовы пойти на решение этого вопроса и без увязки с американскими базами на Филиппинах. Мне показалось, что это был маневр вьетнамцев с китайским подтекстом. Когда же Горбачев заявил о нежелательности односторонних шагов в этом вопросе, Нгуен Ван Линь сделал вид, что очень рад это слышать.

Однако вернемся к экономике. Положительные перемены в ней приняли еще более выраженный характер в следующем, 1989 году, когда в полную меру заработала система материальных стимулов. Страна покрыла свои потребности в рисе, и даже образовались его излишки. Оживление началось и в промышленности. Вьетнам стал выходить и на мировой рынок.

Те, кто бывал во Вьетнаме раньше и приезжал теперь, поразились происшедшим переменам. И всего за два года! Такова цена правильной экономической политики.

Все это не замедлило сказаться и на общей атмосфере в стране, в частности на политической стабилизации, на международном престиже Вьетнама. Начался китайско-вьетнамский диалог, оживились связи со странами АСЕАН, наметились подвижки в отношениях со странами Запада. Вьетнаму удалось избежать бурных потрясений, охвативших страны советского блока в конце 1989 года, сохранилась руководящая роль КПВ, которая, как и раньше, декларирует приверженность социалистическим целям.

Отношения между нашими странами также стали приобретать более сбалансированный характер, появилась тенденция к уменьшению отрицательного сальдо в торговле с нами.

Нельзя сказать, что дальше уже не было никаких трудностей и шероховатостей. Считаю, например, ошибочным принятое в свое время решение о привлечении вьетнамцев в качестве рабочих на советские предприятия легкой промышленности и других отраслей. Не говоря уже о том, что нехватка рабочих рук в советской промышленности – это искусственный феномен, сама форма привлечения вьетнамских рабочих была неоправданной, унижительной для вьетнамцев. Под видом подготовки кадров для их использования в будущем во Вьетнаме предпринималась попытка заштопать собственные дыры с помощью дешевого вьетнамского труда. В советскую промышленность привлекались в основном молодые люди без семей, для них не создавалось должных социально-бытовых условий, что порождало массу инцидентов, конфликтов и, прямо скажем, бросило тень на отношения между нашими народами. После августа – декабря 1991 года и распада Советского Союза теперь уже российская политика в отношении Вьетнама круто изменилась. Думаю, что столь резкое изменение неоправданно, диктуется не столько действительными интересами России, сколько идеологическими причинами. Деидеологизации отношений двух стран не произошло. Идеологическое единство сменилось идеологическим отчуждением. Но при этом страдают реальные интересы двух стран...

Кампучийский узел

Ситуация во Вьетнаме, как и на всем Индокитайском полуострове, с середины 70-х годов во многом предопределялась острейшим конфликтом в Кампучии.

Более того, после завершения войны во Вьетнаме Кампучия оставалась одной из немногих горячих точек в международных отношениях. В общем контексте прекращения «холодной войны» и противоборства двух мировых блоков развязка кампучийского узла приобрела характер одной из крупнейших международных политических проблем.

Принято считать, что кампучийский кризис возник в связи с вторжением вьетнамских войск в эту страну. Но, думается, что такой подход к этой проблеме был бы очень неполным и односторонним. Эта акция Вьетнама, конечно же, не принесла ему лавров и отнюдь не повысила авторитет объединенного Вьетнамского государства. Но надо учесть все то, что ей предшествовало.

Что я имею в виду? Победа вьетнамского народа на юге страны, уход американцев из Индокитая коренным образом изменили обстановку в Кампучии. Но там победа досталась красным кхмерам во главе с Пол Потом, поддерживаемым китайским руководством и исповедовавшим ярко выраженную маоистскую идеологию.

В то время отношения между Вьетнамом и Китаем вконец испортились. Китайцы явно имели в виду через послушную им Кампучию оказывать постоянное давление на Вьетнам, который, таким образом, оказался в своеобразных клещах с северо-востока и юго-запада.

Но этого мало. В полпотовском режиме, как в фокусе, оказались собранными самые одиозные проявления восточного деспотизма, соединенного с бесчеловечной маоистской идеологией. Худшего трудно было себе представить. Пол Пот и его клика развернули практическое осуществление маоистских рецептов времен «культурной революции». Народ этой страны, настрадавшийся в годы войны, был ввергнут в новую беду, стал игрушкой в руках фанатичных авантюристов.

Под флагом социализма в стране началось жестокое преследование и уничтожение «буржуазных элементов», интеллигенции, крестьян – настоящий геноцид против собственного народа. Было уничтожено несколько сотен тысяч человек, а по некоторым данным – несколько миллионов человек во имя «светлого будущего».

Конечно, Вьетнам, победивший в освободительной борьбе, не мог оставаться равнодушным к судьбам близкого ему народа соседней страны. Нельзя не учитывать того, что между тремя государствами Индокитая – Вьетнамом, Лаосом и Кампучией – существовали давние и прочные связи – экономические, политические, культурные. Жизнь этих трех народов соединялась и общей водной артерией – рекой Меконг. Они вели совместную борьбу сначала против французских, а затем и против американских завоевателей. Знаменитая «тропа Хо Ши Мина» с севера на юг Вьетнама проходила по территории Лаоса и Кампучии. Там были расположены и многие базы борьбы с агрессией.

Никого не противопоставляя, можно все же утверждать, что, конечно же, интересы Вьетнама на Индокитайском полуострове более весомы, чем интересы Китая. События в Кампучии в немалой степени затрагивали и другие страны Индокитайского полуострова – Таиланд, Малайзию, Бирму, а также Индию и Индонезию.

К середине 80-х годов в Кампучии сохранялась сложная, конфликтная ситуация. Продолжалось политическое и военное противоборство между правительством Кампучии во главе с Хенг Самрином, поддерживаемым Вьетнамом, красными кхмерами, проводившими прокитайскую линию, и группировкой Сон Сана, которому помогали западные державы. Немалую роль играл и бывший глава Кампучийского государства Нородом Сианук, поддерживавший отношения и с Западом, и с китайцами. Образовавшийся здесь самый сложный клубок противоречий будоражил мировую общественность, являлся предметом постоянных обсуждений в Организации Объединенных Наций, в которой мы вынуждены были вести полемику с невыгодных для себя позиций.

Мы не были непосредственно втянуты в кампучийский конфликт, но все же с учетом наших позиций в Индокитае, связей с Вьетнамом не могли не

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org чувствовать своей ответственности за его разрешение. Немаловажное значение имела для нас и экономическая сторона дела, ибо вьетнамцы, ссылаясь на ситуацию в Кампучии, систематически обращались с просьбами все новых и новых поставок вооружений и военного имущества для своей армии.

И конечно же, нас не могла не волновать судьба кхмерского народа. Он был терроризирован полпотовцами, пребывал в каком-то фатально угнетенном состоянии. Как рассказывают очевидцы, в психологии кхмеров появилось безразличие к судьбе своих близких и своей собственной. Возникли огромные трудности в управлении страной, в создании полноценной армии. Вьетнамцам приходилось все брать на себя, они стали свыкаться с этой своей ролью «хозяев положения». А ведь кхмеры – трудолюбивый и талантливый народ, с богатой многовековой историей.

Вот почему в рамках нашей новой восточной политики и нового политического мышления горбачевское руководство взяло линию на достижение политического урегулирования кампучийского конфликта. Это нашло свое отражение уже во Владивостокской декларации 1986 года.

Перед международными отделами ЦК, МИД была поставлена задача поиска путей политического урегулирования кампучийской проблемы. Да, собственно, иного выхода и не было.

Опыт многолетней борьбы показал, что военными средствами кампучийскую проблему не решить. Вместе с тем нелегко было просто советовать вьетнамцам уйти из Кампучии. Это значило бы вернуть ее опять в руки Пол Пота, который, опираясь на китайскую поддержку, возглавлял наиболее сильную группировку, противостоящую кампучийско-вьетнамским властям.

Надо было искать возможности компромисса. Но мы понимали, что такой поиск возможен лишь в общем контексте изменения политического климата в Юго-Восточной Азии, улучшения китайско-вьетнамских, а в более широком плане – и китайско-советских, и советско-американских отношений. Китайцы считали кампучийский конфликт препятствием на пути нормализации советско-китайских отношений, а мы же исходили из того, что улучшение наших отношений создает условия и для решения кампучийской проблемы.

Активный поиск политического урегулирования в Кампучии начался в 1986–1987 годах. Работа в этом направлении велась и в МИД, и в международных отделах ЦК в тесном контакте между Шеварднадзе, Добрыниным и мной. Кстати, именно в это время был решен и такой, казалось бы, рутинный «бюрократический» вопрос, как передача вопросов работы с Кампучией из ведения Международного отдела в Отдел по соцстранам, то есть от Добрынина ко мне.

Кто-то по этому поводу горько пошутил: «Вот появилась и шестнадцатая социалистическая страна». За этой шуткой стояла другая, вполне серьезная истина, значение которой выявилось позднее: отнесение стран, особенно слаборазвитых, к той или иной системе носит весьма условный характер, важнее – реальные интересы стран и народов, их место в структуре международных отношений.

В данном случае суть вопроса состояла в том, что кампучийскую проблематику просто невозможно отделить от вьетнамской и китайской. Кстати, в МИД Кампучия была тоже отнесена к сфере управления по социалистическим странам Азии.

Первые шаги: Хенг Самрин и Хун Сен

В Кампучии мне побывать не удалось. Но встреч с ее руководителями было очень много. Немало времени и усилий отдано обсуждению кампучийских проблем с вьетнамцами, а также с лаосскими и северокорейскими руководителями.

Моя первая встреча с председателем Народно-демократической партии Кампучии Хенг Самрином произошла во время работы VI съезда Партии труда Вьетнама.

Чтобы подчеркнуть уважение к кампучийцам, мы с Лигачевым приехали в резиденцию, где размещалась их делегация. Хенг Самрин произвел на меня тогда впечатление очень ограниченного, несамостоятельного и даже робкого человека. То ли он недостаточно подготовился к этой встрече, то ли вообще плохо владел материалом, но говорил очень неуверенно. Его позиция основывалась на довольно стереотипных и прямолинейных посылках,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org определялась исключительно борьбой против полпотовцев и необходимостью их вытеснения из страны. Основные просьбы к Советскому Союзу сводились к продолжению военной и гражданской помощи кампучийскому правительству.

С нашей стороны уже на этой встрече акцент делался на необходимость политического урегулирования, хотя для содержательных, предметных переговоров по этому вопросу еще не было предпосылок. Инициатива и конкретные предложения должны были исходить прежде всего от кампучийской стороны. Но поскольку вьетнамское руководство еще не было готово к такой постановке вопроса, то и кампучийцы не могли сказать ничего вразумительного.

После VI съезда Коммунистической партии Вьетнама понимание необходимости политического урегулирования кампучийской проблемы у вьетнамских руководителей становится большим. И это нашло свое отражение на встрече Нгуен Ван Линя с Горбачевым в мае 1987 года. А вскоре состоялась встреча Горбачева и с самим кампучийским руководителем Хенг Самрином.

Мои первые впечатления о нем подтвердились. Кампучийский руководитель оказался довольно скуп на информацию даже о внутреннем положении страны. Между тем сообщения из Пномпеня не оставляли сомнений в том, что кампучийские власти очень слабы, а в глубинных районах страны полностью отсутствует собственный государственный аппарат. Все находится под контролем вьетнамцев и все делается ими. К сожалению, такой ситуация была и в верхних эшелонах власти Пномпеня. В этом, видимо, секрет скромности и отсутствия уверенности у Хенг Самрина. Сказывались и личные качества этого руководителя. Горбачеву пришлось буквально втягивать его вопросами в серьезное обсуждение экономических проблем страны, социальных отношений, соотношения сил между разными группировками.

Формула политического урегулирования уже произносилась кампучийским руководством, но ее понимание оставалось упрощенно однолинейным. Хенг Самрин, например, заявил: «Сон Сан – прокапиталист, и поэтому мы решили его устранить». Он даже не затронул проблемы взаимоотношений с АСЕАН, хотя здесь были заложены крупные резервы для политического урегулирования. Об этом уже не раз говорилось и с вьетнамцами, и с кампучийцами.

Горбачев вел беседу уважительно и терпеливо, обращая внимание собеседника на основные проблемы. Он подчеркнул важность укрепления народной власти в Кампучии, чтобы она могла самостоятельно и эффективно вести дело и в то же время настойчиво проводить политику примирения: ведь ей нечего противопоставить, ее трудно дискредитировать. Тут очень много резервов и возможностей. Вместе с вьетнамцами активнее работать и со странами АСЕАН, у которых своя позиция, не совпадающая ни с западной, ни с китайской. Ведя диалог с Сиануком, видеть и другие силы, тогда и с Сиануком будет легче вести переговоры. Активной политикой примирения подвигать и Китай на конструктивные шаги в этом направлении. Хенг Самрин все это выслушивал. Но какой-либо реакции не проявлял, его лицо оставалось непроницаемым, как бы отсутствующим.

Примерно в то же самое время у Шеварднадзе и у меня начались регулярные встречи и с председателем правительства Кампучии Хун Сеном. Впечатления об этом человеке были совершенно иные. Это тоже не такой уж опытный, но более самостоятельный и гибкий собеседник.

1 июля 1987 г. на встрече с Шеварднадзе и со мной (присутствовали также работники Отдела ЦК Смирновский и Глазунов) Хун Сен в довольно свободной манере изложил позицию по кампучийскому урегулированию. Ее суть в выражениях, близких к хунсеновским, выглядела так:

«Несмотря на наше военное преимущество, выиграть войну собственными силами мы не в состоянии, ибо противник получает поддержку от Китая, США, Таиланда. Но и враг не может военным путем уничтожить нашу власть.

Таким образом, решить кампучийскую проблему можно только политически.

Позиция Политбюро НРПК состоит в том, чтобы в итоге политического урегулирования сохранить завоевания народа в рамках союза трех стран Индокитая:

во-первых, создать условия для мирного строительства и углубления

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org революционных преобразований;

во-вторых, решить кампучийскую проблему политическим путем в соответствии с принципами, провозглашенными во Владивостоке;

в-третьих, решение кампучийской проблемы – это дело самого кампучийского народа, его невозможно добиться с помощью пребывания вьетнамских войск.

Вероятно, переговоры и военные действия будут вестись одновременно. Но при любом варианте развития событий надо укреплять органы народной власти.

Для достижения урегулирования потребуется определенное время, к нему не готовы и наши противники, но момент для политического наступления настал.

Первый наш шаг – объявить уже в августе призыв к национальному примирению.

Второй шаг – в подходящий момент обнародовать политические основы национального примирения.

Со своей стороны мы пойдем на крупные уступки. Одна из них – согласие на участие в этом процессе «красных кхмеров», но без Пол Пота и его ближайшего окружения. Без этого не обойтись, ведь мы понимаем, что источник войны – в Китае, а не в США.

Другая уступка – согласие на вывод вьетнамцев. Мы также готовы согласиться на возврат Сианука, например в качестве председателя Госсовета, отдать еще ряд постов.

В то же время мы намерены потребовать прекращения вооруженной борьбы против нас и роспуска воинских формирований.

Готовы встретиться с Сиануком и представителями других сил, со всеми ими вместе за столом переговоров, но не четырехсторонних, а двусторонних».

Это было уже нечто иное – цельная, осмысленная концепция, на базе которой можно было разворачивать серьезную работу.

На нашей новой встрече в начале ноября 1987 года Хун Сен вновь говорил Шеварднадзе и мне, что на новом этапе нам надо вести борьбу не только на полях сражений, но и за столом переговоров. Мы должны взять на себя инициативу политического урегулирования и поиска компромиссных решений. Тем более что у противоположной стороны отсутствует единство. Только позиции Китая и Таиланда остаются жесткими, но даже у китайцев есть некоторые подвижки, ибо они боятся остаться в стороне от кампучийского урегулирования и внутренне готовятся к компромиссу.

«Мы готовы вести переговоры с каждой из сторон, использовать все карты, но разыгрывать сиануковский козырь».

Хун Сен сообщил, что они ищут возможности для контактов с более приемлемыми лицами из группировки красных кхмеров, в частности зондируют возможность установления таких контактов с Кхиеу Самфаном. А общая формула кампучийцев такова: «Соглашение с Сиануком, нейтрализация Сон Сана, борьба с Пол Потом».

Этот разговор проходил в порядке подготовки Хун Сена к парижской встрече кампучийских сторон. Разумеется, с нашей стороны ей было оказано всестороннее дипломатическое и организационное содействие.

Через месяц состоялась еще одна встреча с Хун Сеном. На этот раз его принимал Рыжков с участием моим и Ю.М. Воронцова. И снова Хун Сен произвел впечатление очень вдумчивого и толкового собеседника. Чувствовалась большая уверенность Хун Сена, и даже появились признаки повышенных самооценок: «...моя встреча с Сиануком...» и т. д. Но для этого были и основания: ведь в Париже действительно был достигнут большой успех, положено начало диалогу по кампучийской проблеме непосредственно между заинтересованными сторонами.

Процесс пошел...

Думаю, что дала свои результаты выработанная вьетнамцами и кампучийцами, не без нашего участия, линия на национальное примирение, стремление видеть

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org весь спектр политических сил, завязанных в кампучийской проблеме, работать по всем направлениям одновременно, проводя гибкую тактику, быть готовым к ее корректировке, если изменятся обстоятельства.

На встречах с вьетнамскими руководителями мы старались деликатно и осторожно подводить их к мысли об уменьшении, а затем и прекращении военного присутствия в Кампучии, скорейшей передаче кампучийцам управленческих функций в Пномпене и на местах, укреплении государственного аппарата и вооруженных сил Кампучии.

Конечно, наша роль не ограничивалась советами, а выражалась и в активной дипломатической поддержке кампучийской инициативы через наши отношения с Соединенными Штатами, Китаем, Таиландом, другими странами АСЕАН, по каналам ООН.

Все эти проблемы были обстоятельно обсуждены на упоминавшейся уже встрече Горбачева с Нгуен Ван Линем 20 июля 1988 г. Вьетнамец информировал Горбачева о решении, принятом вьетнамским руководством, постепенно вывести войска из Кампучии к концу 1989-началу 1990 года. Диалог между основными кампучийскими политическими силами, по оценке Нгуен Ван Линя, вызывает тревогу у китайцев. Они чувствуют, что Сианук уплывает из их рук. По наблюдениям вьетнамцев, заметно меняются позиции Малайзии, Индонезии, а в последнее время и Филиппин и даже Таиланда. Достигнута договоренность о посещении Таиланда министром обороны Вьетнама Ле Дык Анем. Горбачев передал, в свою очередь, пожелание премьера Таиланда о нормализации отношений с Вьетнамом и положения на кампучийско-тайландской границе.

Таким образом, благодаря усилиям вьетнамцев, кампучийцев, при нашей активной поддержке обстановка на Индокитайском полуострове и во всей Юго-Восточной Азии начала, хоть и медленно, но заметно меняться. Процесс, как говорится, пошел...

В августе 1988 года я в последний раз как секретарь ЦК по связям с соцстранами имел встречи с Нгуен Ван Линем и Хенг Самрином, находившимися в это время на отдыхе и лечении в СССР.

Нгуен Ван Линь охарактеризовал состоявшуюся в конце июля в Багоре коктейльную встречу четырех кампучийских сторон с участием представителей Вьетнама, Лаоса и стран АСЕАН как «общую большую победу Вьетнама и Советского Союза». Впервые за стол переговоров сели все противостоявшие друг другу кхмерские стороны и государства Юго-Восточной Азии. Для Вьетнама это тоже был непростой шаг – ведь до этого момента он не хотел принимать непосредственного участия в переговорах по Кампучии, ссылаясь на необходимость решать вопросы лишь с властями в Пномпене.

Нгуен Ван Линь отметил некоторые сдвиги в позиции Сианука. Последний не скрывал обеспокоенности тем, как бы вьетнамские войска не ушли из Кампучии раньше времени, необходимого для создания гарантии невозвращения полпотовцев к власти.

Разделяли эти опасения и страны – члены АСЕАН. Встреча в Багоре, по мнению вьетнамского лидера, продемонстрировала изоляцию красных кхмеров и стоящего за ними Китая. Пекин испытывал определенные трудности и вынужден был лавировать. В руководящих кругах Китая, по словам Линя, стали высказывать такую еще недавно крамольную мысль, что принятые в свое время решения Пекина опираться на красных кхмеров были ошибочными. Если эта информация подтвердится, надо подумать о том, чтобы как-то помочь китайскому руководству найти возможность исправить ошибки прошлого без «потери лица».

Генеральный секретарь ЦК КПВ более подробно информировал о встрече министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя с китайским послом. Посол после этого немедленно вылетел в Пекин для доклада. «У нас нет пока еще сообщений о реакции китайской стороны, – сказал Нгуен Ван Линь. – Как бы то ни было, мы протянули руку Пекину, держим ее протянутой и готовы ждать ответного шага со стороны Китая».

Рассказывая о тех же вопросах, Хенг Самрин, естественно, делал акцент на выигранных для него моментах. По его мнению, встреча в Багоре содействовала повышению престижа Народной Республики Кампучия на международной арене. Выдвинутая НРК на встрече программа решения конфликта нашла широкий отклик, способствовала сближению взглядов участников переговоров: «Теперь все

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org видят, что главная проблема состоит в создании условий, исключающих возвращение к власти полпотовцев».

Видимо, с учетом неоднократных высказываний с нашей стороны о необходимости укрепления народной власти в Кампучии Хенг Самрин, правда в самой общей форме, говорил об укреплении народной власти, регулярной армии и местных войск, идеологическом и политическом воспитании населения. Сказал о непрекращающихся боевых действиях, особенно на границе с Таиландом. Противник, по словам собеседника, действует мелкими отрядами, уходит от прямых столкновений с войсками НРК, нападает на транспортные артерии и хозяйственные объекты, занимается грабежом населения, пытается захватить отдельные деревни. Народно-революционная армия обеспечивает оборону границы и в целом безопасность страны, хотя и ощущает нехватку оружия и боеприпасов. Отсюда – просьбы кампучийцев о предоставлении дополнительной военной помощи.

Что можно сказать в итоге о кампучийской проблеме?

В течение каких-то нескольких месяцев удалось сдвинуть ее с мертвой точки.

Инициативы, выдвинутые НРК, новая позиция Вьетнама по политическому урегулированию и выводу вьетнамских войск, диалог Хуен Сен – Сианук, встреча в Багоре, широкие дипломатические усилия Советского Союза, других социалистических стран, подвижки в отношениях с Китаем – благодаря всему этому удалось разморозить ситуацию вокруг Кампучии, придать процессам кампучийского урегулирования известный динамизм.

Это еще один ощутимый результат новых подходов к разрешению назревших проблем, изменения климата в международных отношениях, еще одно доказательство того, что может дать целенаправленная работа даже в самых острых и запутанных ситуациях.

Путь к кампучийскому урегулированию был открыт, хотя, конечно, он не перестал быть сложным и тернистым. Политическое противоборство и вооруженная борьба продолжались, продолжают они и сегодня, но диалог стал приносить и первые реальные плоды – вывод вьетнамских войск, возвращение Сианука в качестве главы государства, создание коалиционного правительства.

Самой трудной и затяжной оказалась, как и ожидалось, проблема взаимоотношений с красными кхмерами..

Немного о Лаосе

В начале декабря 1992 года пришло известие о кончине Кейсона Фомвихана, долголетнего лидера Народно-социалистической партии Лаоса, президента этого государства. Без преувеличения могу сказать, что в его лице Лаос потерял выдающегося руководителя, мыслящего масштабно, нестандартно, реалистически, способного гибко действовать. Конечно, судьба Лаоса была неразрывно связана с общими событиями в Индокитае и Юго-Восточной Азии, но благодаря умелому руководству Лаос сумел избежать многих ошибок и потрясений.

В годы войны Кейсон и возглавляемая им партия, ведя вооруженную борьбу против иностранных завоевателей и собственного марионеточного режима, сочетали ее с гибкой тактикой взаимоотношений с королевским двором. После окончания войны в середине 80-х годов, ликвидации монархии и установления республики он практически сразу стал проводить политику, основанную на принципах нэпа. Разумно использовалась и иностранная помощь для восстановления прежде всего крестьянского хозяйства и традиционных отраслей экономики. Благодаря этому Лаосу удалось избежать развала экономики и финансов, бедствий и нищеты населения, уровень жизни людей был здесь заметно выше, чем в соседнем Вьетнаме. Об этом красноречиво говорит, например, тот факт, что в Лаосе была введена даже частичная конвертируемость валюты.

Я много раз встречался с лаосским руководителем, хорошо знал его семью: жену, которая к тому же была видной общественной деятельницей страны, и детей. Постоянная связь поддерживалась и с послами ЛНДР, в частности с послом Тхонгсаватом Кхайкхампхсетхуном.

И вот что бросалось в глаза. Несмотря на уже немолодой возраст, Кейсон как губка впитывал новые знания, особенно экономические, извлекая из них то,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org что подходило к условиям его страны и могло быть практически применено.

Помню, еще работая в Академии общественных наук, я направлял профессоров Академии для проведения занятий с Фомвиханом по экономическим вопросам. Особенно нравился ему профессор Р.А. Белоусов, который многие десятки часов провел в беседах с Фомвиханом в Москве и во Вьетнаме. В том, что Фомвихан заразился идеями нэпа и последовательно провел их у себя в Лаосе, думаю, немалая заслуга Рэма Александровича. Встречался Кейсон также с Аганбегяном и другими советскими учеными. Учеба продолжалась и все последующие годы.

Реализмом и гибкостью, я бы сказал, мудростью отличалась и внешнеполитическая линия Фомвихана. Он тесно координировал свою внешнюю политику с Вьетнамом, поддерживая идею особых отношений между тремя государствами Индокитая, но не утрачивал при этом и самостоятельности. Не отказываясь от сотрудничества с Китаем, умело противодействовал гегемонистским тенденциям Китая в отношении своей страны.

И при всем этом Кейсон Фомвихан оставался близким другом и приверженцем Советского Союза. Не отягощая его большими экономическими просьбами, подавая пример эффективного использования советской помощи, Фомвихан хорошо знал и понимал проблемы перестройки в Советском Союзе. Его встречи с Горбачевым никогда не носили формально-протокольный характер, а были наполнены глубокими рассуждениями о смысле процессов современного общественного развития.

В общем с Лаосом у нас проблем не было ни в переломный период развития событий в Индокитае, ни в последующем. Очень жаль, что эта маленькая, но очень интересная страна сейчас практически исчезла из поля зрения российской политики...

Как покончить с противостоянием на Корейском полуострове

Северокорейский феномен

Еще один очаг напряженности в регионе находился на Корейском полуострове. Это – противостояние двух государств: Корейской Народно-Демократической Республики, за которой стояли Советский Союз и Китай, и Республики Кореи, поддерживаемой США. После опустошительной корейской войны развитие двух государств складывалось по-разному. Положение в КНДР внешне выглядело политически стабильным. Показателен в этом отношении хотя бы сам факт, что Ким Ир Сен оставался единственным в советском блоке бессменным лидером со времен Сталина.

Северная Корея постепенно восстановила свое народное хозяйство, и оно развивалось более или менее устойчиво. Но на юге в течение двух последних десятилетий произошло настоящее экономическое чудо. Страна, бывшая двадцать лет назад отсталой с валовым национальным продуктом 80-90 долл. на душу населения, совершила поразительный скачок, превратившись в высокоразвитое индустриальное государство, конкурирующее на мировых рынках с такими странами, как США и Япония, а валовый национальный продукт на душу населения достиг 5 тыс. долл. в год.

Экономическое соревнование КНДР явно проиграла. Ее технологическое отставание становилось все большим, а вместе с тем увеличивалась и разница в жизненном уровне населения.

Что касается внешнеполитического курса КНДР, то он испытывал на себе сильнейшее влияние перепадов в советско-китайских отношениях, складывался как результат лавирования между Советским Союзом и Китаем. На первом этапе советско-китайского спора Северная Корея, пожалуй, больше склонялась к Китаю, а отношения с Советским Союзом постепенно ослабевали и приобретали формальный характер, хотя экономические связи с нами оставались достаточно существенными.

В конце 70- начале 80-х годов в связи с переменами в Китае после ухода Мао и нормализации китайско-американских отношений северокорейцы, почувствовав в этом опасность для себя, стали больше дистанцироваться от Китая и курс их политики качнулся в сторону Советского Союза. Участились взаимные визиты делегаций, руководящих государственных и партийных работников. Уровень советско-северокорейских политических связей в первой половине 80-х годов достиг, пожалуй, своей высшей точки. Экономические отношения тоже шли в

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org гору.

Следует, пожалуй, отметить, что наши делегации, возвращавшиеся из КНДР, привозили с собой довольно яркие, но очень противоречивые впечатления об этой стране. С одной стороны, дисциплина, завидное прилежание в работе, подтянутость, организованность людей, нулевая преступность, отсутствие бедности и нищеты, большие успехи в образовании и здравоохранении. Они одними из первых осуществили всеобщее среднее образование. Проявлялся большой интерес к современной, прежде всего советской, культуре.

А с другой стороны, невероятные масштабы, всепроникающее влияние культа «великого вождя» Ким Ир Сена, который был доведен до религиозного поклонения не только ему самому, но и сыну, «любимому руководителю» Ким Чен Иру, массированная пропаганда корейизированного варианта марксизма, так называемых «идей Чучхе».

Все это могло бы вызывать лишь улыбку, если бы не было связано с однообразием и всеобщей усредненностью в образе жизни людей, их материальном благополучии, жилье, удовлетворении социальных потребностей, полупринудительным коллективизмом, идеологической дисциплиной, не допускающей никакого разномыслия, жестко централизованным управлением. В стране был создан разветвленный аппарат принуждения, контроля за поведением и мыслями людей, содержались огромные, обременительные для такого государства вооруженные силы.

Вот какое обличье приобрела социалистическая идея, перенесенная на корейскую почву. Вот какой своеобразный друг был у нас на Корейском полуострове.

А с Южной Кореей Советский Союз вообще не поддерживал никаких отношений. Это была для нас настоящая «терра инкогнита», страна с «марионеточным режимом», на которую мы смотрели глазами северокорейцев. Мы, по существу, проглядели, как Республика Корея превратилась в современное динамично развивающееся государство, играющее все более важную роль в своем регионе.

Назревала необходимость пересмотра наших оценок и позиций в отношении ситуации на Корейском полуострове. Но это можно было сделать лишь в общем контексте новой советской внешней политики, ее американского, китайского, японского и других направлений.

События между тем шли своим чередом. Осенью 1986 года по инициативе корейской стороны был предпринят визит Ким Ир Сена в Советский Союз.

Ким Ир Сен в Москве

Собственно, это был даже не визит, а длительная, продолжавшаяся несколько недель поездка по СССР. Специальный поезд с большими остановками неторопливо продвигался с Востока на Запад. Ким Ир Сен ознакомился с советскими городами и центрами на востоке страны. Затем он прибыл в Москву, провел здесь несколько дней, прошел обследование у врачей, а затем двинулся дальше, посетив некоторые восточноевропейские страны.

24 октября Ким Ир Сен встретился с М.С. Горбачевым.

Это была явная демонстрация поворота в политике Северной Кореи к тесным отношениям с Советским Союзом и другими социалистическими странами в условиях, когда Китай всюду «флиртовал» с Соединенными Штатами.

Мне пришлось в Москве работать с Ким Ир Сеном, сопровождать его при посещении ряда советских предприятий, организаций, Мавзолея Ленина, могилы Неизвестного солдата. Должен признаться, я был немало удивлен: общаясь с Ким Ир Сеном в резиденции, в машине, я видел, что в его поведении, личных контактах не было ни действительного, ни напускного величия и вождизма. Это был совершенно нормальный человек, с которым можно было говорить не только о политике, но и о погоде, обмениваться мнениями о событиях, происходящих вокруг, впечатлениями о виденном. По-русски он все понимал и даже сам иногда произносил отдельные слова и фразы, хотя и с трудом.

В стиле свободного диалога проходила и встреча Ким Ир Сена с Горбачевым, в которой я принимал участие. Сохранились пометки об этой встрече. Во главу угла Кимом были поставлены проблемы, связанные с ситуацией на Корейском

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org полуострове. А лейтмотивом его высказываний было опасение, как бы интересы северокорейского государства не оказались забытыми и проигнорированными в начавшемся советско-американском диалоге, как это произошло, по мнению Кима, в случае американо-китайского сближения. Он попросил Горбачева считать корейский вопрос составной частью диалога с американцами.

Путь к решению корейской общенациональной проблемы – объединению двух корейских государств, считал Ким Ир Сен, лежит через освобождение Южной Кореи сначала от американского ядерного оружия, а затем от американских вооруженных сил вообще. Он сослался на то, что в Южной Корее дислоцировано около тысячи единиц американского ядерного оружия.

Ким Ир Сен напомнил, что на Потсдамской конференции великих держав, а затем в декабре 1945 года на совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии говорилось об опеке над Кореей, была даже образована Советско-американская комиссия в Пхеньяне и Сеуле, а затем американцы сорвали ее работу. Ким Ир Сен сообщил, что перед его поездкой они обсудили на Политбюро ситуацию на Корейском полуострове и решили просить СССР обратиться к США с предложением вывести свои войска с полуострова и превратить объединенную Корею в нейтральное неприсоединившееся государство.

«Мы занимаем решительную позицию против проведения американских военных учений «тим спирит», – говорил северокорейский руководитель. – Мы не можем не считаться не только с американским военным присутствием, но и с громадной армией в Южной Корее, насчитывающей миллион человек, плюс 400 тыс. нерегулярных формирований.

Мы не хотим нападать на Южную Корею, не хотим превратить ее в красную, – продолжал он. – Мы за соглашение о ненападении между Севером и Югом, которое лишило бы смысла пребывание американских войск. Не случайно американцы дали указание Чон Ду Хвану не заключать договор о ненападении.

Мы за то, чтобы при сохранении общественных систем, сложившихся на Севере и Юге, образовать конфедеративную республику. Мы против вступления двух корейских государств в ООН, ибо это могло бы увековечить раскол Кореи и сохранение Южной Кореи как американской колонии. В этом смысле положение Кореи отличается от Германии, и параллели с принятием в ООН двух германских государств быть не может. По этой же причине КНДР не поддерживает идею перекрестного признания (СССР и КНР, с одной стороны, и США и Японией – с другой) двух корейских государств.

Население Южной Кореи поддержало бы социализм, хотя это встретило бы сопротивление на Западе. В пользу социализма на Юге существует большое движение, ведется работа по созданию национального фронта. Треть южнокорейских парламентариев поддерживает Север. Не говоря уже о студентах, многие сейчас там выступают против американского присутствия в отличие от недавнего прошлого, когда считали американцев освободителями и помощниками. Об этом говорит крупнейшее антиправительственное выступление в Хванчжу в мае 1980 года, которое продолжалось десять дней, а потом было жестоко подавлено».

Горбачев, оставив без внимания рассуждения Кима о перспективах социализма на Корейском полуострове, поддержал идею национального воссоединения, линию на ослабление военного противостояния, налаживание диалога между корейскими государствами. В то же время он высказался за то, чтобы рассматривать корейское урегулирование в общем контексте нормализации обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом. Основное внимание Горбачев уделил информации о ситуации в Советском Союзе и развитии советско-американского диалога.

Обсуждался и еще один вопрос – о предстоящих Олимпийских играх в Сеуле. Решение Международного олимпийского комитета по этому вопросу для северо-корейцев оказалось крайне неприятным, поставило их в затруднительное положение. Исходя из общеполитических амбиций, КНДР выдвинула формулу о равном проведении Олимпийских игр в Сеуле и Пхеньяне, на Севере и на Юге. Но это была нереалистичная, невыполнимая декларация, ибо на Севере отсутствовали материально-технические предпосылки для проведения половины Олимпиады. Международный олимпийский комитет, идя навстречу КНДР, предложил провести в Пхеньяне соревнования, как помнится, по четырем видам спорта из двадцати, но в этом северокорейцы усмотрели дискриминацию для себя.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Ким Ир Сен в общей форме поставил вопрос о советской поддержке позиции КНДР в отношении Олимпийских игр, надеясь на сильный нажим с советской стороны, вплоть до угрозы бойкота игр по примеру Кубы. Мы, естественно, не могли пойти на это. Горбачев сказал, что мы готовы поддержать идею, чтобы Олимпийские игры проходили и на Севере, и на Юге. «Но скажу откровенно, – добавил он, – что здесь дело в принципе, а не в арифметике».

Даже из этих неполных заметок видно, насколько противоречивой и нереалистичной была позиция руководства КНДР по объединению страны – основному вопросу, затрагивающему и национальные интересы корейского народа, и всю ситуацию в этом регионе, насколько трудная работа предстояла, какие препятствия нужно было преодолеть на пути решения корейского вопроса.

Не скажу, что и у нас в то время уже была готова концепция урегулирования ситуации на полуострове. Ясно было одно: надо искать пути к решению этой сложной проблемы, нельзя оставаться в плену прежних представлений, приносящих интересы народов в жертву борьбы двух систем. Нужны были подвижки и в международных отношениях в целом. Они еще только-только нараждались.

Противоречия остаются

В течение последующих месяцев и лет отношения с КНДР складывались противоречиво. С одной стороны, поддерживались и даже расширялись контакты по широкому кругу вопросов, в которых корейская сторона проявляла явную заинтересованность, стремясь сохранить безусловную поддержку со стороны Советского Союза своих позиций, прежде всего по проблемам Корейского полуострова. С другой – по мере углубления перестройки и нового мышления стала усиливаться настороженность северокорейцев и, я бы сказал, отчужденность между нами. Неплохо развивались экономические отношения. Корейцы выражали готовность увеличивать поставки в СССР готовых изделий, в том числе судов, вагонов, овощей, фруктов, в обмен на сырье, и прежде всего нефть и нефтепродукты. Как видно, их позиция не отличалась оригинальностью в сравнении с позициями других наших союзников из «братских стран».

Правда, в практике торговых отношений корейская сторона вела себя как капризный ребенок, претендуя на особое положение. При малейшем нарушении графика наших поставок сырья и топлива корейцы поднимали большую панику, действовали очень напористо, но в то же время сами не отличались аккуратностью в выполнении своих обязательств. Не проходило и года, чтобы не образовывалась немалая задолженность Северной Кореи по товарообороту.

Мы оказали этой стране существенную помощь в подготовке и проведении фестиваля молодежи и студентов в Пхеньяне, который был использован, и, надо сказать, небезуспешно, северокорейским руководством для повышения престижа своей страны. В ход были пущены большие силы и материальные средства. В кратчайший срок выстроена для фестиваля в Пхеньяне высотная гостиница, которая привела в восхищение многих зарубежных гостей. Огромный размах и красочность были приданы массовым представлениям молодежи и студентов во время фестиваля.

Стоит упомянуть о моих встречах с северокорейским коллегой, секретарем ЦК по международным вопросам Хван Дян Обом. Он мог обстоятельно и раскованно, не злоупотребляя ссылками на великого вождя, обсуждать различные международные проблемы, даже подавал признаки того, что понимает особенности ситуации в своей стране. Не скажу, что критически относился к ним, но во всяком случае знал и представлял реакцию на корейские порядки за рубежом, да и в других партиях.

На встрече со мной в марте 1987 года Хван Дян Об проявил определенное понимание большого значения для нас январского пленума ЦК и выразил пожелание успехов в его осуществлении. По словам Хван Дян Оба, КНДР полностью поддерживает советскую линию международной политики, «как свою собственную».

Напомнив о приглашении Ким Ир Сена, кореец настойчиво и убежденно говорил о значении визита Горбачева в КНДР – «восточный форпост социализма». Он напомнил, что до сих пор не было ни одного визита Генерального секретаря ЦК КПСС в Пхеньян, тогда как в Южной Корее перебивали все предшествующие президенты США. «Это я бы сказал и лично товарищу Горбачеву, если бы он меня принял», – добавил Хван Дян Об.

Информация его о положении в КНДР была довольно скупой, выдержанной в традиционной для северо-корейцев манере: это успехи в осуществлении очередной (по-моему) «третьей семилетки», «идей Чучхе», которые, впрочем, собеседник пытался истолковать в духе роли человека как «хозяина революции и социалистического строительства»; юбилеи вождей – Ким Ир Сена (75 лет) и Ким Чен Ира (45 лет).

Собеседник, как обычно, говорил о нарастании революционного кризиса в Южной Корее, о том, что «американцам нужен предлог для оккупации Южной Кореи», а их, северокорейцев, задача в том, чтобы свести на нет ссылку на «угрозу с севера». Хван Дян Об повторил просьбу северокорейского руководства о советской поддержке диалога с Южной Кореей, высказался за более глубокие идеологические отношения между двумя нашими партиями.

Оживление в беседе вызвала постановка мною вопроса о возможности корейского влияния на Сианука в процессе национального примирения в Кампучии. Дело в том, что Сианук, пользуясь гостеприимством корейцев, подолгу жил в Северной Корее. Я сказал Хван Дян Обу, что было бы неплохо выяснить, действительно ли Сианук серьезно намерен вернуться на родину и готов сделать это без Пол Пота. Хван обещал прояснить вопрос. По его мнению, была бы возможна такая комбинация: Народом Сианук – президент, Кхьеу Самфан – вице-президент, Хенг Самрин – глава правительства. Пол Пот не будет фигурировать, но без красных кхмеров решить проблему нельзя, поскольку они пользуются поддержкой Китая. Все стороны должны идти на компромисс, добавил кореец.

Со своей стороны я заметил, что это, конечно, правильно, но вьетнамцы пойдут на компромисс лишь при признании особых отношений между тремя индокитайскими государствами. Хван с этим согласился.

Хван Дян Об пригласил меня посетить Северную Корею, сказав, что это приглашение исходит от самого Ким Ир Сена, который помнит, что я сопровождал его в Москве во время визита.

Следующий контакт с северокорейцами на высоком политическом уровне произошел в дни празднования 70-летия Октябрьской революции. КНДР была представлена председателем Государственного совета Пак Сен Чером и министром иностранных дел Ким Ен Намом. Характерно, что они участвовали и во встрече левых партий и движений.

Корейцы были приняты Громыко. В неофициальной обстановке и я общался с ними, убедившись, что оба корейских деятеля, особенно министр иностранных дел, вполне современные люди, остро реагирующие на все вопросы. Собеседники напомнили мне о приглашении посетить КНДР. Еще раз поблагодарил за это корейцев, сказав, что постараюсь воспользоваться этим приглашением. Мне действительно хотелось побывать в этой стране, раз или два дело близко подходило к визиту, но каждый раз не удавалось его осуществить из-за занятости внутренними делами.

В дальнейшем в отношениях с КНДР нарастало охлаждение. Они стали вновь приобретать формальный характер. Северокорейцам, естественно, оказались чуждыми идеи демократизации и гласности, лежавшие в основе перестройки. Не вызывали у них восторга и отход советской внешней политики от односторонне-безапелляционной поддержки их позиций в корейском вопросе, и выработка в рамках нового политического мышления новой линии в урегулировании проблем Корейского полуострова.

Становилось все менее вероятным осуществление визита Горбачева в республику. Вначале корейцы очень наседали на нас по этому вопросу, но постепенно их настойчивость ослабевала... С нашей стороны активности тоже не было. Визит Горбачева так и не состоялся. Очень хотел съездить в Пхеньян Громыко. Ему с Ким Ир Сеном было что вспомнить. Ведь они, пожалуй, были единственными политическими деятелями, работавшими при Сталине... Было уже опубликовано, по настоянию Громыко, сообщение в печати о его предстоящем визите. Он не состоялся, однако, из-за отставки Громыко в сентябре 1988 года. Я также не воспользовался приглашением «великого вождя», а вскоре мне пришлось лететь в Корею, но уже не в Пхеньян, а в Сеул.

Поворот в отношениях с Южной Кореей

Тем временем нормализация отношений между Советским Союзом, США и Китаем

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org делала беспредметным военно-политическое противостояние на Корейском полуострове, улучшала условия для межкорейского диалога, открывала новые перспективы для продвижения по пути к национальному объединению корейского народа. Это противостояние превращалось в один из основных факторов, тормозивших разрядку в Юго-Восточной Азии, в источник нестабильности в этом районе.

Советское руководство пришло к выводу о необходимости серьезного поворота в нашей политике на Корейском полуострове: от односторонней поддержки КНДР и непризнания южнокорейского режима к постепенному смягчению позиции, налаживанию вначале неофициальных экономических и других отношений, а затем установлению дипломатических отношений с Республикой Корея.

В отличие от Кубы, которая, по словам северокорейцев, «не согласилась разменять чувство долга на несколько золотых медалей», мы не пошли на бойкот Олимпийских игр в Сеуле. Помимо спортсменов, успешно выступивших на олимпийских соревнованиях, в Южной Корее стали довольно часто бывать журналисты, ученые, деятели культуры, деловые люди. Мы открывали для себя новую динамичную страну, дружественно настроенную к Советскому Союзу. Самый живой отклик эти контакты находили с южнокорейской стороны. Через некоторое время в Сеуле было учреждено представительство Торговой палаты СССР с довольно широкими функциями, выходящими за пределы компетенции палаты.

Наконец весной 1990 года во время сессии ООН состоялась встреча Горбачева с президентом Корейской Республики Ро Дэ У в Сан-Франциско, на которой в принципе был решен вопрос об установлении дипломатических отношений между двумя странами. А через некоторое время министры иностранных дел двух стран подписали официальные документы по этому вопросу.

Конечно же, в Пхеньяне все эти инициативы и шаги не встречались аплодисментами. Нашему МИД, лично Шеварднадзе пришлось иметь немало трудных бесед с северокорейскими руководителями, чтобы успокоить их, заверить, что отношения с Южной Кореей будут развиваться не в ущерб связям с КНДР. Кстати, об этом мы говорили и южнокорейцам. Какого-то бурного протеста и тем более взрыва негодования в Пхеньяне не было, да и не могло быть, ведь северокорейцы сами поддерживали регулярные контакты со своими южными партнерами, проводились встречи руководителей правительств двух государств попеременно в Сеуле и Пхеньяне.

Так уж получилось, что осенью 1990 года мне пришлось окунуться в самую гущу событий, связанных с советско-южнокорейским сближением, принять активное участие в налаживании контактов между нашими странами.

В ноябре 1990 года, когда было уже объявлено о восстановлении этих отношений, но фактически их еще не было, состоялась моя первая поездка в Сеул. Мне, как члену Президентского совета, было поручено возглавить делегацию на двустороннюю конференцию по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества двух стран в Сеуле. В состав делегации вошли академики А.М. Прохоров, Н.В. Новиков (Киев), Г.Б. Еляков (Владивосток), член-корреспондент Академии наук М.Л. Александров (Ленинград), заместитель председателя ГКНТ Н.Г. Круглов, космонавт В.И. Севастьянов, заместитель министра атомной энергетики Ю.И. Тычков.

Организатором конференции с южнокорейской стороны был председатель Корейско-советской экономической ассоциации, руководитель концерна «Хёндэ» Чон Чжу Ен – человек, хорошо известный в Южной Корее, крупный предприниматель, а в дальнейшем и политический деятель, исключительно активный, несмотря на преклонный 75-летний возраст. Основной доклад с корейской стороны сделал советник президента Республики Корея Ким Чон Ин – наиболее влиятельный экономический деятель в южнокорейской администрации. Я выступил на семинаре с докладом «Перестройка в СССР и советско-корейское экономическое и научно-техническое сотрудничество».

Во время пребывания в Сеуле было организовано мое выступление перед ведущими политическими деятелями и бизнесменами страны о политике Советского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе в свете нового политического мышления, а также перед студентами и преподавателями Сеульского национального университета на тему «Советская перестройка – веление времени».

Я оказался первым официальным лицом из советского руководства, посетившим

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Сеул. Отсюда – и то внимание, которое было проявлено ко мне официальными кругами: состоялись встречи со всеми ведущими государственными и политическими деятелями: заместителем премьер-министра Ли Сын Юном, министром иностранных дел Цой Хо Дюном, министром торговли и промышленности Пак Пхиль Су, министром науки и техники Ким Чжин Хеном, председателем федерации корейской промышленности, бывшим премьер-министром республики Ю Чан Суном, Президентом Корейского института развития Ку Бон Хо. Познакомился я и с сопредседателем правящей демократической партии Ким Ен Самом, который впоследствии сменил Ро Дэ У на посту президента страны.

Благодаря напряженной, но умело составленной программе в течение нескольких дней мне удалось ознакомиться с рядом предприятий, ведущими фирмами и компаниями страны, побывать в индустриальной столице «Хёндэ» в городе Ульсан, где сосредоточено автомобилестроение, судостроение и тяжелое машиностроение, на предприятиях «Дэу мотор компани», компании «Лаки Голд стар» (химия, электроника), «Самсунг электроникс компани».

Кульминацией поездки явилась встреча с президентом Ро Дэ У. Я передал ему личное послание Горбачева, в котором выражалось удовлетворение процессом развития советско-южнокорейских отношений и делалось приглашение президенту Ро Дэ У посетить Москву с официальным визитом в середине декабря.

Основной темой беседы с президентом, естественно, были ситуация на Корейском полуострове, отношения между двумя государствами. Диалог с Южной Кореей только-только начинался, наша позиция по корейскому урегулированию и главное – подвижки в ней в связи с установлением дипломатических отношений не были, видимо, еще ясны для наших партнеров. Судя по всему, они не очень хорошо представляли и характер наших отношений с северокорейским руководством.

Излагая свою позицию по проблеме межкорейских отношений, Ро Дэ У был очень осторожен в выражениях. Я думаю, что южнокорейцы как минимум надеялись, что в результате установления дипотношений Советский Союз будет лучше понимать и учитывать их политику, смотреть на корейскую проблему не только глазами Пхеньяна.

Но нельзя ли добиться большего? Например, усиления влияния СССР на руководство КНДР, чтобы оно заняло более конструктивную позицию в межкорейском диалоге. А еще лучше, если Советский Союз будет способствовать подвижкам в общественном строе КНДР, либерализации режима власти. В этой связи обостренное внимание президента привлекали перемены в Восточной Европе и особенно объединение Германии.

Я, со своей стороны, подчеркнул заинтересованность Советского Союза в ослаблении напряженности на Корейском полуострове, в развитии диалога между обоими корейскими государствами, желание способствовать этим процессам, но вместе с тем просил не переоценивать степень нашего влияния на Пхеньян. Да и по принципиальным соображениям мы не можем вмешиваться в дела других государств, тем более оказывать какое-либо давление на них с целью изменения их внутренних порядков.

На встрече с президентом были затронуты перспективы развития советско-южнокорейского экономического и научно-технического сотрудничества. Я заявил президенту, что советское руководство рассматривает Республику Корея как одного из ведущих своих партнеров в АТР. Тем более что экономические отношения с Японией искусственно сдерживаются. У нас же с Южной Кореей нет таких проблем. Соединение накопленных в СССР научно-технических заделов, особенно в космической и лазерной технике, электронике, военных областях, а также природных ресурсов Сибири, Дальнего Востока и Тихого океана с возможностями и опытом южнокорейского капитала может дать для обеих стран огромный экономический эффект. Конечно, экономика СССР переживает не лучшие времена, но это же не на веки вечные.

В беседе с Ро Дэ У мною по поручению президента СССР был поставлен вопрос о предоставлении Советскому Союзу крупных кредитов, частично в несвязанной финансовой форме, а в основном для оплаты поставок из Южной Кореи необходимых нам товаров, а также для инвестиций. Названа была и конкретная сумма в 4 млрд. долл.

После того как Ро Дэ У положительно отнесся к этому, я предложил объявить о предоставлении кредита во время предстоящего визита президента в Москву.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Как стало известно из моих последующих бесед с Чон Чжу Еном, корейцы могут пойти на кредиты в размере 2,5, а если постараться, то и 3 млрд. долл. Так оно впоследствии и получилось.

Не обошлось мое пребывание в Сеуле без экзотических моментов. По настойчивой просьбе Чон Чжу Ена я встретился с владельцем крупнейшей международной корпорации «Лоттэ» Син Гёк Хо – одним из влиятельнейших бизнесменов и самых богатых людей мира. Большую часть времени он жил и работал в Токио, поддерживал самые тесные отношения с ведущими японскими бизнесменами и политическими деятелями, находился в дружеских отношениях с Накасонэ. Он специально прибыл в Сеул для встречи со мной.

Со ссылкой на Накасонэ и Такэситу собеседник попросил передать советскому руководству предложение о сделке, в которой в единый узел были бы завязаны вопросы по урегулированию кризиса в Персидском заливе, решение проблемы о так называемых «северных территориях» и выделении Советскому Союзу японской финансовой помощи в несколько десятков миллиардов долларов.

Смысл предложения Накасонэ состоял в том, чтобы Советский Союз не только осудил действия Саддама Хусейна, но и намекнул на то, что часть советских войск, выводимых из Германии, может быть направлена на Ближний Восток. Это, по мнению собеседника, могло иметь решающее значение для преодоления кризиса в Персидском заливе. От вас не потребуется даже никаких действий, достаточно одного заявления, и это могло бы внести окончательную ясность в вопрос, положив конец тайным надеждам Саддама Хусейна на поддержку со стороны Советского Союза, говорил он. Одновременно была бы сделана подвижка в советской позиции по южным Курилам и принято решение о крупной финансовой помощи СССР.

По возвращении в Москву я, конечно, передал содержание разговора Горбачеву, но собеседнику сразу же ответил, что мы за использование всех возможностей политического решения кризиса в заливе, наша твердая линия состоит в неиспользовании советских войск за пределами границ Советского Союза и постепенном выводе их из-за рубежа. Не стал я скрывать своего недоумения по поводу искусственной увязки проблемы Курильских островов и разрешения Персидского кризиса.

В Сеуле неожиданно пришлось столкнуться с северокорейскими веяниями. Мое выступление в Сеульском университете собрало большую студенческую аудиторию, и надо прямо сказать, что в ней преобладали левацкие настроения, прямо противоположные тем, которые царили в деловых и политических кругах. Об этом говорят и реакция зала, и характер поступивших мне вопросов: о судьбах коммунизма и социализма, о влиянии перестройки на корейскую политическую ситуацию, об установлении дипотношений с Южной Кореей как подкреплении «реакционных позиций» Ро Дэ У, не противостоит ли перестройка пролетарскому интернационализму и т. д. Уверен, что без северокорейского влияния здесь не обошлось.

Встречи с Ро Дэ У в Москве и Сеуле

В середине декабря состоялся визит Ро Дэ У в Москву. Мне было поручено сопровождать его на всех официальных мероприятиях, а также в поездке в Ленинград.

Переговоры президентов двух стран велись в широком политическом контексте, оба собеседника были ими полностью удовлетворены. В разговоре со мной Ро Дэ У, имея в виду продолжительную беседу с Горбачевым, сказал: «У меня такое чувство, что мы с ним знакомы лет десять. Настолько было хорошим взаимопонимание».

В ходе поездки в Ленинград продолжался обмен мнениями по широкому кругу вопросов. Вот один из фрагментов наших бесед.

МЕДВЕДЕВ. Господин президент, каковы результаты третьего раунда переговоров между премьер-министрами Севера и Юга в Сеуле?

РО ДЭ У. Особых результатов на переговорах пока не видно. Прогресс весьма незначителен. Но мы убеждены, что альтернативы миру и сотрудничеству в межкорейских отношениях не существует.

Военные приготовления ложатся тяжелым бременем на северокорейскую

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org экономику, до предела ухудшают материальное положение народа. Если мы в последние годы постепенно уменьшаем долю расходов на военные нужды, то на Севере ее сохраняют на весьма высоком уровне, в четыре раза превышающем наш.

МЕДВЕДЕВ. Но в абсолютных цифрах вы, наверное, тратите не меньше?

РО ДЭ У. Дело в том, что на Севере традиционно была развита тяжелая промышленность, и там на ее основе уже давно развернули крупномасштабное военное производство. Поэтому мы лишь выравниваем наш потенциал, не выходя за рамки оборонной достаточности. К тому же на Севере при вдвое меньшей численности населения содержат огромную армию – более 900 тысяч человек, тогда как у нас всего 600 тысяч.

Мы надеемся, что Советский Союз повлияет на Северную Корею, побудив ее отказаться от нынешней политики, начать демократизацию, согласиться на развитие межкорейского сотрудничества.

МЕДВЕДЕВ. Мы искренне желаем нормализации межкорейских отношений, выступаем за укрепление мира и безопасности на Корейском полуострове и будем способствовать этому процессу, не вмешиваясь во внутренние дела корейских государств.

В течение всего визита Ро Дэ У избегал обсуждения вопроса о предоставлении Советскому Союзу кредита, о котором речь шла еще в Сеуле. Пришлось вместе с Ю.Д. Маслюковым поднять этот вопрос во время завтрака. И тут он, кроме общего подтверждения ранее данного обещания, ничего конкретного не сказал, отослав к своему помощнику Ким Чон Ину.

По-видимому, Ро Дэ У не хотел связывать объявление о выделении кредита СССР со своей поездкой в Москву, скорее всего, по внутривнутриполитическим соображениям. Проработка же вопроса велась и через полтора-два месяца, во время поездки Маслюкова в Сеул, соглашение о кредите было заключено. Оно предусматривало предоставление Советскому Союзу кредита в 3 млрд. долл.: несвязанного финансового – 1 млрд., для оплаты корейских товаров – 1,5 млрд. и инвестиционного – 0,5 млрд. долл.

Реализация этого соглашения оказалась делом непростым, сопровождавшимся драматическими осложнениями. В дни августовского путча корейская кредитная линия, как и многие другие, оказалась замороженной. В стране возникла отчаянная ситуация, в том что касалось внешних платежей. Она вынудила Горбачева направить за рубеж специальных представителей: Яковлева – в Германию, Примакова – на Ближний Восток и меня – в Южную Корею.

Так, в сентябре 1991 года, почти через год после первой поездки, я снова оказался в Сеуле. Но на сей раз с целенаправленной миссией – добиться подтверждения соглашения о кредите и ускорить его реализацию.

Состоялась встреча с президентом Ро Дэ У в только что построенном, сияющем Голубом дворце. Передав ему послание Горбачева, я подробно проинформировал президента о ситуации, сложившейся после путча, мерах по преодолению его последствий. Обсудил с ним, премьер-министром Чок Вон Сакон, основными министрами, руководителями Банка развития и Экспортно-импортного банка, Института внешнеэкономических связей ход выполнения заключенных между нашими странами договоров и соглашений по финансово-экономическим вопросам.

Были продолжены мои контакты и с деловыми кругами: состоялись встречи с председателем совета директоров концерна «Самсунг» Ю Чан Суном, со старым знакомым, главой концерна «Хёндэ» Чон Чжу Еном, который, впрочем, через некоторое время отошел от бизнеса и активно включился в политическую деятельность, создал партию и баллотировался в президенты страны, но не добился успеха и вернулся в бизнес.

С нашей стороны южнокорейскому руководству была высказана просьба содействовать снятию всех препятствий для скорейшего предоставления Советскому Союзу оставшейся части несвязанного финансового кредита, а также товарного кредита. Премьер-министру Республики Корея было вручено официальное подтверждение советских гарантий, подписанное Силаевым – руководителем Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР как преемником бывшего Кабинета министров СССР.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Президент дал твердое заверение, что южнокорейская сторона полностью выполнит ранее подписанные соглашения. В принципе договорились о скорейшем завершении переговоров по второй части финансового кредита (500 млн. долл.), а также по первой части (800 млн. долл.) товарного кредита, чтобы начать массовую отгрузку товаров в Советский Союз еще до начала зимы.

На встречах с Ро Дэ У и в правительстве всплыли, конечно, и политические вопросы. К этому времени произошли существенные подвижки в создании более благоприятного политического климата на Корейском полуострове. Это прежде всего прием двух корейских государств в члены ООН. Вслед за Советским Союзом дипломатические отношения с Республикой Корея установил и Пекин.

Завязались контакты между КНДР, Соединенными Штатами Америки и Японией, что создало предпосылки для перекрестного признания двух корейских государств четырьмя великими державами.

Пробила себе дорогу идея превращения Корейского полуострова в безъядерную зону. Я вспоминаю, какая острая и в основном негативная реакция возникла, когда год назад я в своем выступлении перед корейскими политиками и бизнесменами воспроизвел наше прежнее предложение о превращении Корейского полуострова в безъядерную зону. Посыпались вопросы: а каковы гарантии от нападения с Севера, если не будет американского ядерного зонтика? Даст ли такие гарантии Советский Союз и так далее и тому подобное. А теперь формула освобождения полуострова от ядерного оружия была принята американской и южнокорейской сторонами. Как быстро меняется обстановка!

В состоявшихся беседах я уловил ряд новых моментов в подходе южнокорейцев к взаимоотношениям с Севером. В немалой степени они появились в результате внимательного изучения опыта воссоединения Германии и возникших там сложнейших проблем. Принимая во внимание несовместимость экономических и политических систем, различия в психологии людей на Юге и Севере, Сеул теперь не выступает за то, чтобы форсировать процесс объединения страны и будет вести линию на постепенное сближение двух государств. Как выразился один из собеседников, поглощения Севера Югом быть не может. Юг, по словам южнокорейцев, не заинтересован в потрясениях на Севере по типу ГДР и тем более Румынии, а избежать их можно только на пути демократических реформ.

В ходе встречи Ро Дэ У высоко оценил политику Советского Союза, роль Горбачева в изменении политического климата на Корейском полуострове, особо отметив, что за короткий срок состоялись три советско- южнокорейские встречи на высшем уровне.

И действительно. Усилиями двух президентов был заложен прочный фундамент в здание советско-южнокорейских отношений. Причем советское руководство стремилось это делать таким образом, чтобы не ухудшались наши отношения и с КНДР, чтобы Северная Корея активно вовлекалась в общий процесс ослабления напряженности. Свидетельством авторитета Горбачева в Республике Корея явилось приглашение Михаилу Сергеевичу осенью 1992 года, когда он уже не был президентом СССР, посетить Южную Корею. Приглашение поступило от Корейского фонда и газеты «Кёнхян синмун», но не было секретом, что за ним стоит Ро Дэ У, завершавший через несколько месяцев согласно конституции свою деятельность как президент страны.

Предполагались встречи с общественностью, деловыми кругами, деятелями науки и культуры, журналистами, вручение диплома почетного доктора политических наук Сеульского университета. К визиту все было готово... Но последовал нелепый запрет российских властей (хотя так и осталось неясным, каких именно, кто и какое решение принимал) на выезд Горбачева за рубеж...

Были и другие испытания для теперь уже российско-южнокорейских отношений, как и для всей нашей политики в этом регионе. Не приходится говорить, насколько важно не только сохранить, но и развивать дальше столь отчетливо наметившиеся здесь положительные процессы.

Монголия на перепутье

Мои встречи с Цеденбалом

Монгольская Народная Республика – первая страна, вступившая вслед за Советским Союзом на путь социализма – такого, каким он представлялся в те годы.

С 1921 года, когда при поддержке Красной Армии в Монголии был установлен просоветский режим, она шла бок о бок с Советским Союзом и служила живой иллюстрацией возможности прямого некапиталистического перехода к социализму слаборазвитых стран «с помощью победившего рабочего класса передовых наций».

Мне привелось в 1982 году познакомиться с этой страной, куда я как ректор Академии общественных наук был приглашен ЦК Монгольской народно-революционной партии. Удалось достаточно хорошо познакомиться с Улан-Батором, побывать в одном из аймаков на северо-западе страны, изучить работу Высшей партийной школы при ЦК МНРП.

Поездка совпала с очередной годовщиной революции в Монголии, и значительная часть моего пребывания в Улан-Баторе была посвящена участию в праздничных мероприятиях. В познавательном отношении это было весьма интересно.

Ко мне было проявлено повышенное внимание со стороны тогдашнего руководителя республики Цеденбала, который совмещал посты Генерального секретаря ЦК МНРП и председателя Великого народного хурала. Помимо большой официальной беседы с ним в присутствии ряда высших руководителей Монголии было много встреч с Цеденбалом на различных праздничных мероприятиях. Практически на протяжении всех этих дней я был рядом с монгольским руководителем и имел возможность наблюдать его в непосредственном общении.

Меня пригласили на трибуну Мавзолея Сухэ Батора во время парада и демонстрации трудящихся, самые почетные места были отведены на официальном приеме, а также и на спортивном празднике, где демонстрировали свое искусство монгольские конники, борцы, лучники. Даже предложили нам с маршалом В.Л. Говоровым, который присутствовал на празднике как Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР на Дальнем Востоке, выстрелить из лука. «Ну, что ж, Владимир Леонидович, – сказал я, – давайте испытаем и это оружие». Оказалось, что тетива довольно тугая, да и стрелы нелегкие. Улетели у нас они одинаково недалеко...

В общем Цеденбал не упускал случая, чтобы продемонстрировать свое особое отношение к советским гостям. Он молодился, старался выглядеть бодрым и раскованным. Играл своим звонким голосом, который раньше во время выступления в советской аудитории неизменно вызывал одобрительную, оживленную реакцию. По его поведению и отношению к нему окружающих было видно, что он оставался еще непререкаемым авторитетом и обладал неограниченной властью. Но вместе с тем складывалось впечатление, что эта власть воплощается главным образом во внешних атрибутах. Проблемами страны Цеденбал занимался все меньше и меньше и ими в должной мере не владел.

Во время разговоров он становился порой неадекватным, часто терял мысль. Вот и в беседах со мной он не углублялся в содержание вопросов, подолгу вспоминая об эпизодах из своей жизни. Как мне потом стало известно, всем собеседникам он рассказывал одно и то же. Например, как он избежал типичной для монгольских мужчин участи стать ламой.

...Однажды в аймак поступила сверху разнарядка на трех мальчиков для светского обучения в новой школе. Тогда все делалось по разнарядке. Выбор пал на него, и не потому, что это считалось большой честью, а, напротив, было некоей повинностью и воспринималось как тяжкая доля. Родственники и соседи провожали его со слезами, а в результате он стал тем, кем является сейчас.

Особенно он любил повторять эпизод из его встречи с Мао Цзэдуном, показывая его в лицах. Мао Цзэдун после одной из своих многозначительных пауз изрек, что Китай был бы готов оказать экономическую помощь Монголии с учетом того, что она длительное время находилась под китайским господством. «Я ответил ему, – вспоминал Цеденбал, – что в таком случае и Монголия должна оказать экономическую помощь Китаю: ведь и Китай был целый век под монгольским игмом». Так Цеденбал «срезал» Мао Цзэдуна. Ему самому эпизод этот очень нравился.

Чувствовалось, что силы Цеденбала на исходе. Он еще пытался продемонстрировать свою живость, свое влияние и незаменимость, но это была лишь внешняя оболочка, за которой скрывались немощь, неспособность контролировать дела. Положение усугублялось тем, что огромное влияние на него оказывала его жена

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Анастасия, которая вела себя бесцеремонно, вмешивалась в решение больших и малых вопросов, не стесняясь. Я сам оказался невольным свидетелем того, как она отчитывала министра культуры за какие-то огрехи в праздничном концерте.

Самое неприятное состояло в том, что монголы, в том числе и из окружения Цеденбала, опасались, что любое проявление недовольства этой ситуацией может быть истолковано как проявление антирусских настроений. И этим жена Цеденбала бессовестно пользовалась. Попытки же с нашей стороны умерить ее влияние на монгольского руководителя, как мне потом стало известно, крайне болезненно воспринимались самим Цеденбалом и не приводили к желаемым результатам.

Вторым лицом в монгольской иерархии считался Батмунх – председатель Совета Министров. Он был полной противоположностью Цеденбалу: немногословный, неторопливый, как большинство монголов, скромный, деловитый, но грамотный и эрудированный человек. Ко мне он отнесся по-особому еще и потому, что в свое время учился в аспирантуре Академии общественных наук и, как он мне сам говорил, сохранил об академии самые лучшие воспоминания.

После ухода Цеденбала в отставку осенью 1984 года он стал Генеральным секретарем ЦК МНРП и фактическим руководителем страны. Я не был информирован о всех деталях смены руководства, но знаю, что этот вопрос был довольно болезненным. Во всяком случае, новое руководство сочло необходимым, чтобы Цеденбал после отставки вместе с семьей находился вне страны. Он жил в Советском Союзе, но и после этого не прекращались попытки бывшего руководителя и особенно его жены вмешиваться в дела Монголии, проявлять непомерные претензии, высказывать недовольство новым руководством и т. д.

Ко времени моего прихода в Отдел ЦК по социалистическим странам Батмунх как руководитель Монголии чувствовал себя довольно уверенно. Он часто бывал в Советском Союзе, встречался с Горбачевым. И у меня с ним были довольно регулярные контакты.

Это было очень важно. Так же как и в отношениях с другими социалистическими странами, здесь возникла необходимость осмысления итогов нашего сотрудничества, всей совокупности проблем, которые приходилось решать в то время и на перспективу. Советский фактор имел для Монголии большее значение, чем для любой другой страны советского блока. На протяжении более чем полувека советско-монгольские отношения во многом предопределяли социально-экономическое развитие этой страны.

Советский социализм на монгольской земле

Надо сказать, что в советских научных работах, публикациях о «строительстве социализма» в Монголии очень много говорилось об учете специфики этой страны. Но на деле основные посылки советской модели социализма там применялись, пожалуй, не в меньшей, а в большей степени, чем в других странах.

Речь идет прежде всего о таком процессе, как индустриализация. В Монголии был создан довольно мощный топливно-энергетический комплекс в Дархане, медно-молибденовый комбинат в Эрдэнэте. Монгольское руководство уже при Батмунхе всерьез подумывало о создании в стране черной металлургии, в частности завода вторичной переработки.

Под влиянием Советского Союза за счет распашки степных просторов было создано зерновое хозяйство, которое стало покрывать потребности страны в зерне, а в отдельные годы давать зерно даже для продажи на внешнем рынке.

Нельзя сказать, что все это не было необходимо для страны, хотя не обошлось без увлечения размахом и масштабностью воздвигаемых объектов. Беда была в другом: основная отрасль монгольского хозяйства – животноводство, и прежде всего овцеводство, на котором здесь зиждилось все, жизнь и быт населения, финансы государства, экспортный потенциал, оказались в запущенном состоянии. Возможности экстенсивного развития животноводства были исчерпаны, и не столько в результате ограниченности природных ресурсов, сколько из-за экономических и социальных, чисто человеческих проблем.

Сказывались пороки обобществления животноводства, ошибки в ценообразовании, пагубно отражавшиеся на материальных стимулах у людей.

Кочевники-араты, особенно молодежь, получая образование, приобщаясь к современным условиям жизни, постепенно утрачивали интерес к традиционной кочевой жизни. Началось настоящее бегство в города, которые оказались перенаселенными, особенно Улан-Батор.

Будучи в Монголии, я узнал, что треть населения Улан-Батора проживала в юртах, кольцом окружающих современный город. Я специально попросил показать мне эту часть города. Перед глазами предстало жалкое зрелище – море скученных юрт в городской пыли при отсутствии коммунальных удобств. Это совсем не то, что юрта в степи или в горах. Но тем не менее население в надежде на лучшее стягивалось в города.

Кстати говоря, традиционные формы пастбищного овцеводства переживали глубокий кризис и в нашей стране. Поэтому поездки Батмунха и других монгольских руководителей по нашему приглашению в Киргизию, наиболее близкую по укладу жизни к Монголии, мало что дали.

Надо было обустраивать быт и жизнь скотоводов, создавать гибкую социальную инфраструктуру, внедрять достижения науки и, конечно, сделать животноводство более экономически выгодным. Но на все это не хватало средств, да и просто руки не доходили. В результате рост производства мяса затормозился. Монголы прилагали все усилия к тому, чтобы выполнять свои обязательства по экспорту мяса в СССР, но не всегда это удавалось. Практиковалась, и не раз, замена поставок мяса зерном. В самой Монголии начались перебои в торговле мясом, а без этого продукта монголы вообще не мыслят своего существования.

Определенные успехи были достигнуты Монголией, в том числе с помощью Советского Союза, в повышении образования и развитии культуры народа, в здравоохранении, в создании собственных национальных кадров для различных отраслей народного хозяйства и культуры. Но и здесь не обошлось без издержек и извращений – жесткий идеологический прессинг, выжигание каленым железом любых намеков на проявления национализма, идеологическая и культурная одномерность с полной ориентацией на Советский Союз...

Явный перегиб допускался монгольским руководством и в языковой политике. Мне пришлось столкнуться с ним еще в бытность ректором Академии общественных наук. Монгольским руководством тогда было принято решение о полном переводе на русский язык учебного процесса в высшей партийной школе при ЦК МНРП. Естественно, многие монгольские преподаватели, особенно специальных дисциплин, не говоря уже о слушателях, не были готовы к этому. Сразу же посыпались к нам просьбы о массовом командировании советских преподавателей для монгольской ВПШ. А руководство ЦК МНРП чуть ли не официально обратилось в ЦК КПСС с просьбой рассматривать монгольскую ВПШ как республиканскую партийную школу.

Будучи в Монголии, я выразил свое недоумение по этому поводу, но в ответ были ссылки на высшее руководство, на Цеденбала. Говорил я и с ним, но безрезультатно, ибо принятое решение он рассматривал чуть ли не как высшее проявление интернационализма.

Скопирована была с Советского Союза и вся политическая система с жестким однопартийным режимом. Но пересаженная на восточную почву, она приобрела еще более выраженные тоталитарные и даже деспотические формы, при которых с судьбами людей вообще не считались. Должен сказать, что в ходе работы по реабилитации жертв сталинских репрессий обнаружилось, что в Монголии в 30-40-е годы они приобрели особенно массовый и чудовищный характер. При преемнике Сухэ Батора Чойбалсане было организовано несколько волн массовых репрессий, в результате которых почти полностью было уничтожено партийное и государственное руководство. Истреблено поголовно многочисленное сословие лам, уничтожен каждый десятый житель страны. Все это делалось, конечно, не без ведома карательных органов СССР.

В ответ на обращение монгольского руководства ему была оказана вся необходимая помощь в восстановлении исторической правды и реабилитации жертв террора.

Экономические отношения должны быть иными

Для перестройки советско-монгольских отношений надо было прежде всего

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org искать подходы к тому, чтобы придать более современные и эффективные формы нашим экономическим отношениям. Прежняя схема этих отношений была довольно своеобразной. С одной стороны, наращивались наши вложения в развитие тех или иных отраслей народного хозяйства Монголии, предоставлялись кредиты на покрытие значительной части советских товарных поставок в эту страну. Долги Монголии непрерывно росли, пролонгировались и, по сути дела, превратились в безвозвратные. А с другой стороны, продукция и традиционных отраслей, прежде всего животноводства, и вновь созданной горнодобывающей промышленности вывозилась из Монголии по необоснованно низким ценам.

Таким образом, создавалась почва для иждивенческих настроений монгольской стороны, многие монгольские предприятия жили за счет дотаций, и в то же время культивировался взгляд на монгольское сырье как на очень дешевое и выгодное для советских заказчиков.

Длительные и безрезультатные переговоры велись по вопросам цен на медно-молибденовый концентрат и некоторые другие товары монгольского экспорта. Причем с советской стороны аргументация в пользу низких цен строилась на том, что, дескать, комбинат построен за счет Советского Союза. В наших внешнеэкономических инстанциях мы высказывали предложение о том, чтобы платить за монгольскую продукцию реальную, может быть, даже преференциальную цену, но поставить при этом наши отношения на начало хозрасчета и самоокупаемости. Конечно, это само по себе не решило бы проблему финансового сбалансирования, но все же придало бы им более эффективный и современный уровень.

К сожалению, эти предложения хотя и не отвергались, но глохли, попадая в лабиринты внешнеэкономических и госплановских структур, а сама постановка вопроса о возможном повышении цен на импортируемую продукцию вызывала аллергию у тех, кто стоял на страже так называемой монополии внешней торговли и похвалялся тем, что советская внешняя торговля якобы дает десятую часть национального дохода страны, не задумываясь над тем, что узкофискальный подход к внешней торговле и к внешнеэкономическим связям в конечном счете оборачивается их крайней неэффективностью, не говоря уже о негативных последствиях для наших отношений с другими странами.

Советские войска уходят

Менялись условия и для советско-монгольского внешнеполитического сотрудничества. Монголия находилась, как говорят, между молотом и наковальней, была как бы сдавлена с севера и юга Советским Союзом и Китаем. Ее довольно обширная территория граничит только с этими двумя государствами. Вся новая история этой страны самым тесным образом связана с русско-китайскими, а затем и с советско-китайскими отношениями.

Мао Цзэдун не скрывал своих претензий на Монгольскую Народную Республику, тем более что Внутренняя Монголия, входящая в состав Китая, в несколько раз превосходит МНР по численности населения. Даже в период наибольшего обострения советско-китайских отношений китайцы усиленно обхаживали Монголию, пытались заигрывать с ней.

Монголия твердо стояла на позициях сохранения своей самостоятельности, гарантом которой перед лицом китайской угрозы выступал Советский Союз. С согласия монгольского руководства в Монголии была размещена сильная военная группировка. Монголия защищалась по дипломатическим каналам и т. д.

Но по мере ослабления напряженности в советско-китайских отношениях и их нормализации обстановка стала меняться. Китайская угроза Монголии ослабевала, основания для пребывания советских войск в Монголии размывались и исчезали.

В скобках заметим, что и в предшествующий период размещение советских войск на монгольской территории имело скорее не военное, а политическое, морально-психологическое значение, как фиксация союзнических отношений и подтверждение того, что нападение на Монголию было бы равнозначно нападению на Советский Союз. Более того, в военном отношении, как позднее говорили мне специалисты, пребывание такой группировки на обширной территории Монголии имело бы в случае возникновения конфликта лишь негативное значение, поставило бы эту группировку в трудные условия.

Вот почему уже в своей владивостокской речи в 1986 году Горбачев заявил о

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org намерении начать вывод советских войск из Монголии. Сначала была возвращена в Союз отдельная бригада, а затем этот процесс был продолжен до полного вывода советских войск из этой страны.

Следует заметить, что при этом учитывался еще один аспект проблемы. Он касался положения советских военнослужащих в стране пребывания, взаимоотношений с местным населением. Откровенно говоря, Монголия оказалась перегруженной советским присутствием. На полтора миллиона населения этой страны 100 тыс. военнослужащих, да еще несколько тысяч гражданских лиц различных профессий – слишком много: на 10 монголов примерно один, а в крупных населенных пунктах два-три, а то и пять советских граждан. Даже при хороших общеполитических отношениях неизбежно возникали многочисленные коллизии на бытовой почве. Не могли оставаться без последствий разница в жизненном уровне, в материальном обеспечении советских граждан и местного населения, различия в социальной инфраструктуре, в снабжении товарами, не говоря уже о фактах недостойного поведения отдельных военнослужащих и гражданских лиц.

Монгольское руководство в связи с выводом советских войск, как было известно, испытывало двойственные чувства: с одной стороны, опасалось, что Монголия остается беззащитной перед лицом южного соседа, в отношении которого подозрения все-таки до конца не были сняты, а с другой – испытывало чувство облегчения от того, что отпадет ряд сложных проблем, связанных с пребыванием советских войск. В конечном счете оно согласилось с необходимостью такой меры.

Пришлось прилагать немалые усилия к тому, чтобы изменить стиль работы представительств наших ведомств в Монголии, прежде всего посольства. Десятилетиями складывался характер его работы как чуть ли не высшей инстанции в Монголии, от которой нет и не может быть секретов у руководства страны и которая под видом консультаций дает оценки и рекомендации по всем замыслам и конкретным шагам политического руководства, включая расстановку кадров.

Эту тему я не раз обсуждал с советским послом в Улан-Баторе К.Е. Фомиченко, человеком опытным и деловым. До этого он работал вторым секретарем ЦК Компартии Киргизии и вольно или невольно привычки второго секретаря переносил и на свою работу в качестве посла. Сменивший его на этом посту бывший первый секретарь Иркутского обкома партии В.И. Ситников придерживался другого стиля, более соответствующего статусу и функциям дипломатического представителя Советского Союза.

Перемены в Советском Союзе и странах Восточной Европы не могли не отразиться на ситуации в Монголии. Начались демократические перемены, критическое переосмысление истории страны, ее внутренней и внешней политики, возникли другие политические партии, выдвинулись новые лидеры. Нет нужды говорить, насколько своеобразны и трудны эти процессы в условиях такой страны, как Монголия, находившейся за широкой спиной Советского Союза.

И по сей день Монголия на перепутье.

В этих условиях особенно неоправданно ослабление внимания России к этому нашему соседу, которое наступило в начале 90-х годов после распада Советского Союза. Самобытная страна, с огромной территорией, имеющей с нами тысячекилометровую границу. С ней мы прошли трудный, драматический путь. Допущено немало ошибок, накопилось много проблем. Но есть и положительный потенциал сотрудничества. Все это одним махом выбрасывать за борт было бы опрометчиво и ошибочно. Напротив, важно, извлекая уроки из прошлого, найти эффективные, рациональные формы взаимосвязи, выгодные для обеих стран и их народов.

Великий сосед

Постмаоистская эволюция

Сколь бы важными для нас ни были отношения с другими странами на Востоке, даже с такими, как Индия и Япония, сколь бы масштабными ни были другие проблемы нашей восточной политики, над всем этим возвышалась проблема отношений с Китаем. Что говорить: великая страна, почти треть человечества, граница с нами тянется на несколько тысяч километров. Богатейшая история,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
видное место в сегодняшнем мировом сообществе, колоссальные перспективы...

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году открылась возможность покончить с противостоянием между нашими странами, подвести черту под периодом отчуждения, недоверия и вражды, которые не приносили никакой пользы ни для одной из стран, но истощали их ресурсы, ослабляли позиции на мировой арене.

В политике Китая стали просматриваться новые моменты. При внешнем сохранении приверженности маоизму постепенно развернулась критика основных его посылок и политических установок как во внутренней, так и во внешней политике.

Вдохновителем новой линии и ключевой политической фигурой стал Дэн Сяопин, хотя он и не занимал высших постов в партии и государстве. Осуществляя поворот в сторону реализма и прагматизма, Дэн Сяопин вел эту линию очень тонко и искусно. Вначале руками Хуа Гофена была разоблачена «банда четырех», этих правоверных наследников Мао, включая его вдову, а затем был устранен и сам Хуа Гофен, оказавшийся фигурой проходной, промежуточной.

Во главе партии в качестве ее Генерального секретаря был поставлен Ху Яобан, который последовательно проводил курс на либерализацию, разработанный Дэн Сяопином. Но в ходе борьбы со старой гвардией, сопротивлявшейся переменам, в один из моментов контрнаступления консервативных сил Дэн Сяопин пожертвовал Ху Яобаном для умиротворения правых. А курс на либерализацию через некоторое время был продолжен с новой силой.

Забегая вперед, можно сказать, что такой же ход Дэн Сяопин сделал и летом 1989 года, когда Китай потрясли студенческие выступления в Пекине и других городах. Они были жестоко подавлены – опять наступала консервативная реакция под знаменем верности социализму. Теперь был принесен в жертву преемник Ху Яобана на посту Генерального секретаря ЦК Чжао Цзыян.

Казалось, курсу на либерализацию нанесен сильнейший удар. Но прошло немного времени, и не осталось никаких сомнений, что Китай движется тем же курсом, сохраняя поклонение Мао, но практически не оставив от маоистского наследия ничего серьезного и существенного.

За сравнительно короткий срок Китаю удалось преодолеть тяжелые последствия «большого скачка» и «культурной революции», оживить сельское хозяйство, мелкое и среднее производство, торговлю, развить хозяйственную инициативу крестьян и ремесленников, открыть простор для частного капитала, в том числе иностранного. Все это быстро принесло ощутимые плоды – улучшилось продовольственное снабжение страны, рынок наполнился разнообразными товарами, развернулось жилищное строительство.

Во внешней политике был совершен поворот от изоляции Китая к открытости внешнему миру, широкому развитию взаимовыгодных экономических связей, научно-технического сотрудничества. Осторожно, вначале через пинг-понговую дипломатию Китай пошел на нормализацию отношений с Соединенными Штатами, а затем и другими западными державами, отбросив идеологические предрассудки и не посчитавшись с тем, что западные державы не отказались от политики двух Китаев, поддерживая отношения с Тайванем как с самостоятельным государством.

Формула «борьбы с двумя сверхдержавами» была постепенно заменена на формулу «борьбы с одной-двумя или даже одной сверхдержавой». Вот и пойми, что за этим стоит.

Надо сказать, что с нашей стороны в конце 70 – начале 80-х годов делались некоторые примирительные жесты: заявления Брежнева, затем Андропова о желательности нормализации советско-китайских отношений, приглушение критической риторики в адрес Китая, его обвинений в великодержавных устремлениях, враждебных замыслах в отношении СССР и т. д. Правда, дальше заявлений и изменений тональности пропаганды дело не пошло. Продолжалось укрепление границы, наращивание военного потенциала на Востоке. Были образованы новые военные округа и главное командование Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, осуществлено размещение там ракет среднего радиуса действия.

В печати, хотя и не в столь крикливой форме, продолжалась критика маоизма,
Страница 179

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org гегемонистских устремлений китайского руководства. Оказывалось противодействие китайцам в сфере международного коммунистического и рабочего движения.

Неудивительно, что и эволюция китайской позиции по отношению к Советскому Союзу шла медленно, с большим трудом, отражая, по-видимому, острые противоречия по этому вопросу в китайском руководстве. Лишь на XII съезде КПК во второй половине 1982 года были сняты тезисы об СССР как главном источнике опасности новой мировой войны, а также о необходимости создания единого фронта противодействия советскому гегемонизму. Провозглашено, что Китай будет стремиться к нормальным отношениям со всеми странами на принципах мирного сосуществования, в том числе со сверхдержавами – СССР и США. Это не помешало, однако, частым заклинаниям о необходимости противодействия гегемонизму одной-двух сверхдержав.

В том же году были возобновлены политические консультации между нашими странами, родилось пресловутое требование китайцев об устранении «трех препятствий» для нормализации отношений с Советским Союзом: Советский Союз должен, во-первых, понудить Вьетнам вывести войска из Кампучии, во-вторых, прекратить вмешательство в Афганистане и, в-третьих, отвести войска и Вооруженные Силы от границ Китая и из Монголии.

Китай признал восточноевропейские страны (но не СССР) социалистическими и выразил готовность восстановить с ними политические отношения. Была изменена и тактика китайцев в международном коммунистическом движении. Они отказались от создания и поддержки раскольнических маоистских партий и группировок и встали на путь восстановления отношений с коммунистическими и рабочими партиями, в том числе социалистических стран, но не с КПСС. Оставалось гадать, что это: шаг навстречу «социалистическому содружеству» или попытка оторвать коммунистические и рабочие партии от КПСС, а социалистические страны – от Советского Союза.

Нормализация ситуации в Китае, осуществление серьезных структурных реформ, начало экономического подъема, выход страны из международной изоляции породили в мире своеобразный китайский бум. В Китай потянулись лидеры больших и малых государств. Материалами о Китае были заполнены страницы газет и журналов, телеэкраны. Самых китайцев охотно приглашали и гостеприимно принимали в различных уголках земли.

Китайская карта стала козырной в международной политической игре. В первую очередь это относилось к лидерам Соединенных Штатов, которые в развитии отношений с Китаем видели серьезный рычаг влияния на Советский Союз. Китайцы же разыгрывали выгодную для себя американскую карту.

Вот в каком состоянии находились советско-китайские отношения к моменту прихода Горбачева к руководству КПСС и Советским Союзом.

Советско-китайские отношения нормализуются

Китайцы не оставили без реакции высказывания Горбачева на апрельском пленуме о готовности пойти на серьезный сдвиг в советско-китайских отношениях. Они ответили на них признанием, что и СССР является социалистической страной и что с ним могут развиваться политические отношения. Вместе с тем оно сопровождалось напоминанием о «трех препятствиях».

Некоторые, правда едва уловимые, подвижки дал и XXVII съезд КПСС. Мы пригласили на съезд официальную китайскую делегацию. Наше послание по этому вопросу, как раньше, не было отвергнуто, но и положительного результата вроде бы не дало. Через некоторое время Чаушеску, побывавший в Китае, передал Горбачеву устное послание Дэн Сяопина, смысл которого состоял в том, что китайский руководитель готов встретиться с Горбачевым в Пекине или Москве для обсуждения вопросов полной нормализации китайско-советских отношений в случае, если будут подвижки с советской стороны по трем известным препятствиям.

Так, трудно и медленно, микроскопическими дозами восстанавливалось доверие, шел процесс сближения наших позиций. До поры до времени подвижки носили по преимуществу декларативно-формулировочный характер, не затрагивая реальную ткань отношений.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Но вот в июле 1987 года во Владивостоке Горбачев выступает со своей программой новой восточной политики. Принципиально важным в ней было признание интересов Китая как великой державы, понимание целей китайского руководства превратить КНР в цветущую современную страну с высокоразвитой экономикой и культурой и подобающей этой великой державе роли в мировом сообществе. Это был решительный и окончательный отказ от необоснованных подозрений и обвинений Китая в великодержавности, шовинизме, преследовании агрессивных целей и т. д.

Во Владивостоке была выдвинута развернутая программа улучшения советско-китайских отношений, включавшая снижение уровня сухопутных сил и преодоление военного противостояния на границе, объявлены меры по сокращению нашего военного присутствия в Монголии, частичному выводу войск из Афганистана. Заявлено о заинтересованности СССР в нормализации китайско-вьетнамских отношений, углублении сотрудничества между нашими двумя странами в социально-экономической области, объединении усилий по использованию ресурсов Амура, о расширении приграничных связей, выражено согласие с прохождением пограничной линии по фарватеру Амура и других рек. В выступлении было сказано о готовности к советско-китайской встрече на любом уровне и в любом месте. Это был ответ на послание Дэн Сяопина, переданное через Чаушеску.

В дальнейшем спектр советских предложений, имеющих отношение к советско-китайским отношениям, еще более расширился.

С этого момента наша линия на нормализацию отношений с великим восточным соседом проводилась целеустремленно и неуклонно, но без стремления форсировать этот процесс, оказывать какой-то нажим. Основной акцент делался на то, чтобы шаг за шагом решать конкретные проблемы, накопившиеся между нашими странами.

Прежде всего было обращено внимание на восстановление торгово-экономических связей, искусственно свернутых в свое время. И надо сказать, что они очень быстро пошли в гору. Помимо всего прочего, они и экономически были для нас очень эффективными. Советский экспорт в Китай, в отличие от других социалистических и западных стран, строился не на топливно-сырьевой основе, а включал в основном продукцию машиностроения.

Китай оказался единственным крупным торговым партнером, заинтересованным в продукции нашего машиностроения. Это объяснялось тем, что наступило время реконструкции и обновления предприятий, в свое время построенных с помощью Советского Союза. Да и по технологическому уровню для Китая больше подходила наша техника, ибо к восприятию высоких западных технологий он был еще не готов. Китай разместил в СССР заказы на изготовление большого количества оборудования для энергетики, транспортных средств, авиационной техники и т. д. Мы, в свою очередь, были заинтересованы в получении предметов традиционного китайского экспорта, и прежде всего товаров народного потребления, некоторых сырьевых материалов, сои, столь необходимой для животноводства.

Перед нашими двумя странами открылись широкие перспективы экономического и научно-технического сотрудничества.

В 1987 году начались пограничные переговоры, которым был придан новый импульс благодаря советским предложениям, в частности о проведении линии границы по фарватерам водных артерий. В течение сравнительно короткого срока удалось договориться о прохождении границы на большей части ее протяженности, за исключением участка, прилегающего к Памиру, и трех островов под Хабаровском. К этому времени начались серьезные подвижки и по ослаблению военной напряженности на границе.

Конечно же, возымели свое действие наши усилия по прекращению афганской войны, постепенному ограничению советского военного присутствия в Афганистане, приданию динамизма политическому урегулированию кампучийского конфликта, наше искреннее настроение в пользу нормализации китайско-вьетнамских отношений.

Таким образом, стали разрешаться проблемы, которые выдвигались китайцами как препятствия на пути наших отношений. Мы способствовали этому отнюдь не из-за требований китайцев, а потому, что решение каждой из этих проблем было важно само по себе в общем контексте нашей внешней политики и нового

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org политического мышления. Уж если на то пошло, то неизвестно, что чему больше препятствовало – кампучийский конфликт нормализации советско-китайских отношений или наоборот – отсутствие взаимопонимания между СССР и Китаем, и, конечно же, между Китаем и Вьетнамом урегулированию кампучийской проблемы.

Тем не менее до поры до времени китайцы не снимали этих проблем как препятствий в отношениях между нашими странами. Скорее всего, тут сказывалось их стремление в течение какого-то периода использовать так называемые «три», а затем «одно препятствие» для балансирования отношений в большом треугольнике: Китай – Советский Союз – Соединенные Штаты. По-видимому, китайцы не решались идти на какие-то серьезные подвижки в отношениях с СССР из-за опасения нарушить равновесие в этом треугольнике.

В частности, китайцы не хотели создавать на Западе представление об очень быстром и сильном сближении с Советским Союзом, дабы не поставить под удар действительную или ожидаемую помощь с Запада. Но и тут постепенно стало наступать отрезвление, ибо становилось все более очевидным, что западный капитал стремится снимать сливки, получать прибыли за счет дешевой рабочей силы. А в этом случае выгоднее иметь дело с инфраструктурой, строить гостиницы, развивать лишь некоторые компоненты современных производств, но не идти на создание базовых отраслей и не способствовать осуществлению амбициозных планов выхода Китая за несколько десятилетий на современный индустриальный уровень.

Думаю, значительно большее значение, чем преодоление пресловутых препятствий, для нормализации советско-китайских отношений имела новая политика советского руководства во внутренних и международных делах, за которой китайцы следили с пристальным вниманием. Правда, информация о советской перестройке в китайской печати вначале была очень дозированной и скупой, но для партийного актива она давалась более обстоятельно. При Секретариате ЦК Компартии Китая была создана специальная группа, которой было поручено изучать советский опыт перестройки, информировать руководство, вносить предложения о возможности его использования в Китае.

Наибольший интерес у китайцев вызвали шаги по совершенствованию механизма управления, внедрению хозрасчета, использованию товарно-денежных отношений, по перестройке политической системы, то есть те моменты, которые во многом были созвучны преобразованиям в Китае. Особенно импонировало им то, что наши реформы не ставили под сомнение принципы социализма, руководящую роль партии. И лишь впоследствии появились дифференцированные оценки советского опыта и критическое отношение к тому, что, по мнению китайцев, выходит за эти пределы. Но это было значительно позднее, после подавления студенческих выступлений на площади Тяньаньмынь.

Межпартийное примирение

В условиях существовавшей в то время и в Китае, и в Советском Союзе однопартийной системы, руководящей роли партии, полная нормализация отношений между странами практически не могла быть осуществлена без восстановления отношений между партиями. И мы, и они хорошо понимали: основной вопрос был в том, когда же и как произойдет межпартийное примирение.

Предпосылки к этому возникали по мере общего улучшения климата в советско-китайских отношениях, политического и, я бы сказал, идеологического сближения. Китайцы постепенно отказались видеть в лице Советского Союза «врага номер один», гегемонистскую сверхдержаву, признали его социалистической страной, с интересом, вниманием и даже с симпатией наблюдали за процессами, происходившими в Советском Союзе. Я думаю, немаловажное значение имело и то, что в мире постепенно проходил китайский бум и, напротив, все более явно обозначился поворот общественного мнения в сторону советской перестройки.

Мы, со своей стороны, не только прекратили критику Китая за великоханский шовинизм и гегемонизм, но и признали Китай великой социалистической страной, проявили полное понимание его стремления к тому, чтобы в течение нескольких десятилетий осуществить «три великие модернизации», решительно отказались от того, чтобы видеть в них какую-то угрозу нашей стране.

Нами было также отброшено подозрение, что китайцы хотят изолировать КПСС и Советский Союз, оставить его без союзников.

Мы с пониманием отнеслись к попыткам руководителей социалистических стран и коммунистических партий восстановить отношения с китайскими коллегами. Конечно, они рассматривались многими социалистическими лидерами под углом зрения повышения собственного авторитета. Но оно шло не за счет КПСС и СССР. Лидеры соцстран, бывая в Китае, с большей или меньшей настойчивостью ставили перед китайским руководством и проблемы улучшения советско-китайских отношений. В. Ярузельский, например, сказал Дэн Сяопину во время их встречи в 1986 году следующее: «Как же это понять? Американцы у вас, по существу, отняли Тайвань, часть вашей собственной территории, и это вы не считаете препятствием для политических отношений с ними, принимаете руководящих деятелей США, в том числе такого реакционера, как Уайнбергер, развиваете экономические и даже военные отношения, а вот ситуация в Кампучии, которая от Китая отстоит за тысячу километров и к которой Советский Союз не имеет прямого отношения, изображается вами как препятствие для нормализации политических отношений с СССР и КПСС?»

Против такой постановки вопроса китайские руководители по существу возразить не смогли.

В декабре 1986 года во время работы VI съезда Компартии Вьетнама о своей поездке в Китай рассказал нам лидер португальских коммунистов Альваро Куньял. Ху Яобан предложил ему быстро нормализовать связи между двумя партиями. Куньял высказался за то, чтобы рассматривать их в общем контексте. А когда китайцы заговорили о «трех препятствиях», Куньял поставил перед ними вопрос: «Как же преодолеть препятствие без диалога?»

За нормализацию советско-китайских отношений высказывались и побывавшие в Пекине Хонеккер, Живков и другие руководители, как они сами нас информировали.

Надо сказать, что внутри КПСС наряду с преобладающим мнением в пользу улучшения отношений с Китаем оставались все же и инерционные, консервативные настроения. Они исходили главным образом от тех, кто был прочно связан с разоблачением китайского шовинизма, кто еще совсем недавно пытался доказывать, что китайское руководство лишь меняет свой внешний облик, оставаясь по существу таким же, каким было при Мао Цзэдуне.

Подобными утверждениями, в частности, изобиловала книга О. Владимирова «Советско-китайские отношения в 40–80-х годах», выпущенная у нас в 1984 году. Позиция автора состояла в том, что в политике КНР сохраняются «исходные принципы маоизма с его гегемонистской направленностью, форсированная милитаризация страны с ее негативным влиянием на все стороны жизни общества, установка на антисоветизм» (с. 370), что «от маоизма Пекин не отказался, подновляя и дополняя его идеями Дэн Сяопина» (с. 332).

Вину за советско-китайский разрыв автор полностью возлагал на китайскую сторону. В книге, правда, признавалось, что в последние годы произошли определенные изменения в тактических приемах политики Китая, но они представляют лишь маневрирование, более гибкий подход к осуществлению прежних националистических, великодержавных целей. Концепция «социализма с китайской спецификой» впитывает в себя, по мнению автора, «великодержавные, националистические, антисоветские элементы» (с. 370).

Об этой книге можно было бы и не вспоминать и не приводить из нее цитаты, если бы не одно обстоятельство. Ни для кого – ни у нас, ни в Китае – не было секретом, что автором книги является бывший первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС, отвечавший за отношения с Компартией Китая, игравший одну из ключевых ролей в советско-китайской полемике и в разрыве с Китаем. Не случайно, что в международных кругах имела хождение шутка о том, что в советско-китайских отношениях наряду с тремя препятствиями, о которых открыто говорят китайцы, есть и четвертое – О.Б. Рахманин (настоящая фамилия автора книги).

В течение многих лет он возглавлял так называемый «Интеркит» (совещание представителей коммунистических партий по китайской проблематике), на котором изыскивались все более изощренные аргументы против Китая. В рамках его родилось обвинение Китая и в мелкобуржуазном перерождении, и в бонапартизме, и во многом другом. Где-то в конце 1986 или начале 1987 года это «препятствие» было устранено, но опять-таки не ради того, чтобы потрафить китайцам, а исходя из интересов дела.

Надо сказать, что в связи с отсутствием отношений с Китаем по партийной линии товарищи, работавшие в Отделе ЦК по этому направлению, вначале не были перегружены работой. Вместе с МИД мы регулярно анализировали ситуацию в Китае, представляли записки, предложения по тем или иным шагам руководству страны и партии. Постепенно завязывались и контакты с китайскими дипломатами и журналистами.

Так, 2 августа 1986 г. я как секретарь ЦК КПСС вместе с главой правительства Н.И. Рыжковым посетил в Москве китайскую торгово-экономическую выставку. Секретарь ЦК КПСС впервые встретился с послом КНР в СССР Ли Цзэваном, о чем было соответствующее сообщение в «Жэньминь жибао».

16 февраля 1987 г. произошло еще одно знаменательное событие: впервые за 20 лет в ЦК КПСС появились китайцы – корреспонденты агентства Синьхуа и газеты «Гуанмин жибао». Дело в том, что как секретарь ЦК я довольно часто встречался с журналистами из соцстран, информировал их о тех или иных событиях в стране. На этот раз на приглашение откликнулись и китайские журналисты, в дальнейшем они регулярно посещали эти встречи. И надо сказать, вели себя очень заинтересованно и активно. Ясно, что это делалось не без ведома китайских властей. Один из китайских журналистов сказал потом нашему товарищу, что имеет поручение из Пекина поддерживать связь с Отделом ЦК, ссылаясь на бывшего главного редактора своей газеты, который стал одним из руководящих работников Отдела пропаганды ЦК КПК.

В 1987 году были установлены связи с Академией общественных наук Китая, куда выезжала группа наших ведущих академиков-обществоведов. В свою очередь, я принял участие в беседе с китайскими обществоведами, совершившими большую ознакомительную поездку по Советскому Союзу.

Летом того же года в Китае побывала делегация Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР во главе с Г.П. Разумовским. В аэропорту во время проводов делегации состоялась моя беседа с китайским послом. В ходе ее помимо обмена любезностями и с той, и с другой стороны было выражено признание общности вопросов, которые приходилось решать руководству наших стран. Посол сослался на положительную оценку Дэн Сяопином решений июньского пленума ЦК КПСС по реформированию экономики.

Я сообщил китайскому послу о своей только что состоявшейся встрече с Хун Сенем. Китаец сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Вначале даже переспросил: «А кто это такой?» А затем, будто вспомнив, стал излагать известную китайскую позицию по кампучийскому вопросу.

Интересен подход китайцев и к приему Разумовского. Они, конечно, прекрасно понимали, что положение Разумовского определяется тем, что он секретарь ЦК КПСС, и с присущей для китайцев тонкостью подошли к организации его встречи, выдвигая на первый план контакты с ним партийных деятелей.

Осенью 1987 года состоялся XIII съезд Компартии Китая. ЦК КПСС направил в его адрес приветствие. Оно не было отвергнуто китайцами, хотя они и не преминули оговорить, что межпартийных отношений у нас нет. Примерно так же было принято и поздравление Чжао Цзыяну по случаю его избрания Генеральным секретарем ЦК КПК.

Китайская делегация прибыла для участия в праздновании 70-летия Октябрьской революции. Формально это была делегация Общества китайско-советской дружбы, но она была очень авторитетной и представительной.

Ко всему сказанному следует добавить, что мы у себя в стране фактически сняли все ограничения на распространение китайских газет и журналов. Все шире китайская проблематика освещалась и в советской прессе. Был издан большим тиражом сборник речей и выступлений Дэн Сяопина на русском языке. Китайская сторона ответила взаимностью, выпустив тиражом в один миллион экземпляров книгу Горбачева о перестройке.

В январе 1988 года Горбачев как Генеральный секретарь ЦК КПСС дал интервью китайскому журналу «Ляован», в котором подвел итоги позитивных изменений в советско-китайских отношениях и выразил уверенность в том, что им принадлежит большое будущее.

Одним словом, восстановление межпартийных отношений де-факто шло полным

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org ходом. Это было вполне естественно: ведь в тех условиях отделить их от межгосударственных было невозможно. Вместе с этим приближалась и полномасштабная нормализация советско-китайских отношений.

Мы, конечно, отдавали себе отчет в том, что не может быть и речи о возврате к отношениям 40-50-х годов, характер которых хорошо отражен в популярной в те годы песне «Москва – Пекин» с ее лейтмотивом «русский с китайцем – братья навек». Не могло быть и речи о том, чтобы одна партия по отношению к другой считалась партией-отцом или старшим братом.

Изменился весь политический и идеологический контекст. Претерпели коренные изменения отношения между партиями и государствами в рамках нового политического мышления. Так что речь могла идти только об установлении вполне равноправных отношений, основанных на неукоснительном соблюдении суверенитета, невмешательстве во внутренние дела. Только на такой основе могли строиться отношения доверия, сотрудничества, товарищеского обмена опытом. В этом разногласий между нами не было.

Под прошлым подведена черта

Окончательно все точки над «і» были поставлены в ходе визита Горбачева в Пекин. Визиту предшествовала встреча Горбачева с китайским премьером Ли Пэном, который оказался в Москве несколькими месяцами раньше вроде бы для того, чтобы встретиться со своими старыми советскими друзьями по Энергетическому институту в Москве, а фактически чтобы договориться с Горбачевым о советско-китайской встрече на высшем уровне.

В визите Горбачева в Пекин мне не довелось принимать участие, поскольку в это время я как секретарь и член Политбюро отвечал не за международные вопросы, а за идеологическую работу. Сама встреча означала завершение и закрепление того прорыва в советско-китайских отношениях, который произошел в последние годы. На встрече Горбачева с Дэн Сяопином, а затем и в совместном коммюнике было заявлено, что отношения между нашими государствами и партиями нормализованы.

Тем самым была подведена черта под прошлым, открыт новый этап в советско-китайских отношениях. Был заложен прочный камень в сам фундамент новой советской восточной политики, в оздоровление обстановки на Азиатском континенте.

Визит Горбачева совпал по времени с массовыми студенческими выступлениями в Пекине и других городах. Студенты выступали против невыносимых, полунищенских условий существования. Но была и другая подоплека волнений и антиправительственных выступлений молодежи. Двинув рыночные реформы, китайское руководство, по мнению студенчества, мало что делало для демократизации страны, либерализации идеологической, культурной политики. Но это уже особый разговор, касающийся китайского подхода к реформированию общества.

15 мая, когда в Пекине было уже 0 часов 30 минут, у меня состоялся телефонный разговор с Горбачевым. Я информировал его о текущих делах в стране, а он сообщил о полном успехе визита, сложившемся взаимопонимании, хотя китайское руководство оказалось в непростом положении.

Пекин в это время бушевал. Площадь Тяньаньмынь и прилегающие к ней улицы были запружены студентами, выкрикивавшими лозунги против руководства страны, раздавались отдельные приветствия в адрес советского гостя. Возникла довольно щекотливая ситуация.

Визит завершился, а через несколько дней китайские власти приняли жестокие меры для подавления студенческого выступления. Чжао Цзыян, сочувствовавший студентам, был удален из руководства, принесен в жертву правым силам. Начался еще один виток непростой китайской истории. В конце концов реформаторская линия Дэн Сяопина вновь взяла верх, и Китай продолжил движение по избранному пути.

Для нас же важно в конечном счете другое: Китай – наш великий сосед, и отношения с ним должны быть прочными, надежными, свободными от конъюнктурных колебаний, опирающимися на коренные экономические и геополитические интересы наших народов. Думаю, что в этом смысле взаимопонимание, достигнутое в Пекине, имело принципиальное значение,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org открыло новую полосу в отношениях между двумя странами.

Китайское чудо

После некоторого спада эйфории в мировом общественном мнении вокруг Китая и критических настроений, вызванных подавлением студенческих выступлений, через некоторое время Китай вновь выдвинулся в центр внимания и стал объектом социального анализа и оживленных дискуссий.

Дело прежде всего в том, что экономический подъем оказался не кратковременным эпизодом в постмаоистской эволюции Китая, а длительно действующей тенденцией развития. Вот уже в течение полутора десятков лет, прошедших после начала реформ, сохраняются высокие темпы роста валового национального продукта -8-10% в год и более. Среднедушевой доход населения возрос более чем в пять раз. Страна преобразилась. В ней не только успешно решаются самые насущные задачи, но создаются предпосылки для всесторонней модернизации экономики и вывода ее на самый современный уровень.

По оценкам специалистов Мирового банка реконструкции и развития (сами китайцы, правда, с ними не соглашаются, считая их явно завышенными), уже в первые годы XXI столетия ВВП Китая превысит американский уровень, произойдет своего рода катапультирование Китая в число ведущих в экономическом отношении стран мира. Кое-кто на Западе усматривает в этом угрозу для мира, если Китай станет не только экономической, но и военной сверхдержавой, и считает необходимым усилить давление на эту страну - и не только по проблеме прав человека, но и по общей направленности его политики в мировом сообществе.

Возможно, в этих прогнозах есть преувеличения, отдается дань моде. Идеализировать социально-экономическую ситуацию нет оснований. В сопоставлении с численностью населения уровень экономического развития остается и долго еще будет оставаться низким. Ряд негативных явлений порождается самим быстрым ростом экономики, возникает ее перегрев.

Но то, что Китай быстро наверстывает упущенное за многие десятилетия и века и превращается в мощную мировую экономическую и политическую силу, не подлежит сомнению. России, ее ближайшему соседу, конечно же, очень важно развивать и углублять отношения сотрудничества и добрососедства.

Столь впечатляющий эффект получен в Китае благодаря умелому проведению глубокой экономической реформы, знаменующей переход от высшей степени централизованной командной экономики к системе рыночного хозяйства, основанной на разнообразных формах собственности.

В Китае этот переход идет, как они сами говорят, в рамках «социализма с китайской спецификой», «социалистической рыночной экономики». Будущее покажет, чего тут больше: традиционных, повторяемых по инерции деклараций, стремления сохранить поклонение старым идолам, без чего восточный менталитет трудно себе представить, или искренней попытки (еще одной?) соединить социалистическую идею с экономической эффективностью. Экономические преобразования пока не сопровождаются адекватными политическими переменами. Они, по-видимому, в будущем неизбежны и могут существенным образом повлиять на экономические процессы.

Но даже независимо от всего этого опыт экономических реформ в Китае представляет несомненную ценность и для России. Ведь при всех различиях условий, традиций наших стран им приходится решать одну и ту же и притом труднейшую проблему трансформации командной экономики в рыночную. Было бы непростительной ошибкой игнорирование столь успешного китайского опыта, равно как и его механическое копирование.

Это еще один стимул укрепления и углубления российско-китайских отношений.

Глава шестая. Кто же потерпел поражение и кто одержал победу?

конец 1989 года: решающие перемены в Восточной Европе

В конце сентября 1988 года я перешел на идеологическое направление работы партии, был избран членом Политбюро и председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС. Вопросы взаимоотношений с соцстранами в рамках Комиссии по международной политике и единого Международного отдела ЦК КПСС перешли к

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
А.Н. Яковлеву. Отныне мне пришлось соприкасаться с ними в более общем политическом плане. Впрочем, что касается идеологической сферы, здесь общение с коллегами из соцстран было довольно интенсивным.

Сразу же могу сказать, что мои новые коллеги – секретари по идеологии – оказались, пожалуй, более консервативными, чем международники. Реализмом и прогрессивностью отличались лишь взгляды венгерского коллеги Я. Барабаша и в какой-то мере болгарина Йотова. Коллеги из ГДР К. Хагер и особенно Й. Херман, чехословацкий секретарь Я. Фойтик явно тяготели к жесткой догматической линии. Румын Олтяну верой и правдой служил Чаушеску. Я уже не говорю об идеологических работниках кубинской, вьетнамской и северокорейской партий.

Информация от руководства «братских» партий, контакты с коллегами по идеологической работе создавали представление, что все идет более или менее благополучно, но подспудно в общественно-политической жизни восточноевропейских стран нарастало напряжение, откуда-то из глубин доносились глухие раскаты надвигающейся грозы.

А ровно через год в жизнь восточноевропейских народов, и без того непростую, как вихрь, ворвались бурные события, которые привели к кардинальным политическим переменам в судьбах этих стран, нашей страны, да и, пожалуй, всего мира.

Эти перемены давно назрели. В одних случаях (Венгрия, Польша) они были осознанны и начали постепенно осуществляться, в большинстве других стран искусственно тормозились, но любой импульс мог привести к их спонтанному и неконтролируемому началу. Таким импульсом явились события в ГДР осенью 1989 года.

Как я уже упоминал, в Берлине в сентябре проводилось очередное, оказавшееся последним, совещание секретарей ЦК партий соцстран, ведавших идеологией. Встреча оказалась очень непростой. Настроение участников совещания было тревожным, полным ожидания пока неясных, но крупных событий. По основному вопросу, вынесенному на обсуждение, – общественно-политическая ситуация в соцстранах и вопросы идеологического сотрудничества – выявился очень широкий разброс мнений – от венгров и поляков, с одной стороны, до корейцев – с другой. Положение осложнялось конфликтом между отдельными партиями и странами – между Венгрией и Румынией, между ГДР и Польшей.

В предварительных контактах с руководителями делегаций мы условились на самом совещании не возбуждать страсти, не обострять противоречия и конфликты, чтобы каждый мог излагать свои позиции, не противопоставляя их другим. Пожалуй, самым задиристым было выступление Фойтика. И это несмотря на то, что перед началом заседаний я имел с ним довольно обстоятельный разговор по проблемам интерпретации перестройки и событий 1968 года. Не исключаю, что этот разговор с ним дал обратный результат. Румынский представитель Олтяну вел себя довольно спокойно и не создавал на этот раз особых проблем.

Мне лично выступление на совещании, прямо скажу, далось нелегко. Я постарался выдержать его в реалистическом духе, сосредоточив внимание на трех вопросах: об идеологических аспектах перестройки в СССР, о перемене взгляда на социализм и его роль в мировом сообществе и о нашем идеологическом сотрудничестве.

Из внутренних проблем основное внимание было уделено перестройке работы партии в общем контексте создания гибкой плюралистической политической системы, которая способна была бы отразить и уловить все многообразие потребностей и интересов классовых, национальных, социальных, возрастных и профессиональных групп населения, а в связи с этим и перестройке идеологической работы.

Вот некоторые выдержки из моего выступления:

«Сегодня идеологическая работа не может состоять в том, чтобы способствовать прохождению команд сверху вниз. Требуется качественно иной ее тип – открытый, обращенный к людям, опирающийся на надежный механизм обратной связи. Приходится вести диалог не только с теми, кто предрасположен к восприятию нашей идеологии, но и с теми, кто проявляет отсутствие интереса к ней и даже отторжение, вести открытую дискуссию...

Одной из главных своих задач мы считаем разработку современной концепции социализма. Здесь многое еще предстоит осмыслить. Мы всегда говорили: социализм наследует все лучшее, что достигнуто на предшествующих ступенях общественного развития. Но, думается, перечень общечеловеческих достижений, которые мы собирались взять с собой, был заметно сужен. Сейчас мы отчетливо сознаем необходимость использования не только производительных сил, накопленных ранее, но и ряда экономических, социальных, политических институтов, не исчерпавших своей исторической прогрессивности...

Современная концепция социализма включает в себя, по нашему мнению, признание необходимости его более глубокого и естественного вхождения в мировое сообщество. Речь идет о преодолении во многом искусственных, в том числе идеологических, барьеров, которые разделяли до сих пор страны и государства вопреки объективным хозяйственным, духовным да и политическим императивам. Я уже не говорю о такой самоочевидной для всех задаче, как обеспечение выживания человечества, которая настоятельно требует преодоления его раскола на два ожесточенно соперничающих лагеря...

Наши страны идут в мировое сообщество не с пустыми руками. Они способны внести весомый вклад в мировую цивилизацию. Когда мы подчеркиваем значение общечеловеческих интересов, нравственности и морали в политике, когда мы выступаем против идеологизации межгосударственных отношений, речь для нас идет не о тактическом лозунге, а о принципиальной позиции – позиции, которая в полной мере отвечает нынешнему этапу развития человечества, его военным, экологическим, информационным, технологическим и другим реалиям. Такой подход позволяет нам проводить уверенную политику на международной арене...»

В целом дискуссия в Берлине получилась информационно содержательной. В каждом выступлении рельефно отразились особенности политической обстановки в соответствующей стране. Удалось избежать на этот раз и политического запала, в чем, я думаю, сыграли свою роль предчувствие надвигающихся событий, быстро ухудшающаяся ситуация в ГДР.

Весьма характерный комментарий об этой встрече был передан Би-би-си 22 сентября. Вот что в нем было сказано.

В Восточном Берлине проходит совещание секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий социалистических стран по идеологическим вопросам с участием члена Политбюро, председателя Идеологической комиссии ЦК КПСС Вадима Медведева.

Вадим Медведев собирается сообщить странам восточного блока о целесообразности проведения реформ горбачевского плана. Ему не нужно будет особенно усердствовать, чтобы убедить некоторые из коммунистических стран в их преимуществах. Однако Медведев не может не учитывать определенные сложности, которые могут возникнуть при этом. Несомненно, массу прежде всего волнует ситуация в Восточной Германии для осуществления идеи Горбачева и создания общеевропейского дома. А Западная Германия настаивает на демократических переменах в Восточной. Но пока у власти остается коммунист старой закалки Хонеккер, серьезных перемен ожидать не приходится.

За неделю до этого в Восточный Берлин якобы для ознакомления с положением дел в восточногерманском сельском хозяйстве приезжал Егор Лигачев – один из наиболее консервативно настроенных кремлевских деятелей. Лигачев всячески подчеркивал, что Восточная Германия – надежный партнер СССР и главный союзник в деле обеспечения безопасности. Слова Лигачева, по мнению комментатора, куда понятнее для восточногерманского руководства, нежели речь Медведева.

В этих словах, конечно, нет недостатка в домыслах и отсебятине, но кое-что улавливается и из реальных настроений участников совещания.

Непосредственно перед обвальными процессами в ГДР состоялась еще одна моя встреча с коллегой СЕПГ.

13 октября для подписания документа о культурном сотрудничестве в Москву приехал Курт Хагер. В беседе со мной Хагер довольно откровенно высказался об обстановке в стране, о необходимости перемен в руководстве: «Я за сочетание преемственности и обновления, но в данное время акцент надо

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org сделать на обновлении». При этом Хагер подчеркнул, что обстановка в ГДР не может быть изменена «без активной роли КПСС». А посол Кениг, присутствовавший на встрече, высказался более определенно: «Складывается очень серьезная обстановка, нужны более решительные действия...»

К сожалению, эти действия оказались безнадежно запоздавшими.

Процесс стихийного недовольства и возмущения населения ГДР принял такие масштабы, что стал сметать все на своем пути. Его не могли остановить паллиативные меры (исключение Хонеккера из партии, коллективная отставка Политбюро, арест Миттага, чрезвычайный съезд партии, изменение ее названия). В итоге полная смена режима, ликвидация прежних структур власти, разрушение Берлинской стены, а затем объединение Германии.

События в ГДР положили начало цепной реакции бурных перемен в Восточной Европе.

Грянул гром в Болгарии. Но тут сложился другой сценарий: началось дело не с волнений и демонстраций на улицах, а с «восстания» в Политбюро против Т. Живкова. Как мне потом рассказывал Д. Станишев, 8 ноября трое членов болгарского руководства, бывших соратников Живкова по партизанской дивизии «Човдар» – Д. Джуров, Й. Йотов и он, Станишев, выражая мнение большинства Политбюро, пошли к Живкову и предложили ему подать в отставку с высших партийных и государственных постов, с тем чтобы решить этот вопрос на пленуме ЦК, намеченном ранее на 10 ноября. Живков встретил их предложение в штыки, пытался выяснить, что за этим стоит, стал тянуть время. На следующий день на 16 часов было назначено Политбюро, а Живков продолжал свои маневры: через министра внутренних дел Стоянова привел в состояние полной готовности органы безопасности.

9 ноября перед заседанием Политбюро Джуров, Йотов и Станишев вновь потребовали встречи с Живковым. В конце концов Живков согласился сделать соответствующее заявление на Политбюро. На следующий день пленум ЦК БКП «удовлетворил просьбу» Живкова об освобождении его от должности Генсека и члена Политбюро. Генеральным секретарем избрали Петра Младенова, а еще через несколько дней он стал и председателем Госсовета.

Это был прорыв плотины, положивший начало массовому демократическому движению в стране, которое круто изменило обстановку в стране, расстановку сил на политической арене. В первые же дни новое руководство восстановило в БКП группу интеллектуалов, с которыми недавно расправился Живков, отменило решение ЦК о выводе из состава ЦК Стояна Михайлова, из руководства были удалены такие одиозные фигуры, как М.Балев, Г. Филиппов, Д. Стоянов, выведен из членов ЦК Владимир Живков.

По стране прокатилась волна митингов и манифестаций с требованиями решительно покончить со старыми методами партийного диктата и режима личной власти. На волне широких политических выступлений возникло новое мощное политическое движение – Союз демократических сил (СДС) во главе с Желю Желевым. Он стал председателем его координационного совета.

БКП оказалась перед необходимостью коренного обновления. С учетом требований партийных масс и широких общественных сил следующий пленум ЦК исключил из партии Живкова и Балева. В состав ЦК, Политбюро был введен и избран секретарем ЦК Александр Лилов. На своем съезде в декабре БКП была преобразована в социалистическую партию, но сохранить прежнее влияние в стране не смогла. На очередных выборах партия лишилась абсолютного большинства, хотя и сохранила в Народном собрании довольно сильные позиции. Президентом страны стал Желю Желев, впервые в послевоенные годы было сформировано некоммунистическое правительство.

В середине ноября очищающая волна охватила Чехословакию, дав начало «бархатной революции».

Началось все с того, что студенческая демонстрация в Праге 17 ноября была, как говорилось в официальном сообщении, «рассеяна силами правопорядка». В последующие дни митинги и манифестации захлестнули Прагу, Братиславу, Брно с угрозой перерастания во всеобщую забастовку, и уже 24 ноября Якеш заявил об отставке Президиума и секретарей ЦК КПЧ.

В новое руководство партии, которое возглавил Карел Урбанек, не вошли ни

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Гусак, ни Якеш, ни Фойтик. Оно отмежевалось от политики прежнего руководства, объявило о пересмотре оценки событий 1968 года. Ввод войск ряда государств в Чехословакию осужден как ничем не оправданный и ошибочный шаг. Примерно в это же время опубликовано заявление руководства Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза, а также заявление советского правительства, осуждающие военную акцию 1968 года в отношении Чехословакии.

Под аккомпанемент массовых выступлений, под нажимом оппозиции, представленной Гражданским форумом, пало правительство Адамеца, прошел внеочередной съезд КПЧ, фактически уже отстраненной от власти, а в самом конце года лидер оппозиции Вацлав Гавел был избран новым президентом Чехословакии.

Немного дольше, чем в других восточноевропейских странах, старый режим продержался в Румынии, но зато его крах принял характер острейшего кровопролитного столкновения народа с кликой Чаушеску, в результате которого диктатор, пытавшийся утопить в крови народное восстание, был повержен и казнен.

Еще в конце октября Чаушеску на пленуме ЦК распространялся о необходимости «дать отпор антисоциалистическим теориям, новым концепциям социализма». В ноябре даже состоялся очередной съезд РКП, прошедший в обстановке «безграничной поддержки» Чаушеску, как будто кругом ничего не происходило. А через три недели, когда Чаушеску находился в очередном зарубежном вояже, начались мощные народные выступления против режима вначале в Тимишоаре, подавленные военной силой, а затем и по всей стране.

Общение страны с внешним миром было прервано, но сквозь жесткие препоны цензуры все же просачивались сообщения о грозном развитии событий.

Лихорадочные действия диктатора, срочно вернувшегося в страну, выступление по телевидению, в котором он пытался все свалить на «группы хулиганствующих элементов», попытка провести официальный митинг в свою поддержку, введение чрезвычайного положения еще сильнее накалили обстановку. Стихийное выступление масс стало обретать более определенную политическую направленность и организованные формы. Возник фронт национального спасения во главе с Ионом Илиеску – давним противником Чаушеску.

Тогда под покровом темноты в Бухарест ворвались верные диктатору части госбезопасности. Развернулись жестокие бои этих головорезов с народом и перешедшей на его сторону армией. Они продолжались несколько дней, но участь Чаушеску и его режима была предрешена. Он и его жена были арестованы, преданы суду и расстреляны.

Армия, во главе которой встал опальный генерал Милитару, вместе с повстанцами установила контроль в столице и на всей территории страны. Прежние политические структуры и институты, и прежде всего РКП, были полностью дискредитированы. Начался труднейший процесс возрождения страны.

Существенно иной была логика развития событий в Польше и Венгрии. Они еще раньше избрали путь реформации, и к середине 1989 года здесь сложилась обстановка, принципиально отличная от того, что имела место в других странах Восточной Европы. В полном разгаре были общественные перемены, затронувшие и правящие партии.

Поэтому здесь вообще не возникло условий, при которых, как в других странах, оказался неизбежным общественно-политический взрыв. Но, конечно, обвальные перемены в ГДР, Чехословакии, Болгарии, Румынии не могли не оказать своего воздействия на ситуацию в этих странах. Процессы демократизации, безусловно, были ускорены и основательно развернуты в сторону еще более решительного демонтажа той системы, которая считалась социалистической. Обострился кризис правящих партий и ускорился процесс их оттеснения от политической власти, превращения в оппозиционные силы.

В Венгрии в начале октября 1989 года на съезде ВСРП произошел фактический ее раскол, хотя формально он выглядел как обновление партии на социал-демократических началах. Во главе вновь образованной Венгерской социалистической партии (ВСП) встал бывший председатель ВСРП Реже Ньерш. Новая партия объявила себя сторонницей многопартийной системы. На пост лидера страны был выдвинут Имре Пожгаи. Часть членов ВСРП во главе с бывшим Генсеком К. Гросом, не согласившись с таким решением, провела съезд ВСРП.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
Ее председателем стал Дьола Тюрмер.

В дальнейшем влияние ВСП ослабло. Она потерпела поражение на президентских выборах и фактически оказалась отстраненной от власти, хотя и сохранилась как заметная сила в левом крыле венгерского политического спектра.

Нечто сходное произошло и в Польше. Поражение ПОРП на выборах в сейм привело к тому, что она утратила руководящую роль в правительстве, которое возглавил представитель оппозиции Т. Мазовецкий, хотя на президентском посту еще некоторое время оставался Ярузельский. В январе 1990 года состоялся последний съезд ПОРП. Она объявила о своей трансформации в Польскую социалистическую партию, предпринимая этот шаг как последний шанс сохранения своего политического влияния.

Конечно, в странах Восточной Европы еще продолжалась борьба вокруг политической власти. Сильнейший же удар по политическим позициям прежних руководящих партий был нанесен августовским путчем в СССР и его провалом, которые внесли коренные изменения в ситуацию, привели к устранению КПСС с политической арены и распаду Советского Союза.

Наступила новая посттоталитарная эпоха в развитии бывших социалистических стран Восточной Европы, полная тревог, неизвестности, поисков выхода из беспрецедентного общественно-политического кризиса, в котором они оказались.

Следует заметить, что обвальные перемены конца 80- начала 90-х годов не затронули социалистические режимы в странах Азии и на Кубе. В Китае, несмотря на то что выступление оппозиционных сил было сурово подавлено летом 1989 года, продолжалось движение по пути либерализации экономики при сохранении старых методов и институтов власти. Вьетнам под влиянием советской перестройки и китайского опыта успешно развертывал экономические реформы. Сохранились сложившиеся политические и экономические структуры на Кубе и в Северной Корее, хотя положение в этих странах вследствие распада мирового социализма резко осложнилось. Лишь в Монголии монополия одной партии на политическую власть была поколеблена, на политическую арену вышли новые общественные силы и новые лидеры.

От какого наследства отказались

Бурное развитие событий в странах Восточной Европы в конце 1989 года произвело ошеломляющее воздействие на общественное сознание, вызвав у одних эйфорию, ввергнув других в тяжелую депрессию. Этот шквал эмоций заслонил серьезное, беспристрастное теоретическое осмысление происходящего. Оно и сейчас продолжает отставать от хода событий, не дает адекватного ответа на самый коренной вопрос: в чем же исторический смысл происшедших перемен?

Интерпретации и комментарии по этому поводу часто страдают отсутствием глубины, упрощенчеством, сводятся к двум версиям. Согласно одной из них, разделяемой сторонниками наиболее радикальных перемен, в борьбе между двумя системами – капитализмом и социализмом и соответственно между двумя блоками советским и западным – верх по всем параметрам (технологическим, социальным и политическим) одержал западный капитализм. Результатом этого и явились кризис и распад социализма, его устранение с исторической арены. По этой версии, бывшим социалистическим странам ничего другого, кроме возвращения в лоно капитализма, не остается.

Эта схема вроде бы подтверждается конкретными фактами и процессами, которые развернулись в этих странах. Здесь и отстранение от власти компартий, отнесение их на задний план, а в отдельных странах даже запрещение; и демонтаж старой политической системы, восстановление многопартийности, проведение свободных выборов, снятие всевозможных препон на пути демократизации и гласности; и начало процесса разгосударствления, десоциализации экономических институтов, ускоренный переход к рынку; и распад многонациональных государств.

Другая версия навязывается консервативно-догматическими кругами. Ее сторонники, не смущаясь тем, что вступают в явное противоречие с марксистскими постулатами о взаимодействии объективных и субъективных факторов, винят во всем инициаторов перестройки, и прежде всего Горбачева, который якобы свернул с социалистического пути, изменил идеалам социализма, предал не только КПСС, но и другие братские партии. Он не пришел на помощь

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org восточноевропейским странам, когда в них рушился социализм, чуть ли не способствовал этому процессу.

Нетрудно видеть, что обе эти версии совпадают в исходной посылке – Советский Союз и страны Восточной Европы идут от социализма в сторону капитализма. Только одними это восторженно приветствуется, а другими передается анафеме, решительно отвергается как отступление от прогресса и т. д. Но в том-то и дело, что жизнь, исторический опыт поставили под вопрос саму эту исходную посылку.

В самом деле, является ли тот строй, который существовал в Советском Союзе и в других странах так называемого реального социализма, адекватным воплощением социалистической идеи? До поры до времени положительный ответ на этот вопрос мало у кого вызывал сомнение. Даже противники социализма молчаливо соглашались с квалификацией советского блока как стран реального социализма, придавая, правда, этой оценке негативный смысл. Советская модель социализма считалась если не единственной, то во всяком случае эталонной.

Но постепенно жизнь стала вносить серьезные коррективы в эти представления. Была признана правомерность и других моделей социализма. Более того, критический анализ истории советского общества (прерванный в самом начале еще при Н. С. Хрущеве, но продолженный в ходе горбачевской перестройки) привел к выводу о серьезных извращениях принципов социализма и глубоких деформациях общества под воздействием диктаторского, тоталитарного режима.

Во второй половине 20-х годов в СССР была отвергнута заключенная в нэпе возможность демократического, основанного на естественных экономических законах развития общества. Восторжествовала идеология насильственного преобразования общества по искусственно созданной схеме, насаждения «социалистических» форм. Административно-командная модель общества с жесткой однопартийной системой, всеобщим огосударствлением экономической, социальной, духовной жизни и была объявлена социализмом...

Не касаюсь исторических корней этой системы, соотношения объективных условий и субъективных факторов ее появления. Не хотел бы в данной связи ставить вопрос и о том, что в этом обществе было действительно социалистического, а что в корне противоречило ему. Это предмет специального анализа.

Конечно, все перечеркивать и отбрасывать было бы неправильным. Пройдена значительная часть пути индустриального развития. Немало сделано в накоплении экономического потенциала, в социальной области, в развитии науки и культуры. Но нельзя не видеть и того, что даже самые общие принципы социалистической доктрины оказались на деле глубоко извращенными. Гуманизм, демократизм обернулись превращением человека в винтик государственной машины, справедливость и равенство – уравниловкой, социальная защищенность, забота о человеке – иждивенчеством, коллективизм – безынициативностью и безответственностью.

Все это, не говоря о чудовищных нарушениях законности, массовых репрессиях, насилии по отношению к целым народам, не дает даже моральных оснований рассматривать советскую модель общества как сколько-нибудь адекватное воплощение социалистической идеи.

В послевоенные годы советская модель общества приобрела международный характер, распространилась на ряд стран Восточной Европы, Азии и Латинской Америки. Освобождение этих стран от фашизма, разгром марионеточных режимов создали здесь ситуацию, благоприятную для демократических перемен и движения по пути социализма, авторитет которого оставался достаточно высоким. Доминирующее влияние Советского Союза, обстановка начавшейся «холодной войны» привели к тому, что этим странам была навязана советская система, считавшаяся единственной истинно социалистической. Легче она приживалась в слаборазвитых странах, труднее – в более развитых государствах с серьезными демократическими традициями, вызывая то тут, то там реакцию отторжения.

На принципах жесткой идеологической дисциплины, централизма Сталин хотел построить и отношения между странами своего блока. Такая линия встретила серьезное сопротивление вначале со стороны Югославии, а затем Китая и Албании. Но даже эти страны, отвергнув советский диктат, следовали его

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org модели социализма с теми или иными особенностями. Позже в разные периоды и в разных формах неприятие диктата Москвы проявилось в Польше, Венгрии, Чехословакии и в какой-то мере во Вьетнаме, на Кубе и в Северной Корее. Постоянно подчеркивала свою независимость Румыния. Так что монолитом мировой социализм фактически никогда не был, «единство и сплоченность» поддерживались лишь в рамках более узкой военно-политической группировки стран во главе с Советским Союзом.

Первая попытка реформирования того, что называлось реальным социализмом, была предпринята после смерти Сталина во второй половине 50- начале 60-х годов. Принципиальное значение имела критика культа личности Сталина, положившая начало духовному освобождению общества, переоценке всего комплекса политических и идеологических ценностей.

В экономической политике был провозглашен и начался поворот к социальным целям – производству товаров народного потребления, сельскому хозяйству, жилищному строительству, хотя коренные основы командной экономики не ставились под сомнение.

Перемены коснулись и отношений с «братскими социалистическими странами». Восстановлены на принципах равенства и невмешательства во внутренние дела отношения с Югославией. Но они оказались непоследовательными, половинчатыми. Похоже на то, что, сделав один крупный шаг вперед и увидев, к чему это дальше ведет, Хрущев не решился на дальнейшее продвижение в этом направлении. Более того, именно в этот период «под откос» пошли отношения с Китаем и Албанией, подавлены выступления населения Берлина, венгерское восстание 1956 года.

Наиболее глубокие основы авторитарной системы не были затронуты и в брежневский период. В самом начале была прервана хозяйственная реформа, провозглашенная в 1965 году, и без того довольно робкая и поверхностная, а подавление «пражской весны» 1968 года означало, что перед демократическими реформами опущен мощный шлагбаум.

Между тем необходимость в системных изменениях становилась все острее и настоятельнее. В мире на основе научно-технической революции в последней трети XX столетия развернулись глубокие перемены в экономике, социальных отношениях и институтах. Западные страны с их рыночной экономикой сумели сравнительно безболезненно адаптироваться к новым условиям, в том числе и за счет использования некоторых компонентов социалистического опыта (общественное регулирование ряда экономических процессов, программирование научно-технического прогресса, социальная защита населения и т. д.). Они быстро пошли вперед, а страны советского блока, напротив, утратили динамику, стали вползать в полосу все больших трудностей и противоречий.

С самого своего начала командная система позволяла получать определенный эффект лишь за счет огромного напряжения сил, мобилизации ресурсов. Теперь же она полностью исчерпала свои возможности, превратилась в сильнейший тормоз, преграду на пути приобщения стран советского блока к мировому прогрессу. Ее устранение, создание современных демократических общественных и экономических механизмов и составляют смысл перемен в Советском Союзе и других «социалистических» странах.

Демонтаж централистской, командно-административной модели общества, глубокая, демократизация политической и экономической жизни общества оказались абсолютно необходимыми и неизбежными. Прогрессивно мыслящим людям стало ясно, что так дальше жить было нельзя, не ставя под вопрос исторические судьбы наших стран.

Перемены назрели везде – и в Советском Союзе, и в других странах, исповедовавших социализм. Но, пожалуй, острее кризис общества проявился в более развитых странах. Здесь острее сказывались негативные последствия ограничения экономической и политической демократии, свободы личности, давала знать необходимость перехода от всеобщей этатизации общественных отношений, жесткого централизма к демократическим принципам организации жизни.

С меньшей остротой необходимость отказа от мобилизационной модели общества проявилась в странах Востока и на Кубе. Обвала здесь не произошло. Политическая система осталась примерно такой же, какой и была. А на Кубе и в Северной Корее не затронута и экономическая система. Старая

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org централисту́ская модель социализма оказалась как бы оттесненной в развивающийся мир. Но и там она нуждается в трансформации, прежде всего в экономической сфере. Об этом достаточно наглядно говорит опыт Китая и Вьетнама.

На пути перемен стояла, однако, мощная преграда – авторитарные режимы в странах «реального социализма». Попытки реформирования сложившихся систем рассматривались как отступление от социализма и подавлялись. Правда, путем маневрирования, сочетаемого с заверениями в «верности принципам», некоторым странам удалось начать процесс либерализации экономики. Но о сколько-нибудь глубоком изменении системы не могло быть и речи.

Горбачевский новый курс открыл шлагбаум для перемен в других странах. Главное препятствие – охранительно-консервативная позиция Советского Союза – было устранено. Теперь все зависело от руководства других стран.

Там, где оно было готово к демократическим переменам, приветствовало советскую перестройку, стали более активно проводиться преобразования. В этих странах перемены пошли эволюционным, сравнительно безболезненным путем. Там же, где руководство было идеологически и политически связано с жесткой, недемократической моделью общества, где проявлялось неприятие перемен и им оказывалось явное или скрытое сопротивление, дело дошло до массовых выступлений народа против режима. Его крушение приняло обвальный характер и привело даже к трагическим событиям, как это случилось в Румынии. Подтвердилась закономерность: действие равно противодействию – чем упорнее сопротивление переменам, тем болезненнее и драматичнее развязка.

Конечно, процесс трансформации общества в странах Восточной Европы в любом случае был бы непростым. Его положительное, очистительное действие не могло не сопровождаться теми или иными трудностями и издержками. Но при эволюционном, постепенном характере преобразований их можно было бы свести к минимуму, не допустить масштабных катаклизмов, хаоса, обвальных явлений в экономике и социальной сфере, тяжелых потрясений в общественном сознании, международной сфере, не говоря уже о гибели людей.

Тоталитарная система сметена. Восторжествовал демократический плюрализм, люди вздохнули свободнее. Но на этой волне кое-где оживились анархические, антиобщественные силы, шовинистические, националистические, а кое-где и профашистские настроения. То тут, то там берет верх конфронтационная, реваншистская психология, проводится «охота на ведьм».

Под горячую руку под лозунгами «разрушим все до основания», «все должно быть наоборот» выбрасываются за борт вместе с мнимыми и действительные ценности, вместе со злокачественными опухолями отсекаются и здоровые, добротные ткани живого организма.

Полагаю, что при абсолютной неизбежности перемен обвала можно было избежать, переведя энергию взрыва в режим ее регулируемого высвобождения. Это в основном зависело от позиции руководителей стран. Ведь их руки были развязаны, и ничто, кроме их собственного понимания происходившего, не препятствовало этому. Конечно, пересмотреть свои взгляды не так просто, но остается еще один выход – уйти, дав дорогу другим. Этого сделано не было, напротив, переменам оказывалось всяческое сопротивление – часто скрытое, но упорное и яростное. Тем самым руководители сами взвалили на себя весь груз исторической ответственности.

Что касается горбачевского руководства, то оно, открыв шлагбаум для назревших перемен, всеми своими действиями показывало приверженность глубоким демократическим преобразованиям и не обвально-разрушительными, а эволюционными мерами. В те годы нередко говорилось о революционном характере перемен, но при этом имелись в виду их глубина и масштабность, а не способ осуществления.

Избрав новый путь, мы никому его не навязывали, никому не говорили – следуйте за нами, делайте то, что мы делаем у себя. Наоборот, обращаясь к своим друзьям, мы постоянно подчеркивали, что отныне и навсегда не будем вмешиваться в их дела, не будем делать ничего такого, что бы ограничивало их свободу выбора. Куда вы пойдете – ваше дело, но знайте, что мы твердо встали на путь глубокого реформирования общества на гуманистических, демократических принципах. Если вы сочтете необходимым двигаться в том же направлении, давайте вместе думать и искать пути решения назревших проблем,

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org тем более что предшествующий период развития, в том числе и в рамках так называемой «мировой системы социализма», не только породил проблемы, но дал и многие позитивные результаты в развитии экономики и культуры наших стран, сближении наших народов и государств.

Горбачеву и его команде не удалось повлиять на развитие ряда братских стран так, чтобы отворотить обвальный вариант перемен. Да и нашей стране не удалось его избежать: после путча 1991 года и распада Союза обвал стал реальным фактором, хотя фатальной неизбежности в этом, на мой взгляд, не было.

И тут я хотел бы поделиться с читателем своими рассуждениями, которые долгое время не выходили у меня из головы и не давали покоя. Может быть, это позволит полнее и критичнее оценить нашу роль в событиях последних лет в Восточной Европе. В принципе крутое изменение нашей позиции, связанное с отказом от доктрины коллективной ответственности, признание того, что народы соцстран и их руководители сами и притом всецело отвечают за свои дела, было исторически оправданным и необходимым.

Но, с другой стороны, авторитарные режимы возникли и до поры до времени консервировались в странах Восточной Европы под нашим влиянием и нажимом. Могли ли мы оставаться вообще в стороне от процесса избавления от этих режимов, придерживаясь полного нейтралитета, или все-таки должны были способствовать внутренним переменам в социалистических странах? И если да, то каким образом? Были ли достаточными наши усилия в этом отношении?

В этом суть реального и очень глубокого противоречия, с которым мы постоянно сталкивались во взаимоотношениях с социалистическими странами. Что-то диктовать, на кого-то нажимать – значило бы отступать от нами же самими провозглашенных принципов, но наша ответственность (если не нас самих, то прошлых руководителей нашего государства) за то, куда мы завели «братские страны», диктовала необходимость активной позиции и активных действий.

С учетом принципа невмешательства поле для выбора образа действий тут, конечно, невелико, но оно все же было. Горбачев тяготел к одному краю этого поля, щепетильно придерживаясь новых принципов взаимоотношений между соцстранами, не идя ни на малейшие отступления. Жизнь же порой выдвигала такие проблемы, которые выходили из этих пределов или находились где-то на грани допустимого. В таких случаях тем, кто окружал Горбачева и помогал ему, приходилось брать ответственность на себя. Могу к этому добавить лишь одно: во всех подобных случаях для меня критерий был один – поддержка обновленческих, демократических процессов в соцстранах, придание им неформальных, но реалистичных, эволюционных форм.

Активная позиция советского руководства способствовала подвижкам в таком сложнейшем и болезненном вопросе, как смена руководства в ряде стран. Правда, положительное решение его оказалось в Чехословакии и Венгрии неадекватным. А вот в ГДР и Болгарии оно недопустимо затянулось, и тут возможности нашего влияния в рамках равноправных товарищеских отношений, по-видимому, не были использованы. Что касается Румынии, то здесь таких возможностей у нас просто не было.

Обозревая с высоты сегодняшнего дня все, что произошло, все, что предпринималось с нашей стороны, я прихожу к выводу, что, может быть, в этом смысле мы действовали подчас слишком осторожно и робко. Историческая ответственность, сознание необходимости перемен давали нам право более активно способствовать прогрессивным процессам. Возможно, это помогло бы в каких-то случаях смягчить остроту и разрушительность произошедших в этих странах событий, избежать многих бедствий и провалов.

При всем этом перемены в Восточной Европе имеют положительное сальдо, исторически прогрессивны. Возникшие трудности будут, безусловно, преодолены, ибо с пути всестороннего прогресса восточноевропейских стран были убраны искусственные преграды, открыты широкие перспективы развития в рамках мирового сообщества.

В свете сказанного представляется совершенно необоснованной и искусственной попытка объяснить события в Советском Союзе и Восточной Европе в логической схеме и терминах борьбы двух систем – капитализма и социализма.

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org Не могу согласиться с тем, что Горбачев, начиная преобразования, проявил безразличие к судьбам социализма и даже сознательно шел на развал «мировой системы социализма», на демонтаж этой системы в своей стране и в союзных странах. Это далеко от истины и не может быть подтверждено ни одним документом, ни одним выступлением Горбачева и его сподвижников.

Как свидетель и участник обсуждения этих вопросов не только в Политбюро, но и в узком окружении Горбачева, не говоря уже о его встречах с руководителями соцстран, могу утверждать, что побудительные мотивы перестройки диктовались одним: придать социализму второе дыхание и необходимую динамику, избавив его от административно-командных извращений, облечь в современные демократические формы и тем самым полнее раскрыть его потенциал. При этом по сложившейся традиции под социализмом на начальном этапе перестройки понималась модель общества, реально существовавшего в Советском Союзе и примыкавших к нему странах. В ходе дальнейших событий, однако, обнаружилось, что из старой системы многого не выжмешь, ибо совершенствованию она не поддается, что экономические отношения и политические институты страны нуждаются в коренном изменении.

Но в то же время становилось все яснее – то, что у нас считалось ранее социализмом, вовсе таковым не является. Это административно-командный строй, лишь имитирующий социалистические ценности или паразитирующий на них. Именно он завел нас в глубочайший кризис и подлежит демонтажу, постепенной замене новыми современными формами организации общественной жизни.

В связи с этим был поставлен вопрос о выработке нового видения социализма, основанного на некоторых достаточно общих постулатах социалистической мысли, историческом опыте, а главное – анализе современных тенденций общественного развития. Родилась концепция гуманного, демократического социализма.

Социализм стал все более представлять не как законченное, застывшее состояние общества, а как реальное движение к гуманизации, социальной справедливости, правам и свободам человека, социальным гарантиям, демократическому контролю за различными сферами общественной жизни. Стало ясно, что социалистические тенденции и принципы не могут претендовать на абсолютное значение и исключительность. Напротив, их жизненность определяется тем, насколько они сопрягаются с общечеловеческими ценностями.

В связи с этим возникла необходимость в более общих подходах к теории современного общественного развития.

Что же дальше?

Несомненно, бывшие страны «мирового социализма» вступили в некий переходный период, который, по-видимому, будет довольно продолжительным. От чего они уходят теперь, достаточно ясно – от антидемократической, по сути дела тоталитарной системы, которая лишь камуфлировалась под социализм, а по существу мало общего имела с ним.

Более сложная проблема – какова направленность этого перехода, к чему он ведет? Она требует обстоятельного обсуждения. Поверхностные суждения, скороспелые выводы, основанные на традиционных представлениях в привычной системе координат, делу не помогут, а могут лишь завести в ловушку.

Такая опасность, на мой взгляд, заключена в, казалось бы, простом и бесхитростном рецепте – реставрировать капитализм. Предлагают России вернуться к 1917-му, а странам Восточной Европы – к 1945 году, мотивируя это тем, что сделанный в то время в наших странах ошибочный выбор сбил их с истинного пути развития и завел в тупик. Но как бы то ни было, с того времени в наших странах произошли глубочайшие и, как правило, необратимые перемены. Отнюдь не все из них имеют негативный смысл. Не учитывать их было бы верхом авантюризма и субъективизма.

Дело, однако, не только в этом. Формула реставрации капитализма весьма уязвима и в том случае, если имеется в виду насаждение в наших странах заимствованных на Западе современных политических и экономических институтов. отождествление западных стран с капитализмом становится все менее корректным, ибо в них все отчетливее, хотя и в разной степени, проявляются некапиталистические тенденции, связанные с общечеловеческим

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org прогрессом, с заметными включениями элементов социализации. Весьма важно, что этот процесс глубоких и быстрых перемен, охвативших все стороны общественной жизни на Западе, далек от завершения, находится, по-видимому, в самом начале. И можно легко оказаться в положении пассажира, который спешит на станцию, чтобы сесть на поезд, но прибывает на нее тогда, когда поезд ушел далеко вперед.

Кризис прежних социальных идеалов породил попытку в будущем найти ориентиры общественного развития в национальных традициях, этнокультурных ценностях и менталитете. Они стали выходить на первый план в некоторых проектах экономических и политических реформ.

Безусловно, национальные и конкретно-исторические моменты очень важны. В их недооценке состоял один из коренных пороков прежней социальной доктрины марксизма. Однако выстроить перспективу общественного развития только из «национального» материала, в отрыве от общечеловеческого прогресса просто невозможно. А преувеличение национального момента в общественной ориентации чревато серьезными опасностями.

Ко всему этому можно добавить, что среди значительной части обществоведов, особенно среди научной молодежи, возникли сильные негативистские настроения в отношении любых концепций, теорий, моделей общества, призывы к тому, чтобы руководствоваться лишь здравым смыслом.

Убежден, что это временное явление. Его можно понять и объяснить как реакцию на крушение прежних искусственно идеологизированных представлений и самой методологии социального познания. Как говорят, «обжегшись на молоке, дуют и на воду». Без ценностной ориентации, без социального проектирования невозможно или во всяком случае очень затруднено реформирование общества. Социальные ориентиры имеют и самостоятельную ценность как важный компонент духовной жизни общества, его культуры.

Другое дело, что социальное проектирование должно быть строго научным, гибким, разновариантным, перенастраиваемым. Ему противопоказано создание неких жестких моделей, основанных на априорных идеологических представлениях, догмах и стереотипах. Оно не должно противопоставляться и здравому смыслу, хотя за призывами следовать ему часто скрывается желание навязать обществу не только отказ от одной концепции, но и принятие другой.

Думается, что осмысление направленности, перспектив и ориентиров развития посттоталитарных стран может принести успех, если оно опирается на анализ того глубокого и масштабного поворота в развитии человечества конца XX столетия, с которого начинается становление новой цивилизации.

Все мировое сообщество охвачено переменами. Они касаются всех – Запада и Востока, Севера и Юга, того, что мы привыкли раньше называть капитализмом и социализмом и что уже сегодня не укладывается в прокрустово ложе подобных определений.

В западной общественной мысли эти перемены начали осознаваться еще несколько десятилетий назад, когда заметно усилилось внимание к современной научно-технической революции и ее социальным последствиям. В результате появились теории «постиндустриального», «технотронного», «информационного» обществ. Официальное советское обществоведение в 60-70-е годы «петушилось» и пыталось отмахнуться от появившихся на Западе концепций, в которых пока в неявных формах уже присутствовала идея новой цивилизации. Они были заклеены как буржуазная апологетика. Но даже в то время многие советские ученые серьезно отнеслись к изучению современной НТР, а в перестроечный период, когда расширились возможности для объективных научных изысканий, диалог с нашими западными партнерами по этим вопросам приобрел конструктивный характер.

Сейчас вывод о постепенном вызревании новой цивилизации завоевывает все большее признание. Для любого непредвзятого взгляда ясно, что мир втягивается в некое новое состояние, которое невозможно описать в традиционных терминах капитализма и социализма.

К числу явных признаков глубочайшего поворота в развитии человечества можно было бы отнести следующие.

– Общество входит в постиндустриальную эпоху, когда «техногенная» модель

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org общества сменяется «гомо-техногенной». Человек становится подлинной самоценностью, целью и критерием общественного прогресса. Решающая роль в нем переходит к науке, знаниям, образованию, культуре – информации в самом широком смысле, а сфера традиционно понимаемого материального производства начинает сокращаться.

– формируется социально ориентированная и регулируемая рыночная экономика, основанная на разнообразных и гибких формах собственности и хозяйствования с учетом особенностей различных сфер экономики, регионов, этнокультурных традиций и способная обеспечить высшую социально- экономическую эффективность и динамизм.

– Происходят серьезнейшие подвижки в социальной структуре общества, размывание классовых граней и спад классового противостояния, создается, в первую очередь в развитых странах, система социальной защиты и социального партнерства.

– Наступает коренное изменение во взаимодействии между обществом и природой, многократное увеличение производственной, бытовой и рекреационной нагрузки на природную среду, при которых естественные процессы уже не обеспечивают ее сохранение. Встает со всей остротой необходимость перехода от неупорядоченного, хаотического использования природной среды к гармонизации взаимодействия человека и природы.

– Все более берет верх тенденция к демократизации общественной жизни, преодолеваются политическое отчуждение и несправедливость людей, признается приоритет прав и свобод человека, идет отход от тоталитарных режимов, которые становятся исключением и оттесняются в страны «третьего мира». Распадаются искусственные многонациональные конгломераты, происходит порой, правда в крайне противоречивых формах, демократическое обновление межнациональных отношений.

– Создаются условия для коренной перестройки всей сферы международных отношений, перехода от конфронтации к осознанной необходимости всестороннего сотрудничества народов и государств, к созданию безопасного мира, системы международных организаций и структур – политических, экономических, экологических, гуманитарных. Реальность движения по этому пути подтверждается беспрецедентным для истории почти полувековым периодом без войн между крупными державами, практическим началом процесса ядерного разоружения.

Это, конечно, лишь схематичный набор отдельных штрихов. Требуется общее осмысление происходящих в мире перемен, в том числе и с учетом того факта, что новая цивилизация несет с собой не только величайшие надежды, но и многочисленные угрозы и вызовы человечеству. Не случайно появление двух версий в истолковании современных глобальных процессов. В одной из них преобладает оптимизм, иногда переходящий даже в эйфорию, а в другой – тревога и пессимизм. Думаю, что эти подходы не просто плод субъективных мироощущений и теоретических увлечений, а отражают реальные противоречия формирования новой цивилизации.

Это не сверкающий храм на зеленом холме. Нельзя повторять ошибку прошлого – рисовать красивую картину, исходя из каких-то априорных суждений, строить модель, а затем пытаться подчинить реальное развитие продвижению к этой цели.

Можно предположить, насколько богатой, многокрасочной и динамичной будет цивилизация XXI века, какими разнообразными путями пойдет к ней человечество, насколько терпимым и восприимчивым будет мировое сообщество к различным национальным моделям, формам жизни и мышления, социальным системам, религиям и т. д.

Процесс становления новой цивилизации превращается в доминанту современного общественного развития. В его русле лежит основное направление прогресса человечества, но оно рождает и новые вызовы, которые встают перед ним. Над этими проблемами, а не над дилеммой «капитализм – социализм» бьется ныне социальная мысль.

Думаю, в общем контексте становления новой цивилизации было бы правильно и продуктивно рассматривать и коренные перемены в бывшем Советском Союзе и странах Восточной Европы.

Конечно, этим странам предстоит проделать серьезную эволюцию, пройти большой путь для полного приобщения к современной научно-технической революции, сформировать демократическую систему институтов и структур экономической, социальной и политической жизни, чему препятствовала ранее командно-административная система.

Вхождение в зарождающуюся новую цивилизацию открывает для всех стран неограниченные возможности использования мирового опыта, выбора форм общественной жизни, адекватных современным условиям.

На пути к новой цивилизации наши страны могут опереться на выработанные многовековым развитием человечества механизмы демократии, обеспечения прав и свобод человека, рыночные структуры и инструменты экономики, не говоря уж о культурных и духовно-нравственных ценностях.

Они могут взять и наиболее ценные качества тех или иных социальных систем. От капитализма – экономическую свободу и конкуренцию, стимулирование инициативы и предприимчивости человека, раскрытие его индивидуальности, у социализма – коллективизм, социальные гарантии, общественный контроль за наиболее важными системами жизнеобеспечения общества.

И конечно же, каждая страна располагает собственным потенциалом, национальными особенностями и традициями, своим менталитетом. Без них будущее народов просто немыслимо и, напротив, именно благодаря им каждая страна вносит свой неповторимый вклад в общую цивилизацию.

Изложенные выше соображения рисуют одну из возможных перспектив для стран Восточной Европы, с нашей точки зрения, реальную, желательную и главное – соответствующую глубинным тенденциям мирового развития. Но нельзя исключать и другие варианты. Это зависит от всей совокупности внутренних и международных факторов и, конечно же, от соотношения общественно-политических сил в данной стране.

Постсоциалистические страны в меняющейся модели мира

Не менее животрепещущ вопрос о будущей роли стран Восточной Европы в системе геополитических отношений.

Результатом перемен в бывшем Советском Союзе и в странах Восточной Европы стал распад советского военно-политического блока. Не существует больше внешнее кольцо блока, представленное странами Варшавского пакта. Внутреннее кольцо в виде прежних республик Союза, а теперь самостоятельных государств, вошедших в СНГ или не вошедших в него, разорвано. Да и сам стержень в лице России стал другим. Нет и довольно мощной в прошлом экономической группировки стран – членов СЭВ.

Все это потрясло сложившуюся в послевоенные годы систему геополитических отношений, вывело ее из состояния относительного равновесия, перевело в некое переходное состояние с высокой степенью неустойчивости, подвижности, с возможностью различных вариантов дальнейшего развития. Ясно одно: прежняя двухполюсная модель мира, в которой положение стран Восточной Европы определялось их вхождением в советский блок, ушла в прошлое.

Распад Советского Союза и всего советского блока, глубокий и, по всей видимости, продолжительный кризис России, естественно, привели к усилению роли Соединенных Штатов. Казалось бы, отпало главное препятствие для абсолютного доминирования этой сверхдержавы в мировых делах, перехода к однополюсной модели мира.

Но такое понимание происходящих в мире процессов было бы довольно упрощенным. Набирают силу и другие тенденции. Прежнее противоборство двух держав стимулировало в западном мире центристские тенденции, приглушало, отодвигало на задний план взаимоотношения в нем самом. Теперь эти процессы будут приобретать все большее значение.

Можно с уверенностью предположить, что в мирохозяйственных и мирополитических связях будет все сильнее сказываться усиление других регионов и центров тяготения. Это прежде всего Европа, где обстановка изменилась коренным образом с переменами в ее восточной части и с объединением Германии, претендующей на первую роль в этом регионе.

Это – Дальний Восток с преобладающим влиянием Японии. Это – Азиатский континент с двумя динамично развивающимися великими державами – Китаем и Индией. Это – Латинская Америка с быстро набирающими силу Бразилией, Мексикой, Аргентиной.

Таким образом, объективные процессы идут в направлении скорее не моно-, а полицентризма. Это соответствует и интересам подавляющего большинства населения Земли в развитых и в особенности в развивающихся странах, позволяет полнее осуществить демократические принципы новой цивилизации и ненасильственного мира.

Думается, что в числе основных центров тяготения в мире останется и Россия, с которой тесно связаны новые независимые государства бывшего Союза и ряд других соседних стран.

Пока в процессах, развернувшихся на огромных пространствах бывшего Союза, верх одерживали центробежные силы. Это в первую очередь объясняется тем, что Россия, как стержень бывшего Союза, на какой-то период времени утратила притягательную силу из-за своего технологического и экономического отставания. Сказались, конечно, и перекосы в национальной политике, тенденции унитаризма в рамках прежнего Союза, недооценка и даже игнорирование национальных интересов. Раскрутке центробежных тенденций во многом способствовала разгоревшаяся борьба за власть.

Но эти факторы носят преходящий характер. Им противостоит накопленный веками и десятилетиями потенциал теснейших связей между нашими народами. В перспективе, безусловно, будут усиливаться интеграционные тенденции. Все будет зависеть от выхода России из кризиса и обретения ею динамизма в научно-техническом и экономическом прогрессе, ее продвижения по пути демократического обновления.

Роль стран Восточной Европы в системе геополитических отношений и мирохозяйственных связей меняется сейчас главным образом под действием притягательной силы Запада. Здесь сказываются и вполне понятное желание восстановить связи с Западом, искусственно прерванные в годы противостояния двух блоков, и реакция на навязанную этим странам одностороннюю ориентацию на Восток, и крушение надежд на технологический рывок с помощью «социалистической интеграции».

Обращает на себя внимание также растущее влияние на южный фланг Восточной Европы со стороны мусульманского мира, и прежде всего Турции.

Можно предположить, что в будущем отношения Восточной Европы с Западом и Востоком приобретут сбалансированный характер с учетом исторических традиций, оправдавшего себя потенциала экономического сотрудничества, общности проблем посттоталитарного развития наших стран, да и степени готовности Запада пойти на широкомасштабное сотрудничество с ними.

К сожалению, в отношениях России с восточноевропейскими странами допущен серьезный спад. Это относится в первую очередь к торгово-экономическим связям, объем которых сократился в несколько раз. Но и политический диалог идет вяло. В российской внешней политике ее восточноевропейские соседи из приоритетных партнеров превратились во второстепенных собеседников. Речь идет не о навязывании им каких-то особых отношений, а о реализации естественных интересов и потребностей, игнорирование которых наносит огромный ущерб всем сторонам.

Впрочем, связи стран Восточной Европы с Западом и Востоком не следовало бы противопоставлять друг другу, рассматривая Восточную Европу как арену столкновения интересов. Напротив, эти страны могли бы стать одним из связующих звеньев между Западной Европой и Россией как евроазиатской державой.

Новым смыслом наполняется и проект создания общего европейского дома. С одной стороны, после перемен в СССР и Восточной Европе он становится более реалистичным: исчезают политическая и экономическая несовместимость, несовпадение законодательных норм по правам и свободам личности на Востоке и Западе, снят антагонизм политических и экономических группировок и т. д. Но одновременно возникли и новые препятствия: экономический хаос и политическая нестабильность в ряде государств и, конечно же, вооруженные

Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org конфликты на почве межнациональных отношений. Новые вспышки противоречий возникают и между западноевропейскими странами по вопросам экономической и политической интеграции. Без разрешения этих проблем общеевропейский процесс может стать благим желанием, прекрасноречивой фразой. И тут требуются немалые усилия от всех заинтересованных сторон.

Создание общего европейского дома было бы нереалистично мыслить, по крайней мере на ближайший обозримый период, как просто вступление России и других восточноевропейских стран в существующие европейские экономические и политические группировки. Такая постановка вопроса вызывает непонимание и даже отторжение в Западной Европе. С ее стороны проявляется интерес к сырьевым ресурсам наших стран, отчасти их кадрам и научно-техническим достижениям, одновременно складывается впечатление, что там не хотят идти на серьезные послабления в движении капиталов, товаров и особенно рабочей силы. По-видимому, сыграл свою роль драматический опыт интегрирования бывшей ГДР в объединенную Германию.

Осторожное, сдержанное отношение Запада к вхождению восточноевропейских стран в Европейское сообщество дало основание многим наблюдателям и исследователям говорить о новом «железном занавесе», который на сей раз опускается Западом.

Трудным оказался путь к единому европейскому дому... Хотя, конечно, все это не на веки вечные – ситуация не может не меняться.

По-видимому, в течение известного периода формирование предпосылок для создания единого европейского дома пойдет в рамках трех, пусть весьма неоднозначных, но специфичных его регионов – западном, восточном и российско-эсэнгэвском. Одновременно будет происходить их постепенное сближение и соединение единым экономическим, научно-техническим, культурным, а в более отдаленной перспективе – и политическим пространством. Скорость движения по этому пути во многом будет зависеть от выхода России и Восточной Европы из кризиса и обретения ими современного политического и социально-экономического облика.

* * *

Так все же – кто выиграл и кто проиграл от перемен в Восточной Европе? Как их оценить с точки зрения общественного прогресса?

Отвечая на эти вопросы, надо иметь в виду не искусственно сконструированные на идеологических догмах, а реальные интересы народов и государств. Точно так же и критерии общественного прогресса должны черпаться не из прежних представлений о борьбе капитализма и социализма как основном содержании современного общественного развития, а из начавшегося фундаментального процесса становления новой цивилизации.

Прежде всего выиграла сама народы стран Восточной Европы, освободившись от тоталитарных режимов, обретя полную свободу, суверенитет, получив возможность выбора путей своего развития, самостоятельной внутренней и внешней политики.

Безусловно, выиграл и Запад. Западная Европа избавилась от нависавшего над ней бронированного кулака Варшавского пакта. Возникла реальная перспектива перестройки европейских отношений на основе добрососедства и сотрудничества.

Выиграло мировое сообщество в целом. Уменьшилась угроза глобального столкновения двух военно-политических блоков, расширились возможности демократизации и гуманизации всей системы международных отношений, ликвидации очагов международной напряженности, налаживания нормальных отношений между народами и государствами, строящихся не на идеологических догмах, а на учете действительных интересов народов и государств.

А что принесли перемены в Восточной Европе для СССР и его преемницы России, а также других государств на территории бывшего СССР? Критики советской реформации внутри страны и за ее пределами усматривают в них только негатив – утрату нашего влияния в жизненно важном регионе, ослабление военно-политических позиций СССР, а затем и России, экономические потери, не говоря уж об ущербе для «дела социализма» и т. д.

Нетрудно видеть, что эти утверждения исходят из устаревших представлений о современном мире. Да, если бы осью мировых событий оставалось противоборство двух блоков и двух сверхдержав, тогда окончание политического и военного присутствия в странах Восточной Европы было бы на пользу только противоположному блоку. Но в связи с переходом от конфронтации к сотрудничеству с Западом, начатым, кстати, по нашей инициативе, ситуация кардинально меняется.

Распад. Как он называл в «мировой системе социализма». Вадим Андреевич Медведев filosoff.org
В политическом плане СССР, а затем и Россия ничего не потеряли, избавившись от роли опекуна восточноевропейских стран, вершителя их судеб, от ответственности за то, что в них происходит, получив возможность строить с ними отношения на основе реальных интересов и потребностей. Содержание крупных военных группировок за пределами государственных границ утрачивает смысл. Россия получает возможность за счет вывода войск из-за рубежа существенно уменьшить огромное бремя военных расходов. Существенный урон, как уже говорилось, понесли экономические связи стран Восточной Европы с Россией, другими государствами – бывшими республиками СССР. Но резкое сокращение экономических связей порождено отнюдь не социально-политическими переменами в Восточной Европе, а совсем другими факторами и не в последнюю очередь ошибками в экономической политике. Такого провала можно и нужно было не допустить, а уж коль скоро он произошел, побыстрее его преодолеть в интересах всех сторон. А есть ли действительно проигравшие? Да, есть. Это силы, связавшие себя с конфронтацией, идеологическим, политическим и военным противостоянием, с сохранением авторитарных режимов, всего того, что отторгается современным обществом и уходит в прошлое. Не секрет, что перемены в восточноевропейских странах породили немало отрицательных эмоций и у многих честных людей, искренне веривших в необходимость тесного единения стран Восточной Европы и Советского Союза, совместного движения по социалистическому пути. Для многих из них эти перемены явились настоящим психологическим шоком. Эти чувства понять можно, но трагедии здесь нет. Напротив, если рассмотреть происходящее в более широком историческом аспекте, в контексте глобальных процессов современного мирового развития, то нельзя не признать, что, несмотря на все издержки, потери, перемены в Восточной Европе идут в русле прогрессивного развития человечества, открывают им путь к новой цивилизации – цивилизации XXI века.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!